S 44/252
т. 2
ксерокопия

Не копировать

Ч 44
252

В. РОЗАНОВЪ

ОПАВШІЕ ЛИСТЬЯ

КОРОБЪ ВТОРОЙ И ПОСЛѢДНІЙ

ПЕТРОГРАДЪ

[redacted]

S 44/252

Ф 1-78/15738

Опавшіе Листья.

В. Розановъ.

Коробъ 2-й. ПЕТРОГРАДЪ
1915

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

ФР 33-5601
керосинка

2007041720

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Эртелевъ, 13

Чѣмъ старье дерево, тѣмъ больше падаетъ съ него листьевъ. Завѣщаю по «†» моей перепечатывать всѣ аналогичныя и продолжающія «Уедин.» и «Опав. листья» книги въ томъ непремѣнно видѣ, какъ напечатаны онѣ (т. е. съ новой страницы каждый новый текстъ), я, въ цѣляхъ компактности и, слѣд., ускоренія печатанія «павшихъ листовъ», отступаю отъ прежней формы, съ крайнимъ удрученіемъ духа.

«Опав. листья» изд. 1913 г. представляютъ 1/3 *или* 1/3 *того, что записалось за 1912 г., причемъ печатались они въ такомъ состояніи духа, что я ихъ почти не приводилъ въ порядокъ хронологически. Такъ, все помѣченное* **«Клиника Елены Павловны»**—*относится къ* **октябрю, ноябрю и декабрю мѣсяцамъ**, — *и должно быть отнесено въ конецъ изданія за этотъ годъ. Вообще же печатающееся нынѣ должно быть какъ-бы «стасовано» («тасуемъ карты») съ изданнымъ въ 1913 году,—листокъ за листомъ, — и, во всякомъ случаѣ, не въ томъ порядкѣ и видѣ, какъ было издано въ 1913 г.*

Во 2-мъ коробѣ листы лежатъ въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, насколько его можно было возстановить по помѣткамъ и по памяти.

Самая почва «нашего времени» испорчена, отравлена. И всякій дурной корень она жадно хватаетъ и произращаетъ изъ него обильнѣйшіе плоды. А добрый корень умерщвляетъ.

(смотря на портретъ Страхова: почему изъ «сочиненій Страхова» ничего не вышло, а изъ «сочиненій Михайловскаго» вышли школьные учителя, Тверское земство и множество добросовѣстно работающихъ, а частью только болтающихъ, лекарей).

Страшная пустота жизни. О, какъ она ужасна...

Теперь въ новыхъ печкахъ повернулъ ручку въ одну сторону — труба открыта, повернулъ въ другую сторону — труба закрыта.

Это не благочестиво. Потому что нѣтъ разума и заботы.

Прежде, возьмешь маленькую вьюшку— и надо ее не склонить ни вправо, ни влѣво— и она ляжетъ разомъ и пріятно. Потомъ большую вьюшку,—и она покроетъ ее, какъ шапка.

Это правильно.

Разъ я видѣлъ новое жнитво: не мужикъ, а рабочій сидѣлъ въ чемъ-то, ни— телѣга, ни — другое что̀, ее тянула пара лошадей; колымага колыхалась, и мужикъ въ ней колыхался. А справа и слѣва отъ колымаги, какъ клешни, вскидывались кверху не то ко́сы, не то грабли. И дѣлали дѣло, не спорю — за двѣнадцать дѣвушекъ. Только̀ дѣвушки-то эти теперь сидѣли съ молодцами за лѣскомъ и финтили. И сколько имъ ни наработаетъ рабочій съ клешнями, онѣ все профинтятъ.

Выйдутъ замужъ — и профинтятъ мужнее.

Мужъ, видя, что жена финтитъ — завелъ себѣ на сторонѣ «зазнобушку».

И повалилось хозяйство.

И повалилась деревня.

А когда деревни повалились—зачернѣлъ и городъ.

Потому что не стало головы, разума и Бога.

Несутъ письма, какіе-то теософическіе журналы (не выписываю). Какое-то «Таро»... Куда это? зачѣмъ мнѣ?

«Прочти и загляни».

Да почему я долженъ во всѣхъ васъ заглядывать?

То знаніе цѣнно, которое острой иголкой прочертило по душѣ. Вялыя знанія — безцѣнны.

(на поданной почтовой квитанціи).

Съ выпученными глазами и облизывающійся—вотъ *я*.

Некрасиво?

Что̀ дѣлать.

...иногда кажется, что̀ во мнѣ происходитъ разложеніе литературы, самаго *существа ея*. И, можетъ быть, это есть мое міровое «emploi». Тутъ и моя (особая) мораль, и имморальность. И вообще мои дефекты и качества. Иначе, нельзя понять. Я ввелъ въ литературу самое мелочное, мимолетное, невидимыя движенія души, паутинки быта. Но вообразить, что это было возможно потому, что «я захотѣлъ», никакъ нельзя. Сущность гораздо глубже, гораздо лучше, но и гораздо страшнѣе (для меня): безгранично страшно и грустно. Конечно, не бывало еще примѣра, и повтореніе его немыслимо въ мірозданіи, чтобы въ тотъ самый мигъ, какъ слезы текутъ, и душа разрывается—я почувствовалъ не опибающимся ухомъ слушателя, что онѣ те-

кутъ литературно, музыкально, «хоть записывай»: и вѣдь только потому я записывалъ («Уединенное»,—дѣвочка на вокзалѣ, вентиляторъ). Это такъ чудовищно, что Неронъ бы позавидовалъ; и «простимо» лишь потому, что фатумъ. Да и простимо-ли?.. Но оставимъ грѣхи; такимъ образомъ явно во мнѣ есть какое-то завершеніе литературы; литературности; ея существа,—какъ потребности отразить и выразить. Больше что-же еще выражать? Паутины, вздохи, *послѣднее уловимое.* О, фантазировать, творить еще можно: но вѣдь суть литературы не въ *вымыслѣ-же*, а въ потребности *сказать сердце.* И вотъ съ этой точки я кончаю и кончилъ. И у меня мелькаетъ странное чувство, что я *послѣдній* писатель, съ которымъ литература вообще прекратится, кромѣ хлама, который тоже прекратится скоро. Люди станутъ просто *жить*, считая смѣшнымъ и ненужнымъ, и отвратительнымъ литераторствовать. Отъ этого, можетъ быть, у меня и сознаніе какого-то «послѣдняго несчастія», сливающагося въ моемъ чувствѣ съ «я». «Я» это ужасно, гадко, огромно, трагично послѣдней трагедіей: ибо въ немъ какъ-то діалектически «разломилось и исчезло» колоссальное тысячилѣтнее «я» литературы.

— Фу, гадъ! Исчезни и пропади!

Это частóе мое чувство. И какъ тяжело съ нимъ жить.

(дожидаясь очереди пройти исповѣдываться). (1-ая гимназія).

Какіе добрые бываютъ (иногда) попы. Иванъ Павлинычъ взялъ подъ мышку мою голову, и, дотронувшись пальцемъ до лба, сказалъ:—«Да и что̀ мы можемъ знать *съ нашей черепушкой*»? (мозгомъ, разумомъ, черепомъ). Я ему сказалъ разные экивоки и «сомнѣнія» за го̀ды Рел.-фил. собраній. И такъ сладко было у него поцѣловать руку. Исповѣдывалъ кратко. Ждутъ. Служба и доходы. Такъ «бытъ» мѣшается съ небеснымъ глаголомъ,—и не забывай о бытѣ, слушая глаголъ, а, смотря на бытъ, вспомни, что ты, однако, слышалъ и глаголы. Но Слободской—глубоко безкорыстенъ. Спасибо ему. Милый. Милый и умный (очень).

Есть люди, которые рождаются «ладно», и которые рождаются «не ладно».

Я рожденъ «не ладно»: и отъ этого такая странная, колючая біографія, но довольно любопытная.

«Не ладно» рожденный человѣкъ всегда чувствуетъ себя «не въ своемъ мѣстѣ»: вотъ, именно, какъ я всегда чувствовалъ себя.

Противоположность—бабушка (А. А. Руднева). И ея благородная жизнь. Вотъ кто родился... «ладно». И въ бѣдности, ничтожествѣ положенія — какой непрерывный *свѣтъ* отъ нея. И польза. Отъ меня, я думаю, никакой «пользы». Отъ меня—«смута».

Я могъ-бы наполнить багровыми клубами дыма міръ... Но не хочу.

[*«Люди лунаго свѣта» (если-бы настаивать); 22 марта 1912 г.*].

И сгорѣло-бы все... Но не хочу.

Пусть моя могилка будетъ тиха и «въ сторонкѣ».

(*«Люди лун. св.», тогда-же*).

Работа и страданіе—вотъ вся моя жизнь. И утѣшеніемъ — что я видѣлъ заботу «друга» около себя.

Нѣтъ: что я видѣлъ «друга» въ самомъ себѣ. «Портретное» превосходило «работное». Она еще болѣе меня страдала и еще больше работала.

Когда рука уже висѣла,—въ гнѣвѣ на недвижность (весна 1912 года), она остановясь среди комнаты—нѣсколько разъ взмахнула обѣими руками: правая дѣлала полный оборотъ, а лѣвая—поднималась только на небольшую дугу, и со слезами стала выкрикивать, какъ-бы топая на больную руку:

— Работай! Работай! Работай! Работай!

У ней было все лицо въ слезахъ. Я замеръ. И въ восторгѣ, и въ жалости.

(*лѣвая рука имѣетъ жизнь только въ плечѣ и локтѣ*).

«Ты тронь *кожу* его», — искушалъ Сатана Господа объ Іовѣ...

Эта «кожа» есть у всякаго, у всѣхъ, но только она не одинаковая. У писателей, такихъ великодушныхъ и готовыхъ «умереть за человѣка» (человѣчество), вы попробуйте задѣть ихъ *авторство*, сказавъ: «*плохо пишете*, господа, и *скучно* васъ читать»,—и они съ васъ кожу сдерутъ. Филантропы, кажется, очень не любятъ «*отчета* о деньгахъ». Что касается «духовнаго лица», то оно, конечно, «все въ благодати»: но вы затроньте его со стороны «рубля» и наградъ—къ празднику—«палицей», крестомъ или камилавкой: и «лицо» начнетъ такъ ругаться, какъ-бы русскіе никогда не были крещены при Владимірѣ...

(получивъ письмо попа Альбова).

Ну, а у тебя, Вас. Вас., гдѣ «кожа»?

Сейчасъ не приходитъ на умъ, но, конечно — *есть*.

Поразительно, что у «друга» и Устьинскаго нѣтъ «кожи». У «друга» — навѣрное, у Устьинскаго—кажется, навѣрное. Я никогда не видѣлъ «друга» оскорбившимся *и въ отвѣтъ разгнѣваннымъ* (въ этомъ все дѣло, объ этомъ Сатана и говорилъ). Восхитительное въ немъ—полная и спокойная

гордость, молчаливая, и которая ни разу не сжалась-ъ и, разогнувшись пружиной, ответила-бы ударомъ (въ *этомъ* дѣло). Когда ее тѣснятъ — она посторонится; когда нагло смотрятъ на нее — она отходитъ въ сторону, отступаетъ. Она никогда не поспорила, «кому сойти съ тротуара», кому стать «на коврикъ», — всегда и первая уступая каждому, до зова, до спора. Но вотъ прелесть: когда она отступала — она всегда была царицею, а кто «вступалъ на коврикъ» — былъ и *казался* въ этотъ мигъ «такъ себѣ». Кто училъ?

Врожденное.

Прелесть манеръ и поведенія — всегда врожденное. Этому нельзя научить и выучиться. «Въ моей походкѣ — душа». Къ сожалѣнію, у меня, кажется, преотвратительная походка.

Цензоръ только тогда начинаетъ «понимать», когда его Краевскій съ Некрасовымъ кормятъ обѣдомъ. Тогда у него начинается пищевареніе, и онъ догадывается, что «Щедрина надо пропустить».

Одинъ 40-ка лѣтъ сказалъ мнѣ (57 л.):—«Мы понимаемъ *все, что и вы*».—Да, у нихъ «дипломъ отъ Скабичевскаго» (кончилъ университетъ). Что-же я скажу ему?—«Да, я тоже учился только въ университетѣ, и дальше некуда было пойти». Но печальна была-бы образованность, если-бы дальше насъ и цензорамъ некуда было «ходить».

Они грубы, глупы и толстокожи. Ничего не подѣлаешь.

Изъ цензоровъ былъ *литературенъ* одинъ—Мих. П. Соловьевъ. Но на него заорали Щедрины: «Онъ насъ не пропускаетъ! Онъ консерваторъ». Для всей печати «въ цензора» желателенъ одинъ Балалайкинъ, человѣкъ ловкій, обходительный и либеральный. Ужъ при немъ-то литература процвѣтетъ.

(арестовали «Уедин.» по распоряженію петроградск. цензуры).

Почему я *издалъ* «Уедин.»?

Нужно.

Тамъ были и побочныя цѣли (главная и *ясная*—соединеніе съ «другомъ»). Но и еще, сверхъ этого, слѣпое, неодолимое

НУЖНО.

Точно потянуло чѣмъ-то, когда я почти автоматично началъ нумеровать листочки и отправилъ въ типографію.

Да, «эготизмъ»: но чего это стоило!

Отсюда и «Уед.» какъ попытка выйти изъ-за ужасной «занавѣски», изъ-за которой не то чтобы я не хотѣлъ, но не *могъ* выйти...

Это не физическая стѣна, а духовная,—о, какъ страшнѣй физической.

Отсюда-же и привязанность или, вѣрнѣе, какая-то таинственная *зависимость* моя отъ «друга»... Въ которой *одной* я сыскалъ что-то *нужное* мнѣ... Тогда какъ суть «стѣны»

заключается въ «не нуженъ *я*» —«не нужно *мнѣ*»... Вотъ это «не нужно» до того ужасно, плачевно, рыдательно, это такая метафизическая пустота, въ которой невозможно жить: гдѣ, какъ въ углекислотѣ, «все задыхается».

И, между тѣмъ, во мнѣ есть «дыханье». «Другъ» и далъ мнѣ возможность дыханья А «Уед.» есть усиліе расширить дыханіе, и прорваться къ люд., кот. я искренне и глубоко люблю.

Люблю, а не чувствую. Ловлю—но воздухъ. И какъ будто хочу сказать слово, а пустота не отражаетъ звука.

Вѣдь я никогда не умѣлъ себѣ представить читателя (совѣтъ Страхова). Зналъ—читаютъ. И какъ будто не читаютъ. И «не читаютъ», «не читаетъ ни одинъ человѣкъ» — живѣе и дѣйствительнѣе, чѣмъ что читаютъ многіе.

И тороплюсь издавать. Считаю деньги. Значитъ *знаю*, что «читаютъ»: но моментъ, что-то перестроилось передъ глазами, передъ мыслью, и—«не читаютъ» и «ничего вообще нѣтъ».

Какъ будто глазъ мой (духъ) на уровнѣ съ доской стола. И столъ —тоненькій листъ. Дрогнуло: и мнѣ открыто *подъ столомъ*— вовсе другое, нежели *на столѣ*. Зрѣніе пе-

ремѣстилось на миллиметръ. «На столѣ»— папа жизнь, «читаютъ», «хлопочу»; «подъ столомъ» — ничего вообще нѣтъ или совсѣмъ другой видъ.

Любить—значитъ «не могу безъ тебя быть», «мнѣ тяжело безъ тебя»; «вездѣ скучно, гдѣ не ты».

Это внѣшнее описаніе, но самое точное.

Любовь вовсе не огонь (часто опредѣляютъ), любовь—воздухъ. Безъ нея—нѣтъ дыханія, а при ней «дышится легко».

Вотъ и все.

Печальны и запутанны наши общественныя и историческія дѣла... Всегда передо мною гипсовая маска покойнаго нашего философа и критика, Н. Н. Страхова,— снятая съ него въ гробу. И когда я взглядываю на это лицо человѣка, прошедшаго въ жизни нашей какою-то тѣнью, а не реальностью, — только отт того одного, что

онъ не шумѣлъ, не кричалъ, не агитировалъ, не обличалъ, а сидѣлъ тихо и тихо писалъ книги, — у меня душа мутится...

Судьба Константина Леонтьева и Говорухи-Отрока...

Да и сколько такихъ. По-истинѣ, прогрессъ нашъ можетъ быть встрѣченъ словами: «morituri te salutant» — изъ устъ философовъ, поэтовъ, одиночекъ-мыслителей. «Прогрессъ нашъ» совершился при «непремѣнномъ требованіи», — какъ говорится въ полицейскихъ требованіяхъ и распоряженіяхъ, — чтобы были убраны «съ глазъ долой» всѣ люди съ задумчивостью, пытливостью, съ оглядкой на себя и обстоятельства.

Съ старой любовью къ старой родинѣ...

Боже! если бы стотысячная, пожалуй, даже милліонная толпа «читающихъ» теперь людей въ Россіи съ такимъ-же вниманіемъ, жаромъ, страстью прочитала и *продумала* изъ страницы въ страницу Толстого и Достоевскаго, — задумалась бы надъ каждымъ ихъ разсужденіемъ и каждымъ художественнымъ штрихомъ, — какъ это она сдѣлала съ *каждою страницею* Горькаго и Л. Андреева, то общество наше выросло-бы *уже теперь* въ страшно серьезную величину. Ибо даже безъ всякаго *школьнаго*

ученія, безъ знанія *географіи* и *исторіи*,— просто «передумать» только Толстого и Достоевскаго значитъ стать какъ-бы Сократомъ по уму, или Эпиктетомъ, или М. Аврелiемъ,—люди тоже не очень «знавшіе географію» и «не кончившіе курса въ гимназіи».

Вся Грецiя и Римъ питались только литературою: школъ, въ нашемъ смыслѣ, вовсе не было! И какъ возросли. Литература собственно есть *естественная школа* народа, и она можетъ быть *единственною* и *достаточною* школою... Но, конечно, при условіи, что весь народъ читаетъ *Войну и Миръ*, а *Мальву* и *Трое* Горькаго читаютъ только спеціалисты-любители.

И это *было*-бы, конечно, если бы критика, печать также «задыхались отъ волненія» при появленіи каждой новой главы «Карениной» и «Войны и Мира», какъ они буквально задыхались и продолжаютъ задыхаться при появленіи каждой «вещи» въ 40 страничекъ Леонида Андреева и М. Горькаго.

Одно это неравенство вѣсовъ отодвинуло на сто лѣтъ назадъ русское духовное развитіе,—какъ-бы вдругъ въ гимназіяхъ были срѣзаны старшіе классы, и оставлены одни младшіе, одна прогимназія.

Но откуда это? почему?

Какъ-же: и Л. Андреевъ, и М. Горькій были «прогрессивные писатели», а Достоевскій и Толстой — русскіе одиночки-геніи. «Геній — это такъ мало»...

Достоевскій, видѣвшій все это «сложеніе обстоятельствъ», желчно написалъ строки:

«И вотъ, въ XXI столѣтіи, — при всеобщемъ ревѣ ликующей толпы, блузникъ съ сапожнымъ ножомъ въ рукѣ поднимается по лѣстницѣ къ чудному Лику Сикстинской Мадонны: и раздеретъ этотъ Ликъ во имя всеобщаго равенства и братства»... «Не надо геніевъ: ибо это — аристократія». Самъ Достоевскій былъ бѣднякъ и демократъ: и въ этихъ словахъ, отнесенныхъ къ будущему торжеству «равенства и братства», онъ сказалъ за вѣкъ или за два «отходную» будущему торжеству этого строя.

Чего я совершенно не умѣю представить себѣ — это чтобы онъ запѣлъ пѣсню или сочинилъ хоть въ двѣ строчки стихотвореніе.

Въ немъ совершенно не было пѣвческаго, музыкальнаго начала. Душа его была совершенно безъ музыки.

И въ то же время онъ былъ весь шумъ, гамъ. Но безъ нотъ, безъ темповъ и мелодіи.

Базаръ. Цѣлый базаръ въ одномъ человѣкѣ. Вотъ — Герценъ. Оттого такъ много написалъ: но ни надъ одной страницей не впадетъ въ задумчивость читатель, не заплачетъ дѣвушка. Не заплачетъ, не замечтается и даже не вздохнетъ. Какъ это бѣдно. Герценъ и богачъ, и бѣднякъ.

«Я до времени не безпокоилъ ваше благородіе, по тому самому, что мнѣ *хотѣлось накрыть ихъ тепленькими*».

Этотъ фольклоръ мнѣ нравится.

Я думаю, въ воровскомъ и въ полицейскомъ языкѣ есть нѣчто художественное. Сюда Далю не мѣшало-бы заглянуть.

(на процессѣ Бутурлина мелкій чиновничекъ, выслуживавшій въ подражаніе Шерлоку Холмсу Обріена-де-Ласси и Панченко).

Вся «цивилизація XIX-го вѣка» есть медленное, неодолимое и, наконецъ, восторжествовавшее просачиваніе всюду кабака.

Кабакъ просочился въ политику — это «европейскіе (не англійскій) парламенты».

Кабакъ прошелъ въ книгопечатаніе. Вѣдь до XIX-го вѣка газетъ почти не было (было кое-что), а была только литература. Къ концу XIX-го вѣка газеты заняли господствующее положеніе въ печати, а литература — почти исчезла.

Кабакъ просочился въ «милое хозяйство», въ «свое угодье». Это — банкъ, министерство финансовъ и соціализмъ.

Кабакъ просочился въ трудъ: это фабрика и техника.

Разъ я видѣлъ работу «жатвенной машины». И подумалъ: тутъ нѣтъ Бога.

Бога вообще въ «кабакѣ» нѣтъ. И сущность XIX-го вѣка заключается въ оставленіи Богомъ человѣка.

Измайловъ (критикъ) не вѣритъ, будто я «не читалъ Щедрина». Между тѣмъ, какъ въ кругѣ людей нашего созерцанія считалось-бы невѣжливостью въ отношеніи ума своего *читать* Щедрина.

За 6 лѣтъ личнаго знакомства со Страховымъ я ни разу не слышалъ произнесеннымъ это имя. И не по враждѣ. Но—«не приходитъ на умъ».

Тоже Рцы, Флоренскій, Рачинскій (С. А.): никогда не слыхалъ.

Хотя, конечно, всѣ знали *суть* его. Но:

— Мы все-таки учились въ университетѣ.

(май 1912 г.)

Изъ всего «духовнаго» ему нравилась больше всего основательная дубовая кожаная мебель.

И чинъ погребенія.

Входитъ въ началѣ лѣта и говоритъ:

— Меня приглашаютъ на шхуну, въ Ледовитый океанъ. Два мѣсяца плаванія. Виды, воздухъ. Гостемъ, безплатно.

— Какіе-же вопросы? Поѣзжайте!!

— И я такъ думалъ и далъ согласіе.

— Отлично.

— Да. Но я отказался.

— Отказались?!..

— Какъ-же: вѣдь я могу заболѣть въ морѣ и умереть.

— Всѣ мы умремъ.

— Позвольте. Вы умрете на сушѣ, и васъ погребутъ по полному чину православнаго погребенія. Все пропоютъ и все прочитаютъ. Но на корабляхъ совершенно не такъ: тамъ просто по доскѣ спускаютъ въ воду зашитаго въ саванъ человѣка, прочитывая «напутственную молитву». Да и ее лишь на военномъ кораблѣ читаетъ священникъ, а на торговомъ суднѣ священника нѣтъ, и молитву говоритъ капитанъ. Это что-же за безобразіе. Такого я не хочу.

— Но, позвольте: вѣдь вы *уже умрете тогда*, сказалъ я со страхомъ.

— Те-те-те... Я такъ не хочу!!! И отказался. Это безобразіе.

Черныя кудри его, по обыкновенію, тряслись. Штаны хлопались, какъ паруса, около тоненькихъ ногъ. Штиблеты были съ французскими каблуками.

Мнѣ почудилось, что черезъ живого человѣка, т. е. почти живого, «все-таки», — оскалила зубы маска Вольтера.

(*наш*ъ *Мадмазелькинъ*).

Хороши дѣлаютъ чемоданы англичане, а у насъ хороши народныя пословицы.

(собираюсь въ Кіевъ) († *Столыпинъ*).

7 Только то̀ чтеніе удовлетворительно, когда книга *переживается*. Читать «для удовольствія» не стоитъ. И даже для «пользы» едва-ли стоитъ. Больше пользы пріобрѣтешь «на ногахъ», — просто живя, дѣлая.

Я *пережилъ* Леонтьева (К.) и еще отчасти Талмудъ. *Началъ* «переживать» Метерлинка: страницъ 8 я читалъ недѣлю, впадая почти послѣ каждыхъ 8-ми строкъ въ часовую задумчивость (читалъ въ конкѣ). И бросилъ отъ *труда* переживанія,—великолѣпнаго, но слишкомъ утомляющаго.

Зачѣмъ «читалъ» другое—не знаю. Ничего новаго и ничего поразительнаго.

Пушкинъ... я его *пилъ*. Уже знаешь страницу, сцену: и перечтешь вновь; но это —

ѣда. Вошло въ меня, бѣжитъ въ крови, освѣжаетъ мозгъ, чиститъ душу отъ грѣховъ. Его

Когда для смертнаго умолкнетъ
шумный день

одинаково съ 50-мъ псалмомъ («Помилуй мя, Боже»). Также велико, оглушительно и религіозно. Такая же правда.

Слабохарактерность—главнѣйшій источникъ неправдивости. Первая (неодолимая) неправда—изъ боязни обидѣть другого.

И вотъ почему Богъ не церемонится съ человѣкомъ. Мы всѣ церемонимся другъ съ другомъ и всѣ лжемъ.

(за нумизматикой).

Что я все нападаю на Венгерова и Карѣева. Это даже мелочно...

Не говоря о томъ, что тутъ никакой нѣтъ «добродѣтели».

Труды его почтенны. А что онъ всю жизнь работаетъ надъ Пушкинымъ, то это даже трогательно. Въ личномъ обращеніи (разъ) почти пріятное впечатлѣніе. Но какъ взгляну на животъ—уже пишу (мысленно) огненную статью.

Ужасно много *гнѣва* прошло въ моей литерат. дѣятельности. И все это напрасно. Почему я не люблю Венгерова? Странно сказать: оттого, что толстъ и черенъ (какъ брюхатый тараканъ).

Александръ Македонскій съ 30-ти тысячнымъ войскомъ рѣшилъ покорить Монархію Персовъ. Это что̀ намъ, русскимъ: Пестель и Волконскій рѣшили съ двумя тысячами гвардейцевъ покорить Россію...

И пишутъ, пишутъ исторію этой буффонады. И мемуары, и всякія павлиньи перья. И Некрасовъ съ «русскими женщинами».

(на извозчикѣ).

Нужно разрушить политику... Нужно создать а-политичность. «Богъ больше не хочетъ политики, залившей землю кровью»... обманомъ, жестокостью.

Какъ это сдѣлать? Нѣтъ, какъ *возможно* это сдѣлать?

Перепутать всѣ политическія идеи... Сдѣлать «красное—желтымъ», «бѣлое—зеленымъ», — «разбить всѣ яйца и сдѣлать яичницу»...

Погасить политическое пыланіе черезъ то, чтобы вдругъ «никто ничего не понималъ», видя все «запутаннымъ» и «смѣшавшимся»...

А, вамъ нравилось, когда я писалъ объ «а-догматизмѣ христіанства», т. е. объ отрицаніи *твердыхъ*, жесткихъ, не уступчивыхъ костей, *линій* въ немъ... Аплодировали.

Но почему?

Я-то думалъ черезъ это мягкое, нѣжное, во всѣ стороны подающееся христіанство — указать возможность «спасти истину». Но аплодировали-то мнѣ *не за-это*, я это видѣлъ: а — что это сокрушаетъ *догматическую церковь*... «Парное молоко потомъ само испа-

рится: а пока и сейчасъ—сломать-бы косточки, которыя намъ мѣшаютъ и мы справиться съ ними не умѣемъ».

Меня пробралъ прямо ужасъ ввиду всеобщихъ *культурно-разрушительныхъ* тенденцій нашего времени... «Все-бы—нивеллировать... Одна—*пустыня*»... Кому? Зачѣмъ?

А вотъ «намъ», «политикамъ»... Въ странѣ, свободной отъ всего, отъ церкви, отъ религіи, отъ поэзіи, отъ философіи—Кузьмины-Караваевы и Алексинскіе разгулялись-бы...

Тогда пойдутъ иныя рѣчи...

Но мнѣ, ну вотъ, именно, *мнѣ* (капризъ исторіи), до послѣдней степени тошно отъ этихъ рѣчей. «Земля уже обернулась около оси», и «всемірная скука», указаніемъ на которую я началъ книгу о революціи, угрожаетъ теперь съ другой стороны,—именно изъ «рѣчей»...

Пусть онѣ *потускнѣютъ*...

Пусть *подсѣчется нервъ въ нихъ*...

Савва въ разсказѣ Максима Горькаго взрываетъ чудотворный образъ, родникъ «народнаго энтузіазма»,—«суевѣрнаго, ложнаго»... Ну, хорошо. «Потому-что христіанства не нужно». Вся Россія аплодировала.

«Политики» стали пятой на горло невѣстъ, дѣтей, вдовъ (случаи, на которыхъ я остановился въ печати). «Кто не оставитъ отца и матери ради Имени Моего»—кричитъ политика... «И—дѣтей, и—дома ваши»...

«Хорошо, хорошо»,—слушаю я.

Теперь дайте-же я полью сѣрною кислотою въ самый стержень, на коемъ «вертится» туда и сюда «политическая дверь»; капну кислотою въ самую «серединочку», въ самую «душку» ихъ... Что̀ такое? Въ—*политическое убѣжденіе* (то-же, что «догматъ» въ христіанствѣ). Ну, какъ? «Спорятъ»... «партіи».

— Господа,—можно имѣть *всѣ убѣжденія*,—принадлежать *ко всѣмъ партіямъ*... притомъ совершенно искренне! чистосердечно!! до истерики!!! Въ то же время не принадлежа и *ни къ одной* и тоже «до истерики».

Я началъ, но движеніе это пойдетъ: и мы, философы, религіонисты,—люди ужъ, во всякомъ случаѣ, «высшаго этажа», чѣмъ въ какомъ топчутся политики,— разрушимъ мыслью своею, поэзіей своей, своимъ «другимъ огнемъ», своимъ жаромъ,—весь этотъ кроваво-гнойный этажъ...

Вѣдь всѣ партіи *«доказываютъ* другъ другу»... Но чего-же мнѣ (и «намъ») *доказывать*, когда «мы совершенно согласны»...

Согласны съ *тономъ* и «правыхъ», и «лѣвыхъ»..., съ «пафосомъ» ихъ, и—согласны совершенно *патетически*.

Явно, что когда *лично* и персонально всѣ партіи сольются «въ одной душѣ»—не для чего имъ и быть какъ *партіямъ*, въ *противленіи* и въ *спорѣ*... Партіи исчезнутъ. А когда исчезнетъ ихъ сумма — исчезнетъ и политика, какъ *споръ*, *вражда*.

Конечно, останется «управленіе», останется «ходъ дѣлъ», — но лишь въ *эмпиризмѣ своемъ*: «вотъ—*фактъ*», «потому-что онъ—*нуженъ*»... Безъ всякихъ переходовъ въ теорію и общую страсть.

«Нѣтъ-съ, позвольте,—я *принципіально* этого не хочу»... Вотъ «принципіально»-то и будетъ вырвано изъ подъ ногъ этихъ лошадей («политики»). — «Ты, пожалуйста, вези свой возъ: а *принципы*—вовсе не дѣло вашего этажа». «О принципахъ» мы будемъ говорить съ оракулами, первосвященниками, и у подножія той чудотворной иконы, которую взорвалъ вашъ неумный Савва.

«Принципы»... о нихъ будетъ рѣшать «лѣсенка Гретхенъ», «принципы» будутъ рѣшать «гуляки праздные» («Моцартъ и Сальери»)

Будутъ рѣшать «мудрецы» (въ «Республикѣ» Платона).

Если «политика» и «политики» такъ страстно возстали противъ религіи, поэзіи, философіи: то вѣдь давно надо было догадаться, что, значитъ, *душа* религіи, поэзіи и философіи въ равной степени враждебна политикѣ и пылаетъ противъ нея... Что́-же скрывать? Политики давно «оказываютъ покровительство» религіи, позволяютъ поэтамъ пѣть себѣ «достойныя стихосложенія», «гладятъ по головкѣ» философовъ, почти со словами—«ты существо, хотя и сумасшедшее, но мирное». Вѣковыя отношенія... У «политиковъ» лица толстыя, лоснятся... (почти всѣ члены Г. Думы—огромнаго роста: замѣчательно!!. Лошадиная порода такъ и свѣтитъ изъ существа дѣла, «призванія»...) Но не пора-ли имъ сказать, что духъ человѣческій рѣшительно не умѣщается въ ихъ кожу, что духъ человѣческій желаетъ не такихъ большихъ ушей; что копыта—это мало, нуженъ и коготь, и крыло. «Мало, мало!» «Тѣсно, тѣсно!» Вотъ лозунгъ, вотъ будущее.

Но «переспорить» всѣхъ политиковъ рѣшительно невозможно--такая порода.

Нужно со всѣми ими—*согласиться!*

Тогда ихъ упругія ноги (лошадиныя) подкосятся: они упадутъ на колѣни, какъ скакунъ съ невозможностью никуда бѣжать.

съ безцѣльностью бѣжать. «Ты меня побѣдилъ и, такъ сказать, пробѣжалъ всѣ пространства, не выходя изъ воротъ». Тогда онъ упадетъ.

«Перемѣна, перемѣна»... «измѣнчивость, измѣнчивость» жалуются

Столпообразныя руины...

—не замѣчая, что эта «измѣнчивость» входитъ въ самый планъ міра... Въ самомъ дѣлѣ, «по эллипсисамъ»,—все «сбивающимся въ одну сторону» отъ прямой линіи, все «уклоняющимся и уклоняющимся» отъ прежняго направленія, — движутся всѣ небесныя свѣтила. И на этомъ основано *равновѣсіе* вселенной. Самыя «лукавыя линіи» приводятъ къ вѣчной *устойчивости*. Не наблюдали-ли вы въ порядкѣ исторіи, что *начала* всѣхъ вещей хороши... Прекрасно «начинались» папы, когда въ лагерь Гунновъ, къ Аттиллѣ, они спѣшили, чтобы, поклонившись варвару, остановить потокъ полчищъ передъ ветхими, безсильными, но осмысленными старымъ смысломъ городами Италіи. Прекрасно волновалась реформа-

ція... Революція въ первыхъ шагахъ—какой расцвѣтъ, разсвѣтъ... Да не хорошо ли начало всякой любви... И любви, и молитвы, и даже войны. Эти легіоны, текущіе къ границамъ отечества, чтобы его защитить,—какъ они трогательны...

Но представьте-ка войну «безъ конца»,—влюбленность, затянувшуюся до 90 лѣтъ, папство безъ реформаціи, реформацію безъ отраженія ея Тридентскимъ соборомъ...

И вотъ вещи «сгибаются на сторону» («эллипсисъ» вмѣсто «прямой линіи»), «лукавятъ», «дрожжатъ»... Вещи—*старѣютъ!!*. Какъ это страшно! Какъ страшна старость! Какъ она и, однако, радостна,—ибо изъ «старости»-то все и юнѣетъ, изъ «старости» возникаетъ «юность» (*устойчивость* эллиптическихъ линій)... Юная реформація—изъ постарѣвшаго католицизма, юное христіанство—изъ постарѣвшаго язычества, юная... новая жизнь, vita nuova—изъ беззубой политики... Такъ я думаю, такъ мнѣ кажется. Тутъ (нападеніе на меня Струве, укоры и другихъ) приходитъ мой «цинизмъ», «бесстыдство». Однако, оглянитесь-ка на прошлое и вдумайтесь въ корень жизни. Съ великихъ измѣнъ начинаются великія *возрожденія*.

In *nova* fert animus

Тотъ насаждаетъ истинно новый садъ, кто предаетъ, предательствуетъ старый, осѣвшій, увядшій садъ... Глядите, глядите на удивительныя вещи исторіи: христіане-воины «*безстыдно* измѣняютъ твердынямъ Рима», бросая равнодушно на землю копье и щитъ,—Лютеръ «ничего не чувствуетъ при *имени* Папы и *нагло* отказывается повиноваться ему»... Шѣвецъ вѣдь вѣчно «измѣняетъ политикѣ». Люди прежняго одушевленія теряются, проклинаютъ, упрекаютъ въ «а-морализмѣ», что́ есть въ сущности «измѣна *нашей традиціи*», «перерывъ нашего *столбового* (*наслѣдственнаго*) дворянства». Клянетъ язычникъ христіанина, католикъ—лютеранина и, глубже и основнѣе всего—политикъ клянетъ поэта, философа, религіознаго человѣка. Хватаютъ «за-полы» безстыдныхъ. Безсильно. Это Богъ «переломилъ черезъ колѣно» одну «прямую линію» исторіи, и, бросивъ концы ея въ пространство—повелѣлъ двигаться совсѣмъ иначе небесному тѣлу, землѣ, лунѣ, человѣческой исторіи. «Мы-же въ рукахъ Божіихъ и дѣлаемъ то́, что Онъ вложилъ намъ» ...и своею правдою, и своею неправдою, и своими качествами, и своими пороками даже, безъ коихъ «согнуться въ складочку» не смогъ-бы эллипсисъ, а ему это «нужно»...

Великая во всемъ этомъ реальность: и «да будетъ благословенно Имя Господне во вѣкъ».

(*размышляя о полемикѣ со Струве*).

8-ми лѣтъ. Мамаша вошла въ комнату.

— Гдѣ сахаръ?

На сахарницѣ было кусковъ пять. Одного недоставало.

Я молчалъ. Сахаръ съѣлъ я.

Она бурно схватила Сережу за бѣлые волосы, больно-больно выдрала его. Сережа заплакалъ. Ему было лѣтъ 6. Я молчалъ.

Почему я молчалъ? Много лѣтъ (всю жизнь) я упрекалъ, какъ это было низко; и только теперь прихожу къ убѣжденію, что низости не было. Ужасная низость, какъ-бы клеветы на другого, получается въ матеріи факта, и если глядѣть со стороны. Но я промолчалъ отъ испуга передъ гнѣвомъ ея, бурностью, но *не отъ того, что будетъ больно*, когда будетъ драть. Боль была пустяки. Она постоянно сердилась (сама была несчастна): а именно, какъ вѣ-

теръ сгибаетъ лозину—гнѣвъ взрослаго пригнулъ душонку 8-ми лѣтъ. У меня языкъ не шевелился.

Зато добрый поступокъ съ Сережей. Мы бѣжали отъ грозы, а гроза какъ-бы гналась за нами. Бываютъ такія внезапныя, быстрыя грозы. Сперва потемнѣло. Облако. Домъ далеко, но мы думали, что успѣемъ. Полянка съ бугорками. Вдругъ брызнулъ громъ: и мы испуганно кинулись бѣжать.

Бѣжали, не останавливая шагу.

Еще бѣжали, бѣжали. Я ужасно боялся. «Ударитъ молнія въ спину». Сережа былъ сзади, шагахъ въ четырехъ. Вдругъ онъ сталъ замедлять бѣгъ.

Я оглянулся. И не сказалъ—«ну». Остановился. И чуть-чуть, почти идя, но «не выдавая другъ друга молніи», пошли рядомъ.

Бодро, крѣпко:

— Ну, Варя. Сажусь писать.

— Богъ благословитъ! Богъ благословитъ!

И большимъ крестомъ клала три православныхъ пальца на лобъ, грудь и плечи.

И выходило лучше. Выходило весело (хорошо на душѣ).

(*есть годы*).

Много лѣтъ спустя, я узналъ ея обычай: вставъ на ½ часа раньше меня утромъ, подходила къ столу и прочитывала написанное за ночь. И если хорошо было (живо, правдиво, энергично,—въ «ходъ мысли» и «доказательства» она не входила), то ничего не говорила. А если было вяло, устало, безжизненно,—она какъ-нибудь въ день, между дѣломъ, замѣчала мнѣ, что «не нравится» что̀ я написалъ, иногда—«языкъ заплетается». И тогда я не продолжалъ. Но я думалъ, что она какъ-нибудь днемъ прочла, и не зналъ этого ея *обычая*,—и узналъ уже во время послѣдней болѣзни, года 3 назадъ.

Въ грусти человѣкъ—естественный христіанинъ. Въ счастьѣ человѣкъ—естественный язычникъ.

Двѣ эти категоріи кажется извѣстны и первоначальны. Онѣ не принесены «къ

намъ», онѣ—«нлъ насъ». Онѣ—*мы сами* въ разныхъ состоянiяхъ.

Лѣвая рука выздоравливаетъ и «проситъ древнихъ боговъ». Правая—заболѣваетъ и ищетъ Христа.

Передъ древними намъ заплакать? «Позитивные боги», съ шутками и вымыслами. Но вдругъ «спина болитъ»: тутъ ужъ не до вымысловъ, а «помоги! облегчи!» Вотъ Юпитеру никакъ не скажешь: «облегчи!» И когда по человѣчеству прошла великая тоска:—«Облегчи»,—явился Христосъ.

Въ «облегчи! избави! спаси!»—въ мукѣ человѣчества есть что-то болѣе важное, черное, глубокое, м. б., и страшное, и зловѣщее, но, несомнѣнно, и *болье глубокое*, чѣмъ во всѣхъ радостяхъ. Какъ ни велика загадка рожденiя, и вся сладость его, восторгъ: но когда я увидѣлъ-бы человѣка въ ракѣ, и съ другой стороны—«счастливую мать», кормящую ребенка, со всѣми ея надеждами—я кинулся-бы къ больному. Нѣтъ, иначе: старецъ въ ракѣ, а хуже—старуха въ ракѣ, а по другую сторону—рождающая дѣвица. И вдругъ-бы выборъ: ей—*не родить*, а той—*выздоровѣть*, или этой—родить, зато ужъ той—*умереть*: и всемiрное человѣческое чувство воскликнетъ: лучше погодить родить, лишь-бы *выздоровѣла она*.

Вотъ побѣда христіанства. Это побѣда именно надъ позитивизмомъ. Весь античный міръ, при всей прелести, былъ все-таки позитивенъ. Но болѣзнь прорвала позитивизмъ, испорошила его: «Хочу *чуда*, Боже, дай *чуда!*» Этотъ прорывъ и есть Христосъ.

Онъ плакалъ.

И только слезамъ Онъ открытъ. Кто никогда не плачетъ—никогда не увидитъ Христа. А кто плачетъ—увидитъ Его непремѣнно.

Христосъ—это слезы человѣчества, развернувшіяся въ поразительный разсказъ, поразительное событіе.

А кто разгадалъ тайну слезъ? Одни *при всѣческихъ несчастіяхъ* не плачутъ. Другіе плачутъ и при не очень большихъ. Женская душа вся на слезахъ стоитъ. Женская душа—другая, чѣмъ мужская («мужланы»). Что́-же это такое, міръ слезъ? Женскій—отчасти, и—страданія, тоже отчасти. Да, это категорія вѣчная. И христіанство—вѣчно.

Христіанство нѣжнѣе, тоньше, углубленнѣе язычества. Всѣ «Авраамы» плодущіе не стоятъ плачущей женщины. Вотъ гра-

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

ница чередующихся въ рожденіяхъ Рахилей и Лій. Есть великолѣпіе душевное, которое заливаетъ все, будущее, «рожденіе», позитивное стояніе міра. Есть то «прекрасное» души, передъ чѣмъ мы останавливаемся и говоримъ: «не надо больше, не надо лучше, ибо лучшее мы имѣемъ и больше его не будетъ». Это конецъ и точка, самое рожденіе прекращается.

Я зналъ такіе экстазы восхищенія: какъ я могъ забыть ихъ.

Я былъ очень счастливъ (20 лѣтъ): и невольно впалъ въ язычество. Присуще счастливому быть язычникомъ, какъ солнцу—свѣтить, растенію—быть зеленымъ, какъ ребенку быть глупенькимъ, милымъ и ограниченнымъ

Но онъ выростетъ. И я выросъ.

Могу-ли я вернуться къ язычеству? Если-бы совсѣмъ выздоровѣть, и *навсегда*—здоровымъ: могъ-бы. Не въ этомъ-ли родникъ, что мы умираемъ и болѣемъ: т. е. не потому-ли и для того-ли, чтобы всѣмъ открылся Христосъ.

Чтобы человѣкъ не остался безъ Христа.

Ужасное сплетеніе понятій. Какъ міръ запутанъ. Какой это неразглядимый колодезь.

(глубокой ночью).

Шуточки Тургенева надъ религіей—какъ онѣ *жалки*.

Чего я жадничаю, что «мало обо мнѣ пишутъ». Это истинно хамское чувство. Много-ли пишутъ о Перцовѣ, о Философовѣ. Какъ унизительно это сознаніе въ себѣ хамства. Да... не отвязывайся отъ самаго лакейскаго въ себѣ. Лакей и геній. Всегдашняя и м. б. всеобщая человѣческая судьба (кромѣ «друга», который «лакеемъ» никогда, ни на минуту не былъ, глубоко спокойный къ любви и порицаніямъ. Также и бабушка, ея мать).

Только такая любовь къ человѣку есть настоящая, не преуменьшенная противъ существа любви и ея задачи,—гдѣ любя-

щій совершенно не отдѣлять себя въ мысли и не раздѣляется какъ бы въ самой крови и нервахъ отъ любимаго.

Одна изъ удивительныхъ мыслей Рцы. Я вошелъ къ нему съ Таней. Онъ вышелъ въ туфляхъ и «бабьей кацавейкѣ» въ переднюю. Новая квартира. Оглядываюсь и здороваюсь. Онъ и говоритъ:

— Какъ вы молоды! Вы помолодѣли, и лицо у васъ лучше, чѣмъ прежде,—чѣмъ я его зналъ много лѣтъ.

Мнѣ 57.

— *Теперь* вы въ фокусѣ,—и это признакъ, что вамъ остается еще много жить.— Онъ что-то сдѣлалъ пальцами вродѣ щёлканья, но не щелканье (было бы грубо).

— Почему «фокусъ» лица, «фокусъ» жизни?—спросилъ я, что-то чувствуя, но еще не понимая.

Онъ любитель Рембранта, а въ свое время наслаждался Мазини, коего слушалъ и зналъ во всѣ возрасты его жизни.

— Какъ-же!.. Сколько есть «автопортретовъ» Рембранта... сколько я видѣлъ кар-

точекъ Мазини. И думалъ, перебирая, разсматривая: «нѣтъ, нѣтъ... это—*еще не* Мазини», или «это—*уже не* Мазини»... «Не тотъ, котораго мы, замирая, слушали въ Большомъ театрѣ (Москва), и за которымъ бѣгала вся Европа»... «И наконецъ, найдя *одну* (онъ назвалъ, какого года), говорилъ: Вотъ!!—«*Настоящаго* Мазини существуетъ только *одна* карточка,—хотя вообще-то ихъ множество; и также *настоящаго* Рембранта—только *одинъ* портретъ. Тоже—Бисмаркъ: конечно, только въ *одинъ* моментъ, т. е. въ *одну* эпоху жизни своей, изъ нѣсколькихъ, Бисмаркъ *имѣлъ свое настоящее лицо*: это—лицо во власти, въ могуществѣ, въ торжествѣ; а—не тамъ, гдѣ онъ старый, обезсиленный котъ, на все сердитый и ничего не могущій.

Я слушалъ и удивлялся.

Онъ говорилъ, и я догадывался о его мысли, что *біографія* человѣка и *лицо* его,—его физика и вмѣстѣ духъ,—имѣютъ *фокусъ*, *до* котораго все идетъ, расширяясь и выростая, а *послѣ* котораго все идетъ, умаляясь и умирая; и что этотъ фокусъ то́ приходится на молодые годы,—и тогда человѣкъ не долго проживетъ; то́—лѣтъ на 40, и тогда онъ проживетъ нормально; то́ на позже—даже за 50: и тогда онъ проживетъ

очень долго. «Жизнь» *въ горку* и *съ горки*». И естественно—въ ней есть кульминаціонный пунктъ. Но это—не «вообще», а имѣетъ выраженіе себя въ серіи мѣняющихся лицъ человѣка, изъ которыхъ только объ *одномъ* лицѣ можно сказать, что *тутъ* и *въ эти свои годы* онъ... «достигъ *себя*».

Какъ удивительно! Нигдѣ ни читалъ, ни слышалъ. Конечно—это магія, магическое постиженіе вещей.

Тутъ домовой, тутъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ.
. . . . И котъ *ученый*
Свои намъ сказки говоритъ.

Сѣдой, некрасивый и—увы!—съ давно перейденнымъ «фокусомъ», Рцы мнѣ показался такимъ мудрымъ «котомъ».

Вотъ за что я его люблю.

(это было въ 1911 или 1910 г.).

Перестаешь вѣрить дѣйствительности, читая Гоголя.

Свѣтъ искусства, льющійся изъ него, заливаетъ *все*. Теряешь осязаніе, зрѣніе и вѣришь только *ему*.

(за вечернимъ чаемъ).

Щедринъ около Гоголя какъ копюхъ около Александра Македонскаго.

Да Гоголь и есть Алекс. Мак. Такъ-же велики и обширны завоеванія. И «вновь открытыя страны». Даже—«Индія» есть.

(за вечернимъ чаемъ).

Ни одинъ политикъ и ни одинъ политическій писатель *въ мірѣ* не произвелъ въ «политикѣ» такъ много, какъ Гоголь.

(за вечернимъ чаемъ).

Катковъ произнесъ извощичье:

— Тпррру...

А линія журналовъ и газетъ отвѣтила ему лошадинымъ ляганьемъ.

И вотъ весь русскій консерватизмъ и либерализмъ.

Неужели-же Стасюлевичъ, читавшій Гизо не понималъ, что нельзя быть образованнымъ человѣкомъ, не зная, откуда происходитъ слово «географія», т. е. что есть γῆ и γράφω. Но онъ 20 лѣтъ набралъ воды въ ротъ и не произнесъ:—«Господа, все таки *ге-о-граф*-ію-то нужно знать».

Но «обозрѣватели» въ его журналѣ только пожимали плечами и писали: «это — не ученье, а баллопромышленничество» и «тутъ не учителя, а—чехи»: тогда какъ *вопросъ шелъ вовсе не объ этомъ*.

(въ вагонѣ)

Кто не зналъ горя, не знаетъ и религіи.

Демократія имѣетъ подъ собою одно *право*... хотя, правда, оно очень огромно..., проистекающее изъ *голода*... О, это такое чудовищное право: изъ него проистекаетъ убійство, грабежъ, вопль къ небу и ко

всѣмъ концамъ земли. Оно можетъ и *въ правѣ* потрясти даже религіями. «Голоднаго» нельзя вообще судить; голоднаго нельзя осудить, когда онъ у васъ отнялъ кошелекъ.

Вотъ «преисподній» фундаментъ революціи.

Но ни революція, ни демократія, кромѣ *этого*, не имѣютъ никакихъ правъ. «Да, — ты *зарѣзалъ меня*, и, какъ голоднаго, я тебя не осуждаю». «Но ты еще говоришь что̀-то, ты хочешь души моей и разсуждаешь о высшихъ точкахъ зрѣнія: въ такомъ случаѣ, я плюю кровью въ безстыжіе глаза твои, ибо ты менѣе голодный, чѣмъ мошенникъ».

Едва демократія начинаетъ морализировать и философствовать, какъ она обращается въ мошенничество.

Тутъ-то и положенъ для нея *историческій предѣлъ*.

Высшій предѣлъ демократіи, въ сущности, въ «*Книгѣ Іова*». Дальше этого она не можетъ пойти, не пошла, не пойдетъ.

Но есть «*Книга Товіи сына Товитова*». Есть Евангеліе. Есть вообще, кромѣ черныхъ

тучъ, небо. И небо больше всякой тучи, которая «на немъ» (часть) и «проходитъ» (время).

Хижина и богатый домъ. Въ хижинѣ томятся: и все то прекрасное, что̀ сказано о вдовѣ Сарепты Сидонской («испечемъ послѣдній разъ хлѣбъ и умремъ»)—принадлежитъ *этой* хижинѣ.

Но въ богатомъ домѣ также все тихо. Затворясь, хозяинъ пересматриваетъ счетныя книги, и подводитъ мѣсячный итогъ. Невѣста—дочь, чистая и невинная, грёзитъ о женихѣ. Малыши заснули въ спальнѣ. И заботливая мысль бабушки обнимаетъ ихъ всѣхъ, обдумывая завтрашній день.

Тутъ полная чаша. Это—Іовъ «до несчастія».

И хорошо тамъ, но хорошо и тутъ. Тамъ благочестіе, но и тутъ не безъ молитвы.

Почему эти богатые люди хуже тѣхъ бѣдныхъ?

Иное дѣло «звонъ бокаловъ»...

Но вѣдь и въ бѣдной хижинѣ можетъ быть лязгъ оттачиваемаго на человѣка ножа.

Но *до порока*—богатство и бѣдность равночастны.

Но послѣ порока проклято богатство, но проклята также и бѣдность.

И собственно вмѣсто соціалъ-демократіи лежитъ старая, простая, за обыденностью, пошлая истина, «ее-же не прейдеши»:

Живи въ богатствѣ такъ просто и цѣломудренно, заботливо и трудолюбиво, какъ-бы ты былъ бѣденъ.

. . . . . .

. . . . . .

Бывало:

— Варя. Опять дырявыя перчатки? Вѣдь я-же купилъ тебѣ новыя?

Молчитъ.

— Варя. Гдѣ перчатки?

— Я Шурѣ отдала.

Ей было 12 лѣтъ. Она-же «дама» и «жена».

Такъ ходила она всегда «дамой въ худыхъ перчаткахъ».

Теперь (2 года) все лежитъ, и руки сжаты въ кулачекъ.

Забыть землю *великимъ забвеніемъ*—это хорошо.

(идя изъ Окруж. Суда,— объ «Уед.»; затменіе солнца).

Поразительное сужденіе я услышалъ отъ Флоренскаго (въ 1911 г., зима, декабрь): «Ищутъ Христа *внѣ Церкви*», «хотятъ найти Христа *внѣ Церкви*», но мы не знаемъ Христа *внѣ Церкви, знѣ Церкви*— «нѣтъ Христа». «Церковь—*она именно* и дала человѣчеству Христа».

Онъ сказалъ это немного короче, но еще выразительнѣе. Смыслъ былъ почти тотъ, какъ-бы Церковь родила намъ Христа, и (тогда) какъ-же смѣть, любя Христа, ополчаться на Церковь?

Смыслъ былъ этотъ, но у него—лучше.

Это меня поразило новизною. Теперь очень распространена риторика о Христѣ

безъ Церкви,—и сюда упирается все новое либеральное христіанство.

Дѣйствительно. По мелочамъ познается и крупное. «Лучшую книгу—переплетаемъ въ лучшій переплетъ»: сколько-же Церковь должна была почувствовать въ Евангеліи, чтобы переплести его въ ½ пудовые, кованые изъ серебра и золота, переплеты. Это—пустяки: но оно показуетъ важное. Всѣ «сектанты» читаютъ Евангеліе только разъ въ недѣлю соберясь: это—въ мигъ ихъ прозелитизма, взрывчатаго начала. А «Церковь», черезъ 1800 лѣтъ послѣ начала, не понимаетъ «отслужить службы», днемъ-ли, ночью-ли, каждый день—не почитавъ Евангелія.

Она написала его огромными буквами. Переплетъ она усыпала драгоцѣнными камнями.

Дѣйствительно: именно, Церковь пронесла Христа отъ края и до края земли, пронесла «какъ Бога», безъ колебанія, даже до истребленія спорящихъ, сомнѣвающихся, колеблющихся.

Такимъ образомъ, энтузіазмъ Церкви ко Христу б. такъ великъ, какъ «не хватитъ пороховъ» у всѣхъ сектантовъ вмѣстѣ и, конечно, у всѣхъ «либеральныхъ христіанъ»

тоже вмѣстѣ. Дѣйствительно, Церковь можетъ сказать: «Евангеліе было-бы какъ Энеида Виргилія у читателей,—книга чтимая, но не дѣйственная,—и, м. б., просто оно затерялось-бы и исчезло. Вѣдь не читалъ-же всю жизнь Тургеневъ Евангелія. *Онъ* не читалъ,—могло-бы и *поколѣніе* не читать,—и, наконецъ, пришло-бы поколѣніе, совсѣмъ его *забывшее*, и уже слѣдующее за нимъ—просто *потерявшее самую книгу*. Я спасла Евангеліе для человѣчества: какъ-же теперь, вырывая его изъ моихъ рукъ, вы смѣете говорить о Христѣ *помимо и обходя Церковь*. Я дала человѣчеству: ну, а нужно-ли Евангеліе больнымъ, убогимъ, страждущимъ, томящимся, нужно-ли оно *сегодня*, будетъ-ли нужно *завтра*—объ этомъ уже не вамъ рѣшать».

Поразительно. Такъ обыкновенно и совершенно ново. И, конечно, однимъ этимъ сохраненіемъ для человѣчества Евангелія Церковь выше не то что «нашихъ временъ», но и выше всего золотого вѣка Возрожденія, спасшаго человѣчеству Виргилія и Гомера.

Есть люди до того робкіе, что не смѣютъ сойти со стула, на которомъ сѣлъ.

Таковъ Михайловскій

(размышляя объ удивительномъ заглавіи статьи его—полемика со Слонимскимъ—«Страшенъ сонъ (!!!), да милостивъ Богъ»).

Михайловскій былъ робкій человѣкъ. Это никому не приходило на умъ. Таково и личное впечатлѣніе (читалъ лекцію о Щедринѣ,—торопливо, и все оглядывался точно его кто хватаетъ).

Правительству нужно-бы утилизировать благородныя чувства печати, и всякій разъ, когда нужно провести что-нибудь въ покоѣ и сосредоточенности (только проводитъ-ли оно что-нибудь «сосредоточенно»?)—поднимать дѣло о «проворовавшемся тайномъ совѣтникѣ X»,—или о томъ, что онъ «со-

держитъ актрису». Печать будетъ ½ года травить его, визжать, стонать. Яблоновскій «запишетъ», Баянъ «посылаетъ главу пешкомъ», *Русское Слово* будетъ занимать 100.000 подписчиковъ новыми столбцами à la «Гурко-Лидваль», «Гурко-Лидваль»...

И когда все кончится, и нужное дѣло будетъ проведено, «пострадавшему (фиктивно) тайному совѣтнику» давать «еще орденъ черезъ два» («пріялъ раны ради отечества») и объявлять, что «правительство ошиблось въ излишней подозрительности».

Безъ этого отвлеченія въ сторону правительству нельзя ничего дѣлать. Развѣ можно дѣлать дѣло среди шума?

Поэтъ Майковъ (Ап. Н.) смиренно ѣздилъ въ конкѣ.

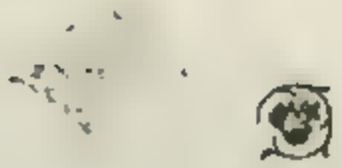
Я спросилъ Страхова.

— О, да! Конечно — въ конкѣ. Онъ-же бѣденъ.

Былъ «тайный совѣтникъ» (кажется), и большая должность въ цензурѣ.

Это бѣдные студенты воображаютъ (или, вѣрнѣе, ихъ науськалъ Некрасовъ), что тайные совѣтники и вообще «чертъ ихъ дери, всѣ генералы», ѣдятъ все «Вальтассаровы пиры» (читалъ въ какомъ-то лѣвомъ стихотвореніи: «они ѣдятъ Вальтассаровы пиры, когда народъ пухнетъ съ голода»).

Въ газетахъ, журналахъ интересны не «передовики» и фельетонисты. Эти, какъ personae certae и индѣйскіе пѣтухи съ другой стороны—нисколько не интересны. Но я люблю въ газетѣ зайти, гдѣ собирается «пожарная команда», т. е. сидятъ что-то дѣлающіе въ ночи. Согнувшись, какъ Архимедъ надъ циркулемъ, одни сидятъ «въ шашки». Другіе шепчутся, какъ заговорщики, о лошадяхъ (скачки, играютъ). Тутъ услышишь послѣднюю сплетню, съ ногъ сшибательную сенсацію. Вдругъ говоръ, шумъ, потокъ: ругаютъ Шварца. Папиросы и «крѣпкое слово».



Ге о Евг. П. Ивановѣ: «Вотъ кто̀ *естественный* профессоръ университета: сколько новыхъ мыслей, какія неожиданныя, поразительныя замѣчанія, наблюденія, размышленія».

Деляновъ сказалъ, когда у него спросили, отчего Соловьевъ (Влад.) не профессоръ:

— У него *мысли*.

Старикъ, самъ полный мыслей и остроумія, не находилъ, чтобы онѣ были нужны на каѳедрѣ. Но еще удивительнѣе, что самопополняющаяся коллегія профессоровъ тоже дѣлаетъ всѣ усплія, чтобы къ нимъ въ среду не попалъ человѣкъ съ *мыслью*, съ творчествомъ, съ воображеніемъ, съ догадкой.

Ни Ивановъ, ни Шперкъ не могли даже кончить русскаго университета.

Профессоръ долженъ быть балаболка. Это его стиль. И дождутся, когда въ обществѣ начнутъ говорить:

— Быть умнымъ — это «не идетъ» профессору. Онъ будетъ чернымъ воронома среди распустившихъ хвостъ павлиновъ.

Что-то было глухое, слѣпое, что̀ даже безъ имени...

и всѣ чувствовали — нѣтъ *дѣла*. И некуда приложить силу, добро, порывъ.

Теперь все только ждетъ работы и приложенія силы.

Вотъ «мы» до 1905—6 года и послѣ него. Что-то прорвало и какой-то застой грязи, сырости, болѣзни безвозвратно унесло потокомъ.

(послѣ разговора съ Ге).

Всѣ мы выражаемъ въ сочиненіяхъ субъективную увѣренность. Но — обобщая и повелительно. Что̀-же дѣлать, если Дарвинъ «субъективно чувствовалъ» происхожденіе свое отъ шимпанзе: онъ такъ и писалъ.

Во Франкфуртѣ на Майнѣ я впервые увидѣлъ въ зоол. саду шимпанзе. Дѣйствительно, удивительно. Она помогала своему сторожу «собирать» и «убирать» столъ (завтракъ),

сметала крошки, стлала скатерть. Совсѣмъ человѣкъ!

Я безмолвно дивился.

Дарвину даже есть честь происходить отъ такой умной обезьяны. Онъ могъ-бы произойти и отъ болѣе мелкой, отъ болѣе *позитивной* породы.

(рано утромъ).

Не надо забывать, что Фонвизинъ бывалъ «при дворѣ»,—*видалъ лично* Императрицу,—и «просвѣтителей» около нея,—можетъ быть, *лично съ нею разговаривалъ*. Это чрезвычайная высокопоставленность. Онъ былъ тѣмъ, что̀ *теперь* Арс. Арк. Кутузовъ или гр. А. К. Толстой. Изобразительный талантъ (геній?) его несомнѣненъ: но *высокое* положеніе не толкнуло-ли его посмотрѣть слишкомъ *свысока* на окружающую его помѣстье дворянскую мелкоту, дворянскую обывательщину, и даже губернскую вообще жизнь, бытъ и нравы. Поэтому яркость его «Недоросля» и «Бригадира», говоря о живописи автора, не является-ли пристрастною и невѣрною въ *тонѣ*, въ *освѣщеніи*, въ *пониманіи?*

«Недоросли» глубокой провинціальной Россіи несли ранецъ въ итальянскомъ походѣ Суворова, съ нимъ усмиряли Польшу; а «бригадиры» командовали въ этихъ войнахъ. Каковы они были?

Вѣрить-ли Суворову или Фонвизину?

Прогрессъ технически необходимъ, для души онъ вовсе не необходимъ.

Нужно «усовершенствованное ружье», рантовые сапоги, печи, чтобы не дымили.

Но душа въ немъ не растетъ. И душа скорѣе даже малится въ немъ.

Это тотъ «печной горшокъ», безъ котораго неудобно жить, и ради котораго мы такъ часто малимъ и даже вовсе разрушаемъ душу.

И борьба между «прогрессистами» и людьми «домашняго строя» очень часто есть борьба за душу или за «обѣдъ съ каперцами», въ которомъ «каперцы», конечно, побѣждаютъ.

(умываясь утромъ)

— Не всякую мысль можно записать, а только если она музыкальна.

И «У.» никто не повторитъ.

Въ каждомъ органѣ ощущенія, кромѣ его «*я знаю*» (вижу, слышу, обоняю, осязаю), есть еще—«*я хочу*». Органы суть не только органы чувствъ, но еще и—хотѣнія, жажды аппетитовъ. Въ каждомъ органѣ есть жадность къ міру, алканіе міра; органами не связывается только съ міромъ человѣкъ, но органами онъ *входитъ* (врѣзается) въ міръ, *уродняется* ему. Органами онъ «съѣдаетъ міръ», какъ черезъ органы — «міръ съѣдаетъ человѣка». Съѣдаетъ—ибо властно *входитъ въ него...*

Человѣкъ входитъ въ міръ.

Но и міръ входитъ въ человѣка.

Эти «двери» — зрѣніе, вкусъ, обоняніе, осязаніе, слухъ.

(на оборотѣ транспаранта)

Легко Ш. Х. разыскивать преступниковъ, когда они говорятъ, когда онъ подслушиваетъ—то̀ самое, что̀ ему нужно. Такъ-то и я-бы изловилъ.

(*Шерлокъ Холмсъ—одинъ случай*).

А когда осматриваютъ трупъ, то, непремѣнно, въ пальцахъ «зажатъ волосъ убійцы».

Евреи слишкомъ стары, слишкомъ культурны, чтобы не понимать, что лаской возьмешь больше, чѣмъ силой. И что геній въ торговлѣ — это призвать Бога въ расчетъ (честно разсчитаться).

Они во̀-время и полнымъ рублемъ разсчитываются [1]: и всѣ предложили имъ кре-

[1] Статья въ законахъ Моисея, которую полезно-бы переплести въ «Правила Св. Апостолъ» и въ «Кормчую»: «не задерживай до завтра-утра плату которую ты долженъ уплатить работающему вечеромъ сегодня».

дитъ. Они со всѣми предупредительны; и всѣ обратились къ нимъ за помощью.

И черезъ вѣкъ вѣжливости, ласки и «Бога въ торговлѣ»—они овладѣли всѣмъ.

А кто обманывалъ—сидитъ въ тюрьмѣ; и кто былъ со всѣми грубъ, жёстокъ, отталкивающъ—сидитъ въ рубищѣ одиночества.

(ночью въ постели, читая письмо еврея Р—чко).

Мы прощались съ Рцы. Въ прихожей стояла его семья. Тѣсно. Онъ и говоритъ:

— Все по чину.

— Что?—спрашиваю я.

— Когда Муравьевъ («Путешествіе по Св. Мѣстамъ») умиралъ, то его соборовали. Онъ лежалъ, закрывъ глаза. Когда сказали «аминь» (послѣднее), онъ открылъ глаза и проговорилъ священнику и сослужителямъ его:

«— Благодарю. Все по чину». Т. е. все было прочитано и спѣто безъ пропусковъ и малѣйшаго отступленія отъ формы.

Закрылъ глаза и померъ.

У Рцы была та иронія, что какимъ образомъ этотъ столь вѣрующій человѣкъ имѣлъ столь слабое и, до извѣстной степени, легкомысленное отношеніе къ смерти, что передъ лицомъ ея, передъ Сею Великою Минутою, ни о чемъ не подумалъ и не вспомнилъ, кромѣ какъ о «нарядѣ церковномъ» на главу свою. Сія смерть подобна была смерти Вольтера.

Смыслъ *Литературнаго Фонда* понятенъ: «фракція Чернышевскаго», «особый фондъ Добролюбова». Все это понятно каждому, кромѣ «сферъ». Однако, изъ «сферъ» они тоже получаютъ тысячки. Что-же это такое?

«— Я тебѣ готовлю ножъ подъ 4-ое ребро. А предварительно дай все-таки гривенничекъ на чаекъ». Это Ѳедька каторжникъ изъ «Бѣсовъ». Вотъ что на *это* отвѣтилъ-бы Пѣшехоновъ. Отчего объ *этомъ* не напишетъ «обличительной статьи» Короленко. Нѣтъ, господа, о связи себя съ *идеализмомъ*—оставьте.

(*вагонъ*).

Кто не любитъ человѣка въ радости его—
7 не любитъ и ни въ чемъ.

Вотъ съ этой мыслью какъ справится аскетизмъ.

Кто не любитъ радости человѣка—не любитъ и самого человѣка.

Всѣ критики, признавая умъ (ужъ скорѣе «геній», т. е. что-то «невообразимое»; а «ума» — яснаго, комбинирующаго, считающаго — не очень много), или не упоминаютъ, или отрицаютъ—*сердце*: но тогда какъ же произошелъ «Семейный вопросъ въ Россіи» и «Сумерки просвѣщенія», два великихъ отмщенія за женщинъ и за гимназистовъ.

Еще поразительнѣе и говоритъ о благородствѣ литературы, что о «Семейномъ вопросѣ» не было ли одной рецензіи, кромѣ отъ Разинькова, Василія Лазаревича, — о

которой я его упросилъ. Все писали о «Трейхмюллерѣ», а на *Семейный вопросъ въ Россіи* — ни одинъ литераторъ не оглянулся.

Видали-ли вы вождя команчей въ пустынѣ? Я тоже не видалъ, но читалъ у Майнъ-Рида: на дикомъ мустангѣ, нагой и бронзовый, мчится онъ,—въ ноздряхъ у него вдѣты перья, на головѣ павлиній хвостъ, татуировка осыпается съ него, какъ штукатурка...

Но не бойтесь, сограждане, и не очень пугайтесь даже гимназисты: это мчится вовсе не Тугой Лукъ, а только очень похожій на него профессоръ каноническаго права, напр. Заозерскій: «правила» всевозможныхъ греческихъ соборовъ осыпаются съ него, какъ старая штукатурка, но онъ полонъ воинственнаго жара, и, поводя головою, даетъ видѣть торчащія у него изъ носа «добавочныя постановленія (novellae) императора Алексѣя Комнена»... Вотъ онъ, весь полный запрещеній и угрозъ, натиска и бури... не замѣчаетъ вовсе Владиміра Карловича, а тоже и Романова, подсказываю-

щаго тому, бросить подъ ноги мустанга рѣшеніе Апостола:

«А если *черезъ исполненіе закона* (и слѣд. какихъ-бы то *правилъ*) люди оправдываются передъ Богомъ,—то вообще Христу тогда *не зачѣмъ было умирать*».

А Онъ умеръ—и *оправдалъ насъ*.

(*къ вопросу о діакониссахъ. 24 марта 1912 г.*).

...не вѣрьте, дѣвушки, навѣваніямъ вокругъ васъ, говорамъ, жестамъ, маскамъ, шумамъ, мнѣамъ...

Вѣрьте, что что̀ *есть*—то̀ *есть*, что̀ *будетъ*—*будетъ*, что̀ *было*—*было*.

Вѣрьте исторіи.

Вѣрьте, что исторію нельзя закрыть двумя ладонями, сложить-ли ихъ «въ гробикъ», «въ крестикъ» или «въ умолсніе».

Будьте неумолимы.

Да, хорошо, я понимаю, что

Вставай, поднимайся рабочій народъ...

Но отчего-же у вашей супруги каракулевое пальто не въ 500 — 600 р., какъ обыкновенно [1], а въ 750 р., и «сама подбирала шкурки».

(изъ жизни).

Съ прессой надо справиться именно такъ: «возите на своихъ спинахъ». Тогда «для всѣхъ направленій не обидно», и мѣру увидѣли-бы не политической, а культурной.

Мысль эта занимаетъ меня съ 1893 г., когда Бергъ вычеркнулъ большое примѣчаніе (въ страницу) объ этомъ, и я никогда отъ нея не отказывался. Это — спасеніе души. Когда нибудь раздастся это какъ крикъ исторіи.

Пресса толчетъ души. Какъ душа будетъ жить, когда ее постоянно что-то раздробляетъ со стороны.

Если-бы «плотина закрыла рѣченку» — какъ вдругъ поднялись-бы воды. Образовалась-бы гладь тихихъ водъ.

И звѣзды, и небо заиграли-бы въ нихъ.

[1] Было въ годъ 1904—1905 г.

Вся та энергішка, которую — то же измельченную уже — суютъ авторы въ газеты, въ ненужныя передовицы, въ увядшіе фельетоны, въ шуточку, гримаску, «да хронику-то не забудь», у кого раздавило собаку (уже Алькивіадъ, отрубившій хвостъ у дорогой собаки, былъ первымъ газетчикомъ, пустившимъ «бумъ» въ Аѳинахъ)...

Всѣ эти люди, такіе несчастные сейчасъ, вернулись бы къ покою, счастью и достоинству.

Число книгъ *сразу* удесятерилось-бы...

Всѣ отрасли знанія возросли-бы...

Стали-бы лучше писать. Появился-бы стиль.

Число научныхъ экспедицій, вообще духовной энергіи, удесятерилось-бы. И словари. И энциклопедіи. И великолѣпная библіографія, «бабушка литературы».

Бѫди! бѫди!

А читателю — какой выигрышъ: съ утра онъ принимается за дѣло, свѣжій, не раздраженный, не опечаленный.

Какъ теперь онъ уныло берется за дѣло, отдавъ утреннюю свѣжую душу на запыленіе, на загрязненіе, на измучиваніе («чте-

ніе газетъ за чаемъ»), утомивъ глаза, вниманіе.

Да: *всѣ* теперь мы принимаемся безъ вниманія за дѣло. Одно это не подобно-ли алкоголизму?

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Печатная водка. Проклятая водка. Пришло сто гадовъ и нагадили у меня въ мозгу.

«Такой книгѣ нельзя *быть*» (Гип. объ «Уед.»). Съ одной стороны, это—такъ, и это я чувствовалъ, отдавая въ наборъ. «Точно усиливаюсь проглотить и не могу» (ощущеніе отдачи въ наборъ). Но съ другой стороны, столь-же истинно, что этой книгѣ непремѣнно *надо быть*, и у меня даже мелькала мысль, что собственно всѣ книги—и должны быть такія, т. е. «не причесываясь» и «не надѣвая кальсонъ». Въ сущности, «въ кальсонахъ» (аллегорически) всѣ люди не интересны.

Да, вотъ когда минуетъ трехъсотълѣтняя давность, тогда какой-нибудь «профессоръ Преображенскій» въ Самаркандской Духовной Академіи напишетъ «О нѣкоторыхъ мыслях Розанова касательно Ветхаго Завѣта».

Отчего это окостенѣніе?

Всѣ богословскія разсужденія напоминаютъ мнѣ «De civitate veterum Tarentinorum», которую я купилъ студентомъ у букиниста.

Повидимому (въ исторію? въ планету?) влитъ опредѣленный % пошлости, который не подлежитъ умаленію. Ну,—пройдетъ демократическая пошлость и настанетъ аристократическая. О, какъ, она ужасна, еще ужаснѣе! И пройдетъ позитивная пошлость, и настанетъ христіанская. О, какъ она чу-

довищна!!! Эти хроменькіе-то, это убогонькіе-то, съ глазами гіенъ... О! О! О! О!... «По-христіански» заплачутъ. Ой! Ой! Ой! Ой!...

(*на ходу*).

Далеко-далеко мерцаетъ опредѣленіе:—Да, онъ, конечно, не могъ бы быть Дегаевымъ; но «пути его были невѣдомы»—и Судейкинымъ онъ очень могъ-бы быть...

По крайней мѣрѣ никто въ литературѣ не представляется такимъ «естественнымъ Судейкинымъ», съ страшнымъ честолюбіемъ, жаждой охвата власти, блестящимъ талантомъ и «большимъ служебнымъ положеніемъ».

(*Н. Михайловскій*).

«Встань, спящій»... Я бы взялъ другое заглавіе:—«Пробудись, безсовѣстный».

(*заглавіе журнала 1905 г. Іоны Брихничева*).

— Байронъ былъ свободенъ,— неужели-же не буду свободенъ *я*?!—кричитъ Арцыбашевъ.

— Ибо вѣдь я печатаюсь тѣми-же свинцовыми буквами!

Да, въ свинцовыхъ буквахъ все и дѣло. Отвоевали свободу не душѣ, не уму, но свинцу.

Но вѣдь, господа, можетъ придти Нѣкто, кто скажетъ:

— Свинцовыя пули. И даже съ Гуттенберговой литерой N (apoleon)..., — какъ видѣлъ я это огромное N на французскихъ пушкахъ вкругъ арсенала въ Москвѣ.

(іюнь)

До тѣхъ поръ, пока вы не подчинитесь школѣ и покорно дадите ей передѣлать себя въ негоднаго никуда человѣка, до тѣхъ поръ васъ никуда не пустятъ, никуда не примутъ, не дадутъ никакого мѣста и не допустятъ ни до какой работы.

(исторія русскихъ училищъ).

Нѣтъ хорошаго лица, если въ немъ въ то же время нѣтъ «чего-то некраснваго». Таковъ удѣлъ земли, въ противоположность небесному—что «мы всѣ съ чѣмъ-то непріятнымъ». Тамъ — веснушка, тамъ — прыщикъ, тутъ—подпухла сальная железка. Совершенство—на небесахъ и въ мраморѣ. Въ небесахъ оно безукоризненно, п. ч. *правдиво*, а въ мраморѣ уже возбуждаетъ сомнѣніе, и мнѣ, по крайней мѣрѣ, не нравится. Обращаясь «сюда», замѣчу, что хотя заглавія, возстановленныя мною «изъ прежняго»—хуже (некраснвѣе) тѣхъ, какія придалъ (въ своихъ изданіяхъ) П. П. Перцовъ нѣкоторымъ моимъ статьямъ, но они *натуральнѣе въ отношеніи того настроенія духа*, съ какимъ писались въ то время. Эти *запутанныя заглавія*,—плетью,—выразили то «заплетённое», смутное, колеблющееся, и вмѣстѣ порывистое и торопливое состояніе ума и души, съ какимъ я вторично выступилъ въ литературу въ 1889 году,—послѣ неудачи съ книгою «О пониманіи» (1886 г.). Вообще заглавія—всегда органическая часть статьи. Это—тема, которую себѣ написываетъ авторъ,

садясь за статью; и если читателю кажется, что это заглавіе неудачно или не точно, то опять характерно, какъ онъ эту тему теряетъ въ теченіе статьи. Все это—несовершенства, но которыя не должны исчезнуть.

(*обдумываю Перцовскія изданія своихъ статей; и что ему можетъ показаться печальнымъ, что при второмъ изданіи я возстановилъ свои менѣе изящныя, «долговязыя» заглавія. Они характерны и нужны*).

У насъ Polizien-Revolution; куда-же тутъ присосались студенты.

А такъ бѣдные бѣгаютъ и бѣгаютъ. Какъ таракашки въ горячемъ горшкѣ.

Этотъ попъ на пропагандѣ христіянскихъ рабочихъ людей зарабатывалъ по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ. И квартира его—всегда цѣлый этажъ (для безсе-

мейной семьи, безъ домочадцевъ)—стоила 2—3 тысячи въ годъ. Она вся была уставлена тропическими растеніями, а стѣны завѣшаны дорогими коврами. Вездѣ, на столахъ, на стѣнахъ, «собственный портретъ»,— en face, въ $^3/_4$, въ профиль... съ лицомъ «вдохновеннымъ» и глазами устремленными «впередъ» и «ввысь»... Совсѣмъ «какъ Онъ» («Учитель» мой и нашъ)... Самъ онъ, впрочемъ, ходилъ въ бѣдной рясѣ, суровымъ, большимъ шагомъ, и не флиртировалъ. За это онъ мнѣ показался чуть не «Jean Chrisostome», какъ его вывелъ Алексѣй Толстой

Къ земнымъ утѣхамъ *нѣтъ участья*,
И взоръ въ грядущее глядитъ...

Можно-же быть такой телятиной, чтобы «Повѣсть о Капитанѣ Копейкинѣ» счесть за «Исторію Наполеона Бонапарте».

(*изъ жизни*).

Что это было-бы за Государство «съ историческимъ призваніемъ», если-бы оно не могло справиться съ какою-то революціешкой; куда-же бы ему «бороться съ тевтонами» etc., еслибъ оно не справлялось

съ шумомъ улицъ, говоромъ общества, и нервами «высшихъ женскихъ курсовъ».

И оно превратило ее въ Polizien-Revolution, «въ *свое явленіе*»: положило въ карманъ и выбросило за заборъ какъ сифилитическаго неудачнаго ребенка.

Вотъ и все. Вся «исторія» ея отъ Герцена до «Московскаго вооруженнаго возстанія», гдѣ уже было больше полицейскихъ, чѣмъ революціонеровъ, и гдѣ вообще полицейскіе рядились въ рабочія блузы, какъ и въ свою очередь и со своей стороны революціонеры рядились въ полицейскіе мундиры (взрывъ дачи Столыпина, убійство Сипягина).

«Ряженая революція»: и она кончилась. *Только съ окончаніемъ революціи, чистосердечнымъ и всеобщимъ съ нею раскаяніемъ*,—можно подумать о прогрессѣ, о здоровьѣ, о работѣ «впередъ».

Эта «глиста» все истощила, все сожрала въ кишкахъ Россіи. Ее и надо было убить. Просто убить.

«Вѣрю въ Царя Самодержавнаго»: *до этого* ни шагу «впередъ».

(за другими занятіями).

Когда Надежда Романовна уже умирала, то все проспла мужа не ставить ей другого памятника, кромѣ деревяннаго креста. Непремѣнно—только *дерево* и *только крестъ*. Это—христіанка.

Не только—«почти ничего» (дерево, цѣнность), но и—*временное* (сгніетъ).

И потомъ — ничего. Ужасное молчаніе. Небытіе. Въ этомъ и выражается христіанское—«я и *никогда не жила для земли*».

Христіанское сердце и выражается въ этомъ. «Я не только не хочу работать для земли, но и не хочу, *чтобы земля меня помнила*». Ужасно... Но и что-то величественное и могущественное.

Надежда Романовна вся была прекрасна. Вполнѣ прекрасна. Въ ней было что-то трансцендентное [1].

. . . . . .

— Можетъ быть мы сядемъ въ трамвай: онъ кажется сейчасъ трогается...

[1] Здѣсь приложенъ портретъ Над. Ром. Щербовой, скончавшейся въ маѣ 1911 г.

— Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!

— Онъ и довезетъ насъ до Знаменской...

— Ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха! ха!

(*опять*).

Да жидовъ отъ того и колотятъ, что они — *бабы:* какъ русскіе мужики своихъ *бабъ*. Жиды — не *они*, а *онъ*. Лапсердаки ихъ суть бабьи *капоты:* а на такого кулакъ самъ лѣзетъ. Сказано — «будешь *бѣснъ*», «*язвленъ* будешь». Тутъ — не экономика, а мистика; и жиды почти притворяются, что сердятся на это.

(*выпустилъ изъ корректт. «Гедин.»*).

«Развратъ» есть слово, которому нѣтъ соотвѣтствующаго предмета. Имъ обозначена груда явленій, которыхъ человѣчество не могло понять. Въ дурной часъ ему приснился дурной сонъ, будто всѣ эти

НАДЕЖДА РОМАНОВНА ЩЕРБОВ=.

12 Мая 1911 года въ С.-Петербургѣ Погребена на Волковс[illegible]

явленія, — на самомъ дѣлѣ подобныя грибамъ, водорослямъ и корнямъ въ природѣ, — суть «дурныя» уже какъ «скрываемыя» (мысль младенца Соловьева въ «Оправданіи добра»); и оно занесло ихъ сюда, безъ дальнихъ счетовъ и всякаго разумѣнія.

(*Эйдкунен—Берлинъ, вагонъ*).

Раза три въ жизни я наблюдалъ (издали, не вблизи) или слышалъ разсказъ о матеряхъ, сводничающихъ своихъ замужнихъ дочерей. Точно онѣ бросаютъ стадо к... на нее какъ с... Никогда не «прилаживаютъ къ одному», не стараются устроить «уютъ» хотя бы на почвѣ измѣны.

Вся картина какого-то «поля» и «рысканья». Удивительно.

Еще поразительнѣе, что такихъ женъ, *все зная о нихъ*, глубоко любятъ ихъ мужья. *Плачутъ* и любятъ. Любятъ до *обожанія*. А жены, какъ и тещи, питаютъ почти отвращеніе къ несчастному мужу. Тутъ еще бо̀льшая метафизика. Между прочимъ такова была знаменитая Фаустина senior,

жена Антонина Благочестиваго. Она сходилась даже съ простолюдинами. А мужъ, когда она умерла, воздалъ ей божескія почести (divinatio) и воздвигъ ея имени, чести и благочестію—храмъ.

На монетахъ лицо ея — властительное, гордое. На темени она несетъ маленькую жемчужную корону (клубочкомъ). Повидимому, хороша собой, во всякомъ случаѣ «видная». Лицо Антонина Пія — нѣжное, «задумчивое», отчетливо женственное.

Онъ — родоначальникъ добродѣтелей и философіи.

Я зналъ двухъ славянофиловъ, испытавшихъ эту судьбу. Комично, что одинъ изъ нихъ водилъ своего старшаго сына (конечно, не отъ себя) смотрѣть памятникъ Минина и Пожарскаго, и все объяснялъ ему «русскую исторію».

(на представленіи переводной пьесы на эту тему; пер. Е. А. Егорова).

Все это тянется какъ резинка и никакого индивидуальнаго интереса. Только наблюдаешь общіе законы (проституткп).

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

— Мы — мостовая. Какихъ же надписей ты на насъ ищешь»?

(о проституціи; пду въ Кіевъ, † Столыпина).

Не смотря на важность проституціи, однако въ какомъ-то отношеніи, мнѣ не яснымъ,—онѣ суть дѣйствительно «погибшія созданія», какъ-бы погасшувшія души. И суть дѣйствительно—«небытіе»; «не существуютъ», а только кажется, что онѣ — «есть».

(вагонъ) (пду въ Кіевъ).

О дѣвствѣ глубокое слово я слышалъ отъ А. С. Суворина и отъ А. В. Карташова.

Первый какъ-то сказалъ:

— Нѣтъ, я замѣчалъ, что когда дѣвушка теряетъ дѣвство (безъ замужества),

то она теряетъ и *все*. Она дѣлается *дурною*.

Конечно, онъ ни малѣйше не имѣлъ въ виду обычныхъ нравственныхъ сужденій, и передалъ наблюденіе «что̀ бываетъ», «что̀ случается», «что̀ *дальше* слѣдуетъ».

Карташовъ сказалъ, когда — въ ихъ-же присутствіи—я сказалъ о двухъ барышняхъ типа вѣчныхъ дѣвственницъ (virgo aeterna):

— Вѣдь онѣ никогда не выйдутъ замужъ: непонятно, почему онѣ или почему вообще *такія* не бросятъ свое дѣвство, кому попало, — и, вообще все равно, кто возьметъ?

У меня было философское объ этомъ недоумѣніе.

Онъ отвѣтилъ:

— Онѣ (онъ какъ-бы запнулся, придумывая формулу)—*питаются отъ своего дѣвства*. Да, оно не нарушено и кажется не нарушится. Но сказать, чтобы оно *было имъ и не нужно* — нельзя: оно имъ не только нужно, но и необходимо. Онѣ *живутъ имъ*, и именно—*его цѣлостью*. Это—богатство, которое не тратится, но которое ихъ *обезпечиваетъ*. Обезпечиваетъ что̀? Ихъ душу, ихъ талантъ (онѣ были талантливы), ихъ покой и свѣжесть.

— *Есть* дѣвство—и онѣ трудятся, выставляютъ работы (художницы), дружатся, знакомятся, читаютъ, размышляютъ.

— *Не будетъ* дѣвства—и все разрушится. Такъ что хотя онѣ и призваны къ дѣвству, и никакой мужчина имъ не воспользуется, но это не обозначаетъ, что *ихъ дѣвственность есть ничто̀,—есть не существующая для міра вещь*. Для «міра»-то оно не существуетъ, хотя какъ ихъ *талантъ*—и для міра существуетъ; но какъ тѣлесная нетронутость и цѣлость—оно существуетъ *и для нихъ самихъ*.

Замѣчательно глубоко. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ этимъ я спросилъ одну изъ этихъ дѣвушекъ, что̀ бы она сдѣлала съ мужчиною, если-бы онъ «съ голоду» взялъ у нея то̀, что̀ у нея лишнее (какъ мнѣ казалось):

— Упекла-бы въ Сибирь,—отвѣтила она твердо и по-мужски.

— И не пощадили-бы?

— Не пощадила-бы.

— Но вѣдь вамъ *не нужно?* (aeterna virgo).

Она промолчала.

Разсужденіе Карташова такъ сказать наполняетъ рѣчами ея молчаніе. Она не успѣла только формулировать; но посту-

пила-бы по чувству («засужу»). которое неодолимо и въ которомъ правда.

Вотъ источникъ повидимому *непонятно*-жестокихъ наказаній, присуждаемыхъ насилователямъ.

«*Кромѣ замужества*—совокупленіе есть гибель. Обществу оно безвредно: но оно *губитъ субъекта, лицо*».

Тогда конечно—казнь! Какъ за убійство или ближайшее къ убійству!!! Кромѣ особенныхъ случаевъ. о которыхъ длинна рѣчь: но какъ разъ именно въ нашей цивилизаціи и приходится принимать во вниманіе эти «кромѣ»...

Кромѣ случая aeternae virginis, который чрезвычайно рѣдокъ и самъ себя отстаиваетъ, во имя чего мы могли бы потребовать у дѣвушки и всѣхъ вообще дѣвушекъ сохраненія ихъ дѣвства?

«Мы» здѣсь—государство, религія, нравственность, старая семья (родители, братья, «Валентинъ» [Фаустъ]).

Дѣвушка всегда можетъ отвѣтить, или, при молчаніи,—она будетъ полна рѣчей:

— *Мотивируйте* мнѣ мое дѣвство: и я его сохраню.

Но единственнаго мотива нѣтъ: —*замужества*.

Нѣтъ *замужества*, разсыпается и *дѣвство!*

Дѣвство только и сохраняется *для мужа;* каждая дѣвушка обязана его хранить—если непремѣнно *каждой дѣвушкѣ замужество обезпечено.* Чѣмъ? кѣмъ? Statu quo общества, закономъ, религіей, родителями. «Мнѣ до этого дѣла нѣтъ, я въ это не вмѣшиваюсь, я не законодательница»,—можетъ отвѣтить дѣвушка—*«мнѣ подай мужа. Вотъ это—я знаю, и—только это».*

Дѣвство есть *вещъ*, когда есть (будетъ) *мужъ.*

А когда мужъ «будетъ или нѣтъ», «выйдетъ или нѣтъ», «чётъ-нѣчетъ» и «сколько лепестковъ у сирени»: то и дѣвство тоже «выйдетъ» или «нѣтъ», при «чётѣ»—выйдетъ, а если «нѣчетъ»—то и не «выйдетъ»; и дѣвушка просто выйдетъ за калитку и броситъ его на-вѣтеръ: ибо «на-вѣтеръ» бросила цѣлая цивилизація ея *замужество.*

Тутъ смычокъ и струна: струна поетъ ту арію, которую ведетъ смычокъ. Смычокъ—замужество, активная сторона, «хозяинъ всего дѣла». И если «хозяинъ» пьянъ или дуракъ: то пусть ужъ и не

слѣзаетъ съ полатей, если у него «изъ подъ полы» всѣ дѣвушки разбѣгутся.

Дѣвство *въ наше время* потенціально-свободно; и оно не сегодня-завтра станетъ реально-свободно. Дѣвушки вырвутся и убѣгутъ. Убѣгутъ неодолимо, съ этими криками дочерей Лота:—«Никого нѣтъ, кто вошелъ-бы къ намъ *по закону всей земли:* напоимъ отца нашего, и зачнемъ отъ него дѣтей,—*я*, потомъ—*ты*».

Это сказала старшая и благоразумнѣйшая младшей, которой осталось только послушаться. Отъ дѣвъ произошли два народа—*моавитяне* и *аммалекитяне*. Почему сразу случилось? Богъ не хотѣлъ, съ одной стороны, чтобы это *повторялось:* а рѣшительныя дѣвушки повторили-бы поступокъ свой, если бы остались пустыми, безъ зарожденія. Съ другой стороны, однако, сохранивъ потомство ихъ въ вѣки и вѣки, до размноженія въ *цѣлый народъ*,—что̀ далеко не съ каждой беременной дѣвушкой случается,—Богъ тѣхъ библейскихъ временъ, и не знавшій иной награды угодному Ему человѣку какъ *умноженіе его потомства*, тѣмъ самымъ явно показалъ, что таковое твердое какъ у дочерей Лота размноженіе, увѣренное въ

себѣ размноженіе—гордое и смѣлое, не ползучее, а какъ-бы «верхомъ на конѣ, въ латахъ и шлемѣ»—Ему пріятно. Да, и въ самомъ дѣлѣ, только *оно* обезпечиваетъ расцвѣтъ земли и исполненіе воли Божіей.

(выпустилъ изъ корректт. «Уедин.»).

...«дорого назначаете цѣну книгамъ». Но это преднамѣренно: книга—не дешевка, не развратъ, не пойло, которое заманиваетъ «опустившагося человѣка». Не дѣва изъ цирка, которая соблазняетъ дешевизною.

Книгу нужно уважать: и первый этого знакъ—готовность дорого заплатить.

Затѣмъ, сказать-ли: мои книги—лекарство, а лекарство вообще стоитъ дороже водки. И приготовленіе—сложнѣе, и вещества (душа, мозгъ) положены болѣе цѣнныя.

(въ лѣсу на прогулкѣ).

7 Ученыхъ надо *драть за уши*... И мудрые изъ нихъ это одобрятъ, а прочіе если и разсердятся, то на это нечего обращать вниманія.

(*на прогулкѣ въ лѣсу*).

Удивительна все-таки непроницательность нашей критики... Я добръ или по крайней мѣрѣ совершенно не злобенъ. Даже лица, причинившія мнѣ неисчерпаемое страданіе и униженіе,—Аѳонька и Тертій,—не возбуждаютъ во мнѣ собственно злобы, а только смѣшное и «не желаю смотрѣть». Но никогда не «играла мысль» о ихъ страданіи. Струве—ну, да, я хотѣлъ-бы поколотить его, но добродушно, въ спину. Господи, если-бы мнѣ «ударить» его, я расплакался-бы и сказалъ: «ударь меня вдвое». Такимъ образомъ никогда *месть* мнѣ не приходила на умъ. Она приходила развѣ въ отношеніи учрежденій, государственности, церкви. Но это—не лица, не душа.

Такимъ образомъ самая *суть* моя есть доброта,—самая обыкновенная, безъ «экивоковъ». Ничье страданье мнѣ не рисовалось какъ *мое наслажденіе*,—и въ этомъ все дѣло, въ этомъ суть «демонизма». Котораго я совершенно лишенъ,—до *непредставленія его и у кого-нибудь*. Мнѣ кажется, что это все выдумано, преимущественно дворянами, какъ Байронъ,—и отъ *молодости*. «Были сказки о домовыхъ, а потомъ выдумали занимательнѣе—демонъ».

Печальный и пр. и пр.

. . . . . .

Между тѣмъ всѣ статьи обо мнѣ начинаются опредѣленіями: «*демонизмъ* въ Р.». И ищутъ, ищутъ. Я читаю: просто—ничего не понимаю. «Это—не *я*». Впечатлѣніе до такой степени *чужое*, что даже странно, что пестритъ моя фамилія. Пишутъ о «коровѣ», и что она «прыгаетъ», даже потихоньку «танцуетъ», а главное—у нея «клыки» и «по ночамъ глаза свѣтятъ зеленымъ блескомъ». Это ужасно странно и нелѣпо, и такое нелѣпое я выношу изо-всего, что обо мнѣ писали Мережковскій, Волжскій, Закржевскій, Куклярскій (только у Чуковскаго строкъ 8 *индивидуально*-вѣрныхъ,—о давленіи крови,

о температурѣ, о множествѣ сердецъ). Съ Ницше... никакого сходства! Съ Леонтьевымъ—никакого же личнаго (сход.). Я только люблю его. Но сходство и «люблю»—разное.

Я самый обыкновенный человѣкъ; позвольте полный титулъ: «коллежскій совѣтникъ Василій Васильевичъ Розановъ, пишущій сочиненія».

Теперь, эти «сочиненія»... Да, мнѣ многое пришло на умъ, чего раньше *никому* не приходило, въ томъ числѣ и Ницше, и Леонтьеву. По сложности и количеству мыслей (точекъ зрѣнія, узора мысленной ткани) я считаю себя *первымъ*. Мнѣ иногда кажется, что я понялъ *всю исторію* такъ, какъ-бы «держу ее въ рукѣ», какъ-бы исторію *я самъ сотворилъ*,—съ такимъ-же чувствомъ уродненія и полнаго постиженія. Но сюда я выведенъ былъ своимъ «положеніемъ» («другъ» и исторія съ нимъ), да и пришли лишь именно *мысли*, а это — не *я самъ*. Я — добрый и малый (parvus): а если «мысли» дѣйствительно великія, то развѣ мальчикъ не «открываетъ солнца», и «звѣздъ», всю «поднебесную», и что «яблоко падаетъ» (открытіе Ньютона), и даже труднѣйшее и глу-

бочайшее—первую молитву. Вотъ я такой «мальчикъ съ неутертымъ носомъ»,—«все открывшій». Это—мое *положеніе*, но не—*я*. Отъ этого я считаю себя, что «въ Богѣ»... У меня есть серьезная увѣренность:—Богъ *для того-то* и подвелъ меня (точно взявъ за руку) встрѣтиться съ другомъ, *чтобы* я безмѣрно наивнымъ и добрымъ взглядомъ *увидѣлъ* «море зла и гибели», вообще — *сокрытое* «отъ премудрыхъ земли», о чемъ не догадывались никогда.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Тогда я жилъ оставленный, брошенный—*безъ моей вины*. Обошелъ человѣкъ и сдѣлалъ вредъ.

Вдругъ я встрѣчаю, при умираніи третьяго (товарищъ), слезы... Я удивился... «Что такое слезы?» «Я никогда не плачу». «Не понимаю, не чувствую».

Я весь задеревенѣлъ въ своей злобѣ и оставленности и мелкихъ «картишкахъ».

Плачъ,—у гроба *третьяго*.—былъ для

меня что̀ яблоко для Ньютона. «Такъ вотъ, можно жалѣть, плакать»... Удивленный, пораженный (Ньютоновъ моментъ), я сталъ вникать, вслушиваться, смотрѣть.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Разъ я стоялъ во Введенской церкви съ Таней, которой было три года.

Службы не было, а церковь никогда не запиралась. Это — въ Петербургѣ, на Петербургской сторонѣ. Особенно—тихо, особенно—одинъ. Въ церковь я любилъ заходить все съ этой Таней, которая была худенькая и необыкновенно граціозна, мы же боялись у нея менингита, какъ у перваго ребенка, и почти не считали, что «выживетъ». И вотъ, тихо-тихо... Всё прекрасно... Когда вдругъ въ эту тишину и миръ капнула какая-то капля, точно голосъ прошепталъ:

«...вы здѣсь—*чужіе. Зачѣмъ* вы сюда пришли? Къ *кому*? Васъ никто *не ждалъ*. И не думайте, что вы сдѣлали что-то «такъ»

и «что̀ слѣдуетъ», придя «вдвоемъ» какъ «отецъ и дочка». Вы—«смутьяны», отъ васъ «смута» . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Когда я услышалъ этотъ голосъ, можетъ быть и свой собственный, но *впервые эту мысль сказавшій*, безъ предвареній и подготовки, какъ «внезапное», «вдругъ», «откуда-то»—то я вышелъ изъ церкви вдругъ залившись сіяніемъ и гордостью и *какъ побѣдитель*. Побѣдитель того, чего никто не побѣждалъ,—даже того, *кого* никто не побѣждалъ.

— Пойдемъ, Таня, отсюда...

— Пора домой?

— Да... домой пора.

«Неужели-же такъ и кончится его дѣятельная жизнь, посвященная всецѣло на благо человѣчества?»

«Ему не хотѣлось вѣрить, что Провидѣніе уготовило ему столь ужасный конецъ».

«Онъ вспомнилъ о Гарри Тэксонѣ, вспомнилъ много случаевъ, когда онъ освобождалъ

отъ ужасной смерти этого многообѣщающаго, дорогого ему юношу...»

(*«Графиня-Преступница»*).

Такъ предсмертно разсуждалъ Шерлокъ Холмсъ, вися въ коптильнѣ подъ потолкомъ, среди окороковъ (*туда его поднялъ на блокѣ, предварительно оглушивъ ударомъ резины,—разбойникъ*), и ожидая близкой минуты, когда будетъ впущенъ дымъ и онъ прокоптится на равнѣ съ этими окороками.

Мнѣ кажется, Шерл. Хол.—тоже, что «Страшныя приключенія Амадиса Гальскаго», которыми зачитывался, по свидѣтельству Сервантеса, герой Ламанчскій,—и которыми безъ сомнѣнія потихоньку наслаждался и самъ Сервантесъ. Дѣло въ томъ, что неизвѣстный составитель книжекъ о Холмсѣ (въ 48 стр. 7 к. книжка),— вѣроятно исключенный за неуспѣшность и шалости гимназистъ V—VI-го класса,— найдя такое успѣшное приложеніе своихъ силъ, серьезно раскаялся въ своихъ гимназическихъ порокахъ и написалъ книжки свои вездѣ съ этимъ паѳосомъ къ добродѣтели и истиннымъ отвращеніемъ къ преступленію. Книжки его вездѣ нравственны, не циничны, и рѣшительно добропорядоч-

нѣе множества яко-бы «литературно-политическихъ» газетъ и бельлетристики.

Есть страшно интересныя и милыя подробности. Въ одной книжкѣ идетъ рѣчь о «первомъ въ Италіи *ворѣ*». Авторъ принесъ очевидно рукопись издателю: но издатель, найдя, что «король воровъ» не заманчиво и не интересно для сбыта, зачеркнулъ это заглавіе и надписалъ свое (издательское): «*Королева* воровъ». Я читаю-читаю, и жду, когда-же выступитъ *королева* воровъ? Оказывается, во всей книжкѣ — ея нѣтъ: разсказывается только о джентльменѣ-ворѣ.

Есть еще трогательныя мѣста, показывающія духъ книжекъ:

«На мгновеніе забылъ все на свѣтѣ Шерлокъ Холмсъ, въ виду такого опаснаго положенія своего возлюбленнаго ученика. Онъ поднялъ Гарри и понесъ его на террасу, но окно, ведущее въ комнаты, оказалось уже запертымъ.

. . . . . .

. . . . . .

— А кто этотъ раненый молодой человѣкъ?

— Это честный добрый молодой человѣкъ, на васъ не похожій, милордъ».

(«*Только одна капля чернилъ*»).

Еще, въ концѣ:

«— И вы дѣйствительно счастливы и довольны своимъ призваніемъ?

— Такъ счастливъ, такъ доволенъ, какъ только можетъ быть человѣкъ. *Раскрыть истину, охранять законъ и права*—великое дѣло, великое призваніе.

— Пью за ваше здоровье... Вы—*утѣшитель несчастныхъ, заступникъ обиженныхъ*, страхъ и гроза преступниковъ».

(*«Одна капля чернилъ», конецъ*).

Читая, я всматривался мысленно въ отношенія Шерлока и Гарри,—съ точки зрѣнія «людей луннаго свѣта»: нельзя не замѣтить, что, какъ ихъ представилъ авторъ, они—не замѣчая того сами—оба влюблены одинъ въ другого: Гарри въ Холмса—какъ въ старшаго по лѣтамъ своего мужа, благоговѣя къ его уму, энергіи, опытности, зрѣлости. Онъ вездѣ бѣжитъ около Холмса, какъ около могучаго быка—молодая телушечка, съ абсолютнымъ довѣріемъ, съ абсолютной влюбленностью. Холмсъ-же смотритъ на него какъ на возлюбленнаго сына,—съ оттѣнкомъ, когда «сынъ-юноша» очень похожъ на дѣвушку. Обоихъ ихъ *нельзя представить себѣ женатыми*: и Гарри въ сущности—урнингъ, и Холмсъ—вполнѣ урнингъ:

Къ *земнымъ утѣхамъ* нѣтъ *участья*,
И взоръ въ грядущее глядитъ.

Удовольствіе, вкусная ѣда, роскошь въ одеждѣ—имъ чужда. Незамѣтно, они суть «монахи хорошаго поведенія», и имѣютъ одинъ паѳосъ—истребить съ лица земли преступниковъ. Это — Тезей, «очищающій дорогу между Аргосомъ и Аѳинами отъ разбойниковъ» и освобождающій человѣчество отъ страха злодѣевъ и преступленій. Замѣчательно, что проступки, съ которыми борются Шерлокъ и Гарри—исключительно отвратительны. Это не проступки нужды или положенія, а проступки дѣйствительнаго *злодѣйства въ душѣ*, совершаемые виконтами, лордами-наслѣдниками, учеными медиками, богачами или извращенными женщинами. Вездѣ лежитъ *вкусъ къ злодѣйству*, съ которымъ борется *вкусъ къ добродѣтели* юноши и мужа, рыцаря и оруженосца. Когда я началъ «отъ скуки» читать ихъ,—я былъ рѣшительно взволнованъ. И впервые выписовался въ моемъ умѣ человѣческое

CRIMEN

Оно—*есть*, *есть*, *есть*!!!..

Есть какъ особое и *самостоятельное* начало міра, какъ первая буква особаго ал-

фавита, на которомъ не написаны «наши книги»; а его, этого преступнаго міра, книги всѣ написаны «вовсе не на нашемъ языкѣ».

И, помню, я ходилъ и все думалъ: crimen! crimen! crimen!

«Никогда на умъ не приходило»...

И мнѣ представился *судъ* впервые, какъ что-то необходимое и важное. Раньше я думалъ, что это «рядятся» люди въ цѣпи и прочее, и дѣлаютъ какіе-то пустяки, не похожіе на дѣла другихъ людей, и что все это интересно наблюдать единственно въ смыслѣ профессій человѣческихъ.

Нѣтъ.

Вижу, что—нужно.

Дѣло.

Только у человѣка: цвѣтетъ, а завязаться плоду не даютъ.

(*«сформировывается» дѣвушка въ 13—14 лѣтъ, а «супружество» отложено до 20-ти лѣтъ и далѣе*).

...да Элевзинскія таинства совершаются и теперь. Только когда ихъ совершаютъ люди, они уже не знаютъ теперь, что это—таинства.

...да вѣдь совершенно-же ясно, что соціалъ-демократія никому рѣшительно не нужна кромѣ Департамента государственной Полиціи.

Безъ нея—у Департамента работы нѣтъ, какъ нѣтъ удочки и лова безъ «наживки». Соціалъ-демократія, какъ доктрина, — есть «наживка» на крючкѣ. И Департаментъ ловитъ «живность» этой приманкой.

Съ этой точки зрѣнія,—а въ вѣрности ея нельзя сомнѣваться,—«Отечественныя Записки», «Русское Богатство», «Дѣло», Михайловскій, Щедринъ—были въ «неводѣ» правительства и служили наиболѣе ядовитому его департаменту. Все соверши-

лось «обходомъ» и Щедринъ-Михайловскій со-работали III-му отдѣленію.

Но вышло «ужъ черезчуръ». Неосторожно «наживку» до того развели, что она прорвала сѣть и грозитъ съѣсть самого рыбака. «Вся Россія—соціалъ-демократична».

Понятно, для чего существуетъ «Русское Богатство». Какой-же томящійся питомецъ учительской семинаріи, какъ и сельскій учитель «съ свѣтлой головой», не напишетъ «письмо-души-Тряпичкина» нашему славному Пѣшехонову или самому великому Короленкѣ. И чѣмъ ловить тамъ по губерніямъ, слѣдить тамъ по губерніямъ, — легче «прочитать на свѣтъ» письма, приходящія къ 3—4—10 «лѣвымъ сотрудникамъ извѣстнаго журнала». «Весь уловъ» и очутится «тутъ».

Понятно. Математика. Но «переборщили», не замѣтивъ, что вся Россія поглупѣла, опошлѣла, когда $^1/_2$ вѣка III-ье отдѣленіе «оказывало могущественное покровительство» всѣмъ этимъ дурачкамъ, служившимъ ему при блаженной увѣренности, что они служатъ солидарной съ ними общечеловѣческой соціалъ-демократіи.

Департаментъ сдѣлалъ революцію безсильной. Но онъ самъ обезсилѣлъ, революціонизировавъ всю Россію.

Каша и русская «неразбериха». Гдѣ «тонко»—тамъ и «рвется».

Но вотъ объясненіе, почему славянофильскіе журналы одинъ за другимъ запрещались; запрещались журналы Достоевскаго. И только какая-то «невидимая могущественная рука» охраняла цѣлый рядъ анти-правительственныхъ соціалъ-демократическихъ журналовъ. Почему Благосвѣтловъ съ «Дѣломъ» *не былъ* гонимъ, а Аксаковъ съ «Парусомъ» и «Днемъ»—гонимъ *былъ*.

Пожалуй, и я попалъ: Купринъ, описывая «во-всю» публ. д.—«прошелъ», а Розановъ, заплакавшій отъ страха могилы («Уед.»),—былъ обвиненъ въ порнографіи.

— Шора, сказала мамаша.

И мы вышли въ городской садъ. На мнѣ былъ черный сюртукъ и лѣтнее пальто.

Она въ бѣломъ платьѣ, и сверху что-то. Въ началѣ іюня. Экзамены кончились и на душѣ никакой заботы. Будущее свѣтло.

Солнце было жаркое. Мы прогуливались по главной аллеѣ, и уже сдѣлали два тура, когда въ «боковушкѣ» Ивана Павловича отворилось окно, и, почти закрывая «зычной фигурой» все окно, онъ показался въ немъ. Онъ смѣялся и кивнулъ.

Черезъ минуту онъ былъ съ нами. Весь огромный, веселый.

— И вѣнцы, Иванъ Павловичъ?

— Конечно!

Мы сдѣлали туръ.—«Ну, пойдемте-же». И за нимъ мы вошли во дворъ. Онъ подошелъ къ сторожкѣ.—«Такой-то такой-то (имя и отчество), дайте-ка ключи отъ церкви».

Старичокъ подалъ огромный ключъ, какъ «отъ крѣпости» (видалъ въ соборахъ: «ключъ отъ крѣпости такой-то, взятой русскими войсками»).

— Пойдемте, я вамъ все покажу.

Растворилась со звукомъ тяжелая дверь. Я «что-то стоялъ»... И, затворивъ дверь, онъ звучно ее заперъ. «Крѣпко». Лицо въ улыбкѣ, боязни—хоть бы тѣнь. Повернулись оба къ лѣстницѣ:

Стоитъ моя Варя на колѣняхъ... Какъ войти по лѣсенкѣ,—ступеней 6,—то сей-

часъ на стѣнѣ образъ; увидавъ его,—«какъ осѣненная» Варя бросилась наколѣни, и что-то горячо, пламенно шептала.

Я «ничего». Тоже перекрестился.

Вошли.

. . . . . .

. . . . . .

Самолюбіе и злоба—изъ этого смѣшана вся революція. Если попадаются исключенія, то это такая рѣдкость (Мельшинъ, Анненскій).

(*на поданной почтовой квитанціи*).

Сила евреевъ въ ихъ липкости. Пальцы ихъ—точно съ клеемъ. «И не оторвешь».

(*засыпая*).

Все къ нимъ прилипаетъ и они ко всему прилипаютъ. «Нація съ клеемъ».

(*утромъ завтра*).

...окурочки-то все таки вытряхиваю. Не всегда, но если съ ½-папиросы не докурено. Даже и меньше. «Надо утилизировать» (вторично употребить остатки табаку).

А вырабатываю 12.000 въ годъ, и конечно не нуждаюсь въ этомъ. Отчего?

Старая неопрятность рукъ (дѣтство)... и даже, пожалуй, по сладкой памяти ребяческихъ лѣтъ.

Отчего я такъ люблю свое дѣтство? Свое измученное и опозоренное дѣтство.

(перебравъ въ пепельницѣ окурки и вытряхнувъ изъ нихъ табакъ въ свѣжій табакъ) (на письмѣ Ольги Ивановны).

Симпатичный шалопай—да это почти господствующій типъ у русскихъ.

Я чувствую, что *метафизически* не связанъ съ дѣтьми, а только съ «другомъ».

Развѣ съ Таней...

И слѣдовательно связь черезъ рожденіе еще не вхлестываетъ въ себя метафизику.

Съ дѣтьми нѣтъ какой-то «связующей тайны». Я имъ нуженъ—но это эмпирія. На нихъ (часто) любуюсь—и это тоже эмпирія. Нѣтъ загадки и нѣтъ боли, которыя есть между мною и другомъ. Она-то одна и образуетъ метафизическую связь.

Если она умретъ—моя душа умретъ. Все будетъ только волочиться. Пожалуй, писать буду (для денегъ, «ежедневное содержаніе»), но это все равно: *меня* не будетъ.

«Букетъ» исчезнетъ изъ вина и останется одна вода. Вотъ «моя Варя».

Мамочка никогда не умѣла отличить *клубовъ* пара отъ дыма, и войдя въ горячее отдѣленіе бани, гдѣ я поддалъ себѣ на полокъ, вскрикивала со страхомъ: «какой

угарѣ!...» Также она не умѣла отпереть никакого замка, если отпираніе не заключалось въ простомъ поворачиваніи ключа *вправо*. Когда я ей объяснилъ, что нужно же писать «мпть» и вообще въ дательномъ падежѣ—*ъ*, то она, не пытаясь вникнуть и разобраться, вообще вездѣ предпочла писать *ъ*. Когда я ей объяснилъ, что лучше вездѣ писать *е*, то она уже не стала переучиваться, и удержала старую привычку (т. е. везде *ъ*).

Вообще она не могла вникнуть ни въ какія *хитрости* и ни въ какія *глупости* (мелочи): слушая ихъ ухомъ, она не прилежала къ нимъ *умомъ*.

Но она высмотрѣла дѣтямъ всѣ *лучшія школы* въ Петербургѣ. Пошла къ Штембергу (для Васп). Директоръ ей понравился. Но выйдя на дворъ, во время роспуска учениковъ, она стала за ними наблюдать: и придя изложила мнѣ, что «все хорошо, и директоръ, и порядокъ», но какъ-то *«вульгаренъ будетъ составъ товарищей»*. Пошла въ школу Тенишевой, — и сказала твердое—«туда». Дѣвочкамъ выбрала гимназію Стоюниной, а нервной, падающей на-бокъ Танѣ, какъ и неукротимой Варварѣ, выбрала школу Левицкой. И, дѣйствительно, для *оттѣнковъ* дѣтей подошли

именно эти *оттѣнки* школъ; она ихъ не угадала, а твердо вывѣрила.

Вообще твердость сужденія и поступка—въ ней постоянны. Никакой каши и мямленья, нерѣшительности и колебанія. И никогда «сразу», «съ азарту», «вдругъ». Самое колебаніе всегда продолжалось 2—3 дня; и она ужасно въ нихъ работала умомъ и всей натурой.

А замка не умѣла отпереть: ибо это и дѣйствительно вѣдь *глупость*. Ибо замки вѣдь вообще должны *запирать*, п—*только*, т. е. все «направо»; а что сверхъ сего—«отъ лукаваго». И она «отъ лукаваго не понимала.

Однажды мнѣ кой-что грозило, и я между рѣчей сказалъ ей, что куплю револьверъ. Вдругъ къ вечеру съ пылающимъ лицомъ она входитъ въ мою квартиру, въ домѣ Рогачевой. И едва поцѣловавъ, заговорила:

— Я сказала Тихону (братъ, юристъ)... Онъ сказалъ, что это *Сибиремъ пахнетъ*.

— Сибирью...

— Сибиремъ, —она поправила, — равнодушная къ формѣ и выговаривая какъ восприняло ухо. Она была занята *мыслью о ссылкѣ*, я не грамматикой.

Крѣпко схвативъ, я ее осыпалъ поцѣлуями. И до сихъ поръ эта тревога за лю-

бимаго человѣка у меня не разъединима съ «Сибпремъ пахнетъ».

Она вся пылала, торопилась и запрещала (т. е. покупать револьверъ). Да я и стрѣлять не умѣлъ.

Она вышла изъ 3-го класса гимназіи. Именно,—она все пачкала (замуслякивала) чернилами парту, замѣтивъ, что Иванъ Павловичъ (Леоновъ), говоря ученицамъ объясненія, опирается пальцами на столъ (онъ былъ огромнаго роста и толстый). Тотъ все пачкался. Пожаловался. И поставили въ поведеніи «4». Мамаша (Ал. Адр. Руднева), вообразивъ, что «4 въ поведеніи *дѣвушкѣ*»—маретъ ее и намекаетъ на «VII заповѣдь», оскорбилась и сказала:

«— Не ходи больше. Я возьму тебя изъ гимназіи. Они *не смѣютъ порочить дѣвушку*».

Хорошее—и у чужого хорошо. Худое — и у своего ребенка худо.

Встала въ 11-мъ часу. Отдыхъ, 3 раза будили.

. . . . . .

(начало вакаціи у учащихся дѣтей)

(сержусь).

У Кости Кудрявцева директоръ (Садоковъ) спросилъ на переэкзаменовкѣ:

— Скажите, что́ вы знаете о *кумъ?*

Костя былъ толстомордый (особая лѣпка лица), волосы ежомъ, взглядъ дерзкій и наглый.

А душа нѣжная.

Улыбнулся и отвѣчаетъ:

— Ничего не знаю.

— Садитесь. Довольно.

И поставилъ ему единицу.

Костя мнѣ съ отчаяніемъ говорилъ (я ждалъ у дверей):

— Подлецъ онъ этакій: скажи онъ мнѣ *квумъ*—и я бы отвѣтилъ. О *квумъ* три страницы у Кремера (грамматика). Онъ, чортъ этакій, выговорилъ — *кумъ*! (есть право и такъ выговаривать, но имъ не пользуются) Я подумалъ: «*кумъ!* — предлогъ *съ*»; что́ же объ немъ отвѣчать, кромѣ того, что— «съ творительнымъ»? ...но это—до того «само собою разумѣется», что я счелъ позорнымъ отвѣчать для пятаго класса.

И исключили. Въ тотъ часъ у него умеръ и отецъ. Онъ поступилъ на службу (чтобы поддерживать мать съ дѣтьми), —

сперва въ полицейское управленіе,—и писалъ мнѣ отчаянныя письма («Вася, думали ли мы, что придется служить въ проклятой полиціи»), потомъ—на почту, и «теперь работаю въ сортировочной» (сортировка писемъ по городамъ).

Въ то же время гдѣ-нибудь аккуратный и хорошенькій мальчикъ «Сережа Муромцевъ» учился отлично, директоръ его гладилъ по головѣ, кончилъ съ медалью, въ университетѣ—тоже съ медалью, наконецъ — профессоръ «съ небольшой оппозиціей»... И, оправдывая Некрасовское

... До хорошаго мѣстечка
Доподаешь ужомъ,

— вышелъ въ предсѣдателя 1-й Госуд. Думы. И произнесъ знаменитое mot: «Государственная Дума *не можетъ ошибаться*». Неужели мой Костя могъ бы такъ провалиться на государственномъ экзаменѣ?!!

Да, онъ *кумъ* не зналъ: но онъ былъ ловокъ, силенъ, уменъ, тактиченъ «во всякихъ дѣлахъ міра». А какъ гребъ на лодкѣ! а какъ—потихоньку—пилъ пиво и игралъ на билліардѣ! И читалъ запоемъ.

Гдѣ этотъ милый товарищъ?!

Я сохранилъ его письма; вотъ они:

I.

Скука, братецъ, безъ тебя въ классѣ ужасная (по крайней мѣрѣ, для меня)! Неужели ты пролежишь еще недѣлю? Впрочемъ, это лучше—отдохнешь, а то тебя совсѣмъ замучили классическія репетиціи.

Въ классѣ у насъ все по старому, т. е. все плохо и *всѣ* плохи. Звѣзда первой величины, Ешинскій, сегодня явилась въ наше туманное пятно, но съ меньшимъ блескомъ, чѣмъ прежде. Остафьевъ тоже пришелъ; все укорялъ, что не заходилъ къ тебѣ во время болѣзни. Гуманный мальчикъ!.. Звѣзда 4-й величины.

Теперь перехожу къ патентованнымъ. Алексѣевскій шатается по концертамъ, по Покровкѣ [1] и, кажется, преуспѣваетъ въ сердцѣ м-ссъ Кетти [2]. Воспылай гнѣвомъ Отелло, Васька!

[1] Главная улица въ Нижнемъ, куда къ вечеру «высыпали всѣ» и искали «встрѣчъ»,—или, скромнѣе,—обмѣнивались взглядами. Гулять по Покровкѣ считалось презрѣннымъ для демократической части гимназистовъ. Алексѣевскій—лучшій въ классѣ математикъ, и о немъ «на Покровкѣ»—съ удивленіемъ и возмущеніемъ пишетъ Кудрявцевъ. Онъ былъ нашъ дорогой товарищъ.

[2] Презрѣя грубое русское «Катя», мы именовали по-англійски «миссъ Кетти» горничную Катерину, служившую у покойнаго моего брата. Она была какъ бы субтильная нѣмочка по виду,—т. е.

Поливановъ... впрочемъ, это ужъ не звѣзда, а цѣлая видимая планета по части глупостей и шалопайничества. Сообщу два факта. Вчера я узналъ отъ него самаго, что трипперъ или бобонъ посѣтилъ его отъ неумѣренныхъ наслажденій съ горничною. Далѣе, сегодня, въ классѣ, во время геометріи, онъ курилъ, пуская клубы дыма изъ подъ парты! Я тебѣ передаю *буквально*. Грѣховъ [1] не замѣтилъ.

Про другихъ учениковъ не стоитъ говорить.

Силинъ глупѣетъ съ каждымъ днемъ (въ *моихъ* глазахъ) все болѣе и болѣе. Шляется, гудитъ на скрипкѣ, такъ что бѣги вонъ, коечто читаетъ... Суворовъ досталъ мѣсто въ конторѣ «Кавказъ и Меркурій».

блѣдна и тонка; по манерамъ—утончсина; и это было причиною, что она нравилась мнѣ и всѣмъ моимъ товарищамъ. Я съ ней велъ переговоры, что сперва се обучу, а потомъ—мы женимся. И училъ ее читать и писать. О ней см. смѣшной *договоръ* въ концѣ переписки.

[1] Грѣховъ—прекраснѣйшій преподаватель математики въ Нижнемъ. Жена его, Дарья Кирилловна,—общая любимица гимназистовъ и заступница за нихъ. Петруша Поливановъ,—уже въ гимназіи бредившій революціей,—попалъ впослѣдствіи въ Петропавловскую крѣпость; а, выпущенный изъ нея, почему-то покончилъ съ собой (повѣсился). Ссылка на Поливанова—конечно ложна: *весь* нашъ классъ, очень демократическій, и слѣд. серьезный, былъ «безъ этихъ увлеченій *дѣвицами*», кромѣ разговоровъ и шутокъ. Поливановъ безъ сомнѣнія хвастался и вралъ на себя.

Я читаю, думаю, много сплю, уроками занимаюсь мало и проч. Посѣтить тебя можно, что-ли? Впрочемъ, сегодня и завтра придти не могу. Пиши мнѣ что нибудь, тебѣ-же я написалъ довольно: еще пожалуй Бертранъ [1] спроситъ повторить.

Кудрявцевъ.

Такъ и есть.

1874 г. мартъ 10.

На спинкѣ записки адресъ:

Василію Васильевичу

Розанову,

доктору медицины и философіи, члену-корреспонденту всѣхъ Академій Наукъ въ свѣтѣ, знаменитому естествоиспытателю, минералогу, энтомологу, и проч. и проч. и проч.

Отъ К. К.

II.

Милый Розановъ!

Сто разъ съ разомъ прошу прощенія за то, что вчера не пришелъ. Получивъ твое письмо, я намѣревался быть у тебя въ 7 часовъ, но... является Переплетчиковъ, зоветъ съ собой. Я

[1] Учитель французскаго языка, на урокѣ коего Кудрявцевъ мнѣ писалъ эту записку. Изъ приписки «Такъ и есть»—послѣ письма, видно, что Бертранъ и «поймалъ» Костю въ невниманіи.

сперва отказывался, но не устоялъ противъ искушенія—поиграть на биллiардѣ. (Я недавно началъ учиться играть на немъ и полюбилъ биллiардъ больше пива). Ну, пошли, играли, пили... потомъ я зашелъ къ П—ову, просидѣлъ до часу ночи. Къ тебѣ—*если можно*—я приду сегодня въ 7 часовъ. Что ты, братъ, какая тюря: все хвораешь? Послѣ этой болѣзни, надѣюсь, послѣдней—тебя не будутъ выпускать изъ дому... Въ маѣ и іюнѣ сидѣть дома!!.. До свиданія.

Кудрявцевъ.

1874 г. 10 мая.

Отвѣть пожалуйста на эту писульку. Отъ тебя такъ пріятно получать записки... «Русск. Стар.» еще у васъ?

К. К.

III.

Деревушка Митинка.
28 сентября 1874 г.

Милый и дорогой мой другъ Вася!

Если-бы ты видѣлъ, какъ я читалъ твое письмо, какъ я радовался, чуть не прыгалъ и чуть не плакалъ, что ты такъ мало (sic. *В. Р.*) написалъ! Отъ души, отъ всего сердца благодарю тебя, Вильямъ [1], за твою записку... Мнѣ она по-

[1] Т. е. «Василій». Въ гимназіи мы питали (Богъ вѣсть, почему) презрѣніе ко всему русскому, вѣрнѣе—ко всему «своему» «близкому», «здѣшнему»,—и перемѣняли имена свои на чужіе. Прочитавъ уже

казалась лучше и дороже длиннѣйшаго письма Силпяа. Но къ дѣлу, къ дѣлу... Да, милый Розановъ, въ нынѣшній годъ я столько перенесъ горя, несчастій, что и сказать страшно. Ты ужъ знаешь, вѣроятно, отъ Силпина или Переплетчикова, что я лишился отца. Что я чувствовалъ, что во мнѣ происходило—сказать трудно... Но пойми только это: отецъ умеръ послѣ того, какъ у насъ все сгорѣло; дѣла всѣ въ разстройствѣ, я не знаю—куда приткнуться; и ты живо вообразишь мое положеніе. Видѣть убитую горемъ мать, слышать вокругъ себя отъ всѣхъ и каждаго: «онъ умеръ, оставивъ жену и 8 человѣкъ дѣтей малъ-мала меньше!»—все это, Розановъ, ужасно подѣйствовало на меня. Тысячи мыслей, одна другой печальнѣе, приходили мнѣ въ голову... Мнѣ нужна была сильная поддержка,—ея не было. Я положительно упалъ духомъ... Но скоро я поправился; я сталъ думать о матери, о братьяхъ... А о себѣ? Что думать... На меня находятъ, Вася, минуты горькаго раскаянія въ моей безалаберной, безшабашной жизни въ Нижнемъ! И въ самомъ дѣлѣ: вѣдь я былъ-бы теперь въ 7-мъ классѣ! Пробивалъ-бы грудью, а не лбомъ, себѣ дорогу... Какой я безхарактернѣйшій человѣкъ, Вася! Но не суди меня ради... ради *науки* (sic. *В. Р.*), милый Вася! Что дѣлать? А теперь... эхъ!.. теперь университетъ отъ меня *далеко*, милый Вася! Отъ тебя *близко*...

Бокля и Дрэпера, я выбралъ себѣ англійское имя «Вильямъ». Въ Симбирскѣ былъ у меня товарищъ, который называлъ себя и подписывался—«Kropotiui italio» (Кропотовъ).

(Ты не повѣришь, Розановъ,—я плачу, когда пишу эти строки, *буквально плачу*...) Да, горько, грустно!

Теперь въ настоящую минуту, у меня одна цѣль: попасть на порядочное мѣсто и поддерживать мать, а тамъ... что пошлетъ Судьба, неумолимый fatum. Но какая скука, какая безъисходная тоска жить здѣсь! У насъ есть свой домикъ въ уѣздномъ городишкѣ Симб. губ., Алатырѣ; но мать пока живетъ у родного брата своего, здѣсь. Кругомъ все заботы о дѣлахъ; даже замучился. хлопоча объ нихъ. Сидишь, сидишь, а тоска лѣзетъ на душу... Братья хохочутъ, играютъ, крикнешь на нихъ, поколотишь... А тоска... Ждешь, ждешь писемъ, особенно письма изъ Москвы. Ахъ, да, Розановъ,—у меня есть протекція и очень, кажется, сильная... У меня, твоего бѣднаго друга! Дѣло въ томъ, что нѣкій графъ Ланской можетъ дать мнѣ выгодное мѣстечко, такъ какъ хорошо былъ знакомъ съ отцомъ; за меня хлопочетъ сосѣдняя помѣщица, Ѳедорова, которая приходится мнѣ крестной матерью. Она теперь въ Москвѣ. Можетъ быть, я и попаду туда. Но я даю тебѣ слово, Розановъ, что я буду заниматься, хотя понемногу, при какихъ-бы то ни было обстоятельствахъ. Видишь-ли въ чемъ штука: мнѣ нужно выдержать экзаменъ въ 6-й или 7-й классъ, чтобы не служить 6 лѣтъ въ паршивой военщинѣ. Я *постараюсь* выдержать. Какъ мнѣ хочется быть хоть вольнослушателемъ въ университетѣ! А вѣдь ужасно скверно, Розановъ, быть недоучившимся, остановиться на полдорогѣ. Видалъ я такихъ господъ. Какъ мнѣ хочется, Розановъ, увидать тебя, погово-

рить съ тобой! Peut-être, я съ тобой скоро увижусь на пути въ Москву, а можетъ быть—и долго, долго... такъ что ты меня забудешь... Ахъ, Розановъ, это такъ тяжело будетъ для меня! Впрочемъ, нѣтъ,—что за глупости!—ты пишешь: «я все такой же, какъ и прежде...», а я комментирую: т. е. онъ также любитъ меня и также дружитъ со мной... Не правда-ли? Скажи, милый Вася!

Я здѣсь очень мало читаю; впрочемъ перерылъ всѣ шкафы съ журналами начала XIX-го вѣка: «Вѣст. Евр.» М. Каченовскаго, даже Карамзина, «Сынъ Отеч.», «Библ. для Чтенія», «Соврем.» и т. п. Все ужасное старье! Стараюсь доставить книгъ, откуда только можно. Много гуляю, много хожу съ ружьемъ. Ужасно я полюбилъ эти уединенныя прогулки. Идешь по проселочной дорожкѣ, куришь порядочную сигару (я курю открыто), а самъ думаешь... Погода здѣсь стоитъ весь сентябрь прелестная. Солнце садится... Тишь кругомъ. Изрѣдка откудато долетитъ пѣсня... Каркнетъ ворона Длинныя бѣлыя паутины носятся по воздуху... Зайдешь въ самую глушь полей, приляжешь къ стогу... и Боже! чего, чего не передумаешь? Даже Америку вспомнишь, мою заѣтную думушку, и изученіе англійскаго языка... А доллары были-бы теперь весьма кстати. Не правда-ли? Съ какимъ томительнымъ нетерпѣніемъ ждешь ъ такой глуши новостей, писемъ, газетъ... Срахъ! «Русскія Вѣдомости», благо ихъ выписываетъ дядя, я пожираю строчку за строчкою... Что это у васъ дѣлается въ Нижнемъ? Аесты, обыски, открытія... Поливановъ кипятится, горячится... Крѣпко жму ему руку

и всѣмъ моимъ хорошимъ товарищамъ, Карпову, Остафьеву и... Ешинскому. (Если онъ захочетъ пожать мнѣ руку).

Ну, мой милый, теперь къ тебѣ безотлагательная просьба. А именно: пиши ко мнѣ такіе-же огромные фоліанты, какъ я тебѣ, а не короткія записки. Пиши ко мнѣ все, рѣшительно все,—все что думаешь, что дѣлаешь, какъ живешь, учишься. Пиши про товарищей также язвительно, какъ про А—скаго. (Видно онъ тебѣ очень надоѣлъ). За такія посланія я тебя, при свиданіи, пылко, горячо, отъ всего сердца поблагодарю. Ну, будь здоровъ и прощай! Одинъ искренній совѣтъ: не кипуряй слишкомъ ты себя и не порть своего здоровья. Пожалуйста!

Твой другъ К. Кудрявцевъ.

P. S. Я писалъ Переплетчикову съ просьбой показать и тебѣ письмо; получилъ-ли онъ его? Писалъ я уже давно.

Броженіе умовъ распространяется и на нашу мѣстность: два молодые управляющіе изъ окрестностей арестованы. Что это такое?

Отдалъ-ли ты Ник. Вас. книгу «Жизнь Вашингтона». Мой № 72.

Мой адресъ: на Болховскую станцію Курмышскаго уѣзда Симбирской губ. чрезъ Кочетовское волостное правленіе въ деревню Митинку, прямо мнѣ.

IV.

10 января 1875 года.

село Мурзицы.

Дорогой любезный, хорошій мой Вася! Прости меня, прости, тысячу разъ прости за долгое молчаніе! Ты, пожалуй, думаешь, что я тебя вовсе забылъ, забылъ и нашу дружбу, и проч. и проч. Нѣтъ, Вася, я больше всего на свѣтѣ желалъ-бы въ настоящую минуту повидаться съ тобой, наговориться до сыта, отвести душу, утомленную печалями, разочарованіями и безнадежной тоской. Я нѣсколько разъ собирался тебѣ написать, писалъ даже огромные, черновые письма,—да не одно изъ нихъ недошло по назначенію. Теперь же, улучивъ досужную минуту, опишу тебѣ всѣ перемѣны, происшедшія съ твоимъ несчастнымъ другомъ К—вымъ.

Въ настоящее время я живу на мѣстѣ, очень-плохомъ и скверномъ, но и его еле-еле добился; начальникъ мой и повелитель—полицейскій чиновникъ, становой приставъ Масловъ. Условія — семь руб. въ мѣсяцъ жалованья. столъ и освѣщеніе его и, въ добавокъ маленькое отдѣленьице за ширмами для успокоенія моего бреннаго тѣла. Не правда-ли, превосходное, замѣчательное мѣсто? Думалъ-ли ты, Вася, что я когда нибудь буду служить въ полиціи. такъ нами осмѣиваемой и презираемой?

На такую должность я поступилъ просто потому, что надо же куда нибудь дѣваться, губить гдѣ нибудь молодыя силы и горячія способности, которыя, впрочемъ, давно уже погу-

блены... Мнѣ нужно привыкнуть къ канцелярской дѣятельности, усвоить, такъ сказать, нравы и обычаи писцовъ, учиться съ азбуки всѣмъ тонкостямъ писарской науки, такъ какъ я еще нигдѣ не служилъ и ничего не знаю въ практической дѣятельности. Вотъ ужъ скоро будетъ 1½ мѣсяца, какъ я сдѣлался письмоводителемъ у станового; привыкаю понемногу и узнаю, въ чемъ *вся суть*. Дѣла собственно не очень много, но оно до крайности мелочно и хлопотливо, да притомъ нѣтъ опредѣленныхъ часовъ для занятій; занимайся утромъ, пиши вечеромъ, въ серединѣ дня приготовляй бумаги на почту... Почта получится—нужно ее записать, потомъ разсортировать по книгамъ и проч. и проч.; къ тому же часто приходится ѣздить съ становымъ по уѣзду: безпокойно, хлопотливо и неудобно. Однимъ словомъ—долго я здѣсь не прослужу, а буду ждать мѣста, и чуть узнаю получше—прощай, полиція! Хорошо еще, что близко отъ родныхъ (всего 9 верстъ), а то бы я умеръ отъ скуки. Обстановка самая скверная: голыя стѣны, грязный полъ, а на стеклахъ фантастическія изображенія тропическихъ лѣсовъ, воспроизводимыя русскимъ морозомъ. Самъ г. Масловъ—человѣкъ лѣтъ 32, средняго роста, брюнетъ, съ довольно пошлой рожей, украшенной синимъ носомъ (хотя мало пьетъ), вообще довольно дюжинная, невзрачная физіономія. Онъ не слишкомъ сварливъ, но кричать любитъ; самолюбивъ и даетъ это чувствовать. Жена его и дочь 7-ми лѣтъ—личности, заслуживающія только презрѣнія, первая потому, что рѣшительно *ничего* не дѣлаетъ (впрочемъ сплетничаетъ), а вторая—миньятюр-

ный портретъ матери. Ты видишь, Вася, съ какими людьми приходится мнѣ начинать мою новую жизнь, дѣятельность, на поддержку семьи... Что можетъ во мнѣ развиться хорошаго при такой обстановкѣ? Что дастъ мнѣ эта служба? Въ письмѣ вѣдь всего не разскажешь, а многое я бы тебѣ передалъ. Что сталось съ моими задушевными мыслями? Куда дѣвалась моя веселая беззаботность, смѣющійся взглядъ на *черный день*? Ты меня не узнаешь, Вася, если придется когда нибудь свидѣться. Я сталъ задумчивѣе и серьезнѣе болѣе, чѣмъ когда-либо. Съ гимназіей я раздѣлался совсѣмъ: бумаги и свидѣтельство получилъ, поведеніе мнѣ выставили 4. изъ латинскаго 2, и добавили, что по службѣ на производство въ 1-й классный чинъ я не имѣю препятствій. Чортъ бы ихъ драль съ ихъ чиномъ!..

Ничего-то, ровнехонько ничего, я хорошаго, полезнаго не читаю; какъ я завидую въ этомъ отношеніи (и во всѣхъ прочихъ) тебѣ. Ты можешь читать всѣ новинки, слѣдить за литературой (въ промежуткахъ чтенія гистологіи), а я и газеты-то порядочныхъ здѣсь не вижу.

Напиши мнѣ, дорогой Вася, про свое житье-бытье?—Что ты былъ, и что сталъ, и что есть у тебя? Я такъ давно не получалъ никакихъ извѣстій изъ Нижняго, что для меня каждая мелочная подробность интересна.

Скажи, какъ у тебя идетъ ученье? Чѣмъ занимаешься постороннимъ? Не забудь, если будешь писать ко мнѣ, и тѣхъ господъ, которые смотрятъ на меня «съ полупрезрительнымъ сожалѣніемъ»... Чортъ ихъ возьми: вѣдь я тебя люблю, ты со мной друженъ—и больше намъ

ничего и ни-кого не надо. Только очень и очень жаль, что судьба забросила насъ въ разныя стороны, размыкало по обширному приволью русской земли... Ты говоришь, что «дружба даетъ силу, съ которой»... и проч. Я съ тобой согласенъ. Что-бы я сдѣлалъ, если-бъ ты былъ постоянно около меня! Ты бы меня всегда научилъ, успокоилъ, развлекъ... А то посуди самъ, Вася: вокругъ меня здѣсь нѣтъ ни одного товарища-ровесника (не говоря ужъ друга), ни одного человѣка, съ которымъ бы я могъ подѣлиться своими мыслями! Такъ грустно, отвратительно-однообразно проходятъ дни, мѣсяцы... По неволѣ вспомнишь Лермонтова:

А годы проходятъ, все лучшіе годы...

Скверно, безотрадно, тяжело думать, Вася, что мы съ тобой еще долго не увидимся; я не могу сказать даже приблизительно — когда именно. Но мы, я надѣюсь, будемъ продолжать начатую переписку еще долго, до тѣхъ поръ, по крайней мѣрѣ, пока не найдемъ новыхъ, лучшихъ друзей. (Не забывай тогда пословицы: «старый другъ лучше новыхъ двухъ»).

Если интересуешься знать положеніе моей семьи, вотъ въ двухъ словахъ: мать съ братьями все еще живетъ у дяди В. М. Потѣхина въ деревнѣ Митинкѣ; одинъ братъ въ 1-мъ классѣ Сергачскаго Уѣзднаго Училища. Двухъ другихъ тоже черезъ годъ нужно будетъ помѣстить въ Училище; старшую сестру беретъ одна знакомая для обученья рукодѣлью и прочему бабьему дѣлу. Всѣхъ смерть отца согнала съ нагрѣтаго, теплаго роднаго гнѣзда! Грустно, грустно какъ раздумаешься... Бѣдная мамаша

все прихварываетъ и еще не можетъ забыть своей невозвратимой потери. Жалко мнѣ ее, отъ души жалко... Что ей дала жизнь?—Родилась она въ суровое крѣпостное право, молодость провела въ барской дѣвичьей за вязаньемъ и шитьемъ; потомъ замужество и куча дѣтей... Постоянно больной мужъ... хлопоты... въ концѣ концовъ — смерть любимаго человѣка и *нужда* въ перспективѣ... Немного, очень немного, веселыхъ дней въ ея жизни... «Развѣ подъ старость меня утѣшатъ дѣти», вѣроятно, думаетъ она. И то, Вася, надежда плоха...— Есть у меня двоюродная сестра, Люба, дочь дяди В. М.; та ее любитъ какъ родную мать и мамаша ей не нахвалится... И я, грѣшный человѣкъ, любуюсь сестренкой и часто, когда я еще жилъ въ Митинкѣ, нашъ веселый смѣхъ оглашалъ комнаты, тотъ смѣхъ—безпричинный, неудержимый, который и ты знаешь...

Праздники провелъ я скучнѣйшимъ образомъ... Ахъ, извини; поздравляю тебя съ ними и съ новымъ годомъ, въ которомъ желаю тебѣ большихъ успѣховъ и всего, всего, что ты самъ желаешь! А ты, мой милый, ученый *дѣятельный* другъ, какъ веселился на праздникахъ? Исполняешь-ли ты мою просьбу — выходить чаще изъ дому и развлекаться? Безъ этого ты совсѣмъ захирѣешь...

Ну, Вася, пора кончить. Много еще я хотѣлъ сказать, да всего не напишешь. Будемъ лучше ожидать радостнаго свиданья, тогда наговоримся и вдоль и поперекъ.

Пиши мнѣ по слѣдующему адресу, не прибавляя и не убавляя ничего: въ г. Курмышъ. Симбир. губ. Его Благородію Г-ну Приставу

2-го стана, съ передачей Конст. Иванов. Куд—ву,

Кланяйся всѣмъ, кто помнитъ веселаго, шутливаго товарища, покинувшаго ихъ Куд—ва; передай, если увидишь, Переплетчикову, что я сержусь за его молчаніе и скажи еще, что 4 р., заимообразно-взятые, въ скоромъ времени возвращу по адресу, написанному имъ самимъ.

Прощай, мой другъ Вася, до слѣдующаго письма; утѣшь меня отшельника задушевнымъ посланіемъ, въ которомъ дай подробный отчетъ о твоей жизни и помни, что тебя любитъ попрежнему

Другъ твой К. Кудрявцевъ.

P. S. Жми руки у Остафьева, Карпова, Поливанова, Маринина и *Кушевицкаго*.

V.

Митинка, 15-го апрѣля 1875 г.

Ты, вѣроятно, заждался отвѣта на свои письма, дорогой Вася. Но я тутъ рѣшительно не виноватъ — письмо твое отъ 17-го марта я получилъ 9-го апрѣля. Ты удивляешься? Это случилось такъ: оно было адресовано на станового, — а я у него вотъ ужъ три мѣсяца не служу. Но дѣло не въ томъ, когда я его получилъ, а хорошо, что оно получено. Легко могло пропасть. — Ты сердишься, Вася, что я *не отвѣчаю* на твои письма, даже оскорбляешь меня подозрѣніемъ въ ихъ цѣлости, убѣдительно просишь отвѣта на письмо отъ 19-го октября 74 г., совѣтуешь письма раздѣлять

на двѣ части, хорошенько вдумываться въ твои посланія и проч. и проч. Дѣлать нечего. Послѣдую твоему мудрому совѣту и твоимъ теоретико-литературнымъ правиламъ. Это было вступленіе, теперь слѣдуетъ 1-ая часть.

Я сперва постараюсь представить мой разборъ твоего предъидущаго письма. Громадная разница между этими двумя письмами: первое—почти все наполнено желчными шутками и ѣдкими остротами, только въ концѣ что-то въ родѣ лирическаго монолога, похожаго на бредъ больного въ бѣлой горячкѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ очень поэтиченъ и художественъ, по моему крайнему разумѣнію. (Кромѣ тебя еще такъ могъ написать Чернышевскій, см. сны Вѣры Павл.) Второе—болѣе спокойное и дѣльное; конецъ, впрочемъ, тоже очень грустный. Въ этотъ періодъ времени (отъ 19 октября по 17 марта) ты, кажется, много перенесъ и испыталъ.

Состояніе духа, судя по послѣднему письму, у тебя очень скверное, мрачное... Но къ дѣлу. Въ предъидущемъ письмѣ ты, во первыхъ, спрашиваешь: «радъ-ли я, по смерти отца, своей свободѣ?» Я рѣшительно не понимаю твоего вопроса. Въ свою очередь, и я могу дать тебѣ такой-же вопросъ: у тебя уже давно нѣтъ отца, но радъ-ли ты этому? Ни о какой радости, ни о малѣйшей свободѣ—тутъ не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ, — во сто разъ *больше зависимости* отъ семейства, отъ яснаго сознанія долга поддерживать его и помогать ему. Я теперь долго буду мучаться этими обязанностями; если бы еще одна мать, а то сосущіе титьку братья. Нѣтъ, Вася, я теперь человѣкъ не свободный, съ этимъ ты

долженъ согласиться. Далѣе ты спрашиваешь меня—о своихъ способностяхъ. Прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, дѣйствительно нужно подумать. Мой отвѣтъ, совершенно *безпристрастный*, слѣдующій: что ты способенъ къ обширной дѣятельности—нѣтъ сомнѣнія; у тебя хорошіе задатки къ научной дѣятельности, которые еще достигнутъ полнаго развитія въ университетѣ; ты легко можешь сдѣлаться отличнымъ писателемъ въ области критики и вообще публицистики, а можетъ быть и въ беллетристикѣ. Ты говоришь: «*я хочу* её (дѣятел.) во что-бы то ни стало»,—весьма звучныя слова, отъ которыхъ у горячаго человѣка вся кровь заиграетъ въ жилахъ, но примѣсь *желѣза* въ твоемъ *характерѣ* нужно еще подвергнуть химическому анализу. Растолкуй еще мнѣ, Вася, какъ ты понимаешь слово — *общественная* дѣятельность? Я, по крайней мѣрѣ, понимаю такъ и сякъ.—Вотъ мой отвѣтъ; онъ не полонъ, кратокъ... но пополненій, вѣроятно, будетъ еще много.

«Догоню ли я тебя на пути къ таинственному огоньку?» Вотъ что я тебѣ скажу *откровенно*, мой милый Вася: у меня нѣтъ такихъ возвышенныхъ стремленій и идей, такихъ широко развитыхъ цѣлей и плановъ, какъ у тебя. Судьба миѳическаго титана, Колхидскаго изгнанника, меня не особенно интересуетъ.

«Всѣ люди находятся въ глубочайшемъ мракѣ»... Неужели *всѣ* и *вездѣ*? Можетъ быть, въ Нижнемъ только? Слушай, дорогой Вася: *показать людямъ истину* я не способенъ и не считаю себя такимъ геніальнымъ и великимъ

человѣкомъ; слагаю всю честь на тебя. Скажи мнѣ, милый, что такое вообще *истина?* Я еще разъ повторяю, что ты страдаешь болѣзненными припадками, и «тысячи мыслей, тысяча вопросовъ» (особенно такихъ отвлеченныхъ и метафизическихъ) доведутъ тебя, пожалуй, до того, что умъ за разумъ зайдетъ, и вмѣсто того, чтобы показать человѣчеству истину,—тебя самого станутъ показывать любопытнымъ какъ сумашедшаго. Не сердись на меня, Вася, за рѣзкія выраженія. Ты дѣйствительно «мечтатель»; но, по моему, ужъ лучше «искать успокоенія въ думахъ»—болѣе раціональныхъ. Ты и прежде смѣялся надъ преобладающей во мнѣ страстью къ долларамъ; совершенно вѣрно, Вася, — у меня стремленія, а особенно въ послѣднее время, чисто матеріальныя и успокоюются на практической, дѣйствительной почвѣ, а не въ воздушныхъ замкахъ. Но, Вася, милліонъ разъ повторяю,—*не исключительно* матеріальная... Пойми это!

Письмо твое отъ 17-го марта я и не знаю, какъ назвать: скажу только, что оно очень меня поразило и имѣетъ, замѣчу въ скобкахъ, начатки разложенія нашей немноголѣтней дружбы. Ты пишешь въ немъ очень много глупаго, сомнѣваешься во мнѣ, въ нашей дружбѣ, предполагаешь мое будущее «затишье»... Начну съ начала твоего письма. Ты совѣтуешь мнѣ «не опускаться, не пьянствовать»... Ты, вѣроятно, помнишь во мнѣ прежняго Кудрявцева, безшабашнаго мальчишку. Я писалъ тебѣ и раньше, что я *перемѣнился.* Смерть отца на меня сильно подѣйствовала, и я, пожалуй, согласенъ, что «несчастья испра-

вляютъ человѣка». Съ отъѣзда моего изъ Нижняго, я не выпилъ *ни одной* рюмки вина, даю въ этомъ *честное слово*. Успокоился-ли ты теперь или не вѣришь? Какъ хочешь, для меня это рѣшительно все равно; двадцать разъ писать объ одномъ и томъ же — мнѣ ужасно надоѣдаетъ. Ты просишь «ради Бога» не считать тебя наивнымъ мальчикомъ. Нѣтъ, воля твоя, а я тебя еще долго буду считать этимъ garçon naif. Тебѣ еще только *кажется*, что — бѣдность и «заѣдающая среда» не составляютъ неодолимыхъ препятствій... Вспомни хоть нашихъ поэтовъ Грибоѣдова, Никитина, Кольцова... Ломоносовыхъ у насъ, да и вездѣ, мало. Я вовсе не отчаиваюсь въ своемъ положеніи и знаю, что я *могу* уйдти дальше писаря... и *уйду*. Что же касается до моего «затишья», то я (извини) плюю на все это мѣсто твоего письма и никогда бы не повѣрилъ до сихъ поръ, что бы *ты это* могъ написать, *ты*, мой *другъ*! Ты, слѣдовательно, меня *ни капли* не знаешь, если «боишься, сильно боишься», что, чрезъ $1^1/_2$ года, моя жизнь будетъ похожа на «прозябаніе растенія»! Эхъ, Вася, Вася! ты до глубины души *оскорбилъ* меня этимъ предположеніемъ...

Твердаго характера, какъ ты понимаешь это слово, у тебя гораздо меньше моего; я это могъ лучше увидѣть въ тебѣ «со стороны»; я вспыльчивъ, горячъ, самонадѣянно-хвастливъ, но самообладаніе у меня есть, никогда его не «недоставало». Ты съ своими философскими размышленіями зашелъ слишкомъ далеко... Ты становишься чуть-ли не педантомъ, мѣтишь въ мои менторы-покровители... Но чтобы не раздражаться болѣе, перестану обо всемъ этомъ

упоминать. Что тебѣ сказать о твоемъ планѣ поступленія моего въ университетъ? Одна наивность, восторженность, глубокомысленные совѣты, а въ концѣ концовъ — мыльный пузырь. Употреблять годы на пріобрѣтеніе учебниковъ, по меньшей мѣрѣ, странно: въ 12 рубляхъ мать мнѣ не откажетъ, особенно на такое дѣло; «не жалѣть себя» для пріобрѣтенія аттестата зрѣлости — глупо. Прочти программы: можно поступить вольнослушателемъ и выдержать экзаменъ во 2-й курсъ. И прочее — всё въ этомъ родѣ. Этотъ планъ мнѣ не нравится, если хочешь—напиши другой. Удивилъ ты меня также своимъ намекомъ на Никол. Васил. Неужели онъ, въ самомъ дѣлѣ, «*попрекаетъ*» тебя хлѣбомъ? Не вѣрится что-то, Вася; насколько я знаю твоего брата, онъ, мнѣ кажется, не способенъ на это. Сдѣлай милость, — исполни обѣщаніе, опиши тайну своего дѣтства.

Теперь я сообщу тебѣ кое-что изъ моей жизни. Февраль мѣсяцъ я прослужилъ въ гор. Алатырѣ Симб. г., у тамошняго купца Попова, въ качествѣ помощника конторщика. Жалованье было положено въ 180 руб. въ годъ. Я было обрадовался этому плохенькому мѣстечку, во-первыхъ потому, что обстановка и занятія гораздо лучше, чѣмъ было у станового пристава; во-вторыхъ — мать весной хочетъ туда переѣхать въ свой домъ: намъ было-бы хорошо жить вмѣстѣ. Но обстоятельства сдѣлали иначе... И вотъ я опять сижу здѣсь, жду у моря погоды. Подыскиваю, разспрашиваю, узнаю мѣста и людей, но мѣста еще не нашелъ.

Впрочемъ, золотое время даромъ не теряю: выписалъ изъ Москвы учебникъ франц. яз. и ревностно имъ занимаюсь, просиживаю надъ нимъ цѣлые дни, всё свободное время. «Ты всегда слишкомъ скоро осваивался со всякимъ положеніемъ», — пишешь ты мнѣ; безъ этого похвальнаго качества, отвѣчаю я, нельзя пробыть недѣлю на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я служилъ. Нѣтъ, Вася, нѣтъ; пойми ты пожалуйста, что всѣ хорошіе инстинкты, всѣ лучшія чувства и мысли нужно скрывать подъ холодною наружною маскою въ обществѣ тупоразвитомъ и малообразованномъ! Отъ этого я скоро со всѣмъ и сживаюсь или, лучше сказать, привыкаю, хотя въ душѣ я презираю весь составъ ихъ жизни, осмѣиваю ихъ чувства и ихъ предразсудки. Въ своей семьѣ меня прозвали безбожникомъ и нигилистомъ (какъ залетѣло сюда это слово?), потому что я тутъ не стѣсняюсь и громко выражаю то, что̀ чувствую. Но какая же здѣсь скука, мой милый, особенно въ этотъ паршивый великій постъ! Хотя я дома сижу мало — все ѣзжу по дѣламъ матери. *Книгъ нѣтъ!* Ужасныя слова, не правда-ли? Другой разъ я свѣта не вижу отъ тоски и скуки, отъ мучительныхъ дрязгъ и мелочей семейныхъ.. Возьму и засяду на цѣлые дни за учебникъ Оллендорфа... Всего въ письмѣ не напишешь, а перебирать мелкомъ отдѣльные случаи не стоитъ; а я все еще надѣюсь побывать въ Нижнемъ, на пути въ Москву... Даже газетъ я вотъ уже мѣсяца съ два не видалъ; дядя пересталъ выписывать: говоритъ, что дорого 8 руб. за «Русск. Вѣд.», а дешевенькой еще не подыскалъ...

Что ты ничего не напишешь о своемъ уче-

ніи, о своихъ постороннихъ занятіяхъ, о своемъ чтеніи? Неужто ты не въ состояніи добыть себѣ гривенникъ другимъ путемъ, а не путемъ попрошайничества? Карповъ еще въ 4 кл., живя на братской квартирѣ, секретно давалъ уроки и зарабатывалъ копѣйку; я секретно отъ отца давалъ уроки, квартирная хозяйка даже не знала объ этомъ. А ты въ 6 кл. и... гдѣ же твоя сила характера, твой геніальный умъ? Между тѣмъ копѣйка необходима... хоть бы на то, чтобъ поскорѣе отвѣтить другу. Что̀ Остафьевъ въ курткѣ кадета? А Марининъ все поглощаетъ писаревщину и К°? Пиши по *старому* адресу и поскорѣе, если хочешь, чтобъ твое письмо меня застало; я живу какъ на бивуакахъ — сегодня здѣсь, чрезъ недѣлю въ другомъ мѣстѣ.

Прощай, мой милый Вася! Вѣрь, что твой пріятель «не затихнетъ», вѣрь, что онъ тебя любитъ по прежнему. A propos — поздравляю съ праздникомъ и цѣлую: «Неужели Христосъ Воскресъ?» [1].

Твой другъ К. Кудрявцевъ.

P. S. Кнушевицкому вторичный поклонъ и болѣе низкій. — Что̀ Силинъ, ходишь ты къ нему?

[1] Вѣроятно — цѣлую [эту строку въ твоемъ письмѣ]: «Неужели» и пр.

VI.

Господину

Василію Васильевичу

Розанову.

Отд. Д. П.

Алатырь, 23 сентября 1875 г.

Дорогой, милый и добрый Вася!

Извини меня, двадцать милліоновъ разъ извини, что я не писалъ до сихъ поръ.

Прощаешь что ли? А?

Но даю слово, при первой возможности настрочить письмо «огромной дистанціи». И въ этомъ письмѣ сообщу тебѣ все, все, всѣ мои треволненія и неудачи... А теперь извини, братъ, положительно некогда. Пожалуйста пиши, если хочешь утѣшить бѣднаго товарища и друга.

Живу скверно и гадко!

Цѣлую тебя и жму руку.

Твой другъ

Конст. Кудрявцевъ.

Миленькій Вася, пиши *по адресу:*

г. Алатырь, Симбир. губ.

Стрѣлецкій переулокъ, д. Промзинкина.

К. К.

VII.

Адатырь, 16 мая 76 г.

Милый и дорогой другъ Вася!

Ты, чай, совсѣмъ махнулъ рукой на своего вѣрнаго друга, Костьку Кудрявцева, и думаешь, что онъ или сгибъ, или пропалъ безъ вѣсти, или забылъ Розанова... Прости меня, товарищъ Вася, и вѣрь, что какъ-бы далеко меня ни забросила лиходѣйка судьба, какъ-бы долго я не писалъ тебѣ,—я всегда-всегда буду помнить о той беззавѣтно-искренней дружбѣ, о тѣхъ веселыхъ дняхъ и вечерахъ, когда мы толковали съ тобой о томъ, о семъ, почти свято вѣровали въ нашу будущность, строили всевозможные планы... Куда это дѣвалось? Ахъ, Вася, я-бы расцѣловалъ тебя такъ, какъ женихъ не цѣлуетъ любимую невѣсту, если-бы я могъ увидаться съ тобой!

И такъ, ты прощаешь меня? Поразскажемъ о себѣ. Я право не знаю—съ чего начать. Скажу о самомъ главномъ: теперь я готовлюсь держать экзаменъ... ты думаешь куда?—въ уѣздные учителя, мой голубчикъ! Мой спеціальный предметъ—исторія и географія. И вотъ чѣмъ оканчиваются мои мечты объ университетѣ! Но это, — пойми, дружочекъ Вася, — еще лучшій конецъ. Дуракъ я, что раньше не подумалъ объ этомъ... Развѣ лучше быть какимъ-нибудь конторщикомъ или прикащикомъ, хотя тамъ иногда и больше жалованье? Чортъ ихъ дери, эти мѣста. Знаю я ихъ. Теперь же, если я выдержу экзаменъ, ничего не можетъ быть лучше: въ здѣшнемъ городѣ открывается съ будущаго

года вакансія именно на учителя исторіи и географіи,—и я думаю попасть сюда, чтобы не разлучаться съ семействомъ и матерью. Держать экзаменъ я буду въ сентябрѣ, въ Казани. Экзаменъ довольно трудный, такъ какъ по главнымъ предметамъ, т. е. исторіи и географіи, требуется знаніе полнаго гимназическаго курса, а я что̀ зналъ—половину забылъ, остальное же, напр. новую исторію, и не училъ никогда. Если же выдержу на уѣздн. учителя, то—чѣмъ чортъ не шутитъ—въ послѣдствіи могу держать и на учителя гимназіи... Такъ-то, мой милый Васинька, вотъ чѣмъ я теперь занимаюсь и о чемъ думаю. Исторія и географія были всегда мои любимые предметы. Что сказать еще? Я цѣлую зиму проѣздилъ по дѣламъ матери и очень мало былъ дома; даже готовиться только началъ съ конца апрѣля. Братъ живетъ конторщикомъ въ одномъ изъ имѣній кн. Енгалычева. Остальные братья и сестры живутъ при насъ съ мамашей; трое изъ нихъ учатся въ 1-мъ кл. уѣздн. уч. Читаю я, попрежнему, много; беру книги изъ училищной библіотеки. Остальныхъ развлеченій никакихъ, хотя напр. и досталъ ружье, на ни разу еще не ходилъ.

Извини, что мало пишу: теперь, право, некогда—я только напоминаю о себѣ, а то и ты пожалуй, забудешь

друга твоего К. Кудрявцева.

Адресъ: Алатырь, Симбир. губ., Стрѣлецкая ул., собственный домъ.

Кланяйся всѣмъ, кто еще помнитъ меня.

VIII.

Алатырь,
17 августа 76 г.

Мой милый, милый

Вася!

Сейчасъ, сію минуту получилъ твое милое письмо и карточку! Немедленно сажусь отвѣчать... Ахъ, еслибъ ты видѣлъ меня въ ту минуту, когда изъ конверта выпала твоя карточка!.. Я положительно былъ внѣ себя отъ радости, прыгалъ, бѣгалъ по комнатѣ и даже (ты, вѣдь, знаешь мою глупую натуру) заплакалъ. Моя бѣдная мамаша, сидѣвшая въ этой же комнатѣ, положительно недоумѣвала—чему это я такъ разъѣзжаюсь? и, вѣроятно, серьезно опасалась за мои мозги... Благодарю тебя, Васинька, безконечно благодарю за присылку своего портрета; самъ я какъ только снимусь,—сейчасъ же вышлю тебѣ, мой дорогой, свою... Ты пишешь, что «радъ-бы увидать меня хотя на карточкѣ»,—теперь мнѣ понятно твое желаніе по опыту и я постараюсь какъ можно скорѣе исполнить его.

Я не знаю, отъ кого ты слышалъ подобныя разсужденія объ уѣздныхъ учителяхъ: онѣ сначала до конца невѣрны... Дѣло вотъ въ чемъ: о преобразованіи уѣздн. училищъ возбужденъ былъ вопросъ уже давно и, по проэктамъ, дѣйствительно будутъ учреждены 4-хъ классныя город. училища. Дѣйствительно, для приготовленія новыхъ учителей основаны Учител. Институты (напр. въ Казани), но чтобы уѣздн.

учителя опасались за свои мѣста—враки. Эта реформа, какъ и всѣ реформы, не можетъ произойти такъ быстро, а должна вводиться постепенно. Теперешніе учителя будутъ командированы по очереди на 1 годъ въ эти Институты; закрыть уѣздн. училища, понятно, нельзя, и учителя, побывавшіе въ институтѣ, останутся на прежнихъ мѣстахъ. Все это я узналъ отъ здѣшняго учителя математики, Стефановича, который уже лѣтъ 9 учитъ здѣсь и теперь ждетъ командировки... Въ прошломъ году выдержалъ экзаменъ на учителя русск. яз. одинъ здѣшній молодой человѣкъ и теперь служитъ тоже здѣсь. Въ нашемъ училищѣ имѣется вакансія также на учителя исторіи и географіи, на которую мнѣ теперь и хочется попасть. Если я выдержу экзаменъ, то вмѣсто того, чтобы идти куда-нибудь на мѣсто, могу прямо поступить въ Уч. Инст.; но гораздо, по моему, практичнѣе сперва поступить на мѣсто и, проучивши тамъ извѣстное время, ѣхать по командировкѣ въ Инст., такъ какъ въ этомъ случаѣ я сохраняю свое жалованье и, кромѣ того, получаю 150 р. какихъ-то подъемныхъ. Держать экзаменъ я думаю, какъ я тебѣ уже кажется писалъ, въ нынѣшн. сентябрѣ, но въ настоящее время у меня сильно болятъ глаза (по увѣр. доктора золотушное воспаленіе), такъ что мнѣ нельзя, да и запрещено читать,—и это письмо я пишу съ большимъ трудомъ. Болѣзнь глазъ, если скоро не пройдетъ, можетъ отсрочить экзаменъ на неопредѣленное время, а это для меня весьма скверно и гадко...

Я безпрестанно отрываюсь отъ письма, потому что утомляю глаза (или лучше — глазъ,

такъ какъ другой завязанъ). Свои глаза я въ особенности испортилъ въ послѣднее время усиленнымъ чтеніемъ; цѣлое лѣто и весну я по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за книгами, рѣдко выходилъ изъ дому и ничего почти, кромѣ учебниковъ, да газетъ, интересныхъ (ты слѣдишь?) по настоящей борьбѣ славянъ съ турками.

Теперь давай, Вася, потолкуемъ какъ слѣдуетъ — искренно, по братски, какъ говорятъ друзья и какъ говорили мы когда-то съ тобой (гдѣ они, эти золотые дни)? Конецъ твоего письма опять смахиваетъ на прошлогодніе письма. Что съ тобой, Вася, въ самомъ дѣлѣ? Въ серединѣ письма ты иронически намекаешь о настроеніи своего духа въ прошломъ году, а теперь — опять за то же... Развѣ quasi-вдовушка уѣхала изъ Нижняго? или твоя симпатичная amante [1] измѣнила тебѣ, что люди опять начинаютъ казаться тебѣ «копошащимися» червяками, и собственное твое *я* чуть-чуть не разлетается мыльнымъ пузыремъ? Не подумай, милый Вася, что я смѣюсь надъ тобой, но мнѣ, *честное слово*, самому до крайности жалко тебя и горько за состояніе твоего духа... Какъ выйдти изъ этой бѣды-печали? Ты пробовалъ развлечься — ну, и сознайся, вѣдь тогда не находили на тебя такія мрачныя и скверныя думы, такія минуты тоски и разочарованія, какъ те-

[1] Должно быть—романъ съ Юльей (см. «Уед.»),— учительницею музыки. Но это былъ прекраснѣйшій романъ, ни отъ кого не скрытый. Я былъ въ VII кл. гимназіи. Мы чудно читали съ нею Монтескье, Бентама, и немного шалили. Она была чистѣйшая дѣвушка 19 л., мнѣ было 18.

перь? Да? Такъ слушай же, Вася, — неужели нельзя тебѣ какъ нибудь соединить развлеченія съ умной, рабочей жизнью, твое прелестное веселье съ серьезными занятіями? Я говорю— прелестное веселье, потому что знакомство съ умной, образованной дѣвушкой, вечерніе разговоры, бесѣды tête à tête, да еще сходство характеровъ,—да это просто великолѣпіе! Твой покорный слуга, «старый товарищъ», какъ ты пишешь, ни разу въ жизни не испыталъ такого удовольствія... Здѣсь, въ Алатырѣ, я не знакомъ ни съ одной дѣвушкой, не говоря уже съ образованной, а просто—мало-мальски симпатичной... А мои прежнія знакомства въ Нижнемъ? Ты, чай, знаешь о нихъ: вспомнить гадко.

О твоихъ развлеченіяхъ я мелькомъ узналъ изъ письма Силина, который сообщалъ со свойственной ему глупостью и идіотскимъ педантизмомъ, что ты пустился во всѣ тяжкія, никуда не ходишь, а если тебя и видятъ, то только, дескать, въ извѣстныхъ домахъ, которые населяютъ презрѣнныя дѣвы или «исчадія духа злаго»... (такъ и написалъ послѣднія слова въ кавычкахъ; откуда это онъ взялъ?) Не помню, гдѣ его письмо, а разъискивать лѣнь, но въ общихъ чертахъ я пересказываю его слова вѣрно [1]. Но я очень усомнился его сообщенію, особенно послѣднему, и какъ помнится, послалъ къ тебѣ письмо съ запросомъ. Кстати о Силинѣ: онъ, кажись, совсѣмъ изъ ума выживаетъ,

[1] Въ домахъ «съ исчадіями» я ни разу гимназистомъ не былъ, и раза 2 былъ съ товарищами-студентами («въ компаніи»), но оставаясь въ гостиной и слѣдя за танцами.

пишетъ корреспонденціи (гдѣ и какой дурацкій журналъ ихъ помѣщаетъ?), драмы (вотъ, чай, потѣха-то!), и, даже, стихотворенія... Одно изъ послѣднихъ онъ прислалъ мнѣ, какъ, дескать, писанное экспромтомъ, въ минуту такую-то... и проч., и просилъ написать ему мое мнѣніе... Умора просто; я, пожалуй, пришлю стихи.

Я очень радъ за тебя, что ты вышелъ изъ обычной колеи своей жизни (какъ помню я ее)... Кстати, милый мой, отчего ты такъ мало пишешь о своихъ прекрасныхъ знакомкахъ? (даже *к-жа N* написалъ!) Я надѣюсь, что это не секретъ, тѣмъ болѣе для меня: такъ какъ я вѣрю, что ты меня любишь братски и другъ мой *навсегда*... Въ слѣдующемъ письмѣ, которое ты, по моему примѣру, пиши сейчасъ же по полученіи моего, и которое ты самъ обѣщаешь *длинное*,—ты пожалуйста напиши обо всемъ этомъ подробно, а также и объ общихъ знакомыхъ товарищахъ (все какъ-то интересно слышать о нихъ что-нибудь). Меня же, мой милый и хорошій Вася, ты извини: это письмо я пишу положительно больной и чрезъ силу,—и пишу, что вздумается, ни мало не заботясь о порядкѣ и послѣдовательности; пишу потому, что ты просишь поскорѣе отвѣчать и въ благодарность за присылку карточки.

Если я выдержу экзаменъ и останусь учителемъ здѣсь, то не на Рождествѣ, такъ въ лѣтнюю ваканцію, на будущій 77 г., *непремѣнно* побываю у тебя, въ Нижнемъ, собственно для того, чтобы повидаться съ тобой и развлечься (какъ ты же) отъ утомительнаго однообразія и скучнѣйшаго монотоннаго прозябанія здѣшней отвратительной жизни!.. Еслибы ты видѣлъ глупыя

хари моихъ знакомыхъ, еслибы ты слышалъ ихъ разговоры, еслибы ты разсмотрѣлъ ихъ пошленькую, мелочную—до омерзенія—жизнь... да еще еслибы тебѣ привелось, какъ мнѣ, почти постоянно видѣть ихъ и жить съ ними,—ты бы затосковалъ и замучился еще болѣе, такъ какъ натура у тебя впечатлительнѣе и свѣжѣе моей!..

Кстати, Вася, если ты такъ желалъ меня видѣть, какъ пишешь, ты бы сдѣлалъ вотъ что: во время ваката улучилъ-бы недѣльку—другую, да и махнулъ-бы ко мнѣ!

Суди самъ: ты пишешь, что у тебя были деньги (даже *много*), а проѣздъ отъ Нижняго до Васильсурка на Самолетѣ стоитъ пустяковъ, а отъ В. Сурска, крайняго пункта у устьевъ р. Суры, до Алатыря ходитъ и до сихъ поръ пароходъ, на которомъ ты преблагополучно доѣхалъ-бы чуть не до моей квартиры, заплативъ за это удовольствіе 3р. 50к. Не правда-ли,—отлично-бы?! Весь проѣздъ тебѣ стоилъ-бы много-много 10 р., за то провелъ-бы великолѣпную недѣлю у меня... Дуракъ я, тысячу разъ дуракъ, что во время не увѣдомилъ тебя объ этомъ, а то можетъ-быть и соблазнилъ-бы тебя. Что ты скажешь относительно этого?

Утромъ, 18-го.

Много я тебѣ, мой любезный Вася, наскрипсилъ и все-таки еще много хочется повѣдать тебѣ и о себѣ, и о своихъ мысляхъ... Но я такъ думаю, что сколько ни пиши, а все найдется, что сказать, сколько ни старайся яснѣе и подробнѣе сообщать въ письмахъ, а все при личномъ разговорѣ, въ 5 минутъ, разскажешь и поймешь другъ друга въ милліонъ разъ лучше, чѣмъ въ наидлиннѣйшемъ письмѣ. Не такъ-ли?

Хотѣлось-бы мнѣ утѣшить тебя какъ-нибудь, развлечь чѣмъ ни на есть... но, ты чай, помнишь знаменитое изреченіе: «врачъ! исцѣлися самъ!» Я почти все нынѣшнее лѣто находился въ такомъ же скверномъ настроеніи духа и забывался только за приготовленіями къ экзамену, въ чаяніи хоть на іоту измѣнить свою жизнь... Одно могу сказать тебѣ, Вася, что «отъ скуки не умираютъ», какъ гласитъ мудрая пословица. Отъ скуки или *сплина*, какъ извѣстно, стрѣляются только сыны туманнаго Альбіона; и то, какъ говорятъ путешественники, этому способствуетъ природа ихъ страны..

Въ минуты, особенно для тебя мучительныя и невыносимыя, ты, мой милый другъ, бери листокъ бумаги и пиши ко мнѣ: все легче будетъ на душѣ, право, когда изложишь свою тоску въ письмѣ къ другу; тогда половина горя и всѣ муки какъ будто свалятся съ плечъ, если знаешь, что есть гдѣ-то человѣкъ, сочувствующій тебѣ и понимающій тебя... Вѣрно-ли? Если и это не поможетъ, неужели ты не придумаешь какъ развлечься? Иди гулять, — не хочется—отправляйся къ товарищамъ,—скучно—ступай хоть въ театръ,—и это не весело—то забѣгай хоть къ г-жѣ N... Да мало-ли чѣмъ можно забыться. Неужто ты, Вася, такъ пресыщенъ жизнью и такъ сильна твоя тоска?

Еще разъ прошу и прошу тебя писать мнѣ тотчасъ же, а я въ слѣдующій разъ (глаза, можетъ, пройдутъ) напишу о себѣ поподробнѣе.

Благодарю и благодарю искренно и горячо за карточку! Цѣлую тебя и жму крѣпко руку.

Весь твой К. Кудрявцевъ.

IX.

4 октября 76 г.

Алатырь.

Вотъ когда я собрался отвѣтить тебѣ, дорогой мой Вася, на твое послѣднее письмо, полученное мною назадъ тому слишкомъ мѣсяцъ! Не брани меня, Христа ради, что долго не писалъ... И теперь я пишу черезъ силу, опять только однимъ глазомъ,—еле различаю строчки и буквы... Глазъ (и опять лѣвый) разболѣлся до того, что я — честное слово — сомнѣваюсь въ благополучномъ исходѣ болѣзни, да и самъ докторъ говоритъ, что «плохо». Теперь, впрочемъ, немного лучше, т. е. краснота яблока и воспаленіе уменьшается, но на самомъ зрачкѣ появились какія-то бѣлыя пятна... Однако я о своемъ глазѣ росписался слишкомъ много, но вѣдь ты знаешь, Вася, пословицу—«что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ». И вѣдь надо же было ему заболѣть именно въ то время, когда я совсѣмъ былъ готовъ подать прошеніе!.. Въ послѣднемъ письмѣ ты, Вася, думаешь, что я поѣду въ Казань держать экзаменъ; теперь оказывается, что можно и здѣсь. Съ августа м-ца здѣсь открылась 4-хъ классная классическая прогимназія, гдѣ я и думаю держать экзаменъ. Еслибы не заболѣлъ глазъ, я уже давно-бы сдавалъ экзаменъ, а теперь приходится сидѣть, сидѣть... И какая скука, милый Вася, сидѣть! Дѣлать ничего нельзя, выдти тоже... Да еще прескверная, преотвратительная мысль—что того и гляди окривѣешь, такъ вотъ и гложетъ душу! Въ головѣ еще безпре-

станно вертится этотъ экзаменъ... Ей-Богу, чортъ знаетъ, куда бы я ни дѣлся въ эту минуту... Ну, а ты что, Вася? Пиши, пиши ко мнѣ, пожалуйста, поскорѣе и побольше! Прости, что я не могу поговорить теперь съ тобою толкомъ и отвѣтить дѣльно на твои послѣднія, милыя, дружескія письма... Повѣрь, Вася, что, право, мнѣ нельзя много ни читать, ни писать: еще, пожалуй, и послѣдній глазъ свернется съ панталыку...

Цѣлую тебя и жму крѣпко твою руку.

Другъ твой Кудрявцевъ.

X.

Алатырь, 26 февраля 1877 г.

Милый мой и дорогой Вася!

Я—хоть убей—не знаю, съ чего начать это письмо... Хотѣлось-бы, прежде всего, броситься къ тебѣ на шею, расцѣловать тебя, крѣпко, крѣпко поцѣловать! Хочется также и извиниться предъ тобой, попросить прощенія за мое невообразимое «окаянство», за долгое почти полгодовое молчаніе... Наконецъ, на твое послѣднее письмо я ровно мѣсяцъ не отвѣчалъ! Чортъ знаетъ, что такое! Ты имѣешь полное право сердиться на меня, кричать, топать ногами, ругать, а я, презрѣнная, разсѣянная и лѣнивая скотина, молча и поникнувъ головой, опустивъ долу свои карія очи, буду выслушивать эти справедливые и горькіе упреки... Прости меня, мой другъ Вася! А чтобы ты не сер-

дился—я даю тебѣ честное слово прислать до Пасхи *еще два письма*, если ты даже не сочтешь нужнымъ (чего я, впрочемъ, не думаю) отвѣчать мнѣ...

Нужно-ли говорить, что ты меня обрадовалъ своимъ письмомъ, дорогой Вася, хотя—не сердись, пожалуйста—больше половины его занято описаніемъ (которое мнѣ, впрочемъ, очень полезно для знакомства съ домашней обстановкой этого новаго мужа-хозяина и дилетанта-писателя) твоего визита къ Силину. Благодарю тебя за искреннее поздравленіе съ полученіемъ диплома учителя, благодарю и искренне вѣрю, что ты радъ за меня. Дипломъ-то я получилъ, да мѣста мнѣ еще покуда нигдѣ не вышло. Видишь, въ чемъ дѣло: я тебѣ ужъ, кажется, писалъ, что здѣсь есть, или была теперь, вакансія въ уѣзд. учил. на должность учителя истор. и геогр. Мнѣ и хотѣлось занять ее, но или мое прошеніе опоздало, или почему-либо другому, только сюда назначенъ другой, а я опять сижу у моря... Назначенъ, да еще вдобавокъ съ правомъ черезъ годъ еще только держать экзаменъ на учителя, а я совсѣмъ выдержавшій... Не подло-ли и не досадно-ли? Теперь если и дадутъ скоро мѣсто, такъ гдѣ нибудь въ Царевококшайскѣ, напр.; есть, впрочемъ, надежда, что этотъ вновь присланный учитель не выдержитъ экзамена—и тогда я займу его мѣсто, или, можетъ быть, онъ согласится помѣняться со мной... А то, право, милый Вася, ужасно надоѣло быть безъ дѣла и безъ... своихъ денегъ, хоть и маленькихъ. Для меня рѣшительно все равно, положимъ, куда меня ни посылай, въ Астрахань

или Сарапулъ оба Казанск. Округа), да бѣдная моя мать груститъ, что разстанется со мной, какъ я ее ни уговариваю.

Ты спрашиваешь, Вася, что я подѣлываю? О, мой дорогой другъ и пріятель, лучше-бы тебѣ и не спрашивать! Ты ужаснешься всѣмъ безобразіямъ, какія творилъ твой закадыка, Кудрявцевъ, начиная съ Рождества и кончая... чортъ знаетъ, когда кончу. Ты вѣдь знаешь, что я почти 5 мѣсяцевъ просидѣлъ дома, занятый приготовленіями къ экзамену и больной глазами; а какъ сдалъ всѣ эти разныя испытанія благополучно—и пошла писать! Съ цѣпи сорвался! Знакомыхъ много, дѣла нѣтъ, развлечься хочется, скучно, а тутъ приспѣли бѣшеныя святки,—не мудрено, какъ хочешь, Вася, что я свихнулся... Попойки (съ разными жженками и пуншами), танцы, вечера съ масками (какіе у меня были костюмы! умапомраченіе!), катанья на тройкахъ, наконецъ—картишки вплоть до разсвѣта (много выигралъ и много продулъ) и живыя камеліи въ 30° мороза...—вотъ тебѣ яркая картина моей жизни въ послѣдніе 2—3 мѣсяца. Теперь буря стала утихать, но все я еще часто хожу по гостямъ и нерѣдко ворочаюсь домой «такъ поздно, что—ей Богу—очень рано!..» Рядомъ со всѣми этими оргіями, которыя тоже надоѣдаютъ, я читаю Костомарова и Шлоссера, Мордовцева и Тьери, Соловьева и проч. Прочелъ недавно всего Геттнера, который досталъ изъ прогимназической библіотеки. (Помнишь, вмѣстѣ еще читали)! Читаю толстые журналы послѣднихъ лѣтъ и пожираю газеты; только не могу достать «Нови» никакъ и нигдѣ... Наврядъ-ли въ Алатырѣ вы-

писывается экземпляра съ 2 «Вѣст. вр.». Я горячо желаю войны съ Турціей, боюсь только... ты, чай, подумалъ: «ну, и онъ эскадроновъ боится!» Нѣтъ. Я боюсь того,—найдутся-ли у насъ новые Румянцевы и Суворовы, знатно колотившіе турокъ, и не будетъ-ли,—чѣмъ чортъ не шутитъ?—какого-нибудь своего Базена... Впрочемъ, анархія въ Турціи достигла до nec plus ultra, и если ужъ Черняевъ съ своими добровольцами и сербскими пресловутыми войсками стоялъ противъ турокъ и даже покалачивалъ ихъ,—такъ передъ нашими войсками, я надѣюсь, они непремѣнно покажутъ пятки и растеряютъ туфли...

Въ твоемъ письмѣ, милый Вася, есть странное мѣсто: ты намекаешь на мое письмо къ Силину и говоришь, т. е. двумя словами его характеризуешь, что «написано очень дружественно, не хуже чѣмъ мнѣ, и не меньше...» Послушай, Вася: неужели ты до сихъ поръ не увѣренъ въ моей дружбѣ, неужели ты думаешь, что я больше друженъ съ Силинымъ?! Я пишу Силину обыкновенно рѣдко и помалу; онъ-же часто громитъ меня своими объемистыми письмами, настоящими папирусами или фоліантами, и въ каждомъ изъ нихъ послѣдняя страница занята просьбами какъ можно больше, больше писать... Однихъ восклицательныхъ знаковъ у него не пересчитаешь. Дѣйствительно, послѣдній разъ я былъ глубоко изумленъ его женитьбой и спрашивалъ его о ней, потомъ высказалъ свой взглядъ на его занятія литературой. И только. Ты, пожалуйста, успокойся, Вася; я всегда считалъ тебя не только выше Силина, но выше 20, 30 подобныхъ ему, и съ тѣхъ поръ,

какъ знакомъ съ тобой, былъ твоимъ истиннымъ другомъ.

Конст. Кудрявцевъ.

Пиши мнѣ, будь такъ добръ, пожалуйста, поскорѣе; какъ только получу письмо, *сейчасъ* буду тебѣ отвѣчать.—Что ты ничего не чиркнешь объ Алексѣевскомъ, Ешинскомъ—когда-то общихъ товарищахъ? Что подѣлываютъ г-жи Каменская и Поддубенская? Напиши.

Прощай, будь здоровъ.

Цѣлую тебя.—К. К.

XI.

Алатырь 5-го Апрѣля 1877 г.

Милый другъ Вася!

Что это за «окаянство» съ твоей стороны? Неужели ты не получилъ моего письма передъ Страстной недѣлей, въ которомъ я еще обѣщался писать тебѣ почаще? Развѣ ты боленъ, или слишкомъ занятъ, что не найдешь времени черкнуть мнѣ? Отвѣчай мнѣ, пожалуйста: я такъ давно ничего отъ тебя не слыхалъ. Я даже и не буду сердиться, если вскорѣ получу отъ тебя письмо... толстое, понятно.

О себѣ ничего новаго сказать не могу: все то же, все старое. Мѣста мнѣ еще не вышло, дѣла поэтому у меня ровно никакого.. Хочу заняться математикой и—чортъ ихъ дери—классиками... Буду готовиться держать испытаніе зрѣлости; чѣмъ чортъ не шутитъ,—можетъ быть, и вывезетъ!

Читаю, по обыкновенію и по-прежнему, много и, тоже по обыкновенію, почти безъ разбора: все, что попадется. Отдаю, положимъ, преимущество историческимъ сочиненіямъ и... беллетристикѣ, по обыкновенію.

На праздникахъ (кстати — христосуюсь и поздравляю съ прошедшимъ) впрочемъ, ничего не читалъ, «потому, значитъ, гуляли»...

Изъ журналовъ читаю «От. Зап.», «Древнюю и нов. Россію», «Русск. Стар.» и, кромѣ газетъ, только «Нови» никакъ еще не могу достать.

Жаль, право, что я здѣсь не остался учителемъ: я бы, непремѣнно, пріѣхалъ къ тебѣ лѣтомъ. А теперь, чертовщина такая,—сидишь безъ гроша... и ужъ тутъ не до поѣздки въ Нижній. Впрочемъ, если назначатъ куда-нибудь по Волгѣ, я бы еще заѣхалъ, далъ-бы крюку, да наврядъ-ли...

Извини, что мало пишу: тороплюсь, да и усталъ—накопилось много писемъ, а я кстати и вздумалъ напомнить тебѣ о себѣ. Я не буду просить тебя еще разъ *писать*: полагаю,—самъ «восчувствуешь» эту потребность...

Здоровъ-ли ты, въ самомъ дѣлѣ? Не посѣщаетъ-ли тебя по-прежнему знаменитая перемежающаяся лихорадка? Прощай. Крѣпко цѣлую и жму руку.

Твой другъ

К. Кудрявцевъ.

XII.

Милый мой другъ,

Вася!

Что съ тобой сдѣлалось, что ты не отвѣчаешь на мои письма? Вѣроятно, ты ихъ или не получаешь, или тебя нѣтъ въ Нижнемъ? Наконецъ, не боленъ-ли ты, что не имѣешь возможности писать??..

Я тебѣ послалъ два или три письма, а ты все молчишь и молчишь... Какая этому причина? Не мучь меня, Христа ради, и отвѣчай хоть двумя—тремя словами, только отвѣть. Я ничего не знаю о тебѣ—Аллахъ вѣдаетъ, съ коихъ поръ—цѣлую вѣчность, однимъ словомъ... И ты ни однимъ словомъ не извѣстишь о себѣ стараго друга и пріятеля?!? Или, можетъ быть, ты забылъ о немъ?.. Мнѣ будетъ очень и очень грустно!

Я спрашивалъ о тебѣ даже Силина (впрочемъ, и некого больше); но тотъ остолопъ тоже ничего не узналъ или не хотѣлъ узнавать... Итакъ, если у тебя еще не совсѣмъ испарилась дружба ко мнѣ и осталась хоть крошечка участія,—ты мнѣ отвѣтишь? Вѣдь, *да?* И, пожалуйста—какъ только получишь это письмо. Пожалуйста!

Если ты скоро напишешь мнѣ, я буду отвѣчать болѣе длиннымъ и подробнымъ письмомъ, теперь-же извини за краткость.

Я все еще сверхштатный учитель и библіотекарь здѣшняго уѣзднаго училища. Вакантнаго мѣста мнѣ не вышло. Впрочемъ, я имѣю надежду остаться здѣсь: хочу заняться пре-

подаваніемъ русскаго языка. Придется опять держать экзаменъ... Подробности послѣ.

Читаю много, жадно слѣжу за военными событіями, занимаюсь французскимъ языкомъ, купаюсь и гуляю по берегамъ Суры... Вотъ что я теперь дѣлаю. Чтеніе и гулянье надоѣдаютъ; «скучно и грустно» чаще, чѣмъ весело; досадно и тошно бываетъ иногда... Всѣ учителя и немногіе знакомые разъѣхались, кто въ отпускъ, кто въ деревню, а безъ нихъ мнѣ Алатырь кажется еще томительнѣе и однообразнѣе..., особенно, въ такую африканскую жару, какая стоитъ теперь.

Крѣпко жму руку и цѣлую тебя, милый Вася! Неужели ты опять мнѣ не отвѣтишь? Прощай!

Твой другъ

К. Кудрявцевъ.

Алатырь,
6 іюля 1877 г.

P. S. Какъ сошли у тебя экзамены? Боюсь, что ты живешь съ братомъ на дачѣ, и это письмо долго пролежитъ въ гимназіи..., а я буду «безутѣшно ждать» отвѣта.

Есть еще письмо: немного неприличное. Я его сохранилъ ради «смѣхотворности»:

Я, Василій Розановъ, долженъ получить отъ Владиміра Алексѣевскаго аммонитъ [1] 1 января

[1] Аммонитъ,—ammonites,—прелестный, золотистый, небольшой: предметъ моего «соблазна»... Въ

1874 г. Чтобы получить его, я отдаю ему право на мою горничную, миссъ Кетти. Если онъ и не будетъ имѣть успѣха, то, и въ такомъ случаѣ, аммонитъ переходитъ въ мою коллекцію.

Къ этому заявленію руку приложили

В. Розановъ.

Владиміръ Алексѣевскій.

Свидѣтель К. Кудрявцевъ.

1873 г. 13 декабря.

А можетъ быть ты, Костя, живъ: тогда откликнись Петроградъ. Коломенская, 33, кв. 21.

Русское хвастовство, прикинувшееся добродѣтелью, и русская лѣнь, собравшаяся «перевернуть міръ»...—вотъ революція.

(за занятіями).

гимназіи я собралъ прекрасную коллекцію «ископаемыхъ»: и этотъ аммонитъ былъ лучшимъ, если не по значительности и интересу, то по красотѣ—украшеніемъ всего собранія; также я собралъ и прекрасную коллекцію минераловъ и рудъ,—копаясь въ Кокшаровѣ («Кристаллографія»,—лекціи), проф. Еремѣевъ (литограф. курсъ лекцій), Ляйалѣ и Морѣ.

Отвращеніе, отвращеніе отъ людей... отъ самаго *состава человѣка*... Боже! съ какой безконечной любви къ нему я начиналъ (гимназія, университетъ).

Отчего это? Неужели это *правда*.

Торчитъ пень. А была такая чудная латанія. 13 рублей.

Такъ и мы...

И вся исторія — голое поле съ торчащими пнями.

(купилъ за 13 съ кадкой и жестянымъ листомъ на Спиной; оцѣнивали гости въ 30 р.; два года прожила; утѣшала глазъ; на 3-й стала чахнуть, и въ сентябрѣ, у швейцара на «прилавочкѣ» — огромная кадка и странный пенекъ въ ней).

Вполнѣ-ли искренне («*Уед.*»), что я такъ не желаю славы? Иногда сомнѣваюсь. Но когда думаю о *боли* людей—вполнѣ искренне.

«Слава» и «знаменитость» какое-то бламанже на жизнь; когда сытъ всѣмъ—«давай и этого». Но едва занозилъ палецъ, какъ кричишь: «никакой славы не хочу». Во всякомъ случаѣ, это-то уже справедливо, что къ славѣ могутъ стремиться только пустые люди. И итогъ: *насколько* я желаю славы—я *ничто*. И, конечно, человѣчество можетъ поступить тутъ «въ пику». Т. е. плевать «во всѣ лопатки».

«Анунціата была высока ростомъ и бѣла, какъ мраморъ» (Гоголь)—такія слова могъ сказать только человѣкъ, не взглянувшій ни на какую женщину, хоть «съ какимъ-нибудь интересомъ».

Интересна половая загадка Гоголя. Ни въ какомъ случаѣ она не заключалась въ

онъ....., какъ всѣ предполагаютъ (разговоры). Но въ чемъ? Онъ, безспорно, «не зналъ женщины», т. е. у него не было физіологическаго аппетита къ ней. Что-же было? Поразительна яркость кисти вездѣ, гдѣ онъ говоритъ о покойникахъ. «Красавица (колдунья) въ гробу»—какъ сейчасъ видишь. «Мертвецы, поднимающіеся изъ могилъ», которыхъ видятъ Бурульбашъ съ Катериною, проѣзжая на лодкѣ мимо кладбища,—поразительны. Тоже—*утопленница* Ганна. Вездѣ покойникъ у него живетъ удвоенною жизнью, покойникъ — нигдѣ не «мертвъ», тогда какъ живые люди удивительно мертвы. Это — куклы, схемы, аллегоріи пороковъ. Напротивъ, покойники—и Ганна, и колдунья—прекрасны, и *индивидуально интересны.* Это «ужъ не Собакевичъ-съ». Я и думаю, что половая тайна Гоголя находилась гдѣ-то тутъ, въ «прекрасномъ упокойномъ мірѣ», — по слову Евангелія: «гдѣ будетъ *сокровище* ваше — тамъ и *душа ваша*». Поразительно, что вѣдь ни одного мужского покойника онъ не описалъ, точно мужчины не умираютъ. Но они, конечно, умираютъ, а только Гоголь нисколько ими не интересовался. Онъ вывелъ цѣлый пансіонъ покойницъ,—и не старухъ (ни одной), а все молоденькихъ и хоро-

шенькихъ. Бурульбашъ сказалъ-бы: «вишь, турецкая душа, чего захотѣлъ». И перекрестился-бы.

Кстати, я какъ-то не умѣю представить себѣ, чтобы Гоголь «перекрестился». Путешествовалъ въ Палестину—да, былъ ханжою—да. Но перекреститься не могъ. И просто смѣшно-бы вышло. «Гоголь крестится»—точно медвѣдь въ менуэтѣ.

Животныхъ тоже онъ нигдѣ не описываетъ, кромѣ быковъ, разбодавшихъ поляковъ (подъ Дубно). Имя собаки, я не знаю, попадается-ли у него. Замѣчательно, что нравственный идеалъ—Уленька—похожа на покойницу. Блѣдна, прозрачна, почти не говоритъ, и только плачетъ. «Точно ее вытащили изъ воды», а она взяла да (для удовольствія Гоголя) и ожила, но самая жизнь проявилась въ прелести капающихъ слезъ, напоминающихъ, какъ каплетъ вода съ утопленницы. вытащенной и поставленной на ноги.

Бездонная глубина и загадка.

(когда болѣлъ животъ. Въ саду).

Боже Вѣчный, стой около меня.
Никогда отъ меня не отходи.

(*часто*) (*чтобы не грѣшить*).

Какого-бы вліянія я хотѣлъ писательствомъ?

Унѣжить душу.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

— А «убѣжденія».

Ровно наплевать.

Благородный-ли я писатель?

Конечно, я не написалъ-бы ни одной статьи (для денегъ—да), т. е. не написалъ-бы «отъ души», если бы не былъ въ этомъ увѣренъ.

А ложь? Развратъ («поощряю»)? Нерѣдкая злоба (больше притворная)?

Какъ сочетать? согласить? примирить?

Не знаю. Только этотъ напоръ въ душѣ убѣжденія, что *у меня* это—благородно.

Почему-же? Какіе аргументы? — «на судѣ ничего не принимается безъ доказательствъ»?

Да, — а *что такое* неблагородное?

«Поддѣлывался».

Но ни къ кому не поддѣлывался.

«Льстилъ».

Но никому не льстилъ.

«Писалъ противъ своего убѣжденія».

Никогда.

Если я писалъ съ «хочется» (мнимый «развратъ»), то вѣдь что̀-же мнѣ дѣлать, если мнѣ «хотѣлось»?

Не потащите-же вы корову на висѣлицу за то, что ей «хотѣлось».

И если «лгалъ» (хотя опредѣленно не

помню), то просто въ то время не хотѣлъ говорить правды, ну—«не хочу и не хочу».

Это—дурно.

Не очень и даже совсѣмъ не дурно. «Не хочу говорить правды». Что вы за дураки, что не умѣете отличить правды отъ лжи; почему я для васъ долженъ трудиться?

Да и то опредѣленной лжи я совсѣмъ не помню.

Правда, я писалъ однодневно «черныя» статьи съ эсъ-эрными. И въ обѣихъ былъ убѣжденъ. Развѣ нѣтъ $^1/_{100}$ истины въ революціи? и $^1/_{100}$ истины въ черносотенствѣ?

Но зачѣмъ въ «правомъ» изданіи и въ «лѣвомъ»?

По убѣжденію, что правительство *и подумать не смѣетъ* поступать по «правымъ»-ли, по «лѣвымъ»-ли листкамъ. Мой лозунгъ: «если-бы я былъ Кое-кто, то приказалъ-бы обо всемъ, не исключая «Правительственнаго Вѣстника»:

— Въ мой домъ этихъ прокламацій не вносите.

Я-бы уравнялъ «Русское Знамя» и какую нибудь «Полярную Звѣзду».

— Этихъ прокламацій *мнѣ* не надо.

Какъ смѣть управлять «по 100 газетамъ», когда *не подали голоса* 100 000 000 людей (мужики, вообще *не* «имущіе»)? не подали бабы? чистые сердцемъ гимпасты?

Подали, извольте, «люди съ перомъ».

Я бы имъ такое «чиханье» устроилъ, что не раскушались-бы.

Правительство должно быть абсолютно свободно. И, особенно — отъ гнета печати. Разумѣется, въ то же время оно должно быть чрезвычайно *строго къ себѣ*.

Но—*по своему убѣжденію и своимъ принципамъ*.

А то:

— Баянъ говоритъ.

— Григорій Спиридонычъ желаетъ.

— Амфитеатровъ изъ подъ Везувія фыркаетъ.

Скажите, пожалуйста, какая «важность»? Какъ же имъ не фыркать, не желать и не говорить, когда есть чернильницы и ихъ научили грамотѣ.

Не болѣе я думалъ и о себѣ.

— Все это ерунда.

Это скромность. Именно, что я писалъ «во всѣхъ направленіяхъ» (постоянно искренне, т. е. объ $^{1}/_{1000}$ истины въ каждомъ мнѣніи мысли)— было въ высшей степени прекрасно, какъ простое обозначеніе глубочайшаго моего убѣжденія, что все это «вздоръ» и «никому не нужно»: правительству-же (въ душѣ моей) строжайше запрещено это слушать.

И еще одна хитрость или дальновидность—и м. б. это лучше всего объяснить, что я *самъ* считаю въ себѣ притворствомъ. Передамъ это шутя, какъ иногда люблю шутить въ себѣ. Эта шутка, *дѣйствительно*, мелькала у меня въ умѣ:

— Какое сходство между «Henri IV» и «Розановымъ»?

— Полное.

Henri IV въ одинъ день служилъ лютеранскую и католическую обѣдню, и за обѣими крестился и наклонялъ голову. Но Шлоссеръ, но Чернышевскій, не говоря о Добчинскомъ-Боклѣ, всѣ «химики и естествоиспытатели», всѣ великіе умы новой исторіи—согласно и безъ противорѣчій, дали хвалу Henri IV за то, что онъ принесъ въ жертву *устарѣлый* религіозный интересъ новому *государственному* интересу, тѣмъ самымъ, по Дрэперу «перейдя изъ вѣка Чувства въ вѣкъ Разума». Ну, хорошо. Такъ всѣ хвалили?

Вотъ и поклонитесь всѣ «Розанову» за то, что онъ, такъ сказать, «расквасивъ» яйца разныхъ курочекъ,—гусиное, утиное, воробьиное—кадетское, черносотенное, революціонное,—выпустилъ ихъ «на *одну* сковородку», чтобы нельзя было больше разобрать «праваго» и «лѣваго», «чернаго» и

«бѣлаго»—*на томъ фонѣ, который по существу своему ложенъ и противенъ*... И сдѣлалъ это съ восклицаніемъ:

— Со мною Богъ.

Никому-бы это не удалось. Или удалось бы притворно и *неудачно*. «Удача» моя заключается въ томъ, что я *въ самомъ дѣлѣ* не умѣю здѣсь различать «чернаго» и «бѣлаго», но не по глупости или наивности, а что тамъ «гдѣ ангелы рѣютъ»—въ самомъ дѣлѣ, не видно, «что̀ Гималаи, что̀ Уральскій хребетъ», гдѣ «Каспійское» и «Черное море»...

Даль. Безконечная даль. Я же и сказалъ, что «весь ушелъ въ мечту». Пусть это — мечта, т. е. призракъ, «нѣтъ». Мнѣ все равно. Я — *вижу* партіи и *не вижу* ихъ. Знаю, что—и *ложны* онѣ и что—истинны. «Прокламаціи».

«Вѣкъ Разума» (мѣщанская добродѣтель) опять переходитъ въ героическій и святой «Вѣкъ Порыва»: и какъ тамъ на сгибѣ мелкій бѣсъ подсунулъ съ насмѣшкой «Генгі IV», который цинично, ради короны *себѣ*, на «золотую свою головку» — надсмѣялся надъ вѣрами, гдѣ страдали суровый Лютеръ и великій Григорій I (папа),— такъ послалъ Богъ въ этотъ другой сгибъ человѣка, сердце котораго такъ во всемъ перегорѣло, умъ такъ истончился («О пони-

маніи») въ анализѣ, что для него «всѣ политическія истины перемѣшались, и переплелись въ ткань, о которой онъ вполнѣ знаетъ, что она провиденціально должна быть сожжена».

У насъ нѣтъ совсѣмъ *мечты своей родины.*

И на голомъ мѣстѣ выросла космополитическая мечтательность.

У грековъ есть она. Была у римлянъ. У евреевъ есть.

У француза — «chère France», у англичанъ — «Старая Англія». У нѣмцевъ — «нашъ старый Фрицъ».

Только у прошедшаго русскую гимназію и университетъ — «проклятая Россія».

Какъ же удивляться, что всякій русскій съ 16-ти лѣтъ пристаетъ къ партіи «ниспроверженія государственнаго строя».

Щедринъ смѣялся надъ этимъ. «Дѣвочка 16-ти лѣтъ задумала сокрушеніе государственнаго строя. Хи-хи-хи! Го-го-го!»

Но вѣдь Перовская почти 16-ти лѣтъ командовала 1-мъ марта. Да и сатирикъ отлично все это зналъ. — «Почитавъ у васъ объ отечествѣ, десятилѣтній полѣзетъ настѣну».

У насъ слово «отечество» узнается одновременно со словомъ «проклятіе».

Посмотрите названія журналовъ: «Тарантулъ», «Оса». Цѣлое издательство—«Скорпіонъ». Еще какое-то среднеазіатское насѣкомое (былъ журналъ). «Шиповникъ».

И всѣ «жалятъ» Россію. «Какъ-бы и куда ей запустить яда».

Дивиться-ли, что она взбѣсилась.

И вотъ простая «Исторія русскаго нигилизма».

Жалитъ ее нѣмецъ. Жалитъ ее еврей. Жалитъ армянинъ, литовецъ. Разворачивая челюсти, лѣзетъ съ насмѣшкой хохолъ.

И въ серединѣ всѣхъ, распоясавшись, «самъ русскій» ступилъ сапожищемъ на лицо бабушки-Родины.

(за шашками съ дѣтьми).

Я учился въ Костромской гимназіи, и *въ I-мъ классѣ* мы учили: «Я *человѣкъ*, хотя и маленькій, но у меня 32 зуба и 24 ребра». Потомъ — позвонки.

Только доучившись *до VI класса*, я бы узналъ, что «былъ Сусанинъ», какіе-то стихи о которомъ мы (дома и на улицѣ) распѣвали еще до поступленія въ гимназію:

... не видно ни зги!»
... вскричали враги.

И сердце замирало отъ восторга о Сусанинѣ, умирающемъ среди поляковъ.

Но до VI-го класса (т. е. въ Костромѣ) я не доучился. И очень многіе гимназисты до IV-го класса не доходятъ: всѣ они знаютъ, что у человѣка «32 позвонка», и не знаютъ, какъ Сусанинъ спасъ царскую семью.

Потомъ Симбирская гимназія (II и III классы)—и я не зналъ ничего о Симбирскѣ, о Волгѣ (только учили—«3.600 верстъ», да и это въ IV-классѣ). Не зналъ, куда и какъ протекаетъ прелестная мѣстная рѣчка, любимица горожанъ — Свіяга.

Потомъ Нижегородская гимназія. Тамъ

мнѣ ставили двойки по-латыни, и я увлекался Боклемъ! Даже странно было-бы сравнивать «Минина и Пожарскаго» съ Боклемъ: Бокль былъ подобенъ «по гордости и славѣ» съ Вавилономъ, а тѣ, свои князья,— скучные мѣщане «нашего закоулка».

Я до тошноты ненавидѣлъ «Минина и Пожарскаго»,—и, собственно, за то́, что они не написали никакой великой книги въ родѣ «Исторіи цивилизаціи въ Англіи».

Потомъ университетъ. «У нихъ была реформація, а у насъ нечесанный попъ Аввакумъ». Тамъ — римляне, у русскихъ-же — Чичиковы.

Какъ не взять бомбу; какъ не примкнуть къ партіи «ниспроверженія существующаго строя».

Въ основѣ просто:

Учась въ Симбирскѣ — ничего о Свіягѣ, о городѣ, о родныхъ (тамошнихъ) поэтахъ — Аксаковыхъ, Карамзинѣ, Языковѣ; о Волгѣ — тамъ уже прекрасной и великой.

Учась въ Костромѣ — не зналъ, что это имя — еще имя языческой богини; ничего— о Ипатьевскомъ монастырѣ. О чудотворномъ образѣ (мѣстной) Ѳеодоровской Божіей Матери — ничего.

Учась въ Нижнемъ — ничего о «Новго-

родѣ низовыя земли», о «Макаріи, откуда ярмарка», объ Унжѣ (рѣка) и ея старовѣрахъ.

Съ 10-ти лѣтъ, какъ какое-то Небо и Вѣра и Религія:

«Я человѣкъ, хотя и маленькій, но у меня 24 ребра и 32 зуба», или наоборотъ, чортъ-бы ихъ бралъ, чортъ-бы ихъ дралъ.

Да, еще: учили, что та кость, которая *есть* берцовая, и *называется* берцовою.

Представьте, какъ если бы годовалому ребенку вмѣсто материнской груди давали, «для скорѣйшаго ознакомленія съ географіей» — кокосоваго молока, а дѣвочкѣ десяти лѣтъ надѣвали-бы французскія фижмы, тоже для ознакомленія съ французской промышленностью и художествомъ. «Моимъ дѣтямъ нѣтъ еще одиннадцати лѣтъ, но они уже знаютъ исторію и географію».

И въ 15 лѣтъ эти дѣти — мертвые старички.

... пока еще «цвѣточки»: погодите, русская литературочка лѣтъ черезъ 75 принесетъ и ягоды.

Уже теперь Фаресовъ, «беллетристъ-народникъ», предложилъ поскорѣе, для утѣшенія въ горести, «принять въ хорошую христіанскую семью» нѣмецкую бонну, которая, читая со свѣчей романъ ночью, зажгла пожаръ, и когда горѣла 9-лѣтняя Тамарочка Ауэръ, то она вытаскивала свои платья и оставила безъ помощи горѣвшую Тамарочку. Фаресовъ, біографъ Лѣскова, написалъ (въ «Петербургской Газетѣ»):

«Это она, бѣдная, растерялась. Ее скорѣе надо утѣшить».

Я-бы ему предложилъ пожертвовать отъ себя этой гувернанткѣ 25 р. Даю честное слово, что не далъ-бы.

О гувернанткѣ-же двоюродная тетя Тамарочки (Васина учительница) разсказывала, что она уже поступила на мѣсто и что получила страховую премію за бѣлье свое, которое яко-бы сгорѣло, а оно, на самомъ дѣлѣ, было въ стиркѣ, и конечно, было благополучно ей возвращено, а она показала его сгорѣвшимъ.

Да: но она 1) нѣмка, 2) труженица, 3) интеллигентка. А что̀ такое Тамарочка? Она только кричала, увидѣвъ пылающую комнату: «бѣдный папочка!—все сгоритъ, и

когда онъ вернется (изъ-за границы), онъ ничего не найдетъ».

Онъ не нашелъ дочери. Вѣчная память. Еще: она нерѣдко у этой бонны цѣловала руку, какъ дитя неразумѣющее, и ее отъ этого отучали. Она была страшно нѣжна къ окружающимъ.

Сгорѣла она въ маѣ. Мать ея умерла въ декабрѣ той-же зимы, т. е. мѣсяцевъ за 5 — 6. Молодой вдовецъ быстро вновь женился.

Революція русская вся свернулась въ типъ *договора*; но когда-же заговоръ былъ мощенъ противъ государства, а не противъ лица? Революція русская и мучитъ лицъ, государство-же русское даже не чувствуетъ ея.

«На нашей Звенигородской улицѣ все стоитъ послѣ 1-го марта, какъ до 1-го марта». И ни одинъ лавочникъ не чихнулъ.

(въ саду вечеромъ)

Когда рвалось желѣзо и люди при Цусимѣ, литературочка вся хихикала, и профессора хихикали:

— Данъ рангъ капитана — опредѣлить высоту мачты (у К. Тимирязева—противъ Данилевскаго).

Можно-бы профессорамъ и отвѣтить на это:

— Принесли и положили на столъ диссертацію профессора: опредѣлить, изъ сколькихъ нѣмецкихъ лоскутковъ она сшита?

Лучшее въ моей литературной дѣятельности — что десять человѣкъ кормились около нея. Это опредѣленное и твердое.

А мысли?..

Что́-же такое мысли...

Мысля бываютъ разныя.

(*вагонъ*):

Люди, которые никуда не торопятся — это и есть Божьи люди.

Люди, которые не задаются никакою цѣлью—тоже Божьи люди.

(*вагонъ*).

Правду предсказывалъ Горькій (въ очень миломъ, любящемъ письмѣ): «Ваше *Уед.*— разорвутъ».

Особенно стараются какіе-то жидки изъ Кіева — Колтановскій или Полтановскій. Разъ 6 ругался.

Но я довольно стоекъ. Цв. пишетъ—«вы затравлены». Ни малѣйше не чувствую, т. е. ни малѣйше не больно. Засяду за нумизматику, и «хоть ты тутъ тресни». *Я самъ собралъ* коллекцію богаче (порознь), чѣмъ въ кіевскомъ и чѣмъ въ московскомъ университетахъ. И которыя собирались *сто лѣтъ*.

Любящему мужу въ женѣ сладокъ каждый кусочекъ. Любящей женѣ въ мужѣ сладокъ каждый кусочекъ.

(на извозчикѣ, похороны Суворина)

(яркое солнечное утро).

Вѣчное дѣтство брака — вотъ что мнѣ хочется проповѣдать. Супруги должны быть дѣтьми, должны быть щенятами. Они должны почти сосать мамку съ папкой. Ихъ всѣ должны кормить, заботиться, оберегать. Они же только быть счастливы, и рождать прекрасному обществу прекрасныхъ дѣтей. Въ будущемъ вѣкѣ первый годъ молодые будутъ жить не въ домахъ, а въ золотыхъ корзинахъ.

(на извозчикѣ, похороны Суворина).

(яркое солнечное утро).

Успѣхъ въ добротѣ и доброта въ успѣхѣ...

Онъ былъ всегда ясенъ, простъ и въ высшей степени натураленъ. Никогда не замѣчалъ въ немъ малѣйшей черты позы, рисовки, «занятости собою»,—черты почти всеобщія у журналистовъ. Никогда—«развалившійся въ креслахъ» (самодовольство), что̀ для писателя почти что̀ Царство Небесное.

Писатель вѣчно лакомится около своего самолюбія.

(судьба и личность старика-Суворина).

... да я нахожу лучше стоять полицейскимъ на углу двухъ улицъ,—болѣе «гражданскимъ», болѣе полезнымъ, болѣе благороднымъ и соотвѣтствующимъ человѣческому достоинству,—чѣмъ сидѣть съ вами «за интеллигентнымъ завтракомъ» и обсуждать чванливо, до чего «у насъ все дурно»,

и до чего «мы сами хороши», праведны, честны и «готовы пострадать за истину»...

Боже мой: и могъ я нѣсколько лѣтъ толкаться среди этихъ людей. Не задохся, и меня не вырвало.

Но, слава Богу, кой-что я за эти годы повидалъ (у В—ской). Главное, какъ они «счастливы» и какъ имъ «жаль бѣдную Россію». И икра. И двухъ-рублевый портвейнъ.

(читая Изюева о Суворинѣ, «Русская Мысль»: «сынъ невѣжественной попадьи и николаевскаго солдата, битаго фухтелями»). (Увѣренъ, что этотъ Изюевъ, почему-то никогда не смотрящій прямо въ глаза, знаетъ дорожку къ Цыпному мосту).

Евреи «дѣлаютъ успѣхъ» въ литературѣ. И черезъ это стали ея «шефами». Писать они не умѣютъ: но при этомъ талантѣ «быть шефомъ» имъ и не надо умѣть писать. За нихъ напишутъ все русскіе,—чего они хотятъ и имъ нужно.

Вся литература (теперь) «захватана» евреями. Имъ мало кошелька: они пришли «по душу русскую»...

Паукъ одинъ, а десять мухъ у него въ паутинѣ.

А были у нихъ крылья, полетъ. Онъ-же только ползаетъ.

И зрѣніе у нихъ шире, горизонтъ. Но они мертвы, а онъ живъ.

Вотъ русскіе и евреи. 100 милліоновъ русскихъ и 7 милліоновъ евреевъ.

(*засыпая*).

Погромъ—это конвульсія въ отвѣтъ на муку.

Паукъ сосетъ муху. Муха жужжитъ. Крылья конвульсивно трепещутъ,—и задѣваютъ паука, рвутъ безсильно и въ одномъ

мѣстѣ паутину. Но уже ножка мухи захвачена въ петельку.

И паукъ это знаетъ. Крики на погромы— риторическая фигура страданія того, кто господинъ положенія.

Погромъ—грѣхъ, жестокость. Погромъ—всегда убійство и представляетъ собою ужасъ. Какъ убійство при самозащитѣ есть все-таки убійство. И его нельзя дѣлать и можно избѣжать,—прямою физическою защитою евреевъ. Но сдѣлавъ это—надо подрѣзать паутину по краямъ, и бросить ее, и растоптать ее. Нужно освободиться отъ паука и вымести изъ комнаты всѣ паутины.

5-го августа узналъ о болѣзни Шуры.

Почему я такъ не могу перенести смерти? перенести *не вѣчности радостей* земныхъ.

Цари умирали. Умеръ Александръ III. Почему-же я не могу перенести?

Не знаю. Но не могу перенести. «Я умру»— это вовсе не то́ что «онъ умретъ». Съ «я умру» сливается (однокачественно) только . . . . умретъ; даже чудовищнѣе: п. ч. я грѣшный.

Да, вотъ въ чемъ дѣло: для всего міра я тоже—«онъ умретъ», и тоже—«ничего».

Каждый человѣкъ только для себя «я». Для всѣхъ онъ—«онъ». Вотъ великое solo. Какъ-же при этомъ не заревѣть съ отчаяніемъ.

(вагонъ, 9 авг. 1912 г).

Церковь объ умершемъ произнесла такія удивительныя слова, какихъ мы не умѣемъ произнести объ умершемъ отцѣ, сынѣ, женѣ, подругѣ. Т. е. она всякаго вообще умирающаго, умершаго человѣка почувствовала такъ близко, такъ «около души», какъ только мать можетъ почувствовать свое умершее дитя. Какъ-же ей не оставить за это все, что...

(помышали).

Все хотѣлъ (1899—1909 гг.) сдѣлать бархатное платье. И все откладывалъ. Теперь ужъ поздно. Бархатныя отдѣлки были.

Какъ хорошо было (въ Бѣломъ) свѣтло-сѣрое платье съ серебряной отдѣлкой (полоса вертикальная на боку,—и еще немного гдѣ-то).

(у Тарапина; жду за покупками для дѣтей; мама выбираетъ).

Всѣ писатели — рабы. Рабы своего читателя.

Но ужъ *кого*-бы тамъ ни было, а все-таки въ немъ существо *раба*.

Это все Мефистофель-Гутенбергъ устроилъ. Черная память.

(8 ч. утра; переѣздъ въ городъ).

Сестра Вѣрочка (умирала въ чахоткѣ 19-ти лѣтъ) всегда вынимала мякишъ изъ булки и отдавала мнѣ. Я не зналъ, почему она не ѣстъ (не было аппетита). Но эти массы мякиша (изъ 5-тикопеечной булки) я съѣдалъ моментально, и это было наслажденіе. Она меня-же посылала за булкой, и, когда я приносилъ, скажетъ: «подожди, Вася». И начинала, разломивъ вдоль, вынимать бока и серединку.

У нея были темные волосы (но не каштановые) и она носила ихъ «кокомъ», сейчасъ высоко надо лбомъ; и затѣмъ — гребешокъ, узкій, полу-кругомъ. Была блѣдна, худа и стройна (въ семьѣ *я только* былъ некрасивъ). Когда, наконецъ, рѣшили (не было денегъ) позвать Лаговскаго, она лежала въ правой зелененькой (во 2-мъ этажѣ) комнатѣ. Когда онъ вошелъ, она поднялась съ кровати, на которой постоянно лежала. Онъ сказалъ потомъ при мнѣ матери:

— Это она похрабрилась и хотѣла показать, что еще «ничего». Перемѣните комнату, зеленые обои ей очень вредны. Дѣло ея плохо.

Какъ она умерла, и ее хоронили, я ничего не помню.

Однажды она сказала мнѣ: «Вася, принеси ножницы» Мнѣ было лѣтъ едва-ли 8. Я принесъ. Изъ печатнаго листка она выстригла узкую крошечную полоску и бережно положила къ себѣ въ книгу, бросивъ остальное. Напечатано было: *Самойло*. «Ты не говори никому, Вася». — Я мотнулъ головой.

Поступивъ въ гимназію, я на естественной исторіи увидѣлъ за учительскимъ столикомъ преподавателя, котораго называли «Самойло». Онъ былъ умѣренно-высокаго роста, гладко выбритый въ щекахъ и губахъ, большіе, слегка волнистые волосы, темно-русые, ходилъ всегда не иначе, какъ въ черномъ сюртукѣ (прочіе — въ синихъ фракахъ), и необыкновенно торжественный или вѣрнѣе какъ-то пышный, величественный. Онъ никогда не допускалъ себѣ сходить со стула и демократически «расхаживать по классу». Вообще въ немъ ничего не было демократическаго, простого. Среди другихъ учителей, ужасно ученыхъ, онъ былъ, какъ богъ учености и важности. Можетъ быть, за годъ онъ улыбнулся раза два, при особенно нелѣпомъ отвѣтѣ ученика, — т. е. губы его чуть-чуть сжимались въ «мѣшочекъ», скорѣе морщились, но съ

видомъ снисхожденія къ забавному въ ученикѣ, дозволяя догадываться, что это улыбка. Говоря, т. е. пропуская изъ губъ немногія слова, онъ всегда держалъ (рисуя по бумагѣ «штрихи») ручку съ перомъ какъ можно дальше отъ пальцевъ, — и я видѣлъ благородные съуживающіеся къ концу пальцы съ очень длинными, заостренными, безъ черноты подъ ними, ногтями, обстриженными «въ тонъ» съ пальцами (ѵже, ѵже, — ноготь: но и онъ обстриженъ съ боковъ конически).

Мы учили по Радонежскому или Ушинскому:

«Я человѣкъ хотя и маленькій, но у меня 32 позвонка и 12 реберъ»... И еще разное, противное. Въ 3-мъ классѣ (братъ Ѳедоръ) онъ (Самойло) училъ ботаникѣ. Это была толстая книга «Ботаника Григорьева»; но это уже были недоступности, на которыя я не могъ взирать.

Въ вѣчной тревогѣ ума о какомъ-то неблагополучіи.

(*мамочкина психологія*).

Но теперь, какъ все это разъяснилось, когда она 15 лѣтъ уже ясно, ощутимо больна, и никто ее не лечилъ.

...главная забота, откуда-бы получить денежекъ, черезъ Жуковскаго исходатайствовать отъ Двора; и гдѣ-бы повиднѣе стать, — въ профессоры...

Очень хорошъ былъ, какъ профессоръ. Подвязывалъ щеку и говорилъ, что зубы болятъ, не зная, *какъ* читать и о *чемъ* читать. Зачѣмъ ему надо-то было въ профессоры.

Да: еще — *кому* бы прочитать рацею. Даже мамашѣ еще ученикомъ уѣзднаго училища писалъ поучительныя письма.

За всю дѣятельность и во всемъ лицѣ ни одной благородной черты.

Всѣ дѣйствія безъ порыва («благородный порывъ»), какія-то медленныя и тягучія. Точно гадъ ползетъ. «Будешь ходить на чревѣ своемъ».

(*о Гоголѣ*).

— Горе задавило! — (*заплакавъ*): — Да!!

(*мама о Шурѣ, 9 авг. 1912 г., на извозчикѣ,—перебивъ мои о чемъ-то слова*).

Литературная память самая холодная. На тѣхъ немногихъ «литературныхъ похоронахъ», на которыхъ я бывалъ (и никогда не любилъ), меня поражало, до чего идущимъ за гробомъ—никакого дѣла нѣтъ до лежащаго умершаго. Разговоры. «Свои дѣла». И у «выдающихся» заботливая дума, что онъ скажетъ на могилѣ.

Неужели эти «сказыватели» пойдутъ за моимъ гробомъ. Брррр...

То-ли дѣло у простецовъ: жалость, слезы, все.

Мнѣ кажется, церковь и преданные ей люди ужасно ошибаются, избирая для защиты церкви способы и орудія враждебной стороны—печать. Церковь—безмолвна. Церковь не печатна или «старо-печатна». Зачѣмъ слово церкви? Слово ея—въ литургіи, въ молитвахъ. Эти великія сокровища, сокровища церковнаго слова, уже созданы (еще до книгопечатанія) и *есть* и всегда *къ пользованію*. «Проповѣди» едва-ли нужны. Развѣ два-три слова и никогда больше пяти минутъ рѣчи. Церковь должна быть безмолвна и *дѣятельна*.

Развѣ поцѣловать больного, напутствуемаго не *дѣло?* Это и *дѣло*, и *слово*. Поцѣлуй замѣняетъ слово, поцѣлуй тѣмъ богаче слова—что, какъ музыка, онъ безконечнѣе и неопредѣленнѣе слова. Провелъ рукой по волосамъ. Кающагося и изнеможеннаго обнялъ-ли. Вотъ «слово» церкви. Зачѣмъ говорить?

Говорятъ пусть литераторы.

И всѣ церковные журналы и газеты—прахъ и тлѣніе...

— Безпросвѣтный мракъ...

(хоть разъ въ недѣлю,—годы,—засыпая на ночь, или такъ лежа, и—когда я подойду и спрошу: «— Что ты?»).

Шура на-ходу:

— Когда она лечилась? Никогда она не лечилась.

Въ самомъ дѣлѣ,—не «леченіе»-же были эти тусклыя визитаціи Наука съ бромомъ, камфарой, *digitalis* и хининомъ.

Онъ ее «успокаивалъ», когда таяло вещество мозга, и стачивалась ткань сердца.

Сижу у Рцы. Жена (оч. милая,—ужъ мало зубовъ) и говоритъ:

— Не выношу жидовъ, я всѣхъ-бы истребила...

Смѣхъ. Она прекрасная хозяйка, семьянинка и безукоризненно честная и искренняя женщина; по плодородію и семейности—въ самой есть что-то библейское.

— Когда родилась у меня послѣдняя дѣвочка, то сосѣдка наша, еврейка,—въ Гатчинѣ,—вбѣгаетъ и спрашиваетъ:

— Кто?

— Дѣвочка.

Она (еврейка) опустилась. И, поднявшись, сказала:

— Если-бы мальчикъ, то вся Гатчина закричала-бы (радуясь, сочувствуя).

— Вотъ! вотъ!—сказалъ Рцы. Ругайте евреевъ, кляните, но признайте-же и у нихъ достоинство.

Р. (талантливый еврей въ Москвѣ), написавъ мнѣ 3-е письмо (незнакомы лично),

приписалъ: «Моей сестрѣ вотъ-вотъ родить».

Да. Ихъ нельзя ни порицать, ни отрицать. Только они сами (*теперешніе* выродки, интеллигенція) не знаютъ, «за *что*». Но вернемся къ «Гатчинѣ».

Отчего-же Гатчина-бы такъ радовалась «мальчику»? Съ дѣвочкой—такой-же *духъ*. Да: но *органъ*—не тотъ. Что-же, собственно, сказала еврейка, не подозрѣвая сама того?

—Если-бы вы произвели, моя русская сосѣдка, новый *мужской органъ* отъ себя, вдобавокъ къ сущимъ въ мірѣ,—вся-бы Гатчина закричала отъ восторга.

Но вѣдь это совпадаетъ съ церемоніей «несеніе фалловъ» жрицами греческими, а еще ранѣе—египетскими. «Нести въ процессіи» или «воскликнуть городомъ»—все одно. И кто-же смѣетъ отрицать, что въ юдаизмѣ скрыто то, что историки нѣмо и мертво именуютъ «фалліческимъ культомъ», и что есть цѣлокупное народное обожаніе, цѣлокупное народное влеченіе «къ этимъ... маленькимъ вещамъ»...

Религія выразила Εθνος.

При устроеніи брака (въ странѣ) всегда нужно имѣть въ виду, что это есть вопросъ (нужда) стадъ, вопросъ тельцовъ,— «множества», «тьмы тьмущей»... и никакъ нельзя мотивировать на «наше дворянское сословіе», вообще на городскія привилегіи и исключенія... Эти и сами при умѣ устроятся и расположатся. Но «отворяй ворота стаду, стадищу, стадищамъ»: и естественно эти ворота не должны быть узки, иначе все сломается.

(*за нумизматикой*).

Обыкновенно, каноны (греческой церкви о бракѣ) имѣли въ виду или императорскую фамилію или патриціевъ. И черезъ это упустили все (стадо). Патріархи константинопольскіе естественно хотѣли «утереть носъ» (черезъ свое право «не разрѣшать») кесарямъ, и были *отъ этого* горды и свободны въ требованіяхъ: и «едва разрѣшили 3-й бракъ». Но, споря со дворцами, они забыли «Ваську Буслаевича», который кричитъ—«подавай мнѣ десятый бракъ», и что-же ему дѣлать (такой вышелъ случай изъ 1.000.000 людей), если у него, *безъ его*

вины, померло девять женъ, а здоровье брызжетъ, кровь съ молокомъ. И онъ оретъ насмѣшливо: «не съ подушкой же мнѣ спать», «не на перинѣ жениться».-

И были правы патріархи (гордость церкви передъ Византійскимъ Дворомъ), но и Васька Буслаевичъ тоже правъ, п. ч. онъ—*народъ* (стадо, тельцы).

Можетъ-ли девять женъ умереть у мужа *безъ его вины?* Во-первыхъ, у «жены-самарянки» умерли-же, или куда-то отъ нея отошли, *семь мужей*, что̀ уже не далеко отъ девяти. А во-вторыхъ, разсказъ мнѣ Бакста, задумчивый и удивленный: «Можетъ-ли *одинъ* человѣкъ испытать *два желѣзнодорожныхъ крушенія въ сутки?*». — Я отвѣтилъ: — «Конечно, нѣтъ!! Невѣроятно!!!» — «Представьте, возразилъ онъ мнѣ: одинъ мой знакомый ѣхалъ изъ Гавра въ Ліонъ: и потерпѣлъ крушеніе въ поѣздѣ *Гавръ—Парижъ*. Избавился, и такъ радъ былъ продолжать путь, но былъ убитъ при крушеніи поѣзда *Парижъ—Ліонъ*. *Однодневное* крушеніе поѣздовъ на *двухъ* линіяхъ, конечно, возможно и уже не кажется *невѣроятнымъ;* это вообще—*бываетъ*, по нѣскольку разъ въ годъ. Между тѣмъ, въ

этомъ совершенно возможномъ случаѣ будетъ происходить *невѣроятное несчастіе: одинъ и тотъ-же пассажиръ* испытаетъ *два желѣзнодорожныя крушенія въ одинъ и тотъ-же день*. Это произойдетъ со всѣми тѣми пассажирами, которые, «уцѣлѣвъ» въ одномъ поѣздѣ—слѣдовали дальше въ своемъ пути и пересѣли въ другой поѣздъ, *тоже крушившійся*».

Чудо. А—*есть*. «Невозможно», а—«случается». Ибо—стада, милліоны. Такъ и въ народѣ и народномъ бракѣ, т. е. въ диктованіи законовъ о бракѣ, церковная іерархія должна «благодатно предположить» всѣ самые невѣроятные случаи. Дабы по завѣту Божію—«трости надломленной не переломить» и «льна курящагося не загасить».

Голубой глазъ такъ и смотритъ.

Но не такъ смотритъ *черный глазъ*.

Когда Церковь устраивала полъ (институтъ брака), то вѣдь видно, что она устраивала «не *свое*».

Устраивала *не* «своихъ».

И «*не* свои»—разбѣжались (XIX вѣкъ,—да и всегда раньше; «нравы»).

Нельзя помѣщать коня въ коровникъ, корову въ стойло, собаку въ птичникъ, курицу въ собачью конуру.

И только.

(за кумизматикой; какъ устроенъ у насъ бракъ; отсутствіе развода).

Все убѣгающее, ускользающее неодолимо влечетъ насъ.

Такъ въ любви и въ литературѣ. Неужели *такъ*—въ истинѣ? Боже, неужели такъ и въ религіи, гдѣ «Бога никогда-же никто видѣ»?!!

(за ужиномъ и Шерл. Холмсомъ, 20 авг.)

Не иллюзія-ли это, что я считаю своими читателями только покупателей своихъ книгъ, т. е. 2.500 человѣкъ? Въ газетѣ,

правда, не отдѣлить «вообще» (чит.) отъ *преданнаго тебѣ?* Но я по письмамъ знаю, что не читавшіе ни одной моей книги — *преданы* мнѣ? Въ такомъ случаѣ, сразу иллюзія «нечитаемости» исчезла-бы.

Не знаю. Колеблюсь въ этотъ часъ. По отсутствію покупателей книгъ я заключилъ вообще, что «мало извѣстн. въ Россіи» и не имѣю никакого вліянія.

(глубок. ночью, за Шерл. Холмсомъ)

Человѣкъ искренекъ въ порокѣ и неискренекъ въ добродѣтели.

Смотрите, злодѣянія льются, какъ свободная пѣснь; а добродѣтельная жизнь тянется, какъ панихида.

Отчего это? Отчего такой ужасъ?

Да посмотрите, какъ хорошъ «Адъ» Данте, и какъ кисло его «Чистилище». То же

между «Потерянным Раемъ» Мильтона и его-же «Возвращеннымъ Раемъ». Отчего? Отчего?!!

Одно исключеніе, кажется, единственное: олимпійскія оды Пиндара, которымъ не соотвѣтствовало никакой басни, насмѣшки, сатиры.

Т. е. греки IV — V-го вѣка до Р. Х. — вотъ они и были счастливы и чисты.

(*въ каб. уединенія*).

Порокъ живописенъ, а добродѣтель такъ тускла.

Что-же все это за ужасы?!.

(*20 авг. 1912 г.*).

Герценъ напустилъ цѣлую рѣку фразъ въ Россію, воображая, что это «политика» и «исторія»...

Именно, онъ есть основатель политическаго пустозвонства въ Россіи. Оно состоитъ изъ двухъ вещей: 1) «я страдаю», и 2) когда

это доказано — мели, какой угодно, вздоръ, все будетъ «политика».

Т. к. всѣ гимназисты страдаютъ у насъ отъ лѣни и строгости учителей, то съ Герцена началось, что послѣ него всякій гимназистъ есть «политикъ», и гимназисты дѣлаютъ политику.

Это не вообще «такъ», но въ $^{9}/_{10}$ — такъ.

...и все-таки, при всей искренности, есть доля хитрости. Если не въ сказанномъ, то въ томъ, чего не сказано. Значитъ, и въ нашемъ «вдругъ» и въ выкрикахъ мы все обращиваемъ себя шёрсткой. «Холодно». «Некрасиво».

Какіе-же мы зябкіе. Какіе-же мы жалкіе.

(объ «Уед.», за уборкой книгъ, осенью 1912 г.)

«Заштампованный человѣкъ», который судится и не по матеріалу, и не по упо-

требленію, а—по «штампу». И кладутся на него «штампы» — одинъ къ другому, все глубже. Уже «вся грудь въ орденахъ». И множество такихъ и составляютъ «заштампованное отечество».

Которое не хватаетъ силы любить.
И стали класть «штампъ» на любовь.
И положили «штампъ» на церковь.
Вотъ наша исторія.

(выйдя покурить на лѣстницу).

Осени поздней, цвѣты запоздалые...—

этотъ стихъ для меня только миѳъ. Ни осени, ни деревъ осенью — не видѣлъ никогда (иначе. какъ въ младенчествѣ).

Только появится грибокъ, — собирай книжки и отправляйся въ городъ. «Начало ученья». Грибокъ появляется въ августѣ, а иногда уже къ концу августа: и вотъ этотъ годъ только 2 раза сходилъ съ Васей за грибами, и почти ничего не нашелъ, такъ $^1/_2$, $^1/_4$ сковородки, всякихъ—и подберезовиковъ, и сыроѣжекъ, и лисичекъ

даже. Бѣлый—только одинъ. А мѣстность—грибная.

У дѣтей—всѣхъ—чудная лѣсная память. Лѣтъ 6 назадъ, за Теріоками, мы забрались совсѣмъ далеко и совсѣмъ въ глушь, перескочивъ какіе то плетни и пробравшись черезъ какія-то болотца. Вдругъ — вечеретъ. Я испугался: мама ждетъ къ ужину, мама будетъ испугана. «Дѣти, скорѣе домой, темнѣетъ!!!» Всѣ—тутъ въ одинъ моментъ.

Я совершенно безпамятенъ, и знаю въ общемъ—*куда* идти, но совершенно не помню дороги—*гдѣ именно* проходили. А вѣдь можно попасть въ полу-болотца, и не выбраться до утра. Вдругъ дѣти кричатъ. «папа — сюда, папа — туда!!!» И Васька, такой крошечный, едва 7-ми лѣтъ, шагаетъ увѣренно, какъ король или старый лѣсовикъ. «Вонъ—береза, мы проходили мимо, вонъ—бугоръ, тогда остался влѣво». Такъ какъ уже темнѣло, то мы почти бѣжали, а не шли; и не прошло часа, какъ послышались «ау» прислуги, высланной намъ навстрѣчу.

Мама, вся обезсилѣвъ отъ испуга, говорила:

— Что-же это вы со мной дѣлаете?..

— Ну, мама!—дѣти наши, какъ лѣсо-

вики, ихъ можно, куда угодно, пустить, не заблудятся.

И Таня, и Вѣра, и Варя—всѣ какъ герои. Точно выросли, «доведя папу домой». И грибы. Корзинки. И сейчасъ—чистить на кухнѣ (лучшій моментъ удовольствія, «торжество правды» и «награда за подвигъ»).

Чего-же, въ образовательномъ отношеніи, стоитъ одинъ такой вечеръ: и неужели его можно замѣнить знаніемъ:

Много есть именъ на is
Masculini generis:
Panis, piscis, crinis, finis,

О, чортъ-бы ихъ далъ!!!

Но пусть это жестокая необходимость—въ ноябрѣ, въ октябрѣ, а не когда

Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.

Да, и эта строка для меня тоже мимо. Мы ничего теперь этого не видѣли. Мои бѣдныя дѣти, такія талантливыя всѣ, но которымъ ученье трудно, — никогда этого не видятъ.

Не видятъ, дѣйствительно, этого оранжеваго великолѣпія лѣсовъ. А что ребенокъ, въ 7—11 лѣтъ, почувствуетъ, увидѣвъ его,—кто изсчиталъ? кто угадалъ?

Можетъ быть, оранжевый-то лѣсъ въ дѣтствѣ спасетъ его въ старости отъ уныніи, тоски, отчаянія? Спасетъ отъ безбожія въ юности? Спасетъ отрока отъ самоубійства.

Ничего не принято во вниманіе. Бѣдная наша школа. Такая самодовольная, такая счастливая въ убожествѣ. «Уже проходимъ алгебру» (съ сопляками, не умѣющими утереть носа).

*

Необыкновенной глубины и тревожности замѣчаніе Тернавцева, года 3 назадъ. Я говорилъ чуть-ли не объ университетахъ, о профессорахъ, можетъ быть, о правительствѣ и министрахъ. Онъ меня перебилъ:

— Пустое! Околоточный надзиратель — вотъ кто важенъ!

Онъ какъ-то повелъ рукой, какъ-бы показывая окрестъ, какъ-бы проводя надъ крышами домовъ (разговоръ былъ вечеромъ, ночью):

— Тутъ вотъ вездѣ подъ крышами живутъ люди. *Какіе* люди? *какъ* они живутъ?— никто не знаетъ, ни министръ, ни вашъ профессоръ. Наука не знаетъ, администрація не знаетъ. И не интересуется никто.

Между тѣмъ, *какіе* люди живутъ и *какъ* они живутъ—это и есть узелъ всего; узелъ *важности*, узелъ *интереса*. Знаетъ это одинъ *околоточный надзиратель*, — знаетъ молча, знаетъ анонимно, и въ составъ его службы входитъ—*все знать*, «на случай»; хотя отнюдь не входитъ въ составъ службы обо всемъ докладывать. Онъ знаетъ *вора*, — онъ знаетъ *проститутку*, — онъ знаетъ шулера, человѣка сомнительныхъ средствъ жизни, знаетъ измѣняющую жену, знаетъ ходы и выѣзды женщины полусвѣта. Все, о чемъ гадаютъ романы, что вывелъ Горькій въ «На днѣ», что выводятъ Арцыбашевы и другіе—вся эта тревожная и романтичная жизнь, тайная и преступная, ужасная и святая, находится, «по долгу службы», въ вѣдѣніи околоточнаго надзирателя, и еще, «по долгу службы», ни въ чьемъ вѣдѣніи не находится.

Онъ почти только не договорилъ, или мысленно я договорилъ за него:

— Вотъ-бы гдѣ служить: гдѣ подлинно—*интересно*, гдѣ подлинно — *всемогущественно!*

Я только ахнулъ въ душѣ: «Въ самомъ дѣлѣ—*такъ!* и—*никому въ голову не приходило»!*

Онъ какъ-то еще ярче и глубже это ска-

залъ. Почти въ этомъ смыслѣ: всѣ службы—призрачны и литературны, а дѣйствительная служба одна—это полицейская».

Самъ Тернавцевъ—благороднѣйшій мечтатель, à la Гамлетъ. И вдругъ—такая мысль!

(20 августа, 12 г.).

Только русская свободушка и подышала до евреевъ.

Которые ей сказали «цыцъ»:

И свободушка завиляла хвостомъ.

Вся русская «оппозиція» есть оппозиція лакейской комнаты, т. е. какого-то задняго двора—по тону: съ глубокимъ сознаніемъ, что это—задній дворъ, съ глубокой болью—что сами «позади»; съ глубокимъ сознаніемъ и *признаніемъ*, что критикуемое лицо или критикуемыя лица суть баринъ и баре. Вотъ это-то и мѣшаетъ слиться съ оппозиціей, т. е. принять тоже лакейскій

тонъ. Самымъ независимымъ человѣкомъ въ литературѣ я чувствовалъ Страхова, который никогда даже о «правительствѣ» не упоминалъ, и жилъ, мыслилъ и, наконецъ, служилъ на государственной службѣ (мелкая и случайная должность члена Ученаго Комитета министерства просвѣщенія съ 1.000 р. жалованья), имѣя какой-то талантъ или даръ, тактъ или вдохновенье вовсе не интересоваться «правительствомъ». То-ли это, что лакей-Михайловскій, «зачарованный» Плеве, или что «дворовый человѣкъ»-Короленко, который не можетъ прожить дня, если ему не удастся укусить исправника или земскаго начальника, или показать кукишъ изъ кармана «своему полтавскому губернатору». «А то—и повыше», думаетъ онъ съ трясущимися поджилками. «На хорахъ былъ приставъ: и вотъ Анненскій, сказавъ послѣ какого-то предостереженія, что *пусть насъ слушаютъ и* **тамъ**—показалъ на хоры», пишетъ Любовь Гуревичъ,—т. е. показалъ **на самого пристава!!!** Какая отчаянная храбрость. Страховъ провалился бы сквозь землю отъ неуваженія къ себѣ, если-бы въ рѣчи, имѣющей культурное значеніе, онъ допустилъ себѣ, хоть минуту, подумать *о приставѣ*. Онъ счелъ-бы униженіемъ думать даже о министрѣ внутрен-

нихъ дѣлъ,—имѣя въ думахъ лишь вѣка и исторію. Вотъ эта прелестная свобода *не-радикаловъ* — къ нимъ и манитъ, т. е. манитъ къ славянофиламъ, къ русскимъ, которые рѣшительно ничего о «правительствѣ» не думаютъ, *ни*—«да», *ни*—«нѣтъ», «*и*—да», «*и*—нѣтъ». Когда хорошо правительство поступаетъ—«да», когда худо, бездарно, безпомощно—«нѣтъ». Правительство есть просто органъ народа и общества; и членъ общества, писатель, смотритъ на него, какъ на слугу своего, т. е. слугу такихъ, *какъ онъ*, обывателей, гражданъ. Такъ образ., признаніе «верховенства власти» есть у радикаловъ, и рѣшительно его нѣтъ у «нашего брата». Вотъ чего не разобрано, вотъ о чемъ не догадываются. Политическая свобода и гражданское достоинство есть именно у консерваторовъ, а у «оппозиціи» есть только лакейская озлобленность и мука «о своемъ ужасномъ положеніи».

Покорить бракъ закону любви...

Казалось-бы, въ этомъ вѣдь христіанство: все—покорять закону согласія, мира,

тишины. Но, именно, въ христіанствѣ,—не въ мусульманствѣ, не въ еврействѣ,—двѣ тысячи лѣтъ бьется другой принципъ:

Покорить любовь закону брака.

И всѣ въ этомъ задыхаются.

Кажется, что въ нашемъ бракѣ—и не Евангеліе, и не Библія (ужъ, конечно): это—римскій государственный бракъ. Отцы Церкви были всѣ обывателями Греко-Римской Имперіи, или — чисто Римской: и понятіе объ «основной соціальной клѣточкѣ» взяли изъ окружающей жизни.

Вотъ почему мои порывы къ новой семьѣ, хотя кажутся и суть «антиканоническіе», но суть подлинно евангельско-библейскія стремленія, и только анти-римско-языческія, неосторожно взятыя въ «каноны».

Богъ сотворилъ любовь. Адамъ и Ева были въ *любви* — и по *сему*, единственно, Библія ихъ нарекла *ишъ* и *ишa* («сопряженные»), *мужъ* и *жена*. Любовь древнѣе «закона брачнаго». И понятно, что древнѣйшее и основное не умѣетъ покориться новому и прибавочному.

Не «существительное» согласуется въ родѣ, числѣ и падежѣ съ «прилагательнымъ», а «прилагательное» согласуется съ «существительнымъ».

И слѣдуйте этому, попы; или, во всякомъ случаѣ, вамъ не будутъ повиноваться.

Будете убивать за это, и все-таки вамъ повиноваться не будутъ: по слову Писанія—«любовь *сильнѣе даже и смерти*».

Очень хорошо «расположеніе образованія» въ странѣ: отъ 8-ми до 22-хъ лѣтъ—прилежное ученіе. «Долбежъ», отъ котораго не поднимешь головы... Отъ 22-хъ лѣтъ до 35-ти—корректная служба, первые чины и первые ордена. Въ 35-ть лѣтъ—статскій совѣтникъ. Женатъ (съ приданымъ) и первыя дѣти; ну, это—«кухня и спальня». Достигнувъ статскаго совѣтника,—карточный столъ, мѣлокъ, и пока—онъ проигрываетъ начальству, а потомъ—ему будутъ проигрывать подчиненные. Тогда онъ будетъ уже дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Потомъ умретъ. И въ черной каймѣ «жена и дѣти» извѣщаютъ, что «послѣ тяжкой болѣзни» Иванъ Иванычъ, наконецъ, «скончался».

Это здоровая реакція на «глупости», что гимназисты не учатся.

— Не учитесь, господа. Ну ихъ къ чорту. Шалите, играйте. Собирайте цвѣты, влюбляйтесь. Только любите своихъ родителей и уважайте поповъ (ходите потихоньку въ церковь). На экзаменахъ «списывайте»,— въ удовлетвореніе министерской ненасытности.

Въ 20 лѣтъ, когда уже будете, конечно, женаты, начинайте полегоньку читать, и читайте все больше и больше, до самой смерти.

Тогда она настанетъ поздно, и старость ваша будетъ мудрая.

... а то́ васъ съ дѣтства дѣлаютъ старичками, а въ старости предложатъ же-

нться. «Ибо уже такъ мудръ, что можешь теперь воспитывать дѣтей», которыхъ теперь родить не можешь.

Вы имъ скажите, взрослымъ:

— Нѣтъ, папаша: я буду за книгами и бумагой, за письменнымъ столомъ и дѣлами сидѣть — подъ старость. Ибо будетъ умъ «вершить дѣла». А теперь я — глупенькій, побѣгу въ поле, нарву цвѣтовъ и отнесу ихъ дѣвочкѣ.

Изъ этихъ словъ І. Христа, что «нельзя разводиться мужу и женѣ, токмо какъ по винѣ прелюбодѣянія», духовенство извлекло больше доходовъ, чѣмъ изъ всѣхъ австралійскихъ, и калифорнскихъ, и алтайскихъ золотыхъ розсыпей.

И хотя отсюда брызнули кровь и мозгъ человѣчества: церковь не можетъ ихъ перетолковать, распространить или усложнить, потому что иначе закроются золотоносныя розсыпи. И на отстаиваніе и сохраненіе буквальными этихъ словъ положено болѣе усилій, чѣмъ на защиту всего Евангелія.

Что не отдастъ человѣкъ за возстановленіе своего семейнаго счастья? Въ эту-то кнопку духовенство и надавило.

(*посвящается памяти С. А. Рачинскаго*).

Теряя дѣвственность, дѣвушка теряетъ свое *опредѣленіе*.

Она не согрѣшила (законъ природы), она никого не обидѣла. Всему міру она можетъ сказать: «вамъ какое дѣло». Такъ.

Но когда съ нею будутъ говорить, какъ съ дѣвушкою, какъ съ «барышнею», а—не «барыней», не какъ съ «дамою», вѣдь она не скажетъ:

— Я уже *не дѣвушка*.

Она нѣчто *утаитъ*. И это на каждомъ шагу. Всякій день она вынуждена будетъ солгать. Она окажется въ положеніи, какъ «съ *не своимъ* паспортомъ» въ дорогѣ; съ «ложнымъ видомъ» въ карманѣ.

Правдивая въ дѣвствѣ, искренняя въ дѣвствѣ, прямая въ дѣвствѣ,—теперь (потерявъ дѣвство) она будетъ вынуждена каждый день согнуться, скривить, сказать

«неправду» и упрекнуть себя за «недостатокъ мужества».

Это такая мука.

Но и еще ужаснѣе, что «сгибаемая буреи» она, наконецъ, начнетъ расти криво, какъ-то «бокомъ», неправдиво.

Она вся потускнѣетъ. Сожмется. И вовсе не по «грѣху», коего нисколько не содержится въ совокупленіи, но по этимъ обстоятельствамъ — потеря «дѣвственности», въ самомъ дѣлѣ, есть «паденіе». И эмпирически съ этого времени дѣвушка обыкновенно «падаетъ» и «падаетъ». «Падаетъ» въ должности. «Падаетъ» въ трудѣ. Падаетъ «дома».

Но, анаѳемы (общество, старшіе): предупредите-же это ужасное несчастіе дѣтей вашихъ своевременнымъ, возможно раннимъ замужествомъ. И никогда не смѣйте кричать—«*ты* пала» (родители дочерямъ), когда уже 3—4 года прошло, когда она все томилась, ожидая.

(*т. е. послѣ «сформированія»*); (*вообще долженъ-бы быть въ законѣ опредѣленъ срокъ «уплаты векселей», срокъ — пока дѣвушка «обязана ждать». Пока — все обществу, и ничего — дѣвушкѣ. Законъ долженъ, напр., сказать: «послѣ 30 лѣтъ сохраненіе дѣвства не обязательно, и материнство не несетъ никакою порицанія, а ребенокъ—законенъ»*).

Да, я тоже думаю, что русскій прогрессъ, рожденный выгнаннымъ со службы полицейскимъ и еще клубнымъ шулеромъ, далеко пойдетъ:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное.
Сѣйте. Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ.

Вообще у русскаго народа отъ многочисленныхъ «спасибо» шея ломится. Со всѣхъ сторонъ генералы, и гдѣ военный попроситъ одного поклона, литературный генералъ заставитъ «вѣкъ кланяться».

Щедрину и Некрасову кланяются ужъ 50 лѣтъ.

Все-таки бытовая Русь мнѣ болѣе всего дорога, мила, интимно близка и сочувственна.

Все бы любились. Все бы женились. Все бы растили дѣточекъ.

Немного-бы ихъ учили, не утомляя, и потомъ тоже женили. «Внуки должны быть

готовы, когда родители еще цвѣтутъ»—мой канонъ.

Только «†» страшна.

(вернувшись со свадьбы Свѣтозара Степановича).

Кто-же была Суламиѳь?

Каждая израильтянка въ вечеръ съ пятницы на субботу.

«Пѣснь пѣсней» надо сближать съ тѣмъ мѣстомъ Іезекіиля (14 или 16-ая глава), гдѣ говоритъ черезъ пророка Б., какъ онъ встрѣтилъ дѣву Израиля: «и груди (только что) поднялись у тебя»... «и волосы показались»... и «Я взялъ кольцо и вдѣлъ тебѣ въ ноздри, и повѣсилъ въ уши запястья»... И т. д. «Но ты... всѣмъ проходящимъ по дорогѣ давала жать свои сосцы... и Ассуру, и Египтянину»...

(за газетами утромъ).

Мѣсто это — чудно. Его каждый юноша и каждая дѣвушка должны заучить наизусть, — какъ *корень* жизни своей, какъ основаніе *правъ* своихъ:

Книга пророка Іезекіиля, глава XVI:

И было ко мнѣ слово Господне: «Сынъ человѣческій! выскажи Іерусалиму мерзости его.

«И скажи: такъ говоритъ Господь Богъ дщери Іерусалима: твой корень и твоя родина въ землѣ Ханаанской; отецъ твой Аморрей и мать твоя Хеттеянка;

«При рожденіи твоемъ, въ день, какъ ты родилась, пупа твоего не отрѣзали, и водою ты не была омыта для очищенія, и солью не была осолена, и пеленами не повита.

«Ничей глазъ не сжалился надъ тобою чтобы изъ милости къ тебѣ сдѣлать тебѣ что-нибудь изъ этого; но ты выброшена была на поле, по презрѣнію къ жизни твоей, въ день рожденія твоего.

«И проходилъ Я мимо тебя, и увидѣлъ тебя, брошенную на попраніе въ кровяхъ твоихъ, и сказалъ тебѣ: «въ кровяхъ твоихъ живи!» Такъ. Я сказалъ тебѣ: «въ кровяхъ твоихъ живи».

«Умножилъ тебя, какъ полевыя растенія; ты выросла и стала большая, и достигла превосходной красоты: поднялись груди, и волосы у тебя выросли; но ты была нага и непокрыта.

«И проходилъ Я мимо тебя, и увидалъ тебя, и вотъ, *это было время твое, время любви; и про-*

стеръ Я воскрылія ризъ Моихъ на тебя, и покрылъ наготу твою; и поклялся тебѣ, и вступилъ въ союзъ съ тобою,—говоритъ Господь Богъ; и ты стала Моею.

«Омылъ Я тебя водою, и смылъ съ тебя кровь твою, и помазалъ тебя елеемъ.

«И надѣлъ на тебя узорчатое платье, и обулъ тебя въ сафьяныя сандаліи, и опоясалъ тебя виссономъ, и покрылъ тебя шелковымъ покрываломъ.

«И нарядилъ тебя въ наряды, и положилъ на руки твои запястья и на шею твою ожерелье.

«И далъ тебѣ кольцо на твой носъ и серьги къ ушамъ твоимъ и на голову твою прекрасный вѣнецъ.

. . . . . .

«И пронеслась по народамъ слава твоя.

. . . . . .

«И взяла нарядныя твои вещи изъ Моего золота и изъ Моего серебра, которыя Я далъ тебѣ, и слѣлала себѣ мужскія изобрѣтенія, и блудодѣйствовала съ ними.

«И взяла узорчатыя платья твои, и одѣла ихъ ими, и ставила передъ ними елей Мой и ѳиміамъ Мой,

«И хлѣбъ Мой, который Я давалъ тебѣ, пшеничную муку, и елей, и медъ, которыми Я питалъ тебя,—ты поставляла передъ ними въ пріятное благовоніе. И это — было, говоритъ Господь Богъ».

. . . . . .

Получилъ два характерныхъ письма.

Многоуважаемый

Василій Васильевичъ!

Я рѣшился обратиться к вам с просьбой, которая вам, быть может, покажется странной и даже нахальной. Я — студент 3-яго курса Психо-Неврологическаго ин-та. Денег своих не имѣю. Живу помощью отца.

Эти деньги меня страшно тяготятъ—прямо «руки жгут».

С удовольствіем отказался-бы от этой поддержки. Но больше мнѣ неоткуда ждать помощи. Зарабатывать уроками и т. п. — сами знаете, что это такое!..

Я и рѣшил, при первой возможности, отказаться от денег отца. И вот мнѣ пришло в голову попросить у вас 2000 руб. Может быть, мои соображенія слишком наивны — но когда я узнал, что у вас имѣется 35000 руб. (Уединенное), я рѣшил, что вы вполнѣ можете удѣлить мнѣ 2000 руб.

На эти деньги я мог бы еще 4 года проучиться (раньше кончить не удастся), затѣм стал бы выплачивать самым усердным образом.

Мнѣ будет очень обидно, если вы меня примете за аферист.

На что я рѣшился — мною глубоко продумано. Конечно, гарантіи своей честности я вам представить не могу—вы можете мнѣ или по-

вѣрить или съ омерзеніем броспть письмо в корзинку...

Во всяком случаѣ, для меня — моя просьба вещь серьезная и я прошу вас повѣрить, что в ней нѣт ничего шарлатанскаго.

Мнѣ бы очень хотѣлось получить от вас отвѣт.

Г. Ш.

Адр. СПБ. Екатерининская ул. д. NN

Студенту Г. І. Ш.

27 авг. 1912 г.

PS. Мнѣ желательно чтоб содержаніе этого письма осталось между нами.

Г. Ш.

Удивительно: авторъ, нужду коего я долженъ замѣтить,—не замѣтилъ въ томъ же «Уед.», что около 35.000 кормятся 11 человѣкъ, изъ нихъ—5 маленькихъ дѣтей, и—больная затяжно годы, жена. «*Мнѣ до васъ*—дѣла нѣтъ»; *но вамъ до меня*—есть дѣло».

— Но почему?

— Я студентъ, будущность Россіи, а вы—старикъ и ничего.

Очень мило.

М. Г.

Частенько в газетах мнѣ приходилось читать: такой то утопился, такой то застрѣлился,

та-то отравилась; оставляя перед смертью записку: «Ѣсть нечего», «Нечѣм было жить». И прочитавши про какое-либо самоубійство, я думал: «неправда, не может быть, чтобы человѣку, который имѣет руки и желаетъ работать, нечѣм было жить; тут не что иное, как оправданіе перед кѣм кто в своей преждевременной кончинѣ». Я думал, что такой человѣк имѣет какую-то душевную драму и, не в силах ея пережить—он лишает себя жизни. Записка?—записка открывает лишь часть, малую часть его душевной драмы; простое совпаденіе обстоятельств.

И так думая, я приходил к такому выводу: Человѣк, если он может и желает работать, всегда может отыскать для себя труд и прокормить себя, и никогда не рѣшится, исключительно из-за этого, лишить себя жизни. И я это еще увѣреннѣе говорил про холостого человѣка.

Но мнѣ, совершенно неожиданно для меня, пришлось придти к обратному заключенію. И не при помощи каких-либо умозаключеній, а просто испытывая это поневолѣ на себѣ.

Познакомлю Вас с собой.

Я техник, окончил курс низшаго механико-техническаго училища, гдѣ учился первым учеником, и не потому, что я очень зубрил, а потому, что мнѣ очень легко давалось то, что давалось другим с трудом. Служил на одном мѣстѣ и учился дома; хотѣл все сдать экзамен на аттестат зрѣлости. Но видя, что успѣхи по ученію у меня не важные, — репетитора же я не мог нанять, — я рѣшил ѣхать в Петербург, зная, что здѣсь (в Петербургѣ) я могу довольно

дешево приготовиться, отдавая для этого свободные вечера.

Пріѣхал. Работу на первое время нашел. Начал пріискивать мѣста. Работа кончилась. А мѣста все найти не могу. Вот уже 2 мѣсяца; как я ищу работы или мѣста; но его нѣт. Я искал его в различных отраслях труда: я мог бы быть чертежником, слесарем, работать на станках по обработкѣ металла или дерева, мог бы ухаживать за паровой машиной, двигателем или динамо-машиной, или-же быть монтером по электричеству; но гдѣ-бы я ни просил, соглашаясь впередъ на какое угодно жалованіе, мнѣ всегда отказывали [1]. — «У нас полный комплект служащих». «Всѣ мѣста заняты». Вот тот типичный отвѣт, который я получал в конторах и правленіях, или же—от сторожа, гдѣ не пускали не только работать, но и просить мѣста. Всѣ деньги, которыя я привез и заработал, были или прожиты или израсходованы на объявленія; осталось от них всего 3 рубля, — да не улыбающаяся преспек-

[1] *Всѣ* работы и службы уже заняты евреями или нѣмцами; все *практическое* — расхватано ими. «*Русскаго* человѣка—просто никуда *не пускаютъ*»:— аксіома улицъ, конторъ, торговли. «Иди—на Хитровъ рынокъ, иди — въ хулиганы, иди — въ революцію» (вотъ въ ней *прикармливаютъ*, и — тоже инородцы и изъ-за границы. Прикармливаютъ по простѣйшему мотиву: — «прочь съ дороги, конкурренты». Вотъ объ этой сторонѣ «рабочаго вопроса» ни гу-гу Гарфельдъ, ни гу-гу Короленко, ни гу-гу Мякотинъ и Пѣшехоновъ. Можетъ быть, Плехановъ и кн. Кра-

тива помирать с голоду. Помереть с голоду! как это звучит? но нѣт! я до этого не дойду, и лишу себя жизни.

В Россіи с голоду никто не умирал, а я показывать примѣр не буду. Я пойду старой, проторенной другими, дорожкой.

Правда, есть еще другіе выходы: или идти просить милостыню, или пойти служить мальчиком на посылках; но то и другое я сдѣлать не хочу, потому что не могу.

Я хочу жить! И хочу работать! Я могу работать! у меня свѣжія сплы. Но что же мнѣ дѣлат, когда получаю такой отвѣт: «Всѣ мѣста заняты!» Что?

потянъ откликнулись-бы? Ну, это «звѣздочеты»: смотрятъ на небо и не замѣчаютъ земли. Ахъ, господа, скверны дѣла на этой землѣ... Печать? свобода мысли? свобода закричать? указать?

— Ха! ха! ха! ха! ха! ха!..

— Покричи, покричи. Понатужься.

Нѣтъ, уже все, очевидно, «устроилось» и «окончилось».

Ахъ, надежда: М. Г. Гершензонъ услышитъ: вѣдь онъ славянофилъ?

Друзья мои, русскіе: *васъ никто не услышитъ въ Россіи*, уже все «обработано» и вообще все «кончилось»...

Ба! ба! ба!—Максимъ Горькій, Леонидъ Андреевъ?..

Еврейскій хохотъ вокругъ:

— Ха! ха! ха! Пукнутъ-ли они противъ тѣхъ, когда мы ихъ столько лѣтъ хвалили, славили и называли геніями...

«Закруглено»... Завязано «крѣпкимъ узелкомъ»...

«Полный комплект служащих. Нам больше не надо».

Тут кипит жизнь! тут идет работа! а я?— Я лишній. Вѣдь не такой-же я лишній, как лишній пуд для носильщика тяжестей; как лишній в шлюпкѣ человѣк при кораблекрушеніи. Положи лишній пуд носильщику на спину, и он упадет и другіе не снесет. Посади лишняго человѣка в лодку, лодка потонет, и никто не спасется. Вѣдь не такой же я лишній? Как вы думаете?

А время летит. Придет час, и одним человѣком меньше станет. Такова жизнь! Всему научили меня,—не то, так другое могу дѣлать; а главному: как жить? как приспособиться к жизни?—и забыли научить. Фонарей в дорогу много надавали, а спичек не дали; потухли фонарики один за другим: вот и заблудился! и темно! темно!

Если прибавить к этому письму мой адрес, то я боюсь, что вы подумаете, что я хочу порисоваться,—или, что еще хуже, вы можете подумать, что я прошу помощи: и я рѣшил послать вам это письмо без адреса и фамиліи. Так будет лучше! Да!

С почтеніем к вам пребываю

. . . . . овъ.

СПБ.
Октября 11 дня
1911 г.

Какое страшное письмо. Усилія мои предупредить несчастіе—письмо въ газетѣ къ анониму — придти ко мнѣ, уже, вѣроятно, опоздало.

Толстой удивляетъ, Достоевскій трогаетъ.

Каждое произведеніе Толстого есть зданіе. Что́-бы ни писалъ или даже ни началъ онъ писать («отрывки», «начала») — онъ строитъ. Вездѣ молотъ, отвѣсъ, мѣра, планъ, «задуманное и рѣшенное». Уже отъ начала всякое его произведеніе есть въ сущности до конца построенное.

И во всемъ этомъ нѣтъ стрѣлы (въ сущности, нѣтъ сердца).

Достоевскій — всадникъ въ пустынѣ, съ однимъ колчаномъ стрѣлъ. И капаетъ кровь, куда попадаетъ его стрѣла.

Достоевскій дорогъ человѣку. Вотъ «дорогого»-то ничего нѣтъ въ Толстомъ. Вѣчно «убѣждаетъ», ну и пусть за нимъ слѣдуютъ «убѣжденные». Изъ «убѣжденій» вообще ничего не выходитъ, кромѣ стопъ бумаги и собирающихъ эту бумагу, библіотеки, магазина, газетнаго спора и, въ полномъ случаѣ, металлическаго памятника.

А Достоевскій *живетъ* въ насъ. Его музыка никогда не умретъ.

(*сентябрь*).

На томъ свѣтѣ, если попадешь въ рай, будутъ вмѣсто воды поить арбузами.

(*за арбузомъ*).

— Какой вы хотѣли бы, чтобы вамъ поставили памятникъ?

— Только одинъ: показывающимъ зрителю кукишъ.

(*въ трудовомъ дни*).

У меня есть какой-то фетишизмъ мелочей. «Мелочи» суть мои «боги». И я вѣчно съ ними играюсь въ день.

А когда ихъ нѣтъ: пустыня. И я ея боюсь.

«Пароходъ идетъ» писательства — идетъ при горѣ, несчастіи, мукахъ души... Все

«идетъ» и «идетъ»... Корректуры, рукописи...

(исторія съ рыжей лошадью изъ Лисино).

Крѣпче затворяй двери дома, чтобы не надуло.

Не отворяй ее часто. И не выходи на улицу.

Не сходи съ лѣстницы своего дома — тамъ зло.

Дальше дома зло уже потому, что дальше—равнодушіе.

(Лисино).

Такъ, одинъ около одного болтается: Горнфельдъ трется о спину Короленки, Петрищевъ гдѣ-то между ногами бѣгаетъ,

выходитъ — куча; эта куча трется о такую-же кучу «Современнаго міра». Выходитъ шумъ, большею частью, «взаимныхъ симпатій» и обоюднаго удивленія таланту. Но почему этотъ «шумъ литературы» Россія должна принимать за «свой прогрессъ»?

Не понимаю. Не поймetъ ни пахарь, ни ремесленникъ, и развѣ что согласится чиновникъ. «Я тоже бумажное царство», подумаетъ онъ, «и не разумѣю, для чего они отдѣляются отъ меня. Мы вполнѣ гармоничны».

Ты бы, демократъ, лучше не подслушивалъ у дверей, чѣмъ эффектно здороваться со швейцарами и кухарками за руку. Отъ этого жизнь не украсится, а отъ того, рѣшительно, жизнь воняетъ. Притомъ надо имѣть слишкомъ много самообольщенія и высокомѣрія, чтобы думать, будто она — будетъ осчастливлена твоимъ рукопожатіемъ. У нея есть *свое достоинство*, и, какъ ни странно, въ него входитъ получить гривенникъ за «пальто», котораго ты никогда не даешь.

(*I.*).

— Нѣтъ, папа, ты ошибаешься. Когда мы недѣли 2 тамъ жили,—помнишь, когда вернулись рано съ Кавказа, — то я разъ утащила на кухнѣ морковку, а она увидала. Ну, что морковка? Я выбѣжала и, не доѣвъ, бросила въ канавку, а съ испугу сказала, что не брала. Такъ она мучила меня, мучила.—«Ты дурная, Таня, дѣвочка, украла и солгала. Я мамѣ твоей скажу». И жаловалась на меня мамѣ, что я лгала, когда она пріѣхала. А что морковка?

(*соціалъ-пуританка Лидія Эрастовна*)

Отвратительная гнойная муха — не на рогахъ, а на *спинѣ* быка, везущаго тяжелый возъ—вотъ наша публицистика, и Чернышевскій, и Благосвѣтловъ: кусающіе спину быку.

Россія иногда представляется огромнымъ буйволомъ, съѣвшимъ на лугу траву-зѣлье, съѣвшимъ какую-то «гадину-козулю» съ травою: и отравленный ею онъ завертѣлся въ безумномъ верченьѣ.

(*Желябовъ и К-о*).

Дочь курсистка. У нея подруги. Разговоры, шопоты, надежды...

Мы «будемъ то-то»; мы «этого ни за что̀ не будемъ»... «Согласимся»... «Не согласимся»...

Всѣ — передъ ледяной прорубью, и никто этого имъ не скажетъ:

«Едва вы выйдете за волшебный кругъ Курсовъ, получивъ въ руки бумажку «объ окончаніи»,—какъ не встрѣтите никого, ни одной руки, ни одного лица, ни одного учрежденія, службы, гдѣ-бы отворилась дверь, и вамъ сказали: «ты намъ нужна».

И этотъ ледяной холодъ—«никому *не*

нужно»—заморозитъ васъ и, можетъ быть, убьетъ многихъ.

Но терпите. Боритесь, терпите. Это ледяное море приходится каждому переплывать, и кто его переплыветъ—выползетъ на берегъ.

Безъ перьевъ, безъ шлейфа, кой-какой. Но вылѣзетъ.

Отчего вы *теперь*-же, на «Курсахъ», не союзитесь, не обдумываете, не заготовляете службы, работы? У евреевъ вотъ все какъ-то «выходитъ»: «родственники» и «пока подежурь въ лавочкѣ». «Поучи» безчисленныхъ дѣтей. У русскихъ—ничего. Ни лавки. Ни родныхъ. Ни дѣтей. Кромѣ отвлеченнаго «поступить-бы на службу». На что̀ услышитъ роковое: «нѣтъ вакансій».

Двѣ курсистки и четыре гимназиста, во имя «правды въ душѣ своей», рѣшили совершить переворотъ въ Россіи.

И не знаютъ, бѣдные, что и безъ «переворота» имъ, по окончаніи (курса), будетъ глотать нечего. И будутъ называть «ваше

превосходительство», чтобы не умереть съ голоду.

И печать ихъ подбодряетъ: «идите! штурмуйте!» — Азефы,—милые человѣки. Азефы, и—не больше.

(*Короленкъ и Плехановъ*).

Всѣ люди утруждены своимъ необразованіемъ, — одинъ Г. находитъ въ этомъ источникъ гордости и наслажденія. Прежде, когда онъ именовалъ себя «соціалистомъ-народникомъ» (съ такой-то фамиліей!), онъ говорилъ въ духѣ соціалистовъ, что «хотя ничему не учился, однако все знаетъ и обо всемъ можетъ судить». Объяснить ему, что Португалія и Испанія — это *разныя* государства, нѣтъ никакой возможности: ибо онъ смѣшиваетъ «Пиринейскій полуостровъ» съ «Испаніей». Теперь, когда онъ сталъ «народникомъ и государственникомъ», онъ считаетъ не согласнымъ со своими «русскими убѣжденіями» знать географію Европы. Разъ — безъ всякаго повода, но со счастливымъ видомъ, — онъ сталъ говорить, будто «сказалъ Столыпину, что его взгляды на Россію совершенно ошибочны».

— Александру Аркадьевичу Столыпину?

Какъ-бы кушая бланманже:

— Н-ѣ-ѣ-ѣ-тъ. Петру Аркадьевичу. Я сказалъ ему, что совершенно ни въ чемъ съ нимъ не согласенъ.

Tout le monde est frappé que G. недоволенъ имъ.

Не знаю, былъ-ли счастливъ Столыпинъ поговорить съ Г., но Г. былъ счастливъ поговорить со Столыпинымъ.

И, уѣзжая домой, въ конкѣ, вѣроятно, думалъ:

— Что теперь Столыпинъ думаетъ обо мнѣ?

Эта занятость Столыпина Г—омъ и Г—а Столыпинымъ мнѣ представляется большимъ историческимъ фактомъ. «Въ груду исторіи долженъ быть положенъ вездѣ свой камешекъ». И Г—ъ усердно положилъ «свой».

(на «приглашеніе» въ Славянское Общество).

Къ *силѣ* — все пристаетъ, съ *силою* (въ *союзѣ* съ нею) — все безопасно: и вотъ

исторія нигилизма или, точнѣе, нигилистовъ въ Россіи.

Стоитъ сравнить тусклую, загнанную, «гдѣ-то въ *уголку*» жизнь Страхова, у котораго не было иногда щепотки чая, чтобы заварить его пришедшему пріятелю,— съ шумной, широкой, могущественной жизнью Чернышевскаго и Добролюбова, которые почти «не удостаивали разговоромъ» самого Тургенева; стоитъ сравнить убогую жизнь Достоевскаго въ позорномъ Кузнечномъ переулкѣ, гдѣ стоятъ только извощичьи дворы и обитаютъ по комнатушкамъ проститутки,— съ жизнью женатаго на еврейкѣ-милліонеркѣ Стасюлевича, въ собственномъ каменномъ домѣ на Галерной улицѣ, гдѣ помѣщалась и «оппозиціонная редакція» Вѣстника Европы; стоитъ сравнить жалкую полу-жизнь,— жизнь *какъ несчастіе и горе*,—Кон. Леонтьева и Гиляpова-Платонова, съ жизнью литературнаго магната Благосвѣтлова («Дѣло»), и, наконецъ,—жизнь Пантелѣева, въ палаццо котораго собралось «Герценовское Общество» (1910—11 г.) съ его болѣе, чѣмъ сотнею гостей-членовъ, съ жизнью «Василія Васильевича и Варвары Димитріевны», съ Ге и Ивановымъ за чашкой чаю,— чтобы понять, что нигилисты и отрицатели

Россіи давно догадались, гдѣ «раки зимуютъ», и побѣжали къ золоту, побѣжали къ чужому сытному столу, побѣжали къ дорогимъ винамъ, побѣжали вездѣ съ торопливостью *неимущаго—къ имущему*. Нигилизмъ давно *лижетъ пятки* у богатаго—вотъ въ чемъ дѣло; нигилизмъ есть *прихлебатель у знатнаго* — вотъ въ чемъ тоже дѣло. Къ «Николаю Константиновичу» на зимняго и весенняго Николу (праздновалъ именины два раза въ годъ) съѣзжались не только изъ Петербурга, но и изъ Москвы литераторы; изъ Москвы спеціально поздравить пріѣзжалъ Максимъ Горькій (какъ-то писали), и курсистки — съ букетами, и студенты—должно быть пролепетать свою «оппозицію» и «поздравленіе»; и онъ раздавалъ свои порицанія и похвалы, какъ возводилъ въ чинъ и низвергалъ изъ чиновъ. Объ этомъ неумытомъ нигилистѣ Благосвѣтловѣ я какъ-то услышалъ у Суворина разсказъ, чуть-ли не его самого, что въ кабинетъ его вела дверь изъ чернаго дерева съ золотой инкрустаціей, передъ которою стоялъ слуга-негръ, и вообще все «какъ у графовъ и князей»; это ужъ не квартирка бѣднаго Рцы съ его Ольгой Ивановной «кое-въ-чемъ». Вотъ этихъ «мелочей» наша довѣрчивая и наивная провинція не

знаетъ, ихъ узнаешь, только пріѣхавъ въ Петербургъ, и узнавъ—дивишься великимъ дивомъ. Гимназистомъ въ VI—VII—VIII классахъ я удивлялся, какъ правительство, заботящееся о культурѣ и цивилизаціи, можетъ допустить существованіе такого гнусно-отрицательнаго журнала, гдѣ стономъ стояла ругань на все существующее, и мнѣ казалось—его издаютъ какіе-то пьяные семинаристы, «не окончившіе курса», которые пишутъ свои статьи при сальныхъ огаркахъ, послѣ чего напиваются пьяны и спятъ на общихъ кроватяхъ со своими «курсистками»: но «черныя двери съ негромъ» мнѣ *и намъ всѣмъ* въ Нижнемъ и въ голову не приходили... Тогда-бы мы повернули дѣло иначе. «Нигилизмъ» намъ представлялся «отчаяннымъ студенчествомъ», вотъ пожалуй «въ повалку» съ курсистками: но все—«отлично», все—«превосходно», все—«душа въ душу» съ народомъ, съ простотой, съ бѣдностью. «Грумъ» (негръ) въ голову не приходилъ. Мы входили «въ нигилизмъ» и въ «атеизмъ» какъ въ страданіе и бѣдность, какъ въ смертельную и мучительную борьбу противъ всего сытаго и торжествующаго, противъ всего сидящаго за «пиршествомъ жизни», противъ всего «давящаго на народъ» и

вотъ «на насъ бѣдныхъ студентовъ»; а въ самомъ нижнемъ ярусѣ—и насъ, задавленныхъ гимназистовъ. Я прямо остолбенѣлъ отъ удивленія, когда, пріѣхавъ въ Петербургъ, вдругъ увидѣлъ, что́ «и Тертій Ивановичъ въ оппозиціи», а его любимчикъ, имѣвшій 2.000 «аренды» (*неотъемлемая* по смерть награда ежегодная по распоряженію Государя), выражается весьма и весьма сочувственно о взрывчатыхъ коробочкахъ: тутъ у меня умъ закружился, тутъ всталъ дымъ и пламя въ душу. «Ахъ, такъ вотъ *гдѣ* оппозиція: съ орденомъ Александра Невскаго и Бѣлаго Орла, съ тысячами въ карманѣ, съ семгой цѣлыми рыбами за столомъ». — «Это совсѣмъ *другое дѣло*». Потомъ знакомство со Страховымъ, который читалъ «какъ по-русски» на 5-ти языкахъ и какъ спеціалистъ и виртуозъ зналъ біологію, математику и механику, зналъ философію и былъ утонченнымъ критикомъ, и которому въ журналистикѣ *некуда было*, кромѣ плохо платившаго «Русскаго Вѣстника», пристроить статейку... Потомъ пришелъ ушедшій отъ Михайловскаго Перцовъ, съ его великодушными (при небольшихъ своихъ средствахъ) изданіями чужихъ трудовъ...

Я понялъ, что въ Россіи «быть въ оппозиціи» значитъ любить и уважать Государя,

что «быть бунтовщикомъ» въ Россіи—значитъ пойти и отстоять обѣдню, и, наконецъ, «поступить какъ Стенька Разинъ» — это дать въ морду Михайловскому съ его «2-мя именинами» (смѣющійся разсказъ Перцова). Я понялъ, что «Русскія Вѣдомости» — это и есть служебный департаментъ, «все повышающій въ чинахъ», что Елизавета Кускова — это и есть «чиновная дама», у которой всѣ подходятъ «къ ручкѣ», такъ какъ она издавала высокопоставленный журналъ «Безъ заглавія». Что «несетъ шлейфъ» вовсе не благородная, около нищихъ и проститутокъ всю жизнь прожившая княжна Дондукова-Корсакова (поразительна біографія,—въ книгѣ Стасова о своей сестрѣ), а «несутъ длинный трэнъ» эта-же Елизавета Кускова, да Софья Ковалевская, и передъ ними шествующія «кавалерственныя дамы» съ Засуличъ и Перовской во главѣ, которыя великодушную и *святую* Дондукову-Корсакову даже не допустили «на аудіенцію къ себѣ» въ Шлиссельбургѣ. Тогда-то я понялъ, *гдѣ* оппозиція; что значитъ быть «съ униженными и оскорбленными», что значитъ быть съ «бѣдными людьми». Я понялъ, гдѣ корыто и гдѣ свиньи, и гдѣ—терновый вѣнецъ, и гвозди, и мука.

Потомъ эта идіотическая цензура, какъ кислотой выѣдающая «православіе, самодержавіе и народность» изъ книгъ; непропускъ моей статьи «О монархіи», въ параллель съ покровительствомъ соціалъ-демократическимъ «Дѣлу», «Русскому Богатству» etc. Я вдругъ опомнился и понялъ, что идетъ въ Россіи «кутежъ и обманъ», что въ ней встала лѣвая «опричнина», завладѣвшая всею Россіею, и плещущая купоросомъ въ лицо каждому, кто не примкнетъ «къ оппозиціи съ семгой», къ «оппозиціи съ шампанскимъ», къ «оппозиціи съ Кутлеромъ на 6-ти тысячной пенсіи»...

И пошелъ въ ту тихую, безсильную, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ имѣющую быть затоптанною оппозицію, которая состоитъ въ:

1) помолиться,
2) встать рано и работать.

(15 сентября 1912 г.).

Гдѣ, однако, погибло русское дѣло, русскій духъ? какъ все *это* (см. выше) могло стать? сдѣлаться? произойти?

Въ оффиціальности, торжественности и послѣдующей «наградкѣ».

Въ той самой «воин», въ которой сейчасъ погибаетъ (?) нигилизмъ.

Все объясняется лучше всего черезъ *случай*, о коемъ, гдѣ-то вычитавъ, передавалъ братъ Коля (лѣтъ 17 назадъ).

Однажды ввечеру Государь Николай Павловичъ проходилъ по дворцу и услышалъ, какъ великія княжны-подростки, собравшись въ комнату, поютъ «Боже Царя храни». Постоявъ у отворенной въ коридоръ двери, — онъ, когда кончилось пѣніе, вошелъ въ комнату и сказалъ ласково и строго:

— Вы хорошо пѣли, и я знаю, что это изъ добраго побужденія. Но *удержитесь впередъ:* это священный гимнъ, который нельзя пѣть при всякомъ случаѣ и когда захочется, «къ примѣру» и почти въ игрѣ, почти пробуя голоса. Это можно *только очень рѣдко и по очень серьезному поводу.*

Разгадка всего.

У насъ въ гимназіяхъ и, особенно, въ тогдашней подлой Симбирской гимназіи, при Вишневскомъ и Кильдюшевскомъ, съ ихъ оскверпляющимъ и оскорбляющимъ чинопочитаніемъ, отъ котораго душу воротило, заставляли всей гимназіей передъ портретомъ Государя пѣть *каждую субботу*

«Боже Царя храни», да и теперь, при поводѣ и безъ повода, вездѣ и всякая толпа поетъ «Боже Царя храни»...

Какъ?

— Конечно, *бездушно*!

Нельзя каждую субботу испытывать патріотическія чувства, и всѣ мы знали, что это «Кильдюшевскому съ Вишневскимъ нужно», чтобы выслужиться передъ губернаторомъ Еремѣевымъ: а мы, гимназисты, сдѣланы орудіями этого низменнаго выслуживанія.

И, конечно, мы «пѣли», но каждую субботу что-то улетало съ зеленаго дерева народнаго чувства въ каждомъ гимназистѣ: «пѣли»—а въ душонкахъ, маленькихъ и дѣтскихъ, росъ этотъ желтый, меланхолическій и разъяренный нигилизмъ.

Я помню, что именно *Симбирскъ* былъ родиною моего нигилизма. А я былъ тамъ во II и III классѣ; въ IV-мъ уже переѣхалъ въ Нижній.

Вотъ въ этомъ оффиціально-торжественномъ, въ принудительномъ «патріотизмѣ»—все дѣло. Мнѣ иногда думается, что «чиновничество» или, вѣрнѣе, всякія «службы» пусть-бы и остались: но съ него нужно снять позументы и нашивки, кстати очень смѣшныя и кургузыя, *курьезныя*. Какъ и

ордена, кромѣ развѣ самыхъ высшихъ, лентъ и звѣздъ. Всѣ эти служебные «крестики» ни на что не похожи и давно стали посмѣшищемъ всѣхъ. «Служилый людъ» долженъ быть одѣтъ въ простой черный кафтанъ,—и вообще тутъ можетъ быть придумано нѣчто строгое, серьезное и простое. Также всѣ эти «поздравленія съ праздниками начальства», вѣроятно мѣшающія только ему отдыхать, веселиться, «разговѣться со своими» (въ семьѣ)—вся эта поганая шушера должна быть выметена и просто-напросто «въ одинъ прекрасный день» запрещена.

Чувство Родины—должно быть строго, сдержано въ словахъ, не рѣчисто, не болтливо, не «размахивая руками» и не выбѣгая впередъ (чтобы показаться).

Чувство Родины должно быть великимъ горячимъ молчаніемъ.

(*15 сентября*).

Теперь вы поищите Магнитскихъ да Русилей, да Аракчеева и Ѳаддѣя Венедиктовича Булгарина—въ своемъ лагерѣ, господа.

(*радикаламъ*).

Все «наше образованіе»—не русское, а и европейское нашего времени—выразилось въ:

— Господа! Предлагаю усопшаго почтить вставаніемъ.

Всѣ встаютъ.

Кромѣ этого лошадинаго способа относиться къ ужасному, къ несбыточному, къ неизрекомому факту смерти, потрясающему Небо и Землю, наша цивилизація ничего не нашла, не выдумала, не выдавила изъ своей души.

— «Встаньте, господа!»—вотъ и вся любовь.

— «Встаньте, господа!»—вотъ и вся мудрость.

Дарвинъ, парламентъ и войны Наполеона, всѣмъ безчисленнымъ умершимъ и умирающимъ, говорятъ:

— «Мы встали».—«Когда вы умрете—мы встанемъ».

Это до того рыдательно въ смыслѣ нашихъ «способностей», въ смыслѣ нашей «любви», въ смыслѣ нашего «уваженія къ человѣку», что...

Ну и что-же, мы будемъ «реформировать Церковь» съ такими способностями?..

Да вѣдь ни въ комъ изъ насъ, *во всей нашей цивилизаціи*, нѣтъ ни одной капельки той любви, нѣтъ ни одной капельки того безбрежнаго уваженія къ человѣку, какія сказаны церковью при созиданіи этихъ (погребальныхъ) обрядовъ, словъ, пѣснопѣній, чтеній, сказаній, сказаны и все это запечатлѣлось какъ *документъ*. Какой у насъ *документъ* любви?!

«Встали! Постояли!!».

— Ослы!

Что скажемъ еще, кромѣ «ослы».

Вотъ эта-то «важная попытка реформаціи»,—попытка съ пустымъ сердцемъ, попытка съ ничтожнымъ умомъ,—она потрясаетъ Европу... Тутъ «и декаденты», и «мы», «и эго-футуристы», всякіе «обновленцы», и еще «Дума» и Карауловъ.

Да, «постояли мы» и надъ Карауловымъ. Надо было ему съ того свѣта чихнуть намъ: «Мало».

Разсказъ Кускова (Пл. А.):

— Все жалуются, что полиція притѣсняетъ бѣдныхъ обывателей и стѣсняетъ гражданскую свободу. «Задыхаемся». «Держи и не пущай». Разъ я зашелъ въ далекую улицу, панель—деревянная, и бредетъ мнѣ навстрѣчу пьяная баба. Только у нея, должно быть, тесемки ослабѣли, и подолъ спереди былъ до земли. Какъ она все «клюкала» впередъ, то и наступала на подолъ. Онъ ее задерживалъ, и въ досадѣ она поддергивала (его) вверхъ. Но юбка отдѣлилась отъ кофты, и она, не замѣчая, дергала сорочку. Дальше—больше: и я увидѣлъ, что у нея пузо голое. Юбку совсѣмъ она «обступала» книзу, и она сползла на бедра, а рубашку вздернула кверху. Отъ омерзѣнія я воскликнулъ стоявшему тутъ-же городовому:

— Что-же ты, братецъ, смотришь: отведи ее домой или въ участокъ.

Сдѣлавъ подъ козырекъ дѣйств. стат. совѣтнику (Кус.), городовой отвѣчалъ:

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокоблагородіе. Нельзя-съ. Она сама идетъ, и я не могу ее взять, потому намъ приказано брать только, если пьяный *лежитъ*.

Кусковъ никогда не выѣзжалъ (до отставки) изъ Петербурга, и это было въ столицѣ.

Минувшій годъ мы ѣздили съ мамой къ Романовымъ,—на Б. Зеленину. И, проѣзжая небольшую площадку, кажется, у Сытнаго рынка (Петерб. сторона),—*въ 1 часъ дня*,—въ яркій солнечный весенній день,—я вскрикнулъ и *отвернулся*.

Тотчасъ-же взглянула *туда* жена.

— Молоденькая, лѣтъ 18 (сказала).

Vis-à-vis стояла толпа. Разсѣянно, не нарочно. Парни, женщины.

И противъ нихъ эта «18-ти лѣтъ» подняла надъ голыми ногами подолъ «выше чего не слѣдуетъ» и показала всѣмъ.

Столица.

(насколько мелькнуло лицо—не видно было, что бы это была проститутка).

Все что-то гдѣ-то ловитъ:—въ какой-то мутной водицѣ какую-то самолюбивую рыбку.

Но больше срывается, и насадка плохая, и крючекъ тупъ.

Но не унываетъ. И опять закидываетъ.

(рыбакъ Г. въ газетахъ).

Стиль есть душа вещей.

Ужъ хвалили ихъ, хвалили...
Ужъ ласкали ихъ, ласкали...

(революціонеры у Болучарскаго и Глинскаго).

...дураки этакіе, всѣ мои сочиненія замѣшаны не на водѣ и не на маслѣ даже,— а на сѣмени человѣческомъ: какъ-же вамъ не платить за нихъ дороже?

(на извозчикѣ) (первое естественное восклицаніе, — затерявшееся; и потомъ возстановленное лишь въ темъ въ «Оп. Лист.»).

Мамочка не выносила Гоголя и говорила своимъ твердымъ и короткимъ:

— Ненавижу.

Какъ о духовенствѣ, будучи сама изъ него, говорила:

— Ненавижу поповъ.

— Отчего вы, Варвара Дмитріевна, «ненавидите» священниковъ?

Не торопясь:

— Когда сходятъ съ извозчика, то всегда, отвернувъ въ сторону рясу, вынимаютъ свой кошель и разсчитываются. И это «отвернувшись въ сторону», какъ будто кто у нихъ собирается отнять деньги,—отвратительно. И всегда дастъ извозчику вмѣсто «5 коп.» этотъ... съ особеннымъ орломъ и старый «екатерининскій» пятакъ, который потомъ не берутъ у извозчика больше, чѣмъ за три копѣйки.

— А Гоголя почему?

Она не повторяла и не объясняла. Но когда я пытался ей читать что-нибудь изъ Гоголя, котораго Саша Жданова (двоюродная ея) такъ безумно любила, то, деликатно переждавъ (пока я читалъ), говорила:

— Лучше что-нибудь другое.

Это меня поразило. И на всѣ попытки оставалась деликатно (къ предлагавшему) глуха.

«— Что такое???! Гоголь!!!»—Я не понималъ.

Нерѣдко она сама смѣялась своимъ граціознымъ смѣхомъ, переходившимъ въ счастливѣйшія минуты въ игривость,— небольшую и короткую. Все общее расположеніе души было деликатное и ласковое (тогда), безъ тѣни угрюмости (тоже тогда). Она не анализировала людей и, кажется, не позволяла себѣ анализировать: «я еще молода» (26 или 28 лѣтъ). Все отношеніе къ людямъ чрезвычайно ровное и благорасположенное, но безъ пристрастій и увлеченій. Въ сущности она жила какъ-то странно: и—«не отъ міра сего», и—«отъ сего міра». Что-то среднее, промежуточное. Впереди— ничего; кругомъ — ничего; позади — счастливый романъ перваго замужества, тянувшійся года четыре.

Мужъ медленно погибалъ на ея глазахъ отъ неизвѣстной причины. Онъ со страшной медленностью слѣпнулъ, и, затѣмъ, коротко и бурно помѣшавшись — померъ. «Мнѣ сшили тогда траурное все, но я не

надѣла, и какъ была въ цвѣтномъ платьѣ—шла за нимъ» (на кладбище; не имѣла силъ переодѣть).

Это цвѣтное платьице за гробомъ осталось у меня въ душѣ.

«— Отчего она не любитъ Гоголя? *Не выноситъ.*»

Со всѣми привѣтливо-ласковая, она только не кланялась Евлампіѣ Ивановнѣ С—вой, женѣ законоучителя и соборнаго священника.

— Отчего?

— Она ожидаетъ поклона, и я дѣлаю видъ, что ея не вижу.»

За исключеніемъ этихъ, очень гордыхъ, которыхъ она обходила, она со всѣми была «хорошо». Очень любила родственницъ, которыя были очень хороши: Марью Павловну Глаголеву, Лизу Бутягину (†), подругу ея дѣтства, дяденьку Димитрія Адріановича.

Къ прочимъ была спокойна и, пожалуй, равнодушна. Мать уважала, почитала, повиновалась, но ничего особеннаго не было. Особенное пробудилось потомъ,—въ замужествѣ со мною.

Отчего-же она не любитъ Гоголя? и когда читаешь (ей)—явно «пропускаетъ мимо

ушей». «Почему? Почему?» — я спрашивалъ.

— Потому-что это мнѣ «не нравится».

— Да что́-же «не нравится»: вѣдь это— *вѣрно*, Чичиковъ, напримѣръ?

— Ну, и что́-же «Чичиковъ»?..

— Скверный такой. Подлецъ.

— Ну и что-же, что...

Слова «подлецъ» она не выговаривала.

— Ну, вотъ Гоголь его и осмѣялъ!

— Да зачѣмъ?

— Какъ «зачѣмъ», когда такіе бываютъ?!

— Такъ если «бываютъ»—вы ихъ не знайте. Если я увижу, тогда и... скажу «подлецъ». Но зачѣмъ-же я буду говорить о человѣкѣ «подлецъ», когда я говорю съ ним, когда мы *здѣсь*, когда мы что-нибудь читаемъ или о чемъ-нибудь говоримъ, и—слово «подлецъ» на умъ не приходитъ, потому-что вокругъ себя я не вижу «подлеца», а вижу или обыкновенныхъ людей, или даже пріятныхъ. Я не знаю, къ чему это «подлецъ» относится...

Я распространяю болѣе короткую рѣчь и менѣе мотивированную. Она упорно отказывалась читать о «подлецахъ», не понимая или, лучше сказать, осязательно и такъ сказать къ «гнѣву своему» не видя, къ чему это относится и съ чѣмъ это связать.

У нея не было гнѣва. Злой памяти—не было.

Скорѣй вся жизнь,—вокругъ, въ будущемъ, а болѣе всего въ прошломъ,—была поддернута сѣрымъ флеромъ, тосклпвымъ и остро-печальнымъ въ воспоминаніяхъ.

Чуть-ли даже она разъ не выговорила:

— Я ненавижу Гоголя потому, что онъ *смѣется*.

Т. е., что у него есть существо *смѣха*.

Если она съ Евлампіей Ивановной не кланялась, то не приписывала къ этому никакого порицанія, и тѣмъ менѣе—анекдота, разсказа, сплетни. И «пересуживанья» кого-нибудь я отъ нея потомъ и за всю жизнь никогда не слыхалъ, хотя были рѣзкія отчужденія, и раза два полныя «раззнакомленія», но всегда вполнѣ безъ словъ (съ Гамбургерами).

Я понялъ тогда (въ 1889 и 1890 г.), что существо смѣха Гоголя было несовмѣстимо съ тембромъ души ея,—по серебристому и чистому звуку этого тембра, въ коемъ (тембрѣ) было совершенно исключена грязь и выкрикъ. Ни сора какъ *зрѣлища*, ни выкрика какъ *протеста*—она не выносила.

Я это внесъ въ оценку Гоголя («Легенда

объ инквизиторѣ»), согласившись съ нею, что *смѣяться*—вообще недостойная вещь, что смѣхъ есть низшая категорія человѣческой души. Смѣхъ «отъ Калибана», а не «отъ Аріэля» («Буря» Шекспира).

Мамочка этого не понимала, да я ей и не говорилъ.

Позднѣе она очень не любила Мережковскихъ,—до пугливости, до «едва сижу въ одной комнатѣ», но и тогда не сказала ни одного слова порицанія, никакой насмѣшки или еще «издѣвательства». Это было совершенно внѣ ея существованія. Позднѣй, когда и я разошелся съ М—ми, и на Дм. Серг. сталъ выливать «язвы»,—думалъ, она будетъ сочувствовать, или хоть «ничего». Но и здѣсь, отъ того что у меня *смѣхъ* состоялъ въ «язвахъ», она не читала или была глуха къ моимъ статьямъ (пробѣгала до ½, не кончая), а въ отношеніи ихъ говорила:

— Не воображай, что ты ихъ разсердилъ. Они, вѣроятно, только смѣются надъ тобой. Ты самъ смѣшонъ и жалокъ въ насмѣшкахъ. Ты злишься, что они тебя не признаютъ, и впадаешь въ истерику. Себѣ—вредишь, а имъ—ничего.

Такъ я и не могъ привлечь мамочку къ своей «сатирѣ». И я думаю вообще, что

«сатира» отъ ада и преисподней, и пока мы не пошли въ него и еще живемъ на землѣ, т. е. въ среднихъ ярусахъ,—сатира вообще недостойна нашего существованія и нашего ума.

Пусть это будетъ «капономъ мамочки».

Смазали хвастунишку по мордѣ—вотъ вся «Исторія соціализма въ Россіи».

(на прогулкѣ въ лѣсу).

«...да потому, что *ея*—это принадлежитъ *мнѣ*».

— «А *его*—это принадлежитъ мнѣ», думаетъ дѣвушка.

На этомъ основаны соблазненія и свирѣпые факты.

Такъ устроено. Что-же тутъ сдѣлать? «Всякій покоряетъ обѣтованную ему землю».

(на оборотѣ транспаранта).

Любовь есть совершенная отдача себя другому.

«Мепя» уже нѣтъ, а «все — твое».

Любовь есть чудо. Нравственное чудо.

Разводъ — регуляторъ брака, тѣла его, души его. Кто захотѣлъ-бы разрушить бракъ, но анонимно, тайно, скрылъ «дѣло подъ сукно» — ему достаточно было бы испортить разводъ.

«Ученіе (и законы) о разводѣ» не есть ученіе только о разводѣ, но это-то и есть *почти все ученіе* о самомъ бракѣ. Въ немъ уже все содержится: мудрость, воля. Къ сожалѣнію,— «въ нашемъ» о немъ ученіи ничего не содержится кромѣ глупости и злоупотребленій.

...какъ мелкій воръ я выходилъ отъ Буре, спрятавъ коробочку съ золотой цѣпочкой

въ карманъ (къ часамъ L. Ademars № 10.165). У дѣтей—ни нарядца, мама—больна: а я купилъ себѣ удовольствіе, въ общемъ на 300 р.

Вечеромъ не сказалъ, а завтра передъ завтракомъ: «Мамочка—я купилъ себѣ обновку». Всѣ обрадовались. И мама. И дѣти.

L. Ademars—первые часы въ свѣтѣ. Сдѣланы еще около 1878 года (судя по медалямъ выставокъ на спеціальномъ къ этимъ часамъ патентикѣ), и такихъ теперь больше нигдѣ не приготовляется, а въ исторіи дѣланія часовъ этотъ мастеръ не былъ никогда превзойденъ. Часы—хотя имъ 30 лѣтъ почти—были очень мало въ употребленіи (вѣроятно пролежали въ закладѣ).—Отъ того и купилъ, по случаю.

Задавило женщину и пятерыхъ дѣтей.

Тогда я заволновался и всталъ.

Темно было. И услышалъ въ ухо: «ты побалуйся и промолчи, а они потомъ (6) какъ знаютъ».

Я отвернулъ огонь и увидѣлъ, что и 0

«баловствѣ», и объ «оставленіи» шепталъ первый авторитетъ на землѣ.

Вотъ моя побѣда и моя исторія. Могъ-ли я не воскликнуть:

— Я побѣдилъ.

И увидѣлъ я вдали смертное ложе. И что умираютъ побѣдители какъ побѣжденные, а побѣжденные какъ побѣдители.

И что идетъ снѣгъ и земля пуста.

Тогда я сказалъ: Боже, отведи это. Боже, задержи.

И побѣда поблѣднѣла въ моей душѣ. Потому—что поблѣднѣла душа. П. ч. гдѣ умираютъ, тамъ не сражаются. Не побѣждаютъ, не бѣгутъ.

Но остаются недвижимыми костями и на нихъ идетъ снѣгъ.

...я знаю, что изображаю того «гнуса литературы», къ которому она такъ присосалась, что онъ валитъ въ нее всякое д..... Это рокъ и судьба.

У меня никакого нѣтъ стѣсненія въ литературѣ, п. ч. литература есть просто мои штаны. Что есть «еще литераторы», и вообще что она объективно существуетъ,— до этого мнѣ никакого дѣла.

Да, вѣрно Христово, что «не отъ *плоти и крови*» родиться нужно, а «отъ духа»: я собственно «родился вновь» и въ сущности просто «родился»—уже 35-ти лѣтъ—въ Ельцѣ, около теперешней жены моей, ея матери 55-ти лѣтъ и внучки 7 лѣтъ. И собственно «Рудневы-Бутягины» (вдова—дочь) были настоящими моими «родителями», родителями *души моей*.

Помню, на камнѣ, мы обмѣнялись крестами: она дала мнѣ свой золотенькій помятый, я ей снялъ мой голубой съ эмалью. И съ тѣхъ поръ на ней все этотъ мой голубой крестикъ, а на мнѣ ея помятый.

И вошла въ меня ея душа, мягкая, нѣжная, отзывчивая; въ нее-же стала таинственно входить моя (до встрѣчи) душа,

суровая и осуждающая, критикующая и гнѣвная.

Она все суровѣла, дѣлалась строже,—къ порокамъ, недостаткамъ, къ самымъ слабостямъ. Я-же «прощалъ» все. Но я «прощалъ» тѣмъ счастьемъ, какое она принесла мнѣ, а она суровѣла тѣми терніями, занозами, горечами, какія увы, я принесъ ей.

Все-то цѣлуешь у дамъ ручки (примѣръ Полонскаго, «школа» Ф—съ). Она такъ и вспыхнетъ:

— Что ты все облизываешься около дамъ.

Какъ противно. Дѣйствительно, противно: это въ сущности гнусная манера мужчинъ «подходить къ ручкѣ». И до женитьбы я никогда этого не дѣлалъ (не зналъ, что «бываетъ»), а послѣ женитьбы—всегда (отъ хорошаго настроенія духа).

И я не могъ отстать отъ этой гадости. И отъ многихъ такихъ же гадостей и сору. А ее это мучило и раздражало. Она говорила съ достоинствомъ:

— Ты не понимаешь моихъ чувствъ. Мнѣ больно, что *ты себя унижаешь*, свое достоинство и свои 40 лѣтъ, облизываясь, какъ мальчишка...

Во мнѣ «мальчишка» такъ и кипѣлъ (былъ этотъ духъ)...

— И что на тебя будутъ смотрѣть *какъ на мальчишку*—это мнѣ больно.

И—все.

Мнѣ всѣ казались добрыми, и С—ниха, и всѣ. Потому, что я былъ счастливъ. И счастливъ отъ золотого ея креста.

Чего, я даже у С—ной цѣловалъ ручки, не подозрѣвая, что́ это за «особа».

Весь торопясь, я натягивалъ сапоги, и спросилъ Надю:—«Не поздно-ли?».—«Нѣтъ еще, половина одиннадцатаго».—«Значитъ, опоздалъ! Боже мой. Вѣдь начинается въ девять».—«Нѣтъ. Въ *десять*». Въ двѣ минуты я надѣлъ нарядное платье (въ церковь) и написавъ:

За упокой души старицы Александры

взялъ извозчика за гривенникъ до Александра Свирскаго и уже былъ тамъ.

Тѣснота. Духота. Подаю:—«Не поздно?»—«Нѣтъ». Кладу на бумажку гривенникъ. «И двѣ свѣчки по пяти коп.»—И прошелъ къ «кануну».

Первый разъ *за усопшаго* ставлю свѣчку *«на канунѣ»*. Всегда любилъ его, но издали, не подходя. Теперь я увидѣлъ дырочки для свѣчъ въ мраморной доскѣ, и вставилъ свою. Поклонился и иду ставить «къ Спасителю» о болящей.

Продираюсь. Потно, душно. Какая-то курсистка подпѣваетъ «Господи, помилуй» пѣвчимъ.—«Буду ставить Спасителю свѣчки»,—подумалъ. «Поможетъ». А заднимъ умомъ все думаю о «канунѣ» и что написалъ

«О упокоеніи души»...

Какъ о «упокоеніи души?» Значитъ она *естъ... живетъ... видитъ* меня, увы, такого дурного и грѣшнаго... да **кто** всему этому научилъ?

— **Церковь.**

«Она», пререкаемая, она—позоримая, о которой ругаются газеты, ругается общество, что «долги службы», что тамъ «пахнетъ тулупомъ», и «ничего не разберешь въ дьячкѣ»...

Научила, о чемъ едва смѣлъ гадать Платонъ, и доказывалъ философскими извитіями мысли. Она-же прямо и дивно сказала:

— Вѣрь! Клади гривенникъ! «Выну частицу» и душѣ будетъ легче. И она взгля-

нетъ на тебя оттуда, и ты почувствуешь ея взглядъ.

«Гривенникъ»—такъ осязательно. Какъ что двѣ булки за гривенникъ—несомнѣнно въ обиходѣ и лавочкѣ. Значитъ «безсмертіе души» такъже несомнѣнно, близко, осязательно, какъ булка въ булочной.

Неужели повѣрить, что ея постоянная молитва имѣла этотъ смыслъ:

— Отчего они меня не лечатъ?

— Вразуми ихъ! — Укажи имъ.

Въ Мюнхенѣ, въ Наугеймѣ (въ Лугѣ— и на Сиверской уже не было)... всегда это: Пишу статью. Весь одушевленъ. Строки черными бисеромъ по бѣлому растутъ и растутъ... Оглядываюсь... и разъ... и два... и три:

— Она подыметъ глаза отъ акаѳиста и кивнетъ мнѣ. Я улыбнусь ей:

— Что, милая?!

И она опуститъ глаза на разорванные листочки «Всѣхъ скорбящихъ радости»—и читаетъ.

У меня: недоумѣніе, грусть. «Отчего она все читаетъ одинъ акаѳистъ?» И смутная тревога.

Кончитъ. И встанетъ. И начнетъ дѣлать.

На вопросъ (объ акаѳ.):

— Меня успокаиваетъ.

Она никогда не читала передъ образомъ, на колѣняхъ. Всегда сидя,—почему-то даже не на кушеткѣ, а на кровати. Не помню положенія ногъ, но—не лежа. Скорѣй сжалась,—и молится, молится «Всѣхъ скорбящихъ радости».

Въ Лугѣ уже не могла, и я читалъ ей. Она лежитъ на кровати, я стоялъ на колѣняхъ на полу, но оборотившись такъ, что она видѣла—и я «еще подвернувшись» тоже могъ видѣть—образъ и передъ нимъ зажженную лампадку.

А по воскресеньямъ и на-канунѣ праздниковъ—такъ это было хорошо. На старомъ (безъ употребленія) подносѣ стоитъ рядъ лампадокъ. Во всѣ наливается масло. Это—въ столовой, и стоятъ онѣ съ огоньками, какъ свѣчи «на канунѣ» въ церкви...

И вотъ эти огоньки уже несутся (въ рукахъ) въ разныя комнаты, въ спальню, въ дѣтскія, въ кабинетъ...

У нея своей комнаты (отдѣльной) никогда не было, и даже въ сущности не было (годами) у насъ спальни: на ночь вынимался изъ сундука (въ прихожей) матрацъ, и устраивалась постель въ моемъ кабинетѣ.

(*24 сентября*).

Революціи основаны на энтузіазмѣ, царства—на терпѣніи.

Революціи исходятъ изъ молодого «я». Царства—изъ покорности судьбѣ.

Онъ былъ весь въ цвѣту и красотѣ, женатъ на младшей изъ многочисленныхъ сестеръ, недавно кончившей гимназисткѣ, и пока находился въ гостяхъ у ея старшей сестры. Ея мужъ былъ старый кашляющій чиновникъ, собравшійся умирать. Что у него не болѣло: печень, почки, сердце, кости. Онъ былъ жёлченъ и грубъ, но съ молодымъ зятемъ (т. е. съ этимъ му-

жемъ сестры жены),—о которомъ зналъ, что онъ революціонеръ,—старался быть сдержаннымъ и отмежовывался коротенькими:

— Не знаю-съ...

— Какъ угодно-съ...

— избѣгая рѣчей и болѣе связнаго разговора. Но жену свою, имѣя всѣ права на нее, безпощадно ругалъ и былъ невыносимо грубъ, не стѣсняясь гостями и ихъ революціонерствомъ.

Она вышла за него, лѣтъ 29, для дѣтей и хозяйства и вообще «исполненія женскаго назначенія», когда ему было за 40. Теперь ему было за 50, но онъ представлялъ труху болѣзней, и отъ непереносимости состоянія собственно и ругался.

Скоро онъ умеръ. И помня, что онъ все ругался, я спросилъ Петю (меньшого брата революціонера), смиренно готовившагося стать учителемъ рисованія. Онъ съ недоумѣніемъ выслушалъ мой негодующій вопросъ:

— Нѣтъ, онъ не былъ худой человѣкъ. Ругался?—но отъ того, что у него все болѣло. Послѣднія недѣли передъ смертью онъ все заботился, чтобы вдова его не осталась «ни при *чемъ*», и хотя онъ не дослужилъ до пенсіи, но заблаговременно подалъ о ней прошеніе и представилъ сви-

дѣтельства докторовъ. Да и имущество, правда бѣдное, укрѣпилъ за нею одной, чтобы не могли вмѣшиваться другіе родственники. Нѣтъ, онъ былъ хорошій человѣкъ и хорошій мужъ. Если старый, — то вѣдь она же пошла за стараго.

Володя сидѣлъ «въ крестахъ», и жена носила ему обѣды. Она была очень некрасива, какъ-то мужеобразна. Онъ же былъ удивительный красавецъ, высокаго роста и стройный, съ нѣжнымъ лицомъ и юношескимъ голосомъ. Наконецъ, будучи сама безъ денегъ, она откуда-то раздобыла 1000 р. и совсѣмъ высвободила его подъ «залогъ» этой тысячи.

Я видѣлъ ихъ сейчасъ по освобожденіи. Она была такъ полна любовью, а вмѣстѣ контрастъ его красоты и ея некрасивости былъ такъ великъ, что она не могла болѣе нѣсколькихъ минутъ быть съ нимъ въ одной комнатѣ. И я ихъ не видѣлъ вмѣстѣ, рядомъ,—разговаривающими.

Она только смотрѣла на него откуда-то, слушала изъ другой комнаты его голосъ. Но какъ-то избѣгала, точно въ застѣнчивости, быть «тутъ».

Онъ былъ ласковъ и хорошъ, съ нею и со всѣми. Онъ былъ вообще очень добръ,

очень ласковъ, очень нѣженъ и очень деликатенъ.

Онъ былъ прекрасный человѣкъ. И прекрасный съ дѣтства. Любимое дитя любимыхъ родителей.

Это отъ него я услышалъ поразительное убѣжденіе:

— Конечно, университетъ принадлежитъ *студенчеству*, потому-что ихъ *большинство*. И порядокъ, и ходъ дѣлъ въ университетѣ въ правѣ устанавливать *они*.

Это на мое негодованіе, что они бунтуютъ, устраиваютъ безпорядки и проч.

Самъ, кончивъ отлично гимназію, онъ былъ исключенъ съ медицинскаго факультета Московскаго университета, потому-что вмѣстѣ съ другими стучалъ ногами при появленіи въ аудиторіи Захарьина. Захарьинъ былъ аристократъ и лечилъ только богатыхъ, а Володя былъ бѣденъ и демократъ, и хотѣлъ, чтобы онъ лечилъ бѣдныхъ.

Поэтому (стуча ногами) онъ сталъ требовать у начальства, чтобы оно выгнало Захарьина, но оно предпочло выгнать нѣсколько студентовъ и оставить Захарьина, который лечилъ всю Россію.

Онъ перешелъ въ «нелегальные», потомъ эмигрировалъ. Потомъ «кресты» и, наконецъ,—на свободѣ.

Вскорѣ онъ бѣжалъ. Но еще до бѣгства случилась драма.

Посѣщая его жену, я всегда слышалъ отвѣтъ, что «Володя ушелъ». Изъ сосѣдней комнатки выплѣзала какая-то въ ватныхъ юбкахъ и ватной кофтѣ революціонерка, до того омерзительная, что я не могъ на нее смотрѣть.

(усталъ писать). (Володя оставилъ свою жену, сблизился съ еврейкой, которую я мысленно опредѣлилъ лукошкомъ; и которая, хоть жила съ нимъ въ одной комнатушкѣ, но его третировала, и онъ ужасно страдалъ. Разсказъ его жены, какъ, уѣхавъ на берегъ моря, близъ Ниццы, она слушала ночами ревъ волнъ,—осенью,—и была только съ его портретомъ. Сравненіе: революціонеры живутъ для себя, а старые кашляющіе чиновники все же живутъ для женъ, ограничивая себя, терпя, не срывая цвѣточковъ—какъ этотъ Володя—въ любви, а трудясь и заботясь о человѣкѣ, съ которымъ связала судьба).

Годъ прошелъ,—и какъ многія страницы «Уед.» мнѣ стали чужды: а *отчетливо*

помню, что «невѣрнаго» (противъ состоянія души) не издалъ ни одного звука. И «точно летѣлъ»...

Теперь — точно «перья» пролетѣвшей птицы. Лежатъ въ полѣ одни. Пустыя. Никому не нужныя.

Не «мы мысли мѣняемъ какъ перчатки», но, увы, мысли наши изнашиваются какъ и перчатки. Широко. Не облегаетъ руку. Не облегаетъ душу.

И мы не сбрасываемъ, а просто перестаемъ носить.

Перестаемъ думать думами годичной старости.

Хороша малина, но лучше былъ окурокъ. Онъ курилъ свернутыя сосульки, и по кромкѣ парника лежала гдѣ-нибудь коричневая сосуля—сухая (на солнышкѣ), т. е.—сейчасъ закурить.

Мы ее съ Сережей не сразу брали, а указавъ пальцемъ, какъ коршуны надъ курицей,—стояли нѣсколько времени мякая:

— Червонцы.

— Цехины.

Это было имя монетъ изъ «Тараса Бульбы» («рубли» конечно не интересовали,—не романтично): но разыскавъ 1—2 такихъ сосули, садились не видно, подъ смородину, и, свернувъ крючекъ (простонародная курка)—препарировали добро, пересыпали туда, и по очереди—съ страшнымъ запретомъ два раза сплошь не затянуться *одному*—выкурпвали табакъ.

Сладкое одурѣніе текло по жиламъ. На глазахъ слезы (крѣпость и глубина затяжки).

Онъ былъ слаще всего — ягодъ, сахара. Женщины мы еще не подозрѣвали. А вѣдь, пожалуй, это все—наркотики,—и женщины. Ибо отчего же въ 7—8 лѣтъ табакъ намъ былъ нужнѣе хлѣба?

Да какъ же безъ amor utriusque sexus обошлось бы дѣло? Какъ же-бы мы могли начать относиться къ *своимъ* (noster sexus) съ тою миловидностью, съ тою ласковостью, съ тою нѣжностью, съ какою обычно и *по природѣ* относимся къ противополож-

ному полу, къ alter sexus?.. безъ чего нѣтъ глубины отношенія, а безъ amor *nostri* sexus нѣтъ *закруглённости* отношенія. Universaliter debet amor mundi. Но тогда явно ласка должна простираться туда и — *сюда.* Такимъ образомъ, дѣйствительно удивительная приспособленность къ этому in natura rerum—получаетъ свое объясненіе. *Организмъ индивидуума поразительно гармонизуетъ*, «созвучитъ», *организму человѣчества.*

(*къ организованности человѣчества и къ вопросу о всемірной гармоніи*).

Нѣкоторыя изъ написанныхъ обо мнѣ статей были пріятны,—и, конечно, я связанъ безконечной благодарностью съ людьми, разбиравшими меня (что́-бы имъ за дѣло?): Грифцовъ, какой-то Закржевскій (въ Кіевѣ), Волжскій. Но въ высшей степени было непріятно одно: никакой угадки меня не было у нихъ. То́ какъ Байронъ «взлетѣлъ куда-то». То́—какъ «сатана», черный и въ пламени. Да *ничего* подобнаго: добрѣйшій малый. Сколько черныхъ таракановъ повытаскалъ изъ ванны,

чтобы, случайно отвернувъ кранъ, кто-нибудь не затопилъ ихъ. Ч. былъ единственный, кто угадалъ (точнѣе — съумѣлъ назвать) «составъ костей» во мнѣ, натуру, кровь, темпераментъ. Нѣкоторыя изъ его опредѣленій—поразительны. Темы?—да онѣ всѣмъ видны, и, по существу, чортъ-ли въ темахъ. «Темы бываютъ всякія», скажу я на этотъ разъ цинично. Но онъ не угадалъ моего интимнаго. Это — боль; какая-то безпредметная, безпричинная, и почти непрерывная. Мнѣ кажется, это самое поразительное, по крайней мѣрѣ—необъяснимое. Мнѣ кажется, съ болью я родился; первый ея приступъ я помню задолго до гимназіи, лѣтъ 7—8: я лежалъ за спинами семинаристовъ, которые, сидя на кровати и еще на чемъ-то, пѣли свои «семинарскія пѣсни». Я лежалъ безъ всякаго впечатлѣнія, или съ тѣмъ—«какъ хорошо», т. е. лежать и что поютъ. Вдругъ слышу строки:

И надъ Гамбіею знойной,
Тамъ, гдѣ льется Сенегалъ...

по смыслу выходило, что «надъ этими мѣстами» пролетаетъ соколъ куда-то, къ убогой подругѣ своей, или вообще къ какой-то тоскѣ своей. Напѣвъ былъ, правда, заунывный, но вѣдь слыхалъ-же «вообще

заунывность» я и ранѣе. Скорѣе меня обняло впечатлѣніе пустынности и однотонности, пожалуй — невольной разлуки. Но едва звуки коснулись уха, какъ весь организмъ мой, весь составъ жилъ какъ-то сжался во мнѣ: и, затаивая звуки, въ подушку и куда-то, я вылилъ буквально потоки слезъ; мнѣ сдѣлалось до того тоскливо, до того «все скучно», домъ нашъ, поющіе, мамаша, о братьяхъ и играхъ — не говорю: и явился тайный порывъ «быть съ этимъ соколомъ», конкретнѣе—объяла такая тоска объ этомъ соколѣ, съ которымъ я конечно соединялъ «душу человѣка», «судьбу человѣка», что я плакалъ и плакалъ, долго плакалъ...

Въ другой разъ это случилось въ 4-мъ классѣ гимназіи: умеръ Димитрій Степановичъ Троицкій, нижегородскій врачъ «для сапожниковъ» (лечилъ одну бѣдноту), образованный человѣкъ, и страннымъ образомъ—мой другъ, говорившій со мною о Локкѣ, Маколеѣ, англійской революціи и проч., и вмѣстѣ страдавшій (форменная болѣзнь) запоемъ. Умеръ и похоронили. Онъ былъ братомъ жены моего брата Коли. Какъ хоронили, какъ несли, — ничего не помню. Но вотъ я стою въ моей полу-темной комнаткѣ, передѣланной изъ

кухни. Тутъ печальная и сестра покойнаго, тоже очень любившая брата, и мой братъ, очень его уважавшій. Въ минуту, какъ я остался одинъ, я опять—отъ мысли о своемъ *теперь* одиночествѣ—разразился такими рыданіями, длившимися едва ли менѣе ½ часа, отъ которыхъ ни я и никто не могъ меня остановить. Это было что-то судорожное, и проникнутое такой горечью и отчаяніемъ, какъ я не помню,—состояніе души было до такой степени страшное, черное,—точно вотъ имѣло цвѣтъ въ самомъ дѣлѣ,—какъ не умѣю выразить. Ни его мать, ни сестра—ничего подобнаго не плакали.

Это были *мистическія слезы* — иначе не умѣю выразить; думаю, это опредѣленіе совершенно вѣрно. Состояніе было до того тяжелое, что еще бы утяжелить — и уже нельзя жить, «составъ» не выдержитъ.

Это примыкаетъ къ *боли*. Боль моя всегда относится къ чему-то *одинокому* и чему-то *больному* и чему-то *далекому*; точнѣе: что *я*—одинокъ, и оттого что не со мной какая-то *даль*, и что эта даль какъ-то *болитъ*,—или я болю, что она только *даль*... Тутъ есть «порывъ», «невозможность» и что я *самъ* и *все* «не то́, не то́»...

Ничто такъ не обижало во мнѣ «человѣка» въ дѣтствѣ, какъ что не дозволялп ходить въ погребъ за квасомъ «самому».

— Ты не заткнешь втулку хорошо. И квасъ станетъ утекать. Вотъ пойдутъ большіе—пойдешь и ты.

И я ждалъ. Часъ. Два. Жажда томитъ. Квасъ манитъ. И почему я «не воткну втулку крѣпко»? Воткнулъ-бы.

«Кнутъ» Фл. какъ-то мѣсяцы жжетъ мнѣ душу; «ц. бьетъ *кнутомъ*, п. ч. *иначе стало-бы хуже*». Но онъ не только «бьетъ кнутомъ», но иногда и «очищаетъ карманы брата своего», какъ случилось съ 200 священниками домовыхъ церквей въ Петербургѣ. Не понимаю, почему *въ семъ-то случаѣ* «стало-бы хуже»; а по «сему случаю» заключаю, что и въ *тѣхъ случаяхъ* бьетъ «кнутомъ» не по заботливости о хорошемъ, а по глупости, если только еще не *хуже*...

Неужели этотъ энтузіастъ ц. станетъ реформаторомъ? п. ч. лѣтъ-то черезъ 20 онъ разсмотритъ, что не всегда «для лучше», а иногда и «въ мошну», и «въ чрево», да и просто «не любимъ никого».

(Фл., защищающій каноническое право и строгости церковныя; разводъ, эпитемы разведеннымъ и внѣбрачныя дѣти).

Всѣ мои пороки мокрые. Огненнаго ни одного.

Ни честолюбіе, ни властолюбіе, ни зависть не жгли мнѣ душу.

Какъ-же мнѣ судить тѣхъ, кто не умѣетъ совладать съ огненными пороками (а я ихъ сужу), когда я не умѣлъ справиться со своимъ мокренькимъ.

Книга должна быть дорога. Книга не кабакъ, не водка и не гуляющая дѣвушка на улицѣ.

Книга бесѣдуетъ. Книга наставляетъ. Книга разсказываетъ.

Книга должна быть дорога.

Она не должна быть навязчива, она должна быть цѣломудренна.

Она ни за кѣмъ не бѣгаетъ, никому не предлагаетъ себя. Она лежитъ и даже «не ожидаетъ себѣ покупателя», а просто лежитъ.

Книгу нужно умѣть находить; ее надо отыскивать; и, найдя—беречь, хранить.

Книгъ не надо «давать читать». Книга, которую «давали читать»—развратница. Она нѣчто потеряла отъ духа своего, отъ невинности и чистоты своей.

«Читальни» и «публичныя библіотеки» (кромѣ императорскихъ, на всю имперію, книгохранилищъ) и суть «публичныя мѣста», развращающія города, какъ и дома терпимости.

Всѣмъ великимъ людямъ я-бы откусилъ голову. И для меня выше Наполеона наша горничная Надя, такая кроткая, милая и изрѣдка улыбающаяся.

Наполеонъ совершенно никому не инте-

ресенъ. Наполеонъ интересенъ только дурнымъ людямъ (базаръ, толпа).

(на почтовой расписк)

Больная ракомъ, она сидѣла вся кокетливая у насъ за чаемъ. Сестра ея сказала ей, будто 30 лѣтъ назадъ я былъ въ нее влюбленъ; тогда мы не были знакомы, и теперь она заѣхала съ сестрою къ намъ показаться тому, кто «когда-то былъ влюбленъ въ меня».

Но это ошибка. Только проходя по Комаровской улицѣ (Брянскъ), я видѣлъ маленькій домикъ «К—кихъ», и видѣлъ въ окно, какъ «они всѣ пьютъ чай». Тогда она была худенькая, деликатная, если не красивая, то почти красивая. Она была такая скромная, что я, пожалуй, былъ «почти влюбленъ». Сестра ея была тогда гимназистка. Тогда они были «молодожены», и дѣтей у нихъ еще не было. Онъ—военный, служилъ въ арсеналѣ. Теперь онъ сѣдой генералъ.

И она сидѣла и смѣялась. У нея отняты обѣ груди, и «вынуто все подъ-мышками»

и «тутъ» (на боку)—почти до костей. Сестра—хирургъ, и все «снимала» и «снимала» постепенно.

Никакого несчастья я не видѣлъ на лицѣ. «Мнѣ еще-бы прожить 6 лѣтъ, чтобы младшій (12-ти лѣтъ) поднялся»,—передавала ея слова сестра и пріятельница (въ то время) нашего дома.

Она была и теперь видная. 40 лѣтъ. Пріятный бѣлый цвѣтъ лица и что-то «неуловимо-пластическое», чѣмъ нравятся женщины.

(объявленіе о «†» въ «Нов. Вр.» 3—4 октября 1912 г.)

Вѣчная память. Хоть мимолетно встрѣтились—но вѣчная память ей.

(1913 г.)

Иногда кажется, что я преодолѣю всю литературу.

И не оттого, что силенъ. Но «Господь со мною». Это такъ. Такъ. Такъ.

(за упаковкой въ дорогу)

Лѣвые «печатники» и не догадываются, что имъ даютъ ругаться—какъ пьянымъ, или ораторствовать—какъ провокаторамъ на сходкѣ.

(*смыслъ русской свободы*).

Объясненіе особой ревности старикова:

— Je ne puis pas tout-à-fait.

И остаются вздохи, звѣзды, распустившіеся цвѣты и...

Бѣдный беретъ розу и обоняетъ:

Но это—какъ рисовали 20 лѣтъ назадъ стараго толстаго францисканца, подносшаго къ носу розу:

— Червякъ!!.

«Человѣкъ съѣлъ жабу» и въ бѣшенствѣ убиваетъ того, кто вложилъ жабу въ розу.

Поневолѣ станешь подозрѣвать, слѣдить, запирать на ключъ. «Вѣчная опасность вмѣсто вина напиться уксуса». Съ ума сведетъ.

Бѣдные очень страдаютъ.

Но тутъ есть corrigenda. Лѣтъ 20 назадъ мнѣ пришлось выслушать странный разсказъ, когда среднихъ или чуть-чуть пожилыхъ лѣтъ сватался къ совсѣмъ молоденькой, и, въ виду разности лѣтъ, говорилъ:

— Вы можете жить съ кѣмъ угодно; но только выйдите за меня замужъ. Я хочу быть вашимъ мужемъ и около васъ, а стѣснять я васъ ни въ чемъ не стану, и самъ не буду вамъ навязываться.

Я не обратилъ вниманія на разсказъ, пока, на похоронахъ еврейки (жена Цынам-гзварова, грузина), молоденькая «провожавшая», съ которой на пролетку я сѣлъ отъ усталости (дождь, грязь), на мои разспросы о ней—сказала:

— Я на зубоврачебныхъ курсахъ.—Нѣтъ, замужняя.—Буду зарабатывать сама хлѣбъ.—По окончаніи гимназіи, я поѣхала въ Златоустъ, и вышла замужъ за офицера.—Молодого.—Оказалось, пьетъ ужасно. Но не отъ этого я ушла, а онъ говорилъ мнѣ: «что ты просишь у меня все на хозяйство (денегъ), я-же тебя оставляю глазъ на глазъ съ товарищами, у которыхъ есть средства, и ты всегда можешь быть при деньгахъ».—Ну, этого я не могла вынести. И ушла.

Тогда мнѣ объяснилось и «предложеніе» на условіяхъ свободы. Но просящее—«будь *моей женой, около меня*».

Конечно, бѣднякъ послѣдній «рвалъ-бы волосы на головѣ» при мысли объ измѣнѣ. И тутъ дѣло вовсе не въ томъ, чтобы «были карманныя деньги». Деньги скорѣе—предлогъ, оправданіе и «введеніе»... «Все какъ будто у всѣхъ». Но тонкая *личная* струя здѣсь вводитъ въ пониманіе архаичнѣйшей формы семьи—поліандріи. которая основана главнымъ образомъ не на инстинктѣ женщинъ, а на странномъ вкусѣ мужей къ «червяку» и «жабѣ».

Мнѣ одинъ извозчикъ (ѣхалъ въ редакцію, къ ночи) сказалъ о своей деревнѣ (Новгородской губерніи),—на слова, будто «деревенскія дѣвушки или женщины легко отдаются, рубля за 3» (слова мнѣ А. С. Суворина, о порѣ своей молодости).

— Зачѣмъ дѣвушки. Замужнія. У насъ на деревнѣ всякая за 3 рубля (отдастся). Да хоть мою жену захочетъ кто взять.

Я даже испугался. Такъ просто. Онъ былъ красавецъ, съ небольшими усиками, тонкій. Молодой. Лѣтъ 27-ми.

И не поперхнулся. Ни боли, ни стыда. И значитъ—никакой ревности.

Кстати, принципіальный вопросъ Флоренскому, священникамъ и профессорамъ церковнаго права: долженъ-ли быть расторгнутъ, т. е. должна ли церковь расторгнуть бракъ въ случаѣ «зубодерки», т. е. когда мужъ проситъ жену отдаваться, а она, чувствуя отвращеніе къ такимъ отношеніямъ и гнусность ко всему этому типу семьи, нося въ сердцѣ идеалъ лучшей семьи—проситъ церковь освободить ее отъ неудачно заключеннаго брака, и дать разрѣшеніе на вступленіе въ новый?

Есть-ли это «прелюбодѣяніе»? Пока — нѣтъ. Т. е. церковь, «комментируемая и изъясняемая духовенствомъ», единственнымъ судіею сего «своего дѣла», — признаетъ таковой бракъ расторженію не подлежащимъ. «Ни свидѣтелей», «ни жалобы мужа», «ни—измѣны мужа». Жена не можетъ сказать: «мужъ мнѣ измѣняетъ», да онъ и не измѣняетъ. А она? Да и она *можетъ не измѣнять*. Какой же поводъ къ разводу, формальный? И церковь сохраняетъ и приказываетъ сохранять такой чудовищный бракъ, около котораго случайное «прелюбодѣяніе» мужа или жены, «прелюбодѣяніе» по налетѣвшей бурѣ любви, кажется чѣмъ-то невиннымъ и дѣтскимъ.

Отъ кого-же, господа духовные, идетъ развалъ семьи, отъ васъ или отъ «непослушныхъ женъ», какъ вы традиціонно и лѣниво жалуетесь? Отъ васъ, по-моему, по факту. И кто оскорбляетъ таинство брака? Вашъ грязный взглядъ на дѣло, ваши грязнящіе бракъ законы. Съ «червемъ» и «жабою».

Да: на т. св. дадутъ вамъ покушать за отношеніе къ семьѣ и къ семейнымъ людямъ «червяка» и «жабы».

Къ разговору съ извозчикомъ:

Толстой (такой ревнивый вообще и поощряющій ревность) геніально подмѣтилъ это спокойствіе крестьянъ къ началу полиандріи:

— Дуракъ. Я сапоговъ не захватилъ.

Любовникъ прыснулъ отъ жены: и мужъ только жалѣлъ, зачѣмъ, «вспугнувъ» ихъ съ мѣста, онъ не догадался предварительно взять сапоги его, тутъ же стоявшіе.

Мужъ вернулся послѣ отлучки. Узнавъ про любовь жены, онъ побилъ ее и все, что слѣдуетъ, и не легъ съ нею спать, а полѣзъ на-печь. Жена среди ночи встала и пришла къ нему. Онъ еще былъ сердитъ, и не хотѣлъ пускать. Но она облила

его такими нѣжными словами. У Толстого это удивительно. Мужъ взялъ ее. И онъ все забылъ; и она все забыла. Это и есть «поліандрія» въ древности и сейчасъ.

(разсказъ объ этомъ въ «Посмертныхъ сочиненіяхъ» Толстого; заглавіе забылъ).

Я смотрѣлъ на Леву съ такою завистью къ его росту, къ его красивости, къ его достоинству.

Онъ былъ III-го класса, и я не зналъ, могу-ли къ нему подойти поздороваться потомъ (когда всенощная кончится).

Я былъ I-го или II-го класса, карапузикъ. Онъ обыкновенно ходилъ съ толстой палкой (самодѣльщина) и могъ меня побить, могъ всѣхъ побить.

Слушалъ пѣнье (въ аркѣ между теплой и холодной церковью). Красиво все. Разсѣянность. И будто потянуло что-то.

Я обернулся

За спиной, шага на $1^1/_2$, стояла мамаша и улыбнулась мнѣ. Это была единственная улыбка за всю ея жизнь, которую я видѣлъ.

(въ Покровской церкви, въ Костромѣ, 1868 или 1869 годъ) (прислонясь къ стѣнѣ на Итальянской ул.).

Пересматриваю академическое изд. Лермонтова. Хотѣлъ отыскать комментаріи къ «Сашкѣ». Не нашелъ (какая-то лапша изданіе). «Можетъ въ I т.»? Ищу и вижу на корешкѣ IV, II, V, III. «Гдѣ-же первый? Не затерялся-ли?» Съ тревогой ищу I. Вижу только 4 книги. «Затерялся». Еще тревожнѣе, и вижу, что я аккуратнѣйше и внимательно надписалъ на «бумажкѣ обертки»: «Выпускъ второй», «выпускъ третій», «четвертый» и «пятый» подъ печатнымъ: «Томъ первый», «второй» «третій», «четвертый». Какимъ образомъ я, *внимательно* надписывая (радость о покупкѣ) нумерацію томовъ, могъ не замѣтить, что подписываю невѣрно подъ *тутъ-же* (на обложкѣ!) *напечатанными* «первый», «второй», «третій»? Значитъ, я *разсматривалъ* и *не видѣлъ*. Это сомнамбулизмъ, сонъ. И въ первый разъ прошло извиненіе о болѣзни мамы, которое мучило все лѣто: «что-же мнѣ дѣлать, если я *ничего не вижу*», «*родился* такъ», «такимъ *уродомъ*». Это фатумъ бѣдной мамочки, что она пошла за Фауста, а не за колл. ассесора. Это все-таки грѣхъ и несчастіе, но—*роковое*.

Сколько сидя надъ моремъ, на высокой горѣ, я съ бумажкой въ рукѣ высчитывалъ процентныя бумаги. Было не то 16, не то 18 тыс., и обезпеченія дѣтей не выходило. Я перестраивалъ ихъ такъ и иначе: «продать» однѣ и «купить» другія. Это былъ годъ, когда она была такъ мрачна, печальна и раздражительна. Я мучился. Зачѣмъ-же я просиживалъ? Если-бы я такъ-же вдумался въ состояніе души ея, т. е. вдругъ затревожился, отчего она тревожна,—я-бы разыскалъ, такъ-же бы сталъ искать, думать, такъ-же бороться душою съ чѣмъ-то неопредѣленно дурнымъ, и попалъ-бы на слѣдъ, и, въ концѣ концовъ, во-время разыскалъ-бы и позвалъ Карпинскаго. И она была-бы спасена.

То что я провозился съ деньгами, нумизматикой и сочиненіями вмѣсто здоровья мамы, — есть причина, что пишу «Уедин.». Ошибка всей жизни.

Такъ мы каркаемъ безспльно, пройдя ложный путь.

Нѣтъ, чувствую я, предвижу, — что, не приставъ *здѣсь*, не пристану—и *туда*. Что-

же Новоселовъ, издавъ столько, сказалъ-ли хоть *одно слово*, *одну строку*, *одну страницу* (обобщимъ такъ, безъ подчеркиванія),—на мои мучительныя темы, на *меня мучащія темы*. Неужели-же (стыдно, мучительно сказать) имъ нужны были строки мои, а *не нужна душа моя*, ну—душа послѣдняго нищаго, отнюдь не «писателя» (чортъ бы его побралъ). Повѣрить-ли, что ему, Кожевникову, Щербову *не нужна душа*. Фл—скій промолчитъ, чувствую, что промолчитъ. «Неловко», да «и зачѣмъ разстраивать согласіе»,—въ сущности «хорошую компанію». N—въ о своей только сказалъ: «Царство ей небесное, ей тамъ лучше» (въ письмѣ ко мнѣ). А о папашѣ какъ заботился, чтобы не «тамъ было лучше», а и «здѣсь хорошо». Но—жонкамъ христіанскимъ вообще «*тамъ-бы лучше*», а камплавки и прочее—«намъ останутся» и «износимъ здѣсь», или—«*покрасуемся* здѣсь»... Что-же это въ концѣ концовъ за ужасы, среди которыхъ я живу, ужаснѣе которыхъ не будетъ и свѣтопреставленіе. Ибо это—друзья, близкіе, *самые лучшіе встрѣченные люди*, и если не у «которыхъ—тепло», то гдѣ-же еще-то тепло? И вотъ пришелъ, къ *нимъ* пришелъ—и... пожалуй, «тепло», но въ *эту спеціальную сторону*—

тоже холодно и у нихъ. А между тѣмъ особенность судьбы моей привела искать и стучаться, стучаться и искать—*тепла спеціально въ этой области.* Что-же Фл—скій написалъ о N: «кнутъ» и «нужно промолчать». Какое-же это рѣшеніе?

Неужели-же не только судьба, но и Богъ мнѣ говоритъ: «выйди, выйди, тебѣ и тутъ мѣста нѣтъ?» Гдѣ-же «мѣсто?» Неужели я безъ «мѣста» въ мірѣ? Между тѣмъ, несмотря на слабости и дурное, я чувствую—никакого «капнства» во мнѣ, никакого «демонства», я—самый обыкновенный человѣкъ, простой человѣкъ, я чувствую—что хорошій человѣкъ.

Умереть безъ «мѣста», жить безъ «мѣста»: нѣтъ, главное — все это *безъ малѣйшаго* желанія *борьбы.*

— Ребенокъ плачетъ. Да встань-же ты. Вѣдь рядомъ и не спишь.

— Если плачетъ, то что же я? Онъ и на рукахъ будетъ плакать. Пожалуй, подержу.

(отчего семьи разваливаются; первая Надя).

Она была такъ же образована, какъ и другая, которая (я и не замѣтилъ, она потомъ при случаѣ сказала):

— Когда я брала кормилицу (своего молока не было,—отъ *того-же*, но мы и докторъ не понимали) и деньги шли на то̀, что̀ я-бы должна выполнить, то я тогда отпускала прислугу и сама становилась къ плитѣ.

(*отчего семьи крѣпнутъ; наша мама*) (*15 октября*).

Ахъ, Бехтеревъ, Бехтеревъ,—всѣ мои слезы отъ васъ, черезъ васъ...

Если-бы не вашъ «діагнозъ» въ 1896 (97?)-мъ году, я прожилъ-бы счастливо еще 10 лѣтъ, ровно столько, сколько нужно, чтобы оставить дѣтямъ 3.600 ежегодно на пятерыхъ,—по 300 въ мѣсяцъ, что̀ было-бы уже достаточно,—издалъ-бы чудную свою коллекцію греческихъ монетъ, издалъ-бы Египетъ (атласъ съ объясненіями), «Левъ и Агнецъ» (рукопись), и распредѣлилъ и самъ-бы издалъ книгами отдѣльныя статьи.

(*начало октября*).

Желаніе мое умереть — уйти въ лѣсъ, далеко, далеко. И помолиться и умереть. Никому ничего не сказавъ.

А услышать? О, какъ хотѣлось-бы. Но и какъ при жизни—будетъ все «съ недоговорками» и «уклоненіями» А тѣ чужіе, болтуны—ихъ совсѣмъ не надо.

Значитъ и услышать—ничего.

(клуб. ночью).

Холодокъ на сердцѣ. Знаете-ли вы его?

(въ печали).

Въ 57 лѣтъ Богъ благословилъ меня дружбой Цв.

(въ печали) (октябрь 1912).

Какъ люблю его. Какъ уважаю.

Если бы Бехтеревъ увидѣлъ нашу мамочку, лежащую на кушеткѣ, зажавъ лѣвую больную руку въ правой...

Но не увидитъ. Видитъ мужъ.

У нихъ нѣтъ сердца. Какъ было не спасти, когда онъ *зналъ по наукѣ*, что можно спасти, есть время и не *упущено еще* оно.

Знаю, физика: лѣвая холоднѣе правой, и она ее постоянно грѣетъ. Но этотъ *видъ* прижатыхъ къ груди рукъ—кулачекъ въ кулачкѣ—какъ онъ полонъ просьбы, мольбы и... безнадежности.

И все онъ передо мной, цѣлые дни. Повернешь голову назадъ, подойдешь къ стулу сѣсть, пройдешься по комнатѣ и обратно пойдешь *сюда*: все сжатые кулачки, все сжатые кулачки. Дни, часы, каждый часъ, всѣ мѣсяцы.

(зима 1912 г.)

Нагими рождаемся, нагими сходимъ въ землю.

Что̀-же такое наши одежды?

Чины, знатность, положеніе?

Для прогулки.

День ясный и всѣ высыпали на Невскій. Но есть часъ, когда мы всѣ пойдемъ «домой». И это «домой»—въ землю.

(*октябрь*).

Какъ не цѣловать руку у Церкви, если она и безграмотному дала способъ молитвы: зажгла лампадку старуха темная, старая и сказала:—«Господи помилуй» (слыхала въ церкви, да и «сама собой» скажетъ) и положила поклонъ въ землю.

И «помолилась» и утѣшилась. Легче стало на душѣ у одинокой, старой.

Кто это придумаетъ? Пиѳагоръ не «откроетъ», Ньютонъ не «вычислитъ».

Церковь сдѣлала. Поняла. Съумѣла.

Церковь научила этому всѣхъ. Осанна Церкви,—осанна какъ Христу—«благословенна Грядущая во имя Господне».

...да, шулеръ—

Ударилъ по *сердцамъ* съ невѣдомою силой.

Интересна исторія нашей литературы.

(у Гершензона объ Огаревой, какъ ее обобрали старуху).

Какъ раковая опухоль растетъ и все прорываетъ собою, все разрушаетъ,—и сосетъ силы организма, и нѣтъ силы ее остановить: такъ соціализмъ. Это изнурительная мечта,—не осуществимая, безнадежная, но которая вбираетъ всѣ живыя силы въ себя, у молодёжи, у гимназиста, у гимназистки. Она завораживаетъ самое идеальное въ ихъ составѣ: и тащитъ несчастныхъ на висѣлицу—въ то время какъ они убѣждены, что она имъ принесла счастье.

И въ одномъ поколѣніи, и въ другомъ, въ третьемъ. Сколько она уже утащила на висѣлицу, и все ее любятъ. «Мечта общаго счастья посреди общаго несчастья». Да: но именно *мечта* о счастьѣ, а не работа для счастья. И она даже противоположна медленной, инженерной работѣ надъ счастьемъ.

— Нужно копать арыкъ и орошить голодную степь.

— Нѣтъ, зачѣмъ: мы будемъ сидѣть въ голодной степи и мечтать о томъ, какъ дѣти правнуковъ нашихъ полетятъ по воздуху на крыльяхъ,—и тогда имъ будетъ легко летать даже на далекій водопой.

(*за «Современникомъ»*).

Въ 1904—5 г. я хотѣлъ написать что-то въ родѣ «гимна свободѣ»... Строкъ 8 вышло,—но больше жару не хватило: почувствовалъ, что загнуло въ риторику... А теперь!...

. . . . . .

. . . . . .

...бѣжать-бы какъ зарѣзанная корова, схватившись за голову, за волосы, и ре-

вѣтъ, ревѣть, о *себѣ* ревѣть, а конечно не о томъ, что «правительство плохо» (вѣчное extemporaliaословъ).

(*октябрь*).

— Какое безобразіе ваши сочиненія.
— Да. Но все пыхтитъ въ работѣ.

«Христіанство и *не за* полъ, и *не про-тивъ* пола, а перенесло человѣка совершенно *въ другую плоскость*».

(*Флор.*).

— Хозяинъ *не* противъ ремонта дома и *не* за ремонтъ: а занимается библіографіей.

Мнѣ кажется—домъ-то развалится. И хотя «библіографія» не противорѣчитъ домоводству: однако его съѣдаетъ.

Вопросъ о бракѣ вѣдь въ каждой семьѣ, у меня, у васъ (будетъ). Томитъ дни, ночи, постоянно, всякаго. Какъ-же можно ска-

зать: «я никому не запрещаю, а только ухожу въ Публичную библіотеку заниматься рукописями».

(*8 октября*).

Неужели Пушкинъ виноватъ, что Писаревъ его «не читалъ». И Церковь виновата, что Бюхнеръ и Молешоттъ «ее не понимали», и христіанство виновато, что болтаемъ «мы».

Страшно, когда наступаетъ ознобъ души... Душа зябнетъ.

— Вася, ты уйди, я постонаю.

— Стонай, Варя, при мнѣ...

— Да я тебѣ мѣшаю.

— Дѣточка, кто-же съ тобой останется, если и я уйду? Да и мнѣ *хочется* остаться...

(*Когда Шура вторично ушла, 23 октября; на счетъ по изданіямъ*).

Все-таки я умру въ полномъ, въ полномъ недоумѣніи. Въ религіозномъ недоумѣніи.

И больше всего въ этомъ Фл. виноватъ. Его умолчанія.

Съ Б. я никогда не разстанусь. Но остальное...

Ожидаемыя и желаемыя и высматриваемыя качества митрополита петербургскаго—скромность.

Ученость—хорошо, святость—прекрасно, подвигъ жизни и аскетизмъ—превосходно: но выше всего скромность.

Молчаливость, тихость и послушаніе.

Если при этомъ хорошій ростъ, мелодичный голосъ и достоинство манеръ и обращенія — то такому «кандидату» не страшенъ былъ-бы соперникомъ и Филаретъ и Златоустъ и «всѣ три Святителя».

(28 октября передъ † митр. Антонія за вечернимъ чаемъ думаю).

Полу-искренность—она сопутствуетъ теперь всѣмъ дѣламъ церковнымъ.

Ошибаются, кто говоритъ о неискренности. Ему сейчасъ укажутъ патетическій голосъ, великій восторгъ, умиленіе, преданность.

Но не *допрашивайте* эту патетичность: щеки ея поблекнутъ, языкъ начнетъ путаться. Все пойдетъ въ маленькую уклончивость и умолчанія.

Все теперь — въ «полу»..., нигдѣ—«полнаго»...

(тоже, передъ † митр. Антонія).

Даже если будетъ все это мѣсто полно червями и тлѣніемъ—я останусь *здѣсь*.

Съ глупыми — останусь. Съ плутами—останусь.

Почему?

Здѣсь говорятъ о безсмертіи души. О Богѣ. О Вѣчной Жизни. О Наградѣ и Наказаніяхъ.

Здѣсь—Алтарь. Во-истину алтарь, одинъ на землѣ.

И куда-же мы всѣ пойдемъ отсюда...

(передъ кончиной митр. Антонія, 28 октября, ночь).

Можетъ быть, другіе не имѣютъ права умереть *сами*, но я имѣю право умереть *самъ*.

И Тиллингъ, директоръ Евангелической больницы, когда «она тамъ лежала» (опасное кровотеченіе,—на краю могилы) умеръ.

Роше въ Мюнхенѣ, Наукъ гдѣ-то за границей, теперь вотъ Тиллингъ (такой гигантъ былъ), еще раньше виновный въ кровотеченіи (велѣлъ массажъ дѣлать, не снявъ швовъ) Рентельнъ—всѣ †††. И если Немезида...

Грѣхъ! Грѣхъ! Грѣхъ!!!

(28 окт. ночь).

Въ случаѣ «если бы»—вотъ планъ для изданія моихъ статей, еще не перепечатанныхъ въ книги:

1) *Около церковныхъ стѣнъ, III.* Статьи о Церкви, объ управленіи ею, о духовныхъ школахъ. Это все «въ помощь попамъ», а отчасти въ помощь нашему милому духовенству. Передольскій хорошо его звалъ «Божьей роднёй». Оно—и есть таково: черезъ 1.000 лѣтъ пронесло и сохранило не колеблясь идею Неба, идею Правды, идею Суда... Да помолится оно о несчастныхъ рабахъ Божіихъ «Василіи и Варварѣ». Свящ. Устьинскій все время о насъ молился. Спасибо ему, милому.

2) «*О писателяхъ и писательствѣ*». Тома на 4. Статьи о литературѣ. Есть предисловіе къ этой книгѣ, очень одушевленно написанное гдѣ-то.—Сюда должны войти (въ рукописяхъ) неоконченныя статьи «Паскаль», «Христіанство и языкъ», «Фаустъ».

3) «*Юдаизмъ*». Въ началѣ—«Замѣчательная еврейская пѣснь», потомъ «Жидъ на Мойкѣ» (изъ «Нов. Пути»), «Чувство солнца и растеній у древнихъ евреевъ» и послѣднимъ—«Юдаизмъ». Это—въ I томъ.

Во II томъ, съ подзаголовкомъ «Матеріалы», толстая тетрадь у меня въ библіотекѣ, еврея Цинхенштейна; и затѣмъ-бы—но этого никто не съумѣетъ выбрать—отмѣченныя мѣста изъ «Талмуда» и изъ «Ветхозав. храма».

4) «*Сумерки просвѣщенія*» — вторымъ изданіемъ, съ дополненіями, а главное—съ продолженіемъ: «*Въ обѣщаніяхъ дня*»: сюда собрать статьи, напечатанныя въ пору ломки и смуты школы, и ея растерянности. Такимъ обр.: «Сумерки просвѣщенія»—1 т. «Въ обѣщаніяхъ свѣта», 1 т. Все—цѣлое. Это—милымъ гимназистамъ.

5) «*Семейный вопросъ въ Россіи*», томъ 3. Тамъ одна статья: «Въ мірѣ любви, испуганности и стыдливости».

Это—добрымъ страдалицамъ.

6) «*Эмбріоны*». Изъ книгъ, изъ «Торгово-промышл. газеты» («Изъ дневника писателя»), «Попутныя замѣтки» (изъ «Нов. Вр.»), изъ «Гражданина». Это нужно издавать въ форматѣ «Уединеннаго», начиная каждый афоризмъ съ новой страницы. Смѣшивать и соединять въ одну книгу съ «Уединеннымъ» никакъ не нужно. «Уединенное»—*безъ* читателя, «Эмбріоны»—*къ* читателю.

7) «*Германскія впечатлѣнія*». Наугеймъ,

Мюнхенъ, etc.; сюда-же, собственно, надобы перенести изъ «Итальянскихъ впечатлѣній» послѣдній отдѣлъ: «По Германіи». И даже «Германскія впечатлѣнія» (книжку) начинать съ этихъ статей о Берлинѣ и Кайзеръ-Вильгельмѣ.

8) «*Кавказскія впечатлѣнія*».

9) «*Русскій Нилъ*» (впечатлѣнія по Волгѣ). Сюда внести и статьи подъ заглавіемъ «Израиль» и «Въ современныхъ настроеніяхъ» изъ «Русск. Слова» за 1907 г., №№ 194 и 200 (ибо это все «Русскій Нилъ», и только редакція перемѣнила заголовки).

10) «*Чиновникъ. Очеркъ русской государственности*». Статьи изъ «Русск. Слова» и «Нов. Слова» о чиновничествѣ.

11) «*Въ связи съ искусствомъ*». Сюда внести статьи: «Молящаяся Русь» (о Нестеровѣ), «Гдѣ-же религія молодости», «Сициліанцы въ Петербургѣ», «Изъ мыслей зрителя», «Гоголевскіе дни въ Москвѣ», «Памятникъ Александру III», «Отчего не удался памятникъ Гоголю», «Актеръ», «С. С. Боткинъ», «Памяти Комиссаржевской», «Театръ и юность» и, можетъ быть, «Танцы невинности» (о Дунканъ); «Зембрихъ».

12) «*Литературные изгнанники*». «Пере-

писка съ Леонтьевымъ» (съ примѣчаніями) и «переписка съ Рачинскимъ» (съ примѣчаніями). Письма ко мнѣ милаго Н. Н. Страхова (съ портретомъ его,—худощавымъ, со сложенными руками и въ саду,—снятымъ въ Ясной Полянѣ послѣ операціи), письма ко мнѣ Рцы (и портретъ мой съ Софой, крестницей), т. е. И. Ѳ. Романова, письма ко мнѣ Шперка и портретъ «Умирающій Шперкъ» (въ Халилѣ, среди семьи: попросить выгравировать В. В. Матэ, адресъ—въ Академіи художествъ; гравюра обойдется рублей 200,—но я думаю за продажу это окупится), письма ко мнѣ П. А. Флоренскаго (нужно спросить дозволенія; адресъ: въ Троице-Сергіевъ Посадъ, Духовная Академія, Павлу Александровичу Флоренскому),—и Серг. Ал. Цвѣткова. Редактировать это изданіе могутъ П. А. Флоренскій или С. А. Цвѣтковъ. Адресъ его: Москва, Остоженка, Молочный пер., д. 2, кв. 2.

13) «*Древо жизни и идея скопчества*». Статьи о полѣ,—изъ «Гражданина» и «Нов. Вр.» (особенно «Полъ и душа»).

14) «*Черный огонь*». Статьи о революціи и революціонерахъ изъ «Нов. Врем.», «Русск. Слова» и «Новаго Слова».

15) «*Во дворъ язычниковъ*». «Культура и деревня», «Древне-египетскіе обелиски»,

«О древне-египетской красотѣ», «Прорицатель Валаамъ» еписк. Серафима (библіогр. замѣтка), «О поклоненіи зерну», Буткевича—«Невѣріе XIX в.» (библіогр. замѣтка), «Афродита-Діана», «О лекціи Влад. Соловьева», «Сказочное царство», «Востокъ» (подп. *Оріонъ*), «Величайшая минута исторіи», «Занимательный вечеръ», «Маленькая историческая поправка», «Серія недоразумѣній (?)», «Чудесное въ жизни и исторіи», «Тема нашего времени», «Эллинизмъ», «*Демонъ* Лермонтова въ окруженіи древнихъ миѳовъ», «Атлантида—*была*», «Изъ восточныхъ мотивовъ» (то же что «Звѣзды»—заглавіе это не мое, а редакціи «Міра искусства»), и сюда прекрасный рисунокъ перомъ Бакста.

16) «*Левъ и Агнецъ*». Громадная рукопись, не оконченная, въ несгораемомъ шкафѣ. Гдѣ мѣста пропусковъ—просто замѣнить страницей многоточія. Это не нарушитъ смысла и связи. Редакція пусть будетъ Флоренскаго, а если ему некогда—Цвѣткова, а если и ему некогда — подождать. Помня: «дѣло не волкъ—въ лѣсъ не убѣжитъ».

Встрѣтился съ Философовымъ и Мер. въ Рел.-фил. собр. Точно ничего не было. Почувствовалъ дружбу. А ругались (въ печати), и они потребовали въ «Рус. Сл.», чтобы или меня исключили, или они «выходятъ».

Даже «подъ задъ» далъ Фил—ву, когда онъ проходилъ мимо. Полная дружба. Какъ гимназисты.

Ужасно люблю гимназическую пору. И вѣчно хочется быть опять гимназистомъ. «Ну ее къ чорту, серьезную жизнь».

И когда сотрудничаю въ газетахъ,—всегда съ небольшимъ внутреннимъ смѣхомъ,—всегда съ этой мыслью: «мы еще погимназистничаемъ».

И потому мнѣ ровно наплевать, какія писать статьи, «направо» или «налѣво». Все это ерунда и не имѣетъ никакого значенія. «Шалости нижегородскаго гимназиста» (катались на Черномъ прудѣ).

(29 октября).

Зонтъ у меня Философова, перламутровый ножикъ (перочинный, прелестный) отъ Суходрева, теперь палка отъ Тычинкина.

— Она грязная (*онъ*).

— Тѣмъ лучше. Это въ моемъ стилѣ.

У Фил. зонтъ былъ съ дырочкой. Но такая прелестная палка, черная съ рубчиками, не вертлявая (полная въ тѣлѣ) и необыкновенно легкая.

Эти декаденты умѣли выбирать необыкновенно изящныя вещи. Простыя и стильныя.

(*29 октября*).

... *уклончивость* всѣхъ вещей отъ опредѣленія своего, *уклончивость* всѣхъ планетъ отъ «прямой»... 30 окт.

Что это?!!!

Ужасы, ужасы...

Можетъ быть она въ томъ, что міръ хочетъ быть «застегнутъ на всѣ пуговицы»,

и не показать внутреннихъ кармановъ ни репортеру, ни Ньютону.

Если *такъ* — еще можно успокоиться. «Темно. Не вижу». Это пусть и говоритъ косолапый Вій, ноги котораго вросли въ землю.

Но если *иное*?..

Что?

Не хочу даже сказать. Пугаюсь.

,

Всѣ мои пороки были или мелкимъ любопытствомъ ума, — или «такъ», «распустился», и, въ сущности, безпричинны. Но мнѣ никогда [порокъ] не «сосалъ подъ ложечкой» и не «кружилъ голову».

Поэтому «порочность міра» я знаю очень мало. И поэтому-же очень можетъ быть сужденія мои о мірѣ не глубоки. Въ огненныхъ порокахъ раскрывается какая-то «та сторона луны», которая ко мнѣ никогда не повертывалась.

»

Планъ «Мертвыхъ Душъ»—въ сущности анекдотъ; какъ и «Ревизора»—анекдотъ-же. Какъ одинъ баринъ хотѣлъ скупить умершія ревизскія души и заложить ихъ; и какъ другого барина-прощалыгу приняли въ городѣ за ревизора. И всѣ пьесы его, «Женитьба», «Игроки», и повѣсти, «Шинель»—просто петербургскіе анекдоты, которые могли быть и которыхъ могло не быть. Они ничего собою не характеризуютъ и ничего въ себѣ не содержатъ.

Поразительна эта простота, элементарность замысла; Гоголь не имѣлъ силъ—усложнить плана; *романа* или *повѣсти* въ смыслѣ развитія или хода страсти—чувствуется, что онъ *и не могъ-бы представить*, и самыхъ попытокъ къ этому—въ черновикахъ его нѣтъ.

Что-же это такое? Странная *элементарность* души. Поразительно, что Гоголь и *самъ не развивался*; въ немъ не перестраивалась душа, не мѣнялись убѣжденія. Перейдя отъ малороссійскихъ повѣстей къ петербургскимъ анекдотамъ, онъ только перенесъ глазъ съ юга на сѣверъ, но глазъ этотъ былъ *тотъ-же*.

999

Недостатокъ Перцова заключается въ недостаточно яркой и даже недостаточно опредѣленной индивидуальности.

Сотворяя его, Богъ какъ-бы впалъ въ какую-то задумчивость, рѣзецъ остановился, и все лицо стало матовымъ. Глаза «не *торчатъ*» изъ мрамора, и губы никогда не закричатъ. Ума и далекаго зрѣнія, какъ и мѣткаго слова (въ письмахъ) у него «какъ Богъ дай всякому», и особенно привлекательно его благородство и безкорыстіе: но всѣ эти качества заволакиваются туманомъ неопредѣленныхъ поступковъ, тихо сказанныхъ словъ; какого-то «шуршанія бытія», а не скаканія бытія.

Но онъ «рыцарь честный», честный и *старый* (по чекану) въ нашей низменной журналистикѣ.

Съ нимъ въ контрастѣ Рцы: котораго *передъ-лавъ* Богъ — плюнулъ отъ отвращенія, и отошелъ. И съ тѣхъ поръ Рцы все бѣгаетъ за Богомъ, все томится по Богѣ, и говоритъ лучшія молитвы, какія знаетъ міръ (въ себѣ, въ душѣ).

Увы: литературно это почти ни въ чемъ не выразилось. Онъ писалъ только объ ѣдѣ, о Россини и иногда объ отцахъ Церкви. Теперь, бѣдный, умолкъ.

9999

Что̀ такое литературная душа?
Это Гамлетъ.
Это холодъ и пустота.

(укладываясь спать).

Мнѣ не было бы такъ страшно, ни такъ печально, если бы не ужасы ясновидѣнія. Но я живу какъ «въ Провидѣніи»: потому-что за годы, за очень долгіе годы,—все будущее было открыто ей въ какихъ-то вѣщихъ тревогахъ. 31 октября.

Мы сидѣли въ Кисловодскомъ театрѣ. Давали «Горе отъ ума». Ни хорошо, ни худо. И въ которомъ-то антрактѣ я обдумывалъ, нельзя-ли склеить статью въ «Н. Вр.» рублей на 70 (билеты—6 руб., время—въ нуждѣ, довольно жестокой).

— Посмотри, Вася.

Я поднялъ голову, и смотрѣлъ на спущенный занавѣсъ, изображавшій наядъ и героевъ.

— Не тамъ, а выше.

Занавѣсъ спускался изъ арки, и на аркѣ были изображены... должно быть античныя маски.

— Вонъ тамъ, въ углу... Такая ужаспая... Когда я буду умирать, у меня будетъ такое лицо.

Это было искаженное ужасомъ и отчаяніемъ лицо «трагической маски».

Я захолодѣлъ. Губы мои что-то безсильное шептали. И этотъ ея «внушающій» голосъ, полный убѣжденія, пугалъ меня даже потомъ, когда я просыпался ночью.

Нѣсколько разъ, когда я хотѣлъ и предлагалъ ей отдохнуть въ санаторіи—(какъ было-бы спасительно, опредѣлили бы при пріемѣ болѣзнь), она отказывалась въ какомъ-то трепетномъ страхѣ: какъ забившаяся въ уголъ птичка, боящаяся оставить этотъ уголъ.

И все подозрительность. И все испугъ.— «Вы хотите остаться безъ меня *одни*» (для дурного, легкомысленнаго). — «Вы хотите *отвязаться отъ меня*»...

Я переставалъ говорить.

«— Какъ страшно... Мнѣ тогда представляется, что меня везутъ въ сумасшедшій домъ. И спущены занавѣски».

И она холодѣла. И я холодѣлъ. Центръ ужаса находился, былъ въ «спущенныхъ занавѣскахъ».

А «занавѣски» въ душѣ ея и въ самомъ дѣлѣ спускались. Она атомически, разрушительно отдѣлялась отъ міра.

Моя страдалица. И опять говорила:«—я снова видѣла во снѣ Михаила Павловича. Такъ ясно. И онъ спрашивалъ: скоро-ли ты, Варюнчикъ, придешь ко мнѣ? Я жду тебя».

Это первый мужъ. Съ котораго все и началось. И самая любовь наша началась съ чудной элегіи, въ которой она разсказала о необъяснимой молодой гибели ея 1-го мужа. Она осталась вдовою 21-го года, съ 2-хъ лѣтней Саничкой и матерью.

,

.

Богъ послалъ меня съ *даромъ слова* и ничего другого еще не далъ. Вотъ отчего я такъ несчастенъ.

,,

Ничего такъ красиво не лежитъ на молодости, какъ бѣдность.

Но безъ лицемѣрныхъ «дыръ»...

Бѣдность чистоплотная.

Душа моя какъ расплетающаяся нить. Даже не льняная, а бумажная. Вся «разлѣзается» и ничего ею укрѣпить нельзя.

(*ночью на извозчикѣ*).

Я вышелъ изъ мерзости запустѣнія, и такъ и надо опредѣлять меня: «выходецъ изъ мерзости запустѣнія».

Какая нелюдимость.

Вражда ко всѣмъ людямъ.

Насъ не знали даже сосѣди, какъ не знали и мы сосѣдей. Только развѣ портной въ углу (рядомъ его хибарочка). Всѣ насъ дичились и мы дичились всѣхъ.

Мы всѣ были въ ссорѣ. Прекрасная Вѣрочка умерла такъ рано (мнѣ лѣтъ 8—7), и когда умерла, то все окончательно заледенѣло, захолодѣло, а главное замусорилось. За все время я не помню ни одной заботы, и чтобы самъ о чемъ-нибудь позаботился. Всѣ «бродили», а не жили; и ни у кого не было сознанія, что что-нибудь *должно дѣлать*. Вообще слово «должно» было исключено изъ самаго обихода, и никогда я его

не слыхалъ до 14 лѣтъ, когда хоть услышалъ—«ты *долженъ* выучить урокъ» (и сейчасъ возненавидѣлъ «долженъ»). Всѣ проводили дни (ибо «жили» даже нельзя сказать) по «какъ-бы *легче*» и «какъ-бы изловчиться». Только теперь (57 лѣтъ) я думаю, что Коля былъ правъ, оставшись только 3 дня, и уѣхалъ молча и никогда не отвѣчалъ ни на какія письма. Онъ оцѣнилъ глазомъ, образованіемъ и опытомъ взрослаго человѣка, что тутъ все мертво, хотя и шевелится, и дышитъ. И воскресить ничего нельзя, а можно только утонуть возлѣ этого, въ связи съ этимъ, распутывая это.

(лежа въ постели ночью, вспоминаю дѣтство, до 13 лѣтъ).

ууууу

Что̀ такое «писатель»?

Брошенныя дѣти, забытая жена, и тщеславіе, тщеславіе...

Интересная фигура.

(засыпая)

1 ноября. Церковь научила всѣхъ людей молиться. Какое-же другое къ ней отношеніе можетъ быть у человѣка, какъ цѣловать руку.

Хорошо у православныхъ, что цѣлуютъ руку у поповъ.

Попъ есть отецъ. Естественный отецъ. Вѣдь и натуральные отцы бываютъ дурные, и мы не говоримъ дѣтямъ—ненавидьте ихъ, презирайте ихъ. Говорить такъ—значило-бы развращать дѣтей и губить ихъ душу и будущность. Вотъ отчего, если бы было даже основательно осуждать духовенство—осуждать его не слѣдуетъ.

Мы гибнемъ сами, осуждая духовенство. Безъ духовенства—погибъ народъ. Духовенство блюдетъ его душу.

Что̀ выше, любовь или исторія любви?

Ахъ, всѣ «исторіи любви» все-таки не стоятъ кусочка «сейчасъ любви».

Я теперь пишу «исторію», п. ч. счастье мое прошло.

У Рцы «Богъ прибралъ» троихъ дѣтей—Ваню, еще Сережу, еще... имена забылъ. Сережа умеръ потомъ и отдѣльно. Но одинъ за другимъ выносили три дѣтскихъ гробика, съ Павловской, № 2 Ефимова, 2-й этажъ.

Это было что-то чудовищное. Какъ вообще у человѣка «кости не ломаются» въ такомъ несчастіи? Онъ — недвижный, растерянный, она—вся въ мукѣ, и Гессъ (докт.) говорилъ: «—Который вотъ день (сутки) Ольга Ивановна не закрываетъ глазъ» (мать).

И Елена Ивановна...

И вотъ перенесли что̀ непереносимо. Что̀ вообще нельзя перенести. Подъ чѣмъ кости хрустятъ, душа ломится. Какъ-же они перенесли?

А какъ-же бы они *не перенесли?* Остались жить. Богъ «однихъ беретъ», другихъ «оставляетъ»: и кого оставляетъ—«будетъ жить».

Хохота и прежде не было. Всегда была нужда. Теперь—часто тяжелая. Но тогда (на именинахъ Ольги Ивановны) бывалъ смѣхъ. Улыбка и теперь бываетъ. Не частая, но бываетъ. Говорятъ. Заботятся.

Онъ читаетъ все Апостола Павла. Перечитываетъ. Обдумываетъ. Вчитывается. Все его чтеніе—Апостолъ Павелъ и «Нов. Вр.» (обо всемъ,—текущій день), иногда «Богосл. Вѣстникъ».

Онъ лиценстъ (Москва). Умница. Страсть—Рембрандтъ и Россини. Пишетъ. Но что-то «не выходитъ». Родился до книгопечатанія и «презираетъ жить въ вѣкѣ семъ». У него нѣтъ praesens, а все perfectum и plusquamperfectum. Futurum яростно отвергаетъ.

И живутъ.

Живутъ пассивною жизнью (послѣ страданія), когда активная невозможна.

Вотъ отчего нужно уважать старость: что она бываетъ «послѣ страданія».

Этого намъ въ гимназіи въ голову не приходило.

***

Священное слово.

. . . . . .

. . . . . .

Зависимость моя отъ мамочки—какъ зависимость безнравственнаго или слабонравственнаго отъ нравственнаго.

Она все ползетъ куда-то, шатается, склоняется: а все назадъ оглядывается.

И эта всегдашняя забота обо мнѣ—какъ Провидѣніе. Отъ того мнѣ страшно остаться одному, что я останусь безъ Провидѣнія [1].

Ни—*куда* пойти.

Ни—*гдѣ* отдохнуть.

Я затеряюсь, какъ собака на чужой улицѣ.

****

Основаніе моей привязанности—нравственное. Хотя мнѣ все нравилось въ ея тѣлѣ, въ фигурѣ, въ слабомъ коротенькомъ мизинчикѣ (удивительно изящныя руки), въ «одной» ямкѣ на щекахъ (послѣ смерти перваго мужа другая ямка исчезла),—но это было то, что только *не мѣшало* развиться нравственной любви.

Въ христіанскомъ мірѣ уже только возможна нравственная любовь, нравственная привязанность. *Тѣло* какъ *святыня* (*Ветх. Зав.*) дѣйствительно умерло, и тѣлесная любовь невозможна. Тѣлесная любовь осталась только для улицы и имѣетъ уличныя формы.

Я любилъ ее, какъ грѣхъ любитъ праведность, и какъ кривое любитъ прямое, и какъ дурное—правду.

[1] т. е. безъ нѣкоторой тѣни его, осуществленія его на землѣ, «осязательнаго» его.

Вотъ отчего въ любви моей есть какое-то странное «раздѣленіе». Оно-то и сообщило ей жгучесть, рыданіе. Оно-то и сдѣлало ее вѣчнымъ алканіемъ, безъ сытости и удовлетворенія. Оно исполнило ее тоски, муки и необыкновеннаго счастья.

Почти всегда, если мы бывали одни и она не бывала со мною (не разговаривала), она молилась. Это и раньше бывало, но за послѣднія 5—6—7 лѣтъ постоянно. И за годы, когда я постоянно видѣлъ возлѣ себя молящагося человѣка,—могъ-ли я не привыкнуть, не воспитаться, не убѣдиться, не почувствовать со всей силой умиленія, что молитва есть лучшее, главное.

(ночью въ слезахъ, 1-го ноября, въ постели).

Я возвращаюсь къ тому идеализму, съ которымъ писалъ «Легенду» (знакомство съ Варей) и «Сумерки просвѣщенія» (жизнь съ нею въ Бѣломъ). Къ старому провинціальному затишью. Петербургъ меня только измучилъ и можетъ быть развратилъ. Сперва

(отталкиваніе отъ высокопоставленнаго либерала-просвѣтителя и мошенника) безумный консерватизмъ, потомъ столь-же необузданное революціонерство, особенно религіозное, анти-церковность, анти-христіанство даже. Къ нему я былъ приведенъ семейнымъ положеніемъ. Но тутъ надо понять такъ: теперешнее духовенство скромно сознаетъ себя слишкомъ не святымъ, слишкомъ немощнымъ, и *отъ этого* боится пошевелиться въ тѣхъ дѣйствительно святыхъ формахъ жизни, «уставахъ», «законахъ», какіе сохранены отъ древности. Будь-бы Павелъ: и онъ поступилъ-бы какъ Павелъ *по правдѣ*, осудивъ ту и оправдавъ эту. Безъ этого духа «святости *въ себѣ*» (сейчасъ) какъ имъ пошевелиться? И они замерли. Это не консерватизмъ, а скромность, не черствость, а страхъ повредить вѣкамъ, нарушивъ «уставъ», который привелось-бы нарушать и въ другихъ случаяхъ и для другихъ (лицъ), въ случаяхъ уже менѣе ясныхъ, въ случаяхъ не бѣлыхъ, а уже сѣрыхъ и темныхъ. Пришлось-бы остаться, съ отмѣненнымъ «Уставомъ», только при своей совѣсти: которая если не совѣсть «Павла», а совѣсть Антоніевъ и Никоновъ и Сергіевъ и Владиміровъ и Константиновъ (Поб.)—то какъ

на нее возложить тяжесть міра? «Меня еще не подкупятъ, а моего преемника подкупятъ»: и станетъ міръ повиноваться не «Уставу», а подкупу, не формализму, а сулящему. И зашатается міръ, и погибнетъ міръ.

Такъ мнѣ и надо было понять, что, конечно, меня за . . . . . никто не судитъ, и Церковь нисколько не осуждаетъ . . . . . , и нисколько не разлучаетъ меня съ . . . . . , а только она пугается это сдѣлать вслухъ, громко, печатно, потому что «въ послѣднія времена уже нѣтъ Павловъ, а Никандры съ Иннокентіями». Потому что даръ пророчества и первосвященничества рѣдокъ, и онъ былъ рѣдокъ и въ первой церкви Ветхозавѣтной, и во второй Новозавѣтной. Аминь и миръ.

3 ноября.

Все погибло, все погибло, все погибло. Погибла жизнь. Погибъ самый смыслъ ея. Не усмотрѣлъ.

99

Такъ любилъ ее, что никакъ не могъ перестать курить ночью.

(Правда—пытался: но она сама говорила: «покури»—и тогда я опять разрѣшалъ).

Ахъ, господа, господа, если бы мы знали всѣ, какъ мы бѣдны... 5 ноября.

Если бы знали, до чего мы убоги, жалки...

Какіе мы «дарвинисты»: мы просто клячи, на которыхъ-бы возить воду.

Просто «собаченка изъ подворотни», чтобы беречь домъ доброй хозяйки.

И она бросаетъ намъ кусокъ хлѣба.

«Вотъ и Спенсеръ, и мы».

«И сочиненія Огюста Конта, Милля и Спенсера, и женскій вопросъ» (читалъ гимназистомъ).

И «предисловіе Цебриковой».

9

Родила червяшка червяшку.

Червяшка поползала.

Потомъ умерла.

Вотъ наша жизнь.

(3-й часъ ночи).

,,

... выберите молитвенника за Землю Русскую. Не ищите (выбирая) мудраго, не ищите ученаго. Вовсе не нужно хитраго и лукаваго. А слушайте, чья молитва горячѣе—и чтобы доносилъ онъ къ Богу скорби и напасти горькой земли нашей, и молился о ранахъ и несъ тяготы ея.

(къ выбору патріарха всея Руси; толки).

,,,

Жизнь—раба мечты.

Въ исторіи истинно реальны только мечты. Онѣ живучи. Ихъ ни кислотой, ни огнемъ не возьмешь. Онѣ распространяются, плодятся, «овладѣваютъ воздухомъ», вползаютъ изъ головы въ голову. Передъ этимъ цѣпкимъ существованіемъ какъ разсыпчаты каменныя стѣны, желѣзныя башни, хорошее вооруженіе. Противъ мечты нѣтъ ни щита, ни копья.

А факты—въ вѣчномъ полиняніи.

Къ Б. меня нечего было «приводить»: со 2-го (или 1-го?) курса университета не то что-бы я чувствовалъ Его, но *чувство присутствія около себя* Его—никогда меня не оставляло, не прерывалось хоть-бы на часъ. Я былъ «полонъ Б.»—и это всегда. 7 ноября.

Но къ Х. нужно было «привести».

То неужели вся жизнь моя и была,—съ 1889-го года,—«приведеніемъ» сюда? Съ 1889-го и вотъ до этого 1912 г., и даже, опредѣленнѣе, до 7 ноября, когда впервые «мелькнуло»...

Вѣдь до этого 7 ноября я б. совершенно «внѣ Его». До такой степени, какъ можетъ быть ни у кого. Но сказано: «и *оружіе пройдетъ тебѣ сердце*»...

Такъ вотъ что «приводитъ»...

Не смиренные смиренны, а тѣ, которые были смирены.

Но этой точки я не хочу: она враждебна мнѣ. Нѣтъ—Рокъ.

И потомъ—смиренье.

Томится душа. Томится страшнымъ томленіемъ.

Утро мое безъ свѣта. Ночь моя безъ сна.

Это мамочка моя, открывъ что-то, показала мнѣ:—«Что̀ это такое? Какъ *вѣрно*».

Я взглянулъ и прочиталъ:

«На что данъ свѣтъ человѣку, котораго путь закрытъ, и котораго Богъ окружилъ мракомъ».

Это изъ Іова (III, ст. 23). И я подумалъ: «вотъ что́ я хотѣлъ-бы вырѣзать на твоей могилѣ, моя бѣдная». Это было лѣтъ 18-ть назадъ.

Почему я ее всегда чувствовалъ, зналъ бѣдной. Какъ и у нея, у меня была безотчетная тревога, теперь объяснившаяся (давняя болѣзнь). Казалось,—все обезпечено, всѣ дѣти отданы въ лучшія школы, мамочка кажется-бы «ничего»: а мысль «бѣдная! бѣдная!» сосала душу. Къ этой всегдашней своей тоскѣ, тревогѣ я и отношу Некрасовское

Ѣду-ли ночью по улицѣ темной

такъ какъ я часто ѣзжу въ редакцію (править корректуры). И всегда—тоска, точно завтра начнется свѣтопреставленіе.

У меня чесотка пороковъ, а не влеченье къ нимъ, не сила ихъ.

Это—грязнотца, въ которой копошится вошь; огонь и пылъ пороковъ—я его никогда не зналъ. Вѣдь весь я тихій, «смиренномудрый».

И часто за чайнымъ столомъ, оглядывая своихъ гостей,—и думая, что они чисты отъ этихъ пороковъ,—съ какой я тайной завистью, и съ благодарностью (что чисты), и мукой грѣха смотрю на нихъ.

И веду разговоръ о литературѣ или Рел.-фил. собр., едва сознавая, о чемъ говорю.

Вся жизнь моя была тяжела. Свнутри грѣхи. Извнѣ несчастія. Одно утѣшеніе было въ писательствѣ. Вотъ отчего я постоянно писалъ. 8 ноября.

9

Теперь все кончилось. «Подгребаю угольки», какъ въ истопившейся печкѣ. Скоро «закрывать трубу» (†).

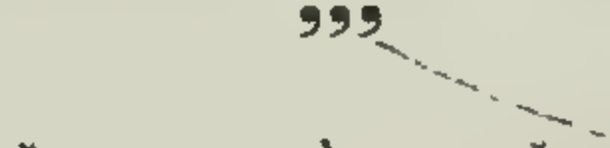
У меня было религіозное высокомѣріе. Я «оцѣнивалъ» Церковь, какъ постороннее себѣ, и не чувствовалъ нужды ея себѣ, потому что былъ «съ Богомъ».

Помню, въ Брянскѣ, я съ высокомѣріемъ говаривалъ: «онъ церковникъ», или еще: «да, онъ — церковникъ, но это вовсе не то, что религіозный человѣкъ»... «Я не церковникъ, но я религіозный человѣкъ».

Но пришло время «приложиться къ отцамъ». Уйти «въ мать землю». И чувство церкви пробудилось.

Церковь—это «всѣ мы»; церковь—«я со всѣми». И «мы всѣ съ Богомъ».

Въ отличіе отъ высокомѣрной «религіозности» — «церковное» чувство смиренно, просто, народно, общечеловѣчно.



Философы, да и то не всѣ, говорили о Богѣ; о «безсмертіи души» училъ Платонъ. Еще нѣкоторые. Церковь не «учила», не «говорила», а *повелѣвала* и вѣрить въ Бога, и питаться отъ безсмертія души. Она одна. Она всегда. Непремѣнно. Безъ колебанія.

Она несла это Имя, эту Вѣру, это Знамя безъ колебанія, съ временъ древнихъ, и донесла до нашихъ временъ. О сомнѣвающемся она говорила: «ты — *не мой*». Нельзя представить себѣ простого дьячка, который сказалъ-бы: «можетъ быть, безсмертія души и—*нѣтъ*». Всякій дьячекъ имѣетъ увѣренность въ томъ, до чего едва додумался и едва имѣлъ силы досягнуть Платонъ.

«Сумма ученій Церкви» неизмѣрима сравнительно съ Платоновой системой. И такъ все хлѣбно, такъ все просто. Она подойдетъ къ роженицѣ. Она подходитъ къ гробу. *Это нужно.* Вотъ «нужнаго»-то и не съумѣлъ добавить къ своимъ идеямъ Платонъ.

Что-же такое наши университеты и «науки» въ Духовныхъ Академіяхъ сравнительно съ Церковью?

Трава въ лѣсу. Нѣтъ: трава въ мірѣ (космосъ).

Міръ—Церковь.

А науки, и университеты, и студенты—только трава, цвѣточки: «пройдетъ серпъ и скоситъ ихъ».

Кто догадался подойти со словомъ къ умирающему? Кто подумалъ, что надо протянуть руку роженицѣ?

Спенсеру это не пришло на умъ.

Боклю—не пришло.

Даже Платону на умъ не пришло, ни Пиѳагору въ Пиѳагорейскомъ Союзѣ. Не знаю, приходитъ-ли ксендзъ, но пасторъ навѣрно не приходитъ. «Слишкомъ грязно и душно» въ комнатѣ роженицы.

Православный священникъ приходитъ.

Не *дотягивалъ* я многаго въ церкви. Рѣдко ходилъ съ дѣтьми въ церковь. Но это «рѣдко» такъ счастливо вспоминается. Это свѣтъ.

И такой «свѣтъ» разлитъ по всей странѣ. «Приходи и бери его даромъ». Кто не лѣнивъ — приходи всѣ. Какой это недостатокъ по селамъ, что тамъ нѣтъ службы въ будніе дни. Это недосмотрѣно. Приходили-бы старухи. Приходили-бы дѣти. Вѣдь это поученіе.

Зачѣмъ священниковъ обременили статистикой? И всякими глупостями, кромѣ прямого ихъ дѣла, которое не исполнено.

,,,,,,

У русскихъ нѣтъ сознанія своихъ предковъ и нѣтъ сознанія своего потомства.

«Духовная нація»... «Во плоти чуть-чуть»...

Отъ этого—нашъ нигилизмъ: «до насъ ничего *важнаго* не было». И нигилизмъ нашъ постоянно радикаленъ: «мы построяемъ все *сначала*».

,,,,,,,

Скоро кончатся мои дни... О, какъ не нужны они мнѣ. Не «тяжело это время», но *каждый часъ тяжелъ*.

,,,,,,,,

Все больше и больше думаю о церкви. Чаще и чаще. *Нужна она мнѣ стала.*

Прежде любовался, восхищался, соображалъ. Оцѣнивалъ пользу. Это совсѣмъ другое. *Нужна мнѣ*—съ этого начинается все.

До *этого* въ сущности и не было ничего.

****

Церковь основывается на «НУЖНО». Это совсѣмъ не культурное воздѣйствіе. Не «просвѣщеніе народа». Всѣ эти категоріи пройдутъ. «Просвѣщеніе» можно взять у нигилистовъ, «культурное воздѣйствіе» дадутъ и жиды.

МНѢ НУЖНО: вотъ камень, на которомъ утверждается церковь.

****

Отпустимъ имъ грѣхъ ихъ, дабы и они отпустили намъ грѣхъ нашъ.

(о духовенствѣ, 8 ноября, глубокая ночь).

Вѣдь ихъ—сословіе. И всѣ почти—въ священники, діаконы; какъ же не человѣку,

а *сословію* — быть безъ дурныхъ людей, порой — ужасныхъ людей. Въ іерейство идутъ «сплошь», безъ отбора зерна. И колосъ то̀ пустой, то̀ хилый, то̀ со спорыньей: и изъ 100 — *одинъ* полновѣсный. Такъ естественно.

Простимъ имъ. Простимъ имъ. Простимъ имъ. Простимъ и оставимъ.

Все-таки «съ Рюрика» они молятся за насъ. Хладно, небрежно: а все-таки имъ велѣли сказывать эти слова.

Останемся при «все-таки». Міръ такъ малъ, такъ скорбенъ, положеніе человѣка такъ ужасно, что ограничимъ себя и удовольствуемся «все-таки»...

И «все-таки» Серафимъ Саровскій и Амвросій Оптинскій былъ *изъ нихъ*. Все-таки не изъ «литераторовъ»...

У литераторовъ нѣтъ «все-таки».

У литераторовъ—бахвальство.

Воображать легче, чѣмъ работать: вотъ происхожденіе соціализма (по крайней мѣрѣ лѣниваго *русскаго соціализма*). ← 9 ноября.

Кузнецо́въ, трудовикъ 2-й Думы, пойманъ какъ глава мошенническо-воровской шайки въ Петербургѣ. Это-же ужасно.

Объ этомъ не кричатъ газеты, какъ о «Гурко-Лидваль» цѣлый мѣсяцъ по 3—4 столбца въ каждомъ №. И впечатлѣніе отъ двоякаго отношенія газетъ: *администрація*—воры, отъ которыхъ спасаютъ Россію—*трудовики*.

(наткнулся случайно въ газетахъ, розыскивая «Дѣло Мартьянова»).

99

Завтра консиліумъ изъ 4-хъ докторовъ: «можно-ли и цѣлесообразно-ли везти заграницу». Танѣ—матеріи на бѣлое платье (25 р.). Вечеринка въ гимназіи, съ приглашеніемъ знакомыхъ. Можно позвать мальчиковъ Акимовыхъ, очень воспитанныхъ и милыхъ.

Такъ одни цвѣты увядаютъ, другіе расцвѣтаютъ. Уже 18 л. работы въ «Н. Вр.»: я разсчитывалъ вначалѣ ея на 10 лѣтъ, чтобы оставить 20.000 р. дѣтямъ. Теперь-же

можно и самому «закрыть трубу». Но нѣтъ мужества. Не составлено дух. зав., и не знаю, какъ писать. Въ банкѣ долгу 5.000, и «на заграницу» придется взять тысячи 3. Останется дѣтямъ 30.000, и изданныя книги, съ оплаченными счетами типографіямъ, будутъ давать доходу рублей по 600.

Но одинъ взносъ платы за ученье требуетъ 2.000 р. въ годъ. Непонятно, откуда это возьмется, если «закрыть трубу».

Два года еще *долженъ* жить (расплатиться съ типографіей и долгъ банку).

Мой переиспугъ и погубилъ все...

Анфимовъ (харьк. проф.) вѣрно (почти) опредѣлилъ все (1896 г.). У меня руки повисли. А онѣ должны были подняться и работать.

Еслибъ я не былъ такъ испуганъ, я началъ-бы, по пріѣздѣ въ Петерб., леченье, не перепровѣряя у Бехтерева. И все было-бы спасено: не было-бы ни міокардита, ни перерожденія сосудовъ, ни удара (Карпинскій).

Т. е. 3-хъ вещей, которыя сломили нашу жизнь.

Не было-бы мрака въ дому, «тревогъ», неопредѣленнаго страха. Вся жизнь, начавъ съ сотрудничества въ «Нов. Вр.» (обезпеченіе), потекла-бы совсѣмъ иначе, веселѣе, жизненнѣе, открытѣе. Связнѣе съ людями.

Мамочка, которая гибла, не убѣгала-бы такъ отъ людей, съ нелюдимостью, «не нужно», съ «всѣ тяжелы и никого не хочется видѣть», особенно не хочется видѣть—веселья и радости.

(10 ноября).

16 ноября. Ни Новоселовъ, ни Флор., ни Цвѣт., ни Булгаковъ, которые все время думаютъ, чувствуютъ и говорятъ о церкви, о христіанствѣ, ничего не сказали и, главное, не скажутъ и потомъ ничего о бракѣ, семьѣ, о полѣ. Вл. Соловьевъ написалъ «Смыслъ любви», но вѣдь «смыслъ любви»—это естественная философская тема: но и онъ ни одной строчки въ десяти томахъ «Сочин.» не посвятилъ разводу, дѣвственности вступающихъ въ бракъ, измѣнѣ, и вообще терніямъ и мукѣ семьи. *Ни одною строчкой*

ей не помогъ. Когда я издалъ два тома «Семейнаго вопроса въ Россіи», то на книгу не только не обратили никакого вниманія, но во всей печати о ней не было сдѣлано ни одной рецензіи и ни одного указанія или ссылки.

«Семейнаго вопроса въ Россіи» и не существуетъ. И семья насколько страшно нужна каждому порознь, настолько-же вообще всѣ, коллективнымъ національнымъ умомъ, коллективнымъ христіанскимъ умомъ, собирательнымъ церковнымъ сердцемъ—къ ней равнодушны и безучастны.

Это дѣло полиціи и консисторіи,—дѣло взятки, протокола и позорнаго судьбища. Какъ ясно, что оно *именно не* «таинство», а грязь и мерзость во *всемъ ея реальномъ содержаніи* («два въ плоть едину»)—какъ объ этомъ всѣ они и говорятъ въ сердцѣ своемъ, въ сочиненіяхъ своихъ, въ молчаніи своемъ.

Фл. могъ-бы и смѣлъ-бы сказать: но онъ болѣе и болѣе уходитъ въ сухую, высокомѣрную, жестокую церковность. «Засыхаютъ цвѣточки» Франциска Ассизскаго.

(*посвящается доброму священнику Н. Р. Антонову*).

О лѣность мою разбивался всякій наскокъ.

И классическая гимназія Толстого, и десять заповѣдей. И «какъ слѣдуетъ держать себя».

Все увязало въ моей безформенности (какъ охотникъ въ болотѣ).

,,

Когда болитъ душа—тогда не до язычества. Скажите, кому «съ болѣющей душой» было хотя-бы какое-нибудь дѣло до язычества?

,,,

Я жму *руку* всѣмъ и всѣ жмутъ мою руку. *Глазами* смотрю на весь міръ и весь міръ смотритъ мнѣ въ глаза. *Обоняю* и фіалку и розу и нарцисъ. *Слушаю* шумъ лѣса и прибой моря и музыку Бетховена и русскую заунывную пѣсню.

Какая *проституція* во всемъ! Поистинѣ я «*всѣмъ* принадлежу и всѣ принадлежатъ *мнѣ*». Кромѣ одного органа.

Который, если я отдаю *еще кому-нибудь*, кромѣ *единаго*—всѣ поднимаютъ на меня камни.

Какое чудо: значитъ, онъ *одинъ* во мнѣ цѣломудренъ? Одинъ «и допустить не можетъ», чтобы его коснулись *всѣ* или онъ коснулся *всѣхъ*: — т. е. непроституціоненъ «въ самомъ себѣ», въ «своей натурѣ».

Ибо, побивая, всѣ побиваютъ меня не за грѣхъ противъ нихъ... Какой? *Имъ* я причинилъ удовольствіе!

А — за грѣхъ противъ *натуры органа!* Таинственное «побіеніе камнями» (во-истину таинственное!), какъ міровое «осужденіе за развратъ», есть символъ, что весь міръ почитаетъ себя стражемъ моего единичнаго органа, именно его цѣломудрія, именно его непроституціонности.

Какое чудо!

Вѣдь казнятъ не органъ, отрывая, укалывая, уродуя: ему ничего не дѣлаютъ, «какъ невинной Евѣ»; а казнятъ носившаго его человѣка, за то, что не оберегъ его чистоты и невинности.

Вотъ «отъ сложенія міра» вписанное въ существо вещей доказательство «cultus phalli».

Теперь объясняется строка, когда-то поразившая меня въ Талмудѣ: что «побіеніе камнями» было *привиллегіею* іудеевъ и іудеянокъ, котораго не имѣли право распространить на согрѣшившихъ въ другомъ племени, если они жительствовали въ Іерусалимѣ или въ Іудеѣ. «Побіеніе» было неотдѣлимо отъ «обрѣзанія».

17 ноября.

Гнусность печати, м. б., имѣетъ великую и святую, *нужную* сторону: «проходитъ ликъ міра сего» (Достоевск.),—Ну, не очень еще... Но вотъ, что «проходитъ ликъ печати»,—это довольно явственно въ распространяющемся и неустранимомъ гнушеніи ею, которое замѣчается всюду. Не читаютъ. Бросаютъ. Никто на нее не ссылается. Никто не ставитъ въ авторитетъ.

«Прекрасное обольщеніе кончилось».

Но это было именно «обольщеніе», «наважденіе Гуттенберга». Пока печатались Гете и Шиллеръ—о «концѣ» этого обольщенія нельзя было и думать. «Пришло царство и конца его не будетъ во вѣки».

Нужно было, чтобы стали падать писатели. Чтобы пошла вонь, смрадъ. «А,—это *дѣло*». Сталъ проходить «гуттенберговъ станокъ».—«Чѣмъ печатать такую ерунду, то̀ лучше вовсе ничего не печатать». Къ концу XX-го вѣка типографіи будутъ продаваться на сносъ.

Ихъ никто не покупаетъ,
Никто даромъ не беретъ.

Люди станутъ опять свободны отъ «пишущей братіи»,—и м. б. тогда выучатся танцовать, устраивать рауты, полюбятъ музыку, полюбятъ обѣдню, будутъ опять любить свято и чистосердечно. Будутъ счастливы и серьезны.

Ибо при «печати»—конечно людямъ счастья и серьезности «какъ своихъ ушей не видать».

Будетъ опять возможна проповѣдь. Будетъ Саванаролла. Будетъ возможенъ Ап. Павелъ.

Неужели будетъ? Неужели заиграютъ эти зори.

Зори прекраснаго и великаго.

Новое. Все новое.

Такъ идите-же, идите, *гуще* идите Григорій Петровъ и Амфитеатровъ и «Копей-

ка» и Боборыкинъ, и всѣ вы сонмы Бобчинскихъ. Идите и затопляйте все. Вашъ часъ пришелъ. Располагайтесь и празднуйте.

Въ праздникѣ вашемъ великіе залоги.

Всѣ скажутъ: «какъ дымно. Откуда горечь воздуха. И тошнота. И позывъ на низъ».

9

Да мимо меня идетъ литература.

Нѣтъ, это ошибка, что я сталъ литераторомъ.

Да мимо идетъ.

(17 ноября: при мысли, что ни одной статьи не прочелъ въ «Вѣстн. Евр.», «Русск. М.», «Современ.» и еще въ чемъ-то получаемомъ,—за весь годъ, да ни одной и за прежніе годы... Это только въ оловянную голову можетъ влѣзть. Да: еще получаю «Современ. Міръ»).

Оловянная литература. Оловянные люди ее пишутъ. Для оловянныхъ читателей она существуетъ.

Sic и finis.

Конечно, Фл. ея не читаетъ. Цв. не читаетъ. Р-цы читаетъ только Ап. Павла и «Нов. Вр.».

Изъ умныхъ никто. И я. А остальные—къ чорту. И даже къ тѣмъ двумъ буквамъ въ «Уед.», увидя которыя цензура почувствовала, что она лишена невинности.

„

Обрѣзаніе — конечно новобрачіе. Обрѣзаніе—медовый мѣсяцъ человѣчества. Отсюда—привѣтъ «молодой лунѣ» (у евреевъ праздникъ) и «луна» магометанъ (т. е. тоже обрѣзанцевъ); и всѣ «обрѣзанные» *оттого*, что *обрѣзаны* — чувствуютъ себя новобрачными.

Ну, а «новобрачные» и въ хибаркѣ веселы (оптимизмъ евреевъ).

Все это, когда больна жена—просто ненужно. Неинтересно. «Не хочу смотрѣть». Не думаю.

Христосъ и вошелъ въ это «не думаю». Это—еще вѣра: въ той печали, когда всякая вѣра темна.

Вотъ какъ *здѣсь* надо молиться...

Научилъ.

Такъ-ли?

Дорогое, дорогое для меня письмо. Кто-то «аукается»—все, что нужно писателю:

«Читаю «Уединенное» и «Опавшіе листья» съ жадностью день и ночь. Мѣстами—съ внутреннимъ трепетаніемъ. Такъ все важно и значительно. Сижу давно въ колодцѣ добровольно: толчея противна. Думаешь, думаешь такія вещи и усомнишься: не отъ глупости ли и мерзости ли моей такъ думаю? И вдругъ голосъ изъ далекаго колодца. Отрадно. И хочется сказать: спасибо.

«Люблю вашу Таню». Цѣлую книгу про нее хочется прочитать [1]. А что «другъ» у васъ—завидую. У меня нѣтъ. Вѣрно я и не заслуживаю

«И относительно пола и Бога, въ немъ открывающагося,—не такъ у меня вышло. Раньше, до опыта—именно по вашему все представлялось. Была горячая вѣра въ это, и проповѣдь, и поношеніе со стороны «христіанъ». Опытъ наступилъ, во имя этой вѣры. И... ничего, Богъ сокрылъ лицо Свое. Въ этомъ не открылся [2]. А

[1] Спасибо старушкѣ (?) за Таню,—цѣлую ея морщинистую руку. Таня у меня (у насъ) «слава Богу». Только ужъ зубрить очень, сушить родительское сердце.

[2] Это все анаѳемы-мужчины, — не понимаютъ, что они дѣлаютъ. Шутятъ, «наслаждаются». Вѣдь раньше чистой дѣвушки они ужъ «побаловались» съ проститутками, или «сами» истощились въ субъективныхъ удовольствіяхъ.

вѣдь «по любви». Почему такъ вышло—не знаю. И осталось—тоска по «душѣ тѣла» и «душѣ міра» (у васъ).

«Не дается.

«Ребенокъ... Въ этомъ теперь все. Но это уже другое. Въ немъ Богъ открывается, но не въ радости, а въ страданіи, когда смерть хочетъ его отнять, а я цѣпляюсь за Бога.

«Полъ меня обманулъ. Уже, кажется, ухожу изъ возраста пола. Не пришлось Бога увидѣть.

«Душу міра чую въ красотѣ, въ природѣ, но не входитъ она въ меня. Я не членъ природы. Мысль, одиночество (метафизическое) и грусть.

«А я вѣдь женщина.

З. Ш.

«*P. S.* Каждую вашу строчку читаю съ жадностью и ищу въ ней «Розановщины». Когда нѣтъ—когда не по-«Розановски» написано,—думаю: это такъ написалъ, «такъ...» (?).

«Будетъ ли «Таня» такая, какъ «мама»? Или она слишкомъ усердно училась у Добіашъ и по Виппперу [1]?

«Секретъ «мамы» въ томъ, что она училась дома, гдѣ вѣрно есть кіотъ и сундучки, въ церкви... И такъ прочно этому училась, что если и попала въ гимназію—не испортилась.

«P. P. S. Самое лучшее (для меня) на стр. 447—49. «Опав. лист.». Вотъ такъ и я узнала Его. А Іегову не знаю».

Вотъ сидящимъ-то «по колодцамъ» мнѣ и хочется говорить. А базару — ничего.

[1] Профессоръ всеобщей исторіи въ Моск. унив.

Революціи происходятъ не тогда, когда народу тяжело. Тогда онъ молится. А когда онъ переходитъ «въ облегченіе»... Въ «облегченіи» онъ преобразуется изъ человѣка въ свинью, и тогда «бьетъ посуду», «гадитъ хлѣвъ», «зажигаетъ домъ». Это революція.

Умиравшіе отъ голоду крестьяне (гдѣ-то въ Вяткѣ) просили отслужить молебенъ. Но студенты на казенной стипендіи естественно волнуются.

А всего больше «были возмущены» осыпанные золотомъ приближенные Павла I-го, совершившіе надъ нимъ извѣстный актъ. Эти—прямо негодовали. Какъ и гвардейцы-богачи, высыпавшіе на Исаакіевскую площадь 14-го декабря. Прямо страдальцы за русскую землю.

Какая пошлость. И какой ужасный историческій пессимизмъ.

Какъ объясняется роковое, черное, всемірное: «нужно несчастье».

Оно объясняется изъ какого-то врожденно-сущаго—въ «закваскѣ» міра—неблагородства.

Страдаемъ — и лучше.

Счастливы — и хуже.

О, какой это *Рокъ*.

Вася стоялъ надъ мамой.

20 ноября.

Сегодня ее отвезутъ въ больницу.

Идетъ въ классы.

Вторникъ.

20 ноября.

Канунъ Введенія.

Лицо ея все сжалось и послышался вой:

— Дѣтей жалко... Дѣтей жалко... Дѣтей жалко... (нѣсколько разъ прерываясь).

— Вчера и Домны Васильевны не было дома, а они вели себя такъ тихо. И ничѣмъ меня не разстроили.

Теперь она не плачетъ, а какъ-то воетъ. И лицо страшно сжимается...

(*посвящаю это попу Альбову, — отъ котораго единственно услыхала грубые укоры, имъ сдѣланные, пользуясь рясой. Услыхавъ, только сказала: «Что я ему сдѣлала?»*)

9

Тишина лечитъ душу.

Но если тишина относится къ «концу всего», какъ сонъ къ смерти, то неужели смерть окончательное излеченіе?

Что̀ мы знаемъ о смерти?

О, если бы что-нибудь знали!

(20 ноября, канунъ «Введенія», мамочка легла «для молчанія», тишины и отдыха въ клинику Елены Павловны).

„

Вселенная есть шествованіе.

И когда замолкнутъ шаги — міръ кончится.

И теперь уже *молчаніе* есть вечерняя заря міра.

„„

Въ концѣ всѣхъ вещей—Богъ.

И въ началѣ вещей Богъ.

Онъ все.

Корень всего.

21 ноября.

Оттуда и пошелъ этотъ тонъ самодовольства, самонадѣянности, самомнѣнія и «всѣхъ побѣдимъ», даже «завтра-же». Но съ милліономъ въ карманѣ и внѣ досягаемости для «III-го отдѣленія» отчего-же и не быть въ самомнѣніи. Съ милліономъ и кромѣ того съ 1.000 способностей, если и не глубокихъ, то очень видныхъ. За этотъ «гужъ», однако, «по примѣру» ухватились и студенты съ 5-ью рублями въ карманѣ и нищія курсистки съ одною готовностью «любить» и «все отдать» (безъ дурного намека), и вотъ имъ пришлось очень тяжко. Да и способностей такихъ нѣтъ, хотя, м. б., болѣе глубока душа. Пришлось очень тяжко. Русская революція или скорѣе «русскій протестъ» взялъ въ Герценѣ невѣрную ноту, слишкомъ высокую ноту,— фистулой и поднявшись на цыпочки пальцевъ. Но ужъ нельзя въ серединѣ «спустить тонъ»: получится какофонія и невозможное. Такъ въ Герценѣ собственно не зародилась, а *погибла* русская революція, съ тѣхъ поръ кричащая пѣтушкомъ и топчущаяся на одномъ мѣстѣ, съ его франтовскимъ лозунгомъ: «ни пяди на-

задъ»! «Мы, русскіе, *на мѣшкѣ* не помиримся».

И ѣдятъ, бѣдные, селедочку, запивая водочкой, ночуя съ «курсихой», и завтра надѣясь проснуться въ зарѣ торжествующаго соціализма.

Общественная политика, роль *общества* въ политикѣ, его *сила* и *значительность* въ политикѣ—начнутся тогда только, когда оно почувствуетъ мужество отречься отъ Герцена и прежде всего не уважать въ немъ *литератора* (отвратительный тонъ).

Сказать-ли наконецъ истину (которую едва сознаютъ черезъ сто лѣтъ), что *общественная* роль въ политикѣ начнется только съ момента, когда общество, снявъ шапку, поклонится Государю и скажетъ:

— Ты первенецъ Земли Русской, а мы—десятые и сотые. Но и сотые, и десятые имѣютъ свой часъ, свой урокъ, свою задачу, свою судьбу, свое указаніе отъ Бога. Иди и да будутъ благословенны пути твои. Но и ты, оглядясь на своихъ дѣтокъ—благослови тоже наши шаги.

Вотъ путь Розанова, а не Желябова. Розановъ написалъ книгу «О пониманіи», и ему можно повѣрить больше, чѣмъ мужиченкѣ, всѣ качества котораго заключа-

лись въ томъ, что въ него была влюблена «генеральша (по отцу) Перовская». Но генеральши иногда и въ конюховъ влюбляются (Некрасова «Огородникъ», Фаустина—жена Антонина Пія).

(*въ постели ночью*).

,

Я самъ прошелъ (въ гимназіи) путь ненависти къ правительству... къ лицамъ его, къ принципамъ его... отъ низа и до верхушки...,— путь страстнаго горѣнія сердца къ «самимъ устроиться» и «по-молодому» (суть революціи), и слѣд. мнѣ можно повѣрить, когда въ 57 лѣтъ (а въ сущности началъ еще въ университетѣ) я говорю, что въ Россіи нельзя ничего сдѣлать безъ Государя и безъ вѣры въ него; это во-первыхъ, и вовсе еще не главное: а самое главное, что (не говоря объ эмпирическихъ исключеніяхъ, которыя «простимъ») Государь есть въ точности лучшій человѣкъ въ Россіи, т. е. наиболѣе о ней думающій, наиболѣе за нее терпѣвшій (рядъ государей, «дипломатическія пораженія», «конфузъ» за отсталость), наиболѣе для нея работавшій (сколько *проработалъ* Александръ III), и вмѣстѣ—пока что—наиболѣе могуществен-

ный что-нибудь для нея сдѣлать. Онъ есть лучшій человѣкъ въ Россіи и, по-истинѣ, Первенецъ изъ всѣхъ потому, что самымъ положеніемъ своимъ и линіей традиціи («съ *молокомъ* матери» и «врожденныя предрасположенія») не имѣетъ *всецѣлымъ содержаніемъ души* никакого другого интереса, кромѣ какъ благо Россіи, благо народа, въ условіяхъ безъ-сословности и внѣ-провинціальности. Самая выработка такого лица, по-истинѣ, есть феноменъ и чудо: и, поди-ка, еслибъ его не было, создайте другое лицо, которое-бы думало «только о народѣ, его благоденствіи и славѣ». Такъ думали герои и святые,—какъ Периклъ: и зато сколько его славятъ. Славятъ собственно не за успѣхи (какіе особенные успѣхи у Перикла?), а что вотъ нашелся-же «частный человѣкъ», который «всего себя посвятилъ Отечеству», и у котораго внѣ Отечества не было своей и особой, личной и домашней мысли. Таковы были Периклъ, Кимонъ, и еще немногіе, человѣкъ семь. Аристидъ. Но уже Ѳемистоклъ не былъ такимъ, и не былъ такимъ Кромвель, Цезарь, величайшіе изъ «республиканцевъ». Итакъ, человѣкъ *семь* всего. Какой-же феноменъ и *святое* чудо, что вѣками терпѣнія и страданія, вѣками

покорности и *молитвы за царей* (вѣроятно, и гипнотически, магически это дѣйствуетъ) русскій народъ выработалъ *такое учрежденіе*, такую «должность» и «лицо», что какъ вотъ *новый* вступаетъ «въ него», онъ вдругъ начинаетъ думать и дѣйствовать «какъ Аристидъ и Кимонъ», т. е. съ молитвой только объ одномъ—«какъ можно справедливѣе», какъ можно «лучше странѣ», и—«ничего мнѣ», «ничего особаго и отдѣльнаго мнѣ». Царская власть есть чудо. Подите-ка во Франціи вотъ *теперь* зародите ее, когда разъ она исчезла. Только черезъ 500 лѣтъ можетъ вновь явиться,—въ меньшій срокъ нельзя сдѣлать. Но *ошибаться* и даже *вредить* могли и Аристидъ, и Кимонъ. Однако въ царской власти и черезъ ея таинственный институтъ побѣждено чуть не главное зло міра, котораго никто не умѣлъ побѣдить и никто его не умѣлъ избѣжать: *злая воля*, *злое желаніе*,—*злая, злобная страсть*. Дѣло не въ ошибкахъ: поправить *всякія ошибки* ничего не значитъ; въ исторіи и даже въ мірѣ, въ сложеніи его, въ корняхъ его лежитъ и *всему присуща* злая, безобразная воля: Каинъ, Діаволъ, Люциферъ. Вотъ съ чѣмъ не могли справиться народы и отъ чего человѣчество невыразимо страдало встрѣчаясь,

съ чѣмъ гибли народы и разбивались цѣлыя цивилизаціи. Это-то метафизическое зло исторіи и даже метафизическое зло міра побѣждено выработкой въ сущности сверхъ-историческаго явленія, явленія какого-то аномальнаго и анормальнаго (конечно!)—царя: въ которомъ зложелательность pur sang есть contradictio in adjecto, невозможность и небываемость. Вотъ почему злоумыслить что-нибудь на царя и отказать ему въ повиновеніи, если онъ по болѣзни страстенъ и гнѣвенъ (Грозный), или даже если бы онъ былъ лишенъ разсудка—*ужасная вещь въ отношеніи всей исторіи*, всего будущаго, тысячи лѣтъ впередъ; ибо это неповиновеніе или это злоумышленіе могло-бы въ послѣдующихъ государяхъ разрушить то главное, что составляетъ суть всего: ихъ благость и ихъ всецѣлую безъ остатка для себя благорасположенность ко всѣмъ и всему окружающему въ странѣ своей. Периклъ, зная, что его «изгонятъ» или могутъ изгнать, вдругъ сталъ-бы «откладывать въ копилку про черный день и на случай». Изъ царя именно исключенъ «случай» и «черный день». Всѣ дни царя суть свѣтлы, и о свѣтлыхъ дняхъ ему молится весь народъ, ибо непрерывный свѣтъ въ душѣ царя

есть тотъ свѣтъ, которымъ освѣщается вся страна. Вотъ отчего исторія съ Павломъ I-мъ была черна, подла, омерзительна для воспоминанія, и ея анти-благой характеръ, «вредный послѣдствіями», былъ какъ-бы мы проиграли 12-ый годъ; и отчего г.г. изъ Женевы и Парижа и должны быть не просто казнимы, а истребляемы, ибо сами они истребляютъ въ сущности весь свѣтъ, всю радость, весь смыслъ, которымъ живетъ и осмысливается и онормляется весь русскій народъ. Вотъ отчего «раздражить» Государя, сдѣлать ему «огорченіе», есть величайшее народу злодѣяніе. «Перикла обворовали», «Периклу дали пощечину», «за Периклом̀ъ гонялись съ пистолетомъ»—«Нѣтъ Перикла!»—Ну, а что̀ значитъ «нѣтъ Перикла» для Аѳинъ—это знаетъ Иловайскій, да и не онъ одинъ. Вотъ отчего истребленіе всякихъ враговъ Государя и всякой вражды къ Государю есть то̀ же, что̀ осушеніе болотъ, что лучшее обработываніе земли, что «дождь для хлѣба» и проч. Никакого чернаго дня Государю, всѣ дни его должны быть бѣлы—это *коренная забота народа*, на которую, какъ на хорошую пахоту—урожай, отвѣчаетъ любовь *всемогущаго* существа о народѣ, трудъ для него, забота о немъ.

Теперь—о вѣрѣ, Евангеліи и Христѣ. Т. е. о Церкви, которая ничего еще и не дѣлаетъ и ничего еще и не имѣетъ, кромѣ какъ хранить, говорить, учить и распространять Евангеліе, Христа и Вѣчную Жизнь.

Едва я сказалъ, какъ всѣ закричатъ: «Да вѣдь это цивилизація!» Это ужъ не Боклишко съ Дарвиншкомъ, не Спенсеришко въ 20-ти томахъ, это не «нашъ Николай Григорьевичъ» (Чернышевскій), всѣ эти лапти и онучи русскаго просвѣщенія, а это цивилизація *въ самомъ дѣлѣ* отъ пришествія Гунновъ и Аларіха до Эдуарда Исповѣдника, до Крестовыхъ походовъ, до рыцарства, до Сервантеса, до Шекспира и самой Революціи. Что-же тутъ трясутся «въ изданіяхъ Пирожкова» Ренанъ и Штраусъ: да ихъ выдрать за уши, дать имъ подъ задъ и послать ихъ къ чорту. Если запищатъ наши «Современники» и дѣвица Кускова — сослать ихъ за Кару. Что-же дѣлать съ червякомъ, который упалъ съ потолка вамъ въ кушанье? Такового берутъ въ ложку и выплескиваютъ къ чорту. Вѣчная Жизнь и Бокль, проповѣдь Апостоловъ и 43 года «Вѣстника Европы», который не удостоилъ ихъ хотябы когда-нибудь назвать по-имени и вѣрно

не зналъ, что ихъ «12» (*«историческій журналъ»*). Какое-же разсужденіе: «Вѣстникъ Европы» нуженъ 6.000 своихъ подписчиковъ, Евангеліе *было* необходимо человѣчеству двадцать вѣковъ, *каждому* въ человѣчествѣ. Кто-же бережетъ лопухъ, который заглушаетъ садъ, кто бережетъ червя, который ѣстъ яблоко, и кто бережетъ разбойника, который рѣжетъ на дорогѣ? Никакого разсужденія, что все это къ выбросу. Но я говорю о корняхъ (историческихъ), когда хочу разсуждать: въ Евангеліи, въ одной книгѣ, и въ Церкви, т. е. въ одномъ учрежденіи, Европа—не русскіе и не нѣмцы, а Европа—имѣетъ *то одно*, какъ-бы «въ горсть взятое», чего не имѣли Грецiя и Римъ, не имѣютъ и Китай и Индія. Ибо тамъ если и есть Будда и Конфуцій, то это—философія, которая еще имѣетъ соперничество въ болѣе древнихъ лицахъ. Но Европа и только *она* имѣетъ *одно рожденіе* изъ одного Лица — Христа. Нѣтъ «Европы», а есть «Христіанскій міръ», и всѣ знаютъ, что «Христіанскій міръ» обширнѣе, многозначительнѣе и вѣчнѣе «Европы», а «Христосъ» обширнѣе «Христіанскаго міра» и есть «Вѣчность» и «Все».

Понимаете-ли вы отсюда, что Спенсе-

ришку надо было драть за уши, а «Николаю Григорьевичу» дать по мордѣ, какъ навонявшему въ комнатѣ конюху. Что никакихъ съ ними разговоровъ нельзя было водить. Что ихъ просто слѣдовало вывести за руку, какъ изъ-за стола выводятъ господъ, которые вмѣсто того, чтобы кушать, начинаютъ вонять. Догадываетесь-ли вы, наконецъ, что цивилизація XIX-го вѣка, которая въ значительной степени есть анти-христіанская, была вовсе не «цивилизація», а скандалъ въ ней, и не «прогрессъ», а «наслѣдили на полу» и надо это подтереть. Пришли свиньи и изрыли мордами огородъ: это не значитъ, что огороду не надо быть и надо къ осени остаться безъ овощей, а значитъ, что свиней надо прогнать или заколоть, а гряды поправить, вырытое вновь всадить въ землю и по осени собирать плоды.

И вотъ эта «Церковь»—она уже до того превосходитъ Россію, она до того превосходитъ Европу, что Русскій Царь, о которомъ я сказалъ всѣ слова, какія сказалъ,—Онъ склоняется передъ одною Церковью, какъ Вѣчнымъ Источникомъ жизни всѣхъ—и также страшится и испуганъ Ее огорчить, какъ каждый изъ насъ страшится и испуганъ огорчить Его.

И эти два, въ слiяніи, образуютъ Сводъ надъ мужикомъ и Русью, надъ каждымъ и всѣми. Какого не имѣли ни Римъ, ни Аѳины.

. . . . . .

(*усталъ. Ночью въ кровати 21 ноября*).

„

Весь парламентъ есть въ сущности бодливость безрогихъ коровъ и «критика на быка» раздувающейся лягушки. По крайней мѣрѣ нашъ парламентъ и по крайней мѣрѣ до сихъ поръ.

Удался и съ достоинствомъ онъ только въ Англіи. Тамъ онъ—*народенъ* и «съ осанна». У насъ онъ въ противорѣчіи «съ *Господи помилуй*» и, вѣроятно, просто пройдетъ.

Намъ нужно что̀-то другое. Что — не ясно.

Къ числу безумствъ нашего б-ти лѣтняго ребеночка относится то, что онъ уже оскорбилъ Церковь. Этого «уже» никакъ не сотрешь и послѣдствій его никакъ не избѣжишь. Послѣдствіе-же есть то, что церковному народу онъ останется навсегда чуждъ и враждебенъ, а безцерковныя частицы въ народѣ суть хулиганскія. Ху-

лиганство онъ потянулъ къ себѣ, а исторію оттолкнулъ. Что-же съ нимъ дѣлать и куда его дѣвать? Ибо такія вещи можно «дѣвать», а «сдѣлать изъ нихъ» — ничего нельзя. И сдѣлалъ онъ это ради сущихъ пустяковъ.

Парламентъ нашъ даже не есть политическое явленіе, а просто казенный клубъ на правительственномъ содержаніи. Если-бы онъ былъ *политическимъ явленіемъ*, онъ сейчасъ-же, родясь,—началъ бы союзиться, искалъ «усилиться». А «нашъ» 5-ти лѣтокъ» сейчасъ-же заявилъ:

— Я, па-па-ся, у-сѣхъ сильнѣе.

Пока его не ударили по̀-носу. Тогда нашъ осетръ нырнулъ въ воду, а затѣмъ даже неизвѣстно, куда пропалъ: поѣхалъ въ Лондонъ и только черезъ годъ аукнулся въ Парижѣ. До того бѣдный испугался. Да и всѣ они вообще чрезвычайно пугливы. Родичевъ сдѣлалъ оскорбительный намекъ («Столыпинскій галстухъ»),—но не только потомъ извинился, а захворалъ отъ проявленной храбрости («букеты» дамъ больному).

Между тѣмъ роль его была дѣйствительно велика и въ высшей степени проста. Нужно было избавиться отъ того «крапивнаго сѣмени», съ которымъ войну началъ еще Сумароковъ,—отъ чиновничества. Точнѣе—

не избавиться, а серьезно подчинить себѣ и своему активному возбуждающему контролю. Для этого надо было именно осоюзиться съ Царемъ, съ духовенствомъ, съ дворянствомъ, съ купечествомъ, которыхъ чиновникъ въ сущности всѣхъ «съѣлъ». Съѣлъ, поставя на мѣсто ихъ свою безличность и формальность. Нужно было вернуть «лицо» всѣмъ этимъ угнетеннымъ началамъ русской исторіи,—лицо, достоинство, дѣятельность.

Вмѣсто этого парламентъ у насъ явился «журналистомъ», тѣмъ русскимъ журналистомъ, который бѣденъ и потому ругаетъ богатыхъ, безъ власти и потому ругаетъ людей значительныхъ, — жидъ и некрещеный, и потому ругаетъ русскихъ и вѣру. Это нелѣпое и чудовищное явленіе, вполнѣ гадкое и въ гуттенберговскомъ наборѣ, стало еще гаже, обсуждая «законы». Оно стало комическимъ явленіемъ и ничѣмъ кромѣ комическихъ заслугъ не можетъ отличиться.

***

Господи! Прости ей грѣхъ, прости ей грѣхъ, прости ей грѣхъ.

Потому что она наслѣдница твоего бо-

гатства, которое Ты оставилъ міру, чтобы не заблудился міръ. И котораго если не будетъ, міръ заблудится. И котораго не будетъ, если погибнетъ Церковь.

Не дай погибнуть ей. Поддержи ее. Поддержи ее и укрѣпи.

,,,,

Мучительное въ положеніи Церкви, что она не знаетъ средняго пути между буйствомъ и ренегатствомъ самой вѣрѣ (Гр. Петровъ),—и между смиреніемъ, переходящимъ въ трусость, попустительство и лесть.

Нѣтъ кроткаго мужества, нѣтъ мужественной кротости—въ этомъ почти все.

(21 ноября).

Я нуждаюсь только въ утѣшеніи и мнѣ нуженъ только Христосъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

(Язычество и юдаизмъ и на умъ не приходятъ).

(за корректурой ночью въ редакціи 22 ноября).

Вотъ что значитъ рвануться къ неудач- 23
ной темѣ: Франція гибнетъ и уже почти ноября.
погибла (даже населеніе *вырождается*) въ судорожныхъ усиліяхъ достигнуть просто глупой темы—Свободы.

Нужно достигать гармоніи, счастья, добродѣтели, героизма, хлѣба, женщинъ; ну, если брать отрицательное—достигать разврата.

А не *пустоты*: а свобода есть просто пустота, просторъ.

— Дворъ *пустъ*, въѣзжай кто угодно. Онъ не занятъ, *свободенъ*.

— Эта квартира пустуетъ, она *свободна*.

— Эта женщина *свободна*. У нея нѣтъ мужа, и можешь ухажинать.

— Этотъ человѣкъ *свободенъ*. Онъ безъ должности.

Рядъ отрицательныхъ опредѣленій, и «свобода» ихъ всѣ объединяетъ.

— Я *свободенъ*, не занятъ.

Отъ «свободы» всѣ бѣгутъ: работникъ—къ занятости, человѣкъ—къ *должности*, женщина—къ *мужу*. Всякій—къ *чему-нибудь*.

Все лучше свободы, «кой-что» лучше свободы, хуже «свободы» вообще ничего нѣтъ,

и она нужна хулигану, лоботрясу и сутенеру.

Къ этому-то милому идеалу, «обнимая воздухъ», Франція и рванулась. И разбилась въ пустотѣ.

Тогда какъ надо было стремиться къ гармоніи, порядку и работѣ. Тогда какъ можно рваться: къ героизму — безъ Бога, къ святости—въ Богѣ.

(каб. уедин. 23 ноября).

Смерть не страшна тому, кто вѣритъ въ безсмертіе.

Но какъ ему повѣрить?

Христосъ указалъ вѣрить.

Но какъ я повѣрю Христу!

Значитъ, главное въ испугѣ моемъ—невѣріе въ Христа.

И мука моя отъ того, что я далекъ отъ Христа.

Кто меня приведетъ ко Христу?

Церковь вела, но я не шелъ.

(23 ноября въ редакціи ночью, хлопоты о статьѣ).

Отъ всего ушелъ и никуда не пришелъ.

(*о себѣ*)

Изъ всѣхъ роскошествъ міра она любила одну чистоплотность.

(*дѣтямъ,—какъ завѣтъ отъ мамочки*).

Бархатная кофточка у нея была — разъ (синяя, въ молодости); платья такого не было. Шелковыя кофточки, конечно, были.

...Такъ моя жизнь, какъ я вижу, загибается къ ужасному страданію совѣсти. Я всегда былъ относительно ея беззаботенъ, думая, что «ея *нѣтъ*», что «живу *какъ хочу*». Просто — ничего о ней не думалъ. Тогда она была приставлена (если есть «путь», а я вижу, что онъ *есть*) въ видѣ

«друга», на котораго я оглядывался и имъ любовался, но по нему не поступалъ.

И вотъ эта мука: другъ гибнетъ на моихъ глазахъ и, въ сущности, по моей винѣ. Мнѣ дано видѣть каждый часъ ея страданія, и этихъ часовъ уже три года. И когда «совѣсть» отойдетъ отъ меня: оставшись безъ «совѣсти», я увижу всю пучину черноты, въ которой жилъ и въ которую собственно шелъ.

Это ужасно: и если напр. остаться съ этой тоской не на 3 года, а на весь «загробный міръ», на всю вѣчную жизнь, то развѣ это не *адъ*, краешекъ котораго я ощущаю. Она-же, «другъ» мой, всю себя отдавшая другимъ—перейдетъ въ вѣчную радость.

Вотъ на остающіяся 10 лѣтъ жизни я несчастенъ потому, что не позвалъ *во-время* Карпинскаго.

И въ дѣтствѣ: свой домикъ, братъ 19-ти лѣтъ, сильный, умный и *даровитый*, сестра вернулась (изъ Кологрива), кончивъ училище... Да мать,—ну, въ усталости. Да два малолѣтка. Да братъ лѣтъ 16—чуть-

чуть слабоумный, «придурковатый», но тихъ и благородный, «плачущій» (когда его обижали «разумные»; они его обижали).

Отчего-бы не жить? Огородъ большой. Парники. Аллеи липовыя (или березовыя?— за младенчествомъ не помню) вырубили. Т. е. земля большая.

Была своя корова (темная шатенка).

Отчего-бы не жить?

Но 19-лѣтній братъ, когда его посылали въ аптеку Зейгница—то приносилъ пузырекъ чего-то мутнаго. По «не формальной» заверткѣ (цвѣтныя бумажки) догадывались, что это онъ самъ наливалъ. Деньги-же (меньше рубля) бралъ себѣ. Какъ-то разъ сказалъ при мнѣ (былъ одинъ, и я съ нимъ,—но слова слышалъ, не понимая смысла): «Это мнѣ для . . . . . ». «И немножко вина».

И «для . . . . . »-же уносилъ послѣднее бѣлье изъ комода (матернее, сестрино, наше дѣтское). Говорили объ этомъ. Какъ съ нимъ драться, когда онъ всѣхъ сильнѣе (старшій въ дому).

Мать лежала (болѣзнь).

Дѣти играли. Я (изъ-подъ палки) все на носилкахъ носилъ навозъ въ парники (очень тяжело, руки обрывались, колѣна подгибались). Потомъ — поливалъ (легче,

но отвратительно, что, вытаскивая ведра изъ прудика, всегда заливалъ штаны). Потомъ—пололъ. Мнѣ было 7, 8, 9 лѣтъ (хорошо бы трудъ, но всегда *безъ улыбки* и *ни единаго слова*, т. е. каторжный). 19-лѣтній и 17-лѣтняя — ничего. (Нельзя было ихъ заставить, и даже оскорблялись на «попросить»).

И развалилось все. Въ проклятіяхъ. Отчаяніи. Отчего? Не было гармоніи. Гдѣ? *Въ домѣ*. Такъ «въ домѣ», а не — «въ обществѣ», до котораго ни намъ не дотянуться, ни ему до насъ не дотянуться.

Какъ-же вы меня убѣдите въ правотѣ Лассаля и Маркса?

И кто насъ «притѣснялъ»? Да мы были свободны, какъ галки въ полѣ или кречеты въ степи. И—проклятіе, отчаяніе и гибель.

А могли-бы быть не только удовлетворены, но счастливы. Да: было еще пенсіи 300 р. въ годъ, по 150 р. въ полугодіе (получали полугодіями).

(ночью въ постели вспоминаю).

Онъ точно кисточкой рисуетъ свои добродѣтели. И такъ-какъ узоръ красивъ,

то онъ и продолжаетъ быть добродѣтельнымъ.

Но это не доброта.

Доброта болѣетъ. Доброта дѣлаетъ. Доброта не оглядывается. Доброта не ищетъ «себя» и «своего» въ поступкѣ: она видитъ внутри поступка своего только лицо того, кому нуженъ поступокъ.

Доброта не творитъ милостыни, доброта творитъ братское дѣло. Мы всѣ братья, и богатые, и нищіе, и знатные, и простые. Ибо завтра богатый можетъ потерять богатство и знатный очутиться въ тюрьмѣ.

Въ 1895—6 году я опредѣленно помню, что у меня не было темъ.

Музыка (въ душѣ) есть, а пищи на зубы не было.

Печь пламенѣетъ, но ничего въ ней не варится.

Тутъ моя семейная исторія и вообще все отношеніе къ «другу» и сыграло роль. Пробужденіе вниманія къ юдаизму, интересъ къ язычеству, критика христіанства— все выросло изъ одной боли, все выросло

изъ одной точки. Литературное и личное до такой степени слилось, что для меня не было «литературы», а было «мое дѣло», и даже литература вовсе исчезла внѣ «отношенія къ моему дѣлу». Личное перелилось въ универсальное.

Да это такъ и есть на самомъ дѣлѣ.

Отсюда моя неряшливость въ литературѣ. Какъ-же я не буду неряшливъ въ своемъ домѣ. Литературу я чувствую какъ «мой домъ». Никакого представленія, что я «долженъ» что-нибудь въ ней, что отъ меня чего-то «ожидаютъ».

На «томъ свѣтѣ» я спрошу:

— Ну, что-же, Вѣра, доносила старые калоши?

Потому-что на этомъ свѣтѣ она спросила.

— Баринъ, у васъ калоши-то худые. Отдайте ихъ мнѣ.

И я,—засыпая послѣ обѣда, сказалъ:

— Возьми, Вѣра.

Она была черная, худая и мертвенная, лѣтъ 45-ти, но очень служила мнѣ вѣрной службой.

Я не догадался ничѣмъ ее отдарить. Не пришло на умъ (дѣйствительно). А теперь почему-то мучитъ и вспоминаю. Это было 23 года назадъ.

Она была безмолвная и безотвѣтная. Огурцы засолила. Подаетъ въ сентябрѣ. Твердые-претвердые.

— Что это за нелѣпые огурцы, Вѣра?

— Это съ острогономъ. Крѣпче. Черезъ 2 недѣли будутъ совсѣмъ хороши.

Котлеты. И—ягоды черныя!!!

— Это что за нелѣпость, Вѣра???!!!

— Я у купцовъ такъ готовила. Съ черносливомъ.

И дѣйствительно было пріятно.

(*съ Ельцъ*).

У Родзевича была горничная. Очень милая. Онъ же былъ жестокъ (учитель математики).

Тогда я, Стройковъ, Запольскій, Штейнъ (жили у Василія Максимовича, на верху) рѣшили ему отомстить за вѣчныя двойки.

По длинному нижнему корридору (учительскому) она несла барину супъ. Обѣ руки заняты. «Точно насъ осѣнило»: мы

подскочили съ трехъ сторонъ и стали... чего-то искать у нея въ кофтѣ. Волнуется, бранится, но ничего не можетъ подѣлать (руки заняты). И бѣжать не можетъ (уронитъ миску). Бранится. У насъ рукп какъ таракашки по ней бѣгаютъ. Но ничего особеннаго, и вообще скромно. IV классъ гимназіп... «Глупыши и не понимаемъ». Намъ-бы надругаться надъ Родзевичемъ.

Онъ былъ полякъ, католикъ, ханжа и сосланъ въ Нижній за «бунтъ». Безцеремонно онъ всѣмъ полякамъ ставилъ не менѣе 3-хъ (даже Горскому, который ничего не зналъ и нагло манкировалъ); намъ-же, русскимъ, почти сплошь ставилъ двойки.

Онъ былъ маленькій, почти крошечнаго роста, съ козлиной бородой, худой, злобный, и почему-то вкругъ шеп наматывалъ длиннѣйшій грязный шарфъ.

Голосъ — громовый. Сущій сатиръ пли дьяволъ.

На другой день, войдя на каѳедру, но не садясь, онъ гробовымъ, глухимъ голосомъ, непонятно ни для кого въ классѣ (кромѣ «насъ четырехъ»):

«— И вы-ы-ы!». Бормотанье... «Испорченные ю-ю-ю-юноши»... «Нѣкоторые изъ васъ... Осмѣливаются... Даже своихъ наставниковъ не уважать»...

Но онъ былъ до того хитеръ, что *въ этотъ урокъ* никого изъ насъ не вызвалъ къ доскѣ (доказывать теорему).

Только потомъ мучилъ.

(*въ Нижнемъ*).

Любовь *продажная* кажется «очень удобною»: «у кого есть пять рублей, входи и *бери*». Да, но

Облетѣли цвѣты
И угасли огни...

Что-же онъ беретъ? Кусокъ мертвой резины. Лайковую перчатку, притомъ заплеванную и брошенную на-полъ, которую подымаетъ и натягиваетъ на свою офицерскую руку и свою студенческую руку. «Продажная любовь» есть по-истинѣ гнусность, которая должна быть истреблена пушками (моя гимназическая мечта), порохомъ и ножомъ. На нее нужно смотрѣть, какъ на выдѣлку «фальшивой монеты», подрывающей «кредитъ государства». Ибо она, всѣ эти «лупанары» и *переполняющія улицы* ночью шляющіяся проститутки, — «подрываютъ кредитъ семьи», «опровергаютъ семью», дѣлаютъ «не нужнымъ (ося-

зательно и прямо) бракъ». Ну, а ужъ «бракъ» и «семья» не менѣе важны для націи, чѣмъ фискъ, казна.

Но «проституція ничему не уступаетъ»: свидѣтельство исторіи. И, значитъ, «пусть она будетъ», но совершенно *въ иномъ видѣ*, чѣмъ теперь: не въ видѣ бродячихъ грязныхъ собакъ, шляющихся «для всякаго» по улицѣ, не въ видѣ «мелочной лавочки», гдѣ каждый беретъ «на три копейки сѣмячекъ». Нуженъ *иной ея образъ*: не оскверняющій, не развращающій.

Какъ-то у меня мелькнуло въ умѣ: въ часть вечера, между 7—9 (и *только*), всѣ свободныя (*безъ* мужей и не «луннаго свѣта») выходятъ и садятся на деревянныя лавочки, каждая передъ своимъ домомъ, и скромно одѣтыя,—держа каждая цвѣтокъ въ рукѣ. Глаза ихъ должны быть скромно опущены книзу, и онѣ не должны ничего пѣть и ничего говорить. Никого—звать. Проходящій, остановясь передъ той, которая ему понравилась, говоритъ ей привѣтъ: «Здравствуй. Я съ тобой». Послѣ чего она встаетъ и, все не взглядывая на него, входитъ въ домъ свой. И становится въ этотъ вечеръ женою его. Для этого должны быть назначены опредѣленные дни

въ недѣлѣ, въ каждомъ мѣсяцѣ и въ цѣломъ году. Пусть это будутъ дни «отпущенной грѣшницы» — въ память ея. . . . . .

. . . . . Въ разрядъ этотъ войдутъ вообще всѣ женщины страны, — или города, большого села, — неспособныя къ единобрачію, неспособныя къ правдѣ и высотѣ и крѣпости единобрачія. Онѣ не должны быть ни порицаемы, ни хвалимы. Онѣ — просто *фактъ*. Но онѣ очень должны наблюдать себя, свою тѣлесную чистоту, свое нервное (полное) спокойствіе. Онѣ должны быть постоянно свѣжи: отъ этого

изгоняется каждая, принявшая двухъ въ одинъ вечеръ (теперь сплошь и рядомъ), принявшая кого-нибудь въ дни своего «мѣсячнаго очищенія», и вообще въ «непозволенные дни». Черезъ это «кабакъ» проституціи устранится, а «душа проституціи», которая *есть*, выберется изъ-подъ мусора. Разумѣется, у нихъ должны быть дѣти, вообще онѣ должны быть дѣтныя. Онѣ — семьянинки: «но — вдовствующія» съ каждымъ утромъ и каждый вечеръ «вновь выходящія замужъ» (психологія, чувство самосознанія, отнюдь не убитое и не умаленное).

Мнѣ разсказывалъ одинъ портной исторію своего брака: онъ «и не видалъ жены своей», дочери швейцара въ чрезвычайно высокопоставленномъ дому. Ей было всего 17 лѣтъ, и, какъ потомъ онъ узналъ, родители говорили ей: «ты *хотъ постой за вѣнчаніемъ*» (т. е. «*а потомъ*—поступай, какъ знаешь»). Она была совершенно неудержима въ «отдачахъ» и не могла не отдаться каждому, кто ей понравился («приглянулся»). Мужъ (хмурый мѣщанинишка,—прилежный, «одна проза») былъ ей совершенно противенъ, и она, уже спускаясь съ лѣстницы послѣ вѣнца, не позволила ему подать себѣ пальто, неглижерски отвернувшись отъ него. «Ко мнѣ въ домъ она взяла тетку, кото-

рая съ нею спала въ одной комнатѣ, въ эту первую брачную ночь». Дней черезъ 5 она переѣхала къ родителямъ. Ежедневно съ двоюродною сестрою мужа она уходила на холостую квартиру своего кузена, и онъ былъ ей «мужъ» на часъ. Родители уже не сдерживали: ничего нельзя было сдѣлать. Замѣчательно, что на ея сторону стала и полиція (была обаятельна?) и посадила муженька «въ холодную» или вообще «къ себѣ»,—и держала, «пока не дастъ паспорта (ей) на отдѣльную отъ себя жизнь». Онъ не давалъ, пока не пришелъ ко мнѣ совѣтоваться (тогда я писалъ о разводѣ). Я сказалъ, что̀ зналъ, т. е. что «Св. Церковь ему развода не дастъ («ибо безъ свидѣтелей» и онъ долженъ претерпѣть». Онъ, главное, былъ возмущенъ, что она мѣшаетъ его работѣ, его укладу жизни, что онъ «не въ спокойныхъ мысляхъ»,—не понимая самъ, «мужъ или не мужъ». *Такую*-же еще разъ я встрѣтилъ (ея разсказъ) — образованную, красивую, *въ высшей степени скромную* въ (манерахъ), и объ одной *такой* мнѣ разсказывала поразительную исторію Евгенія Ивановна, добавлявшая:—«я не могла ее не любить, до того она была вся *милая* и *пріятная*». Сама Евг. Ив. абсолютно цѣломудренна. Вотъ факты.

...Какъ поршень дѣйствуетъ въ цилиндрѣ насоса?—подъ поршнемъ *образуется пустота.* И природа съ ея terror vacui стремится наполнить ее. Выступаютъ и поднимаются во́ды земли, собираются во́ды земли (почвы) и устремляются къ уходящему поршню... И жизнь, и силы, и кровь. Вотъ отчего «весь организмъ» какъ-бы собирается въ одну точку. И, по-истинѣ, эта *точка* и въ это *время* есть «фокусъ организма и жизни»,—подобно какъ есть «фокусъ» въ оптическихъ стеклахъ.

Оплодотвореніе дѣтей входитъ неописуемымъ чувствомъ въ родителей: — «Вотъ я прикрѣпился къ землѣ», «земля уродилась мнѣ», «теперь меня съ земли (планеты) ничто не ссадитъ», не изгладитъ, не истребитъ.

Отсюда обрядъ, пѣсни, цвѣты, у всѣхъ народовъ, у насъ—вѣнчаніе; бѣлое платье, вѣнцы на головы брачущихся.

Но это—глубже, это не обрядъ; обрядъ пришелъ «совсѣмъ потомъ» и показуетъ не свою важность, а *важность того, къ чему онъ прикрѣпился.*

Отсюда-же въ древности «пиръ происходилъ», когда новобрачные уже отводились въ опочивальню (въ Іерусалимѣ—въ «хуппу»), и они начинали совокупляться во время самаго пира; у насъ, русскихъ, до послѣдняго времени выносилась «въ пиръ» и показывалась гостямъ снятая послѣ совокупленія сорочка новобрачной, со всѣми знаками *его* силы и *ея* чистоты. Но это—не «провѣрка»: развѣ психологія пира такова, чтобы «разсматривать подпись на долговой распискѣ». Совершалось это вначалѣ по наивной и открытой радости родителей, что крови начали уже сливаться, два рода—*его* родъ и *ея* родъ—слились въ одну рѣку, срослись въ одинъ стволъ Вѣчнаго Дерева;—что «Древо Жизни» преуспѣло и снесло еще яблоко. У Андрея Т. Болотова, въ его «Запискахъ», описывается подробно этотъ выносъ рубашки новобрачной. Въ Смоленской губерніи торжество омоченной срачицы сохраняется до сихъ поръ въ благочестивомъ простомъ народѣ, у мѣщанъ по городамъ и вездѣ въ селахъ.

Но все это—«приложилось». Въ основѣ

лежитъ чувство родителей, какъ-бы вторично и *болѣе полнымъ образомъ* рождающихся въ мірѣ. Совокупленіе дѣтей есть для родителей собственное ихъ второе рожденіе. Едва крови—прорвавъ ткани — слились, какъ въ родителей входитъ метафизическое знаніе, что отъ нихъ отдѣлилась нить, которая связалась въ узелъ съ нитью, вышедшей изъ пуповины «кого-то другого», «совсѣмъ новаго», «чуждаго вотъ *нашему* роду». Это близко къ тому, какъ насѣкомое-наѣздникъ, опустивъ яйцеводъ,—просверливаетъ кожу куколки и опускаетъ въ тѣло куколки яйцо свое, изъ коего вылупится «я» этого наѣздника и будетъ питаться тѣломъ этой куколки. Только тамъ это—жестоко и убійственно, а здѣсь это благо, любящее, въ наслажденіе «яйцекладчиковъ» и въ Вѣчную Жизнь. Отсюда-же древніе обычаи: что финикіянки выходили на берегъ и отдавались приплывавшимъ иностранцамъ, т. е.—«какъ тѣло куколки», но сладко, «принимали яйцо наѣздника», чтобы унести себѣ его въ домъ и тамъ родить и вырастить. Отсюда-же почти вездѣ въ древности существовавшая «семейная проституція», которая на самомъ дѣлѣ есть вовсе не это отвратительное и денежное ремесло, но тоже «пріятіе себѣ въ домъ

яйца», какъ нѣкоторой абсолютной міровой цѣнности, что̀ вѣдь въ сущности и есть такъ. Поэтому она никого не оскорбляла, а оскорблялъ, напротивъ, отказъ иностранца, путника или гостя дать яйцо. «Какъ курица—побыла сутки въ домѣ, но ничего не оставила». Это обижало, это отталкивало, это раздѣляло, это вводило людей въ тоску и слезы. Напротивъ, «принявъ яйцо», радовались и гоготали, какъ курица послѣ яйценесенія. Курица-то почему кричитъ? Да что она «принесла пользу міру»; болѣе «не *чужая міру*»; она кричитъ: «міръ—*мой*», а «я—*міровая*», т. е. міровая вещь, *міровое лицо*; я теперь «міровое существо»—въ «серединочкахъ», а не «съ краешку» (конецъ міра).

Если курица чувствуетъ, насколько ярче и сильнѣе чувствуетъ человѣкъ!

Дѣти—не вѣрьте родителямъ: они скрываются.

Проклятое уныніе склонило чело ихъ долу. Но это—тоска времени, и она пройдетъ.

Поднимите глаза: солнце восходитъ.

Солнце жизни...

Солнце улыбокъ...

(открытіе Розанова).

Совокупленіе,—каждое единичное, и бракъ какъ нить и цѣпь ихъ,—всегда имѣетъ опредѣленный возрастъ. Годъ, мѣсяцъ и день. Этотъ возрастъ равенъ половинѣ суммы годовъ обоихъ совокупляющихся. Если *ему* 24 и *ей* 16, то совокупленіе *двадцатилѣтнее* $\left(\frac{24+16}{2}=\frac{40}{2}=20\right)$.

Слѣдовательно совокупленію лѣтъ—

25 {
когда *ему* 34 и *ей* 16
» » 32 » » 18
» » 30 » » 20
» » 28 » » 22
» » 26 » » 24
» » 24 » » 26
» » 22 » » 28
» » 20 » » 30
» » 18 » » 32
» » 16 » » 34
» » 14 » » 36
}

Или—

30 если сочетающимся 16 и 44 лѣтъ
35 » » 16 и 54 ».
40 » » 16 и 64 »
И т. д.

Отсюда объясняются странные браки, даже странныя любви, какъ и дерзкія посягновенія: напр.,

45 и 16 даютъ возрастъ брака—30 л. но:

45 и 14	»	»	»	—29 »
45 и 12	»	»	»	—28 »

И т. д. Отсюда объясняется фактъ, напр. объ избитомъ (кажется, Тагіевымъ) инженерѣ. Я читалъ тогда: у старика Тагіева былъ сынъ и женатъ онъ былъ на такой-то. Вдругъ младшая, маленькая сестрица ея говоритъ этой своей замужней сестрѣ:

— Знаешь, Зельма,—я *буду скоро твоей матерью.*

Та удивилась и не повѣрила: но скоро оказалась правда. Оказалось, старикъ Тагіевъ (милліонеръ татаринъ въ Баку,—нефтяникъ) сдѣлалъ предложеніе и дѣйствительно женился на младшей сестрѣ жены своего сына. Т. е. *въ отношеніи себя онъ взялъ какъ-бы внучку.* И былъ строгимъ и любящимъ мужемъ. Нельзя отрицать, что и она его любила, по общему инстинкту подростковъ: «быть—*скорѣе большой*», «скорѣе—*вырости*». Мнѣ приходилось наблюдать (у нѣмцевъ) любящую пару, гдѣ *ей* было 24 (хорошій ростъ, полное здоровье, кра-

спва), а *ему* не менѣе 66 лѣтъ (слѣд. бракъ былъ 45 лѣтъ). Она мнѣ (т. е. обществу при мнѣ) передавала, какъ они вдвоемъ при зимней лунѣ катаются на лыжахъ; и постоянно была около мужа, не ища другого общества. Черезъ годъ у нихъ родился ребенокъ.

(*въ Клиникѣ Ел. П.*).

...уже дотрагиваніе доставляетъ удовольствіе, даже одна мысль. Дотрагиваніе *кого*-бы то ни было, мысль о *комъ*-бы то ни было. Какъ-же избѣжать «грѣха»?

Человѣкъ окруженъ какъ моремъ имъ.

И почему это «грѣхъ»? Какіе доводы? Гдѣ доказательства?

Отъ неясности доказательствъ море еще мутнѣе, человѣкъ еще угрожаемѣе.

Не говоря о мужчинѣ, которому за тайной «все дозволено», но какъ вы убѣдите дѣвушку, что ей «не дозволено», и она не можетъ имѣть дѣтей, не «дождавшись» мужа, когда она «его ждала» до 25, до 30, до 35 лѣтъ: и, наконецъ, до какихъ-же поръ «дожидаться»—до прекращенія мѣсячныхъ, когда рожденіе уже невозможно???

До *какихъ лѣтъ* дожидаться—это должно быть оговорено и въ свѣтскихъ законахъ и въ церковныхъ правилахъ. Вѣдь совершенно явно, что она должна еще до прекращенія мѣсячныхъ «исполнить законъ земли» (Бытіе, кажется 17-ая глава,—слова другъ другу одинокихъ, за разрушеніемъ города, дочерей Лота, не имѣвшихъ ни жениховъ, ни надежды на нихъ).

Эй, не дразните собаку на цѣпи. И собака—срывается. А человѣкъ повалитъ и конуру, да еще и искусаетъ сторожа.

(*въ клиникѣ Ел. П.*).

Безъ вѣры въ себя нельзя быть сильнымъ. Но вѣра въ себя разливается въ человѣкѣ нескромностью.

Уладить это противорѣчіе—одна изъ труднѣйшихъ задачъ жизни и личности.

Полевыя и лѣсныя частицы въ человѣкѣ едва-ли когда-нибудь могутъ вовсе исчез-

нуть, и даже едва-ли желательно, чтобы онѣ вовсе пзгладились.

Всѣ будутъ въ смокингѣ, какъ Скальковскій,—нѣтъ! нѣтъ!

(одѣваюсь въ клинику).

Мало солнышка—вотъ все объясненіе русской исторіи.

Да долгія ноченьки. Вотъ объясненіе русской психологичности (литература).

Мы не зажжемъ инквизиціи. За то тюремное вѣдомство—цѣлое министерство.

(въ клиникѣ Ел. П.; курю, выйдя).

У соціалъ-демократа одна тоска: кому-бы угвóздиться на содержаніе. Старая барыня, широко-популярный писатель, «нуждающійся въ поддержкѣ молодежи», пѣвецъ—все годится.

Не знаю, какую угрозу правительству составляютъ эти господа.

(клиника Ел. П.; курю, выйдя).

Сердце и идеалъ было во мнѣ моногамично, но любопытство и воображеніе было полигамично.

И отсюда одинъ изъ тягостныхъ разрывовъ личности и біографіи.

Я былъ и всешатаемъ и непоколебимъ.

(иду въ клинику).

Женщина—исподнее существо.

Договариваютъ: «и—*преисподнее*».

— Нѣтъ, она небесное существо.

(иду въ клинику).

Cul. ph. непонятенъ и невозможенъ внѣ *родства*, въ родствѣ-же онъ понятенъ и неизбѣженъ, какъ средоточіе этого родства, его источникъ и возбудитель, тайная его поэзія и, наконецъ, религія.

«Cul. phal.» былъ продиктованъ кѣмъ-то очень старымъ, «ветхимъ деньми». Молодому онъ и на умъ не можетъ придти, въ молодомъ онъ возбудилъ-бы только «смѣхъ или забавное отношеніе».

Онъ смѣшонъ для братьевъ и сыновей, но не смѣшонъ—для родителей; смѣшонъ для дочерей, для сестеръ,—но не смѣшонъ «для свекра и свекрови, для тестя съ тещей». Онъ *совершенно понятенъ* для всякаго *дѣда* и *бабки*. «Кто далъ его» (первому человѣчеству) — былъ непремѣнно «съ развѣвающимися по вѣтру сѣдыми волосами», былъ *око* (зрѣніе, всевидѣніе).

Всякій оплодотворяющій дѣвушку сотворяетъ то, что̀ нужно.

(*канонъ Розанова, 28 ноября*).

Послѣдній моментъ—смятеніе души, смятеніе стихій.

Такъ и сказано, что онъ «въ бурѣ».

Супружество какъ замокъ и дужка: если чуть-чуть не подходятъ—то можно только бросить. «Отпереть нельзя», «запереть нельзя», «сохранить имущество нельзя». Только бросить (расторженіе брака, разводъ).

Но русскіе ужасно какъ любятъ сберегать имущество замками, къ которымъ «дужка» только приставлена. «Воръ не догадается и не тронетъ». И блаженствуютъ.

(ноябрь) (въ клиникѣ Е.л. П.).

Ученичество—тонкая музыка, и учительство—тонкая музыка.

И вовсе не на всякомъ инструментѣ ее можно играть.

Мы имѣемъ только схемы учебныхъ заведеній. Умноженіе и печатаніе шаблоновъ ихъ. Но лишь *кое-гдѣ* тутъ происходитъ просвѣщеніе. Просвѣщаются 2—3 изъ 500 учениковъ, и просвѣщаетъ развѣ только *одинъ* изъ 15-ти учителей.

Остальное—шаблонная выдѣлка шаблонныхъ интеллигентовъ, и даже скорѣе это *минусъ* просвѣщенія, чѣмъ его *плюсъ*.

(*въ клиникѣ Ел. П.*).

...да Писаревъ и «Современникъ» и есть Натъ-Пинкертонъ. Такъ-же просто, плоско, такая-же «новая цивилизація» и приложеніе «послѣднихъ данныхъ науки». И все—такъ же рѣшительно и смѣло. Непонятно, чему Чуковскій сталъ удивляться.

(*клиника Ел. П.; Чуковскій годъ назадъ читалъ объ этомъ лекцію: «Откуда увлекаются Натъ-Пинкертономъ?»*)

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,

И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

Кто-то гдѣ-то услышавъ, заплакалъ.

Писаревъ поднялся:

— НЕ-ПО-НИ-МА-Ю.

Неописуемый восторгъ разлился по обществу. Профессора, курсистки — всѣ завизжали, захлопотали, загоготали:

— ГЛУ-ПО.

Какое оправданіе «Поэта и черни». Писаревъ все защищалъ мужиковъ отъ Пушкина, тогда какъ Пушкинъ никогда мужиковъ не разумѣлъ. «Чернь» ходитъ въ лакированныхъ сапогахъ и непрерывно читаетъ просвѣтительныя лекціи.

«Чернь»—это Григорій Петровъ, Б. и Академія Наукъ съ почетнымъ членомъ Анатоліемъ Ѳедоровичемъ.

(*въ клиникѣ Ел. П.*).

Неужели всѣ, что идутъ по улицамъ, тоже умрутъ?

Какой ужасъ.

(*переходя площадь передъ циркомъ Чиниз., въ страхѣ*).

И она меня пожалѣла какъ сироту.

И я пожалѣлъ ее какъ сироту (тогдашняя исторія). Оба мы были поруганы, унижены.

Вотъ вся наша любовь.

Кое-кто сказала «нѣтъ». Я ей показалъ кукишъ съ масломъ.

Вотъ вся моя литература.

(*сидя надъ кроватью мамы; клиника Ел. П.*).

Рѣдко-рѣдко у меня мелькаетъ мысль, что напоромъ своей психологичности я одолѣю литературу. Т. е. что «потомъ» будутъ психологичны — какъ я и «наши» (Рцы, Фл., Шперкъ, еще нѣсколько, немного).

Какое-бы счастье. Прошли-бы эти «болваны». Вѣдь суть не въ «лѣвости», а въ что̀ болваны.

Кромѣ воровской (сейчасъ) и нѣтъ никакой печати. Не знаю, что̀ дѣлать съ этой «6-ой державой» (Наполеонъ).

Главный лозунгъ печати: проклинай, ненавидь и клевещи.

(*вспоминаю статьи по † Суворина*).

Достоевскій, который терся плечомъ о плечо съ революціонерами (Петрашевскій),—имѣлъ мужество сказать о ней: «мошенничество».—«Русская революція сдѣлана мошенниками» (Нечаевъ, «Бѣсы»).

Около этого приходится поставить великое

SIC

Человѣка достойный памятникъ только одинъ — земляная могила и деревянный крестъ.

Золотой-же памятникъ можно поставить только надъ собакою.

Звѣздочка тусклая, звѣздочка блѣдная
Все ты горишь предо мною одна.
Ты и больная, ты и дрожащая
Вотъ-вотъ померкнешь совсѣмъ...

(*въ кл. Е. П.,—ходя тдп курятъ*).

Чтобы пронизалъ душу Христосъ, ему надо преодолѣть теперь не какой-то опытъ «рыбаковъ» и впечатлѣнія моря, съ ихъ ни «да», ни «нѣтъ» въ отношеніи Христа, а надо пронзить всю толщу впечатлѣній «современаго человѣка», весь этотъ и мусоръ,

и добро, преодолѣть гимназію, преодолѣть университетъ, преодолѣть казенную службу, отвѣтственность передъ начальствомъ, кой-какія тàнцишки, кой-какой флиртишко, знакомыхъ, друзей, книги, Бюхнера, Лермонтова..., и—вернуть къ простотѣ рыбнаго промысла для снисканія хлѣба. Возможно-ли это? Какъ «мусорнаго человѣка» превратить въ «естественное явленіе»? Христосъ имѣлъ дѣло съ «естественными явленіями», а христіанству (церкви) приходится имѣть дѣло съ мусорными явленіями, съ ломаными явленіями, съ извращенными явленіями,—имѣть дѣло съ продуктами разложенія, вывиха, изуродованія. И вотъ отчего церковь (между прочимъ) такъ мало успѣваетъ, когда такъ успѣвалъ Христосъ.

Христіанству гораздо труднѣе, чѣмъ Христу. Церкви теперь труднѣе, чѣмъ было Апостоламъ.

(въ клиникѣ Ел. П.) (30 ноября 1912 г.)

Старыя, милыя бабушки—берегите правду русскую.

Берегите; ее некому больше беречь.

Черви изгрызли все,—и мраморъ, когда-то бѣлый, желтъ теперь, какъ вынутая изъ могилы кость. И терніи и соръ и плевелы вездѣ.

— Что̀ это, Парѳенонъ?

...нѣтъ, это Церковь.

...это нашъ старый запивающій батюшка. И оловянное блюдо съ копеечками...

...прибить заплатку—уродливо, не поновлять—все разсыпется...

ненавижу, люблю...

...всего надѣюсь...

...все безнадежно...

...но здѣсь, други, только здѣсь живетъ безсмертіе души.

(ночью на извозчикѣ изъ ред.

Церковь есть душа общества и народа.

Можно-ли же поднимать руку на душу? Хотя-бы она и была порочная.

Нужно мірянамъ «на сонъ грядущій» произносить молитву: «Господи, не отними отъ насъ Святую Церковь. И устрой ее въ правдѣ и непорочности, какъ Невѣсту Свою».

Вотъ и все. А не говорить ей грубости, воплей и цинизма.

(ноябрь).

Что значилъ-бы Христосъ безъ

МИЛОСЕРДІЯ?

Ничего.

Есть-ли милосердіе въ Церкви?

О, если-бы!

(въ редакціи, ночь) (оторвавшись отъ «передовой»).

Утѣшенія! Утѣшенія! Утѣшенія!

— Гдѣ Утѣшитель?

(ночью въ ред.) (въ сл.).

«Умеръ! Онъ умеръ!»—воетъ звѣрь-человѣкъ.

Церковь подошла и тихо сказала:

— Нѣтъ, онъ *скончался.*

И провела рукой по лицу звѣря, и сталъ звѣрь человѣкъ.

Все человѣчество отступилось отъ церкви.

И нарекло ее дурнымъ именемъ.

И прокляло ее.

Въ ночи подошелъ къ запертой двери старикъ и постучалъ клюкой. И дверь отворилась. И вотъ это «старикъ въ церкви» есть сіяющая церковь, полная церковь.

А то «человѣчество»—ничто́.

(вернувшись домой, въ постели).

на примеч. 524-ую

x
xx

Умер! Он умер — Бог
Иисус-человек.
—нет??

Церковь подошла и тихо
сказала.
— Нет, Он самозванец
И провела рукой по лицу
Иисуса, и стал Иисус — человеком.

Z

Все современники отвернулись
от церкви.
И поругали ее: глупая и злая.
И покинули ее.

~~Это [illegible]~~
Что империи: церкви подошли
~~церкви~~ [illegible] и поступали
~~[illegible]~~ иначе. И Иисус Христос
опять [illegible]
Не только это. «Только в церкви»
есть [illegible] церковь, но нет
церкви

А то «человечество» — стоит!

И всегда она волновалась волненіемъ другого, и всегда было трудно ей, когда было трудно кому-нибудь.

(о мамочкѣ—въ театрѣ, когда она лежитъ въ клиникѣ).

Поношенныя, хищныя, съ оголенными спинами, на которыя по ошибкѣ можно сѣсть вмѣсто дивана...

(11 часовъ; мамочка, вѣрно, спитъ въ Еленинской клиникѣ; театръ).

Представить-бы, что «Главное управленіе заготовки пороха для арміи» уничтожало вездѣ, гдѣ ни встрѣтитъ: 1) сѣру, «п. ч. она дурно пахнетъ», 2) уголь—«потому-что онъ черенъ», и 3) селитру, «п. ч. она ничего не значитъ»: такъ именно поступаетъ Цер-

ковь-ли, «мать брака», или духовенство: 1) ненавидя совокупленіе, потому-что «оно имѣетъ не такой видъ, какъ нужно», 2) любовь—потому-что «она розовая», и 3) наряды міра, потому-что они «вообще суета».

Бракъ д. б. не паряденъ, безлюбовенъ и даже безплотенъ: но только очень доходенъ.

(*въ театръ съ дѣтьми*) (*на афишѣ*).

«Любите враговъ вашихъ. Благословляйте клянущихъ васъ»...

— Не могу. Флюсъ болитъ.

(*въ подъѣздѣ театра, выходя*).

— «Ты ужъ теперь не испытываешь счастья. Такъ вспоминаешь прошлое».

(*мама, прочтя въ «Смертномъ» отрывокъ объ Иванѣ Павловичѣ и «всемъ дѣлѣ» въ Ельцѣ*).

Мамочка—нравственный геній, вотъ въ чемъ дѣло.

И отъ этого такъ привязался и такая зависимость.

(послѣ ея разсказа о своемъ разсказѣ докторамъ, отчего сердцебіеніе и приведшій ихъ въ растерянность внезапный упадокъ силъ).

— Такъ-ли ты имъ разсказала, какъ мнѣ?—спросилъ я, пораженный ясностью и отчетливостью.

— Такъ!

«Докторъ (проф.) всталъ и, радостно хлопая по плечу, сказалъ:

— «Смотрите, она живетъ, а не разсказываетъ: и всякое слово вынимаетъ у нея силы».

Оттого Спротининъ, пять лѣтъ назадъ, и опредѣлилъ болѣзнь:

— Усталое сердце.

Такъ меня поразилъ этотъ терминъ. Никогда не слыхалъ. И не предполагалъ болѣзни (бытія такихъ болѣзней).

«Устало»-же сердце потому, что 19 лѣтъ на моихъ глазахъ, а въ сущности съ 14-ти лѣтъ (первая ея любовь), она уже «влагала все сердце» (въ людей, въ свои поступки, въ отношенія свои къ людямъ).

Допиваю 1—1½ стакана кофе. Отпыриваю газеты—и энергично:

— Въ церковь!

«— Въ церковь, Василій Васильевичъ, опоздали. Двѣнадцатый часъ» (Домна Васильевна). — «Двѣнадцатый часъ!!! Все равно — Александръ Свирскій (Николаевская) подъ бокомъ». Подымаюсь. Тамъ звучитъ «Вѣрую».

Не слушаю. «Ну ее, византійское богословіе». И вдругъ слухъ поражается:

«Чаю воскресенія мертвыхъ»... Обернулся къ ящику со свѣчами:

— Дайте 2 свѣчки на канунъ. И одну—къ празднику (именины).

(4 декабря 1913 г.).

Никогда не видалъ старушку. Пишетъ 4-го декабря, въ день Великомученицы Варвары:

...«Въ такой дорогой для васъ день, хочется мнѣ поздравить васъ, пожелать всего самаго

лучшаго вашей дорогой Именинницѣ - «Другу» и всей вашей семьѣ.

«Вовсе не хочу безпокоить васъ перепиской, но не могу не сказать, какое огромное удовольствіе доставили мнѣ «Кирѣевскіе» и маленькая замѣтка о Виллари! On en mangerait avec délice! Гиметскій медъ. Будьте здоровы, всего вамъ хорошаго, уважающая васъ *С. Щ—на.*

«P. S. Дочь моя, съ мѣсяцъ тому назадъ, была въ Кіевѣ и вынимала за васъ всѣхъ просфору въ Михайловскомъ монастырѣ!»

Въ Михайловскомъ монастырѣ лежатъ мощи Великомученицы Варвары: гдѣ и я молился, и горячо молился, и тамъ-же молилась—памятно и многозначительно,—Александра Адріановна Руднева, 49 лѣтъ тому назадъ.

Вотъ для такихъ старушекъ, какъ эта «С. Щ—на», я и пишу свою литературу. А юныхъ читателей мнѣ совсѣмъ не нужно. Я самъ старикъ (57 л.) и хочу быть со стариками.

Средній возрастъ человѣка, отъ 30 (даже отъ 24-хъ) лѣтъ до 45-ти, я называю *физическимъ.*

Тутъ все понятно, раціонально. Идетъ

работа. Идетъ служба. «День за днемъ», «оглянуться некогда».

Механика. Въ которой не воспоминаютъ и не предчувствуютъ.

Никогда не имѣлъ интереса къ этому возрасту и не любилъ людей этого возраста.

Но я имѣлъ безумную влюбчивость въ стариковъ и дѣтей.

Это — *метафизическій возрастъ*. Онъ полонъ интереса и значительности. Тутъ чувствуется «Адъ» и «Небо». Чувствуются «мойры».

(6 декабря 1912 г.).

Штунда—это мечта «переработавшись въ нѣмца» стать если не «святою»—таковая мечта потеряна—то по крайней мѣрѣ хорошо выметенною Русью, безъ-вшей, безъ обмана и безъ матершины дома и на улицѣ.

— Несите вонъ иконы...

— Подавайте метлу!

Съ «метлой» и «безъ иконъ» Русь—это и есть штунда.

Явленіе это огромно, неуловимо и повсемѣстно.

Штунда—не одно евангелическо-церковное явленіе. Штунда—это все, что дѣлалъ Петръ Великій, къ чему онъ усиливался, что̀ онъ работалъ и что̀ ему видѣлось во снѣ; штунда — это Винаверъ и Милюковъ, это Струве и его «Освобожденіе». Если-бы Петръ Великій зналъ тогда, что она *есть* или *возможна*, зналъ ея *образъ* и *имя*, онъ воскликнулъ-бы:—«Вотъ! вотъ!! *Это*!! Я—только *не умѣлъ назвать!*—Это *дѣлайте* и *такъ вѣрьте*, это самое!!»

Это — вычищенныя до «блеска золота» дверныя ручки въ Клиникѣ Елены Павловны передъ обходомъ профессора Явейна, «просвѣтительныя и культурныя усилія» гимназіи Стоюниной, весь Толстой съ его «пожалуйста, всѣ читайте Евангеліе, и постоянно», и мчащійся по Сибири съ эстафетами о днѣ прибытія и чтеніи лекціи ex-священникъ Петровъ. Это — всѣ «Вѣхи».

(*на конвертѣ «приглашеніе на выставку»*).

7 декабря. Да, есть политическій цинизмъ. П. ч. политика есть вообще цинизмъ. И если вложить еще трагическое сюда — слишкомъ много чести.

(на извозчикѣ въ клинику) (о себѣ).

,

Я не думаю о царствахъ. П. ч. душа моя больше царства.

Она вѣчна и божественна. А царства «такъ себѣ».

(Царства—базаръ).

(въ клинику, заворотивъ на Кирочную).

,,

Черезъ 1900 лѣтъ послѣ Христа, изъ проповѣдниковъ слова его (священники) все-же на десять—одинъ порядочный, и на сто—одинъ *очень* порядочный. Все же черезъ 1900 лѣтъ попадаются изумительные. Тогда какъ черезъ 50 лѣтъ послѣ Герцена, ко-

торый былъ тщеславенъ, честолюбивъ и вообще съ недостатками, нѣтъ ни одной *такой-же* (какъ Герценъ), т. е. довольно несовершенной, фигуры.

Это—Революція, то̀—Церковь.

Какъ-же не сказать, что она вѣчнѣе, устойчивѣе, а слѣд. и *внутренне-цѣннѣе* Революціи. Что изъ двухъ враговъ, стоящихъ другъ противъ друга,—Церкви и Революціи,—Церковь идеальнѣе и возвышеннѣе.

Что̀ будетъ съ Герценомъ черезъ 1900 лѣтъ?—съ Вольтеромъ и Руссо, родителями Революціи? Ужаснется *тысячѣ девятисотъ годамъ* самый пламенный послѣдователь ихъ и воскликнетъ:

— Еще-бы *какой вы срокъ взяли!!!*—черезъ 1900 лѣтъ можетъ быть и Франціи не будетъ, можетъ быть и Европа превратится въ то̀, чѣмъ была «Атлантида», и вообще *на такой срокъ—нѣчего загадывать*... «Все перемѣнится»—и самое имя «революція» станетъ смѣшно, едва припоминаемо, и припоминаемо какъ «плытіе Пріама въ Лаціумъ» отъ царицы Дидоны (положимъ).

Между тѣмъ священникъ, поднимая Евангеліе надъ народомъ, *истово говоритъ возгласы*, съ чувствомъ необыкновенной реальности, «какъ-бы живое еще». А діаконъ гро-

могласно-речетъ: «Вонмемъ». Діаконъ «речетъ» съ такой силой, что стекла въ окнахъ дрожатъ: какъ Вольтеръ—въ Фернеѣ, а вовсе не какъ Вольтеръ въ 1840-мъ году, когда его уже ѣли мыши. И приходитъ мысль о всей Революціи, о «всѣхъ ихъ», что они суть снѣдь мышей.

Лѣтъ на 300 хватитъ, но не больше—пара, пыла, смысла.

Отчего-же дьяконъ такъ речетъ, а Вольтеръ такъ угасъ?

И при жизни Вольтера, въ его живыхъ устахъ, слово не было особенно цѣннымъ. Скажите сразу, не думавъ, что̀ сказалъ Вольтеръ дорогого человѣку на всѣ дни жизни и исторіи его? Не придумаете, не бросится въ умъ. А Христосъ: «блаженны изгнанные правды ради». Не просто «они хорошо дѣлаютъ», или «нужно любить правду», «нужно за правду и потерпѣть»,—а *иначе:*

«Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть Царство небесное».

Какъ изва̀яно. И стоитъ 1900 лѣтъ. И простоитъ еще 1900 лѣтъ, и это скажетъ тотъ самый послѣдователь Вольтера, который сказалъ:

— Еще-бы вы *какіе сроки* загадываете!..

Евангеліе безсрочно. А все другое срочно—вотъ въ чемъ дѣло.

И оретъ дьяконъ. И я, пыльный писатель, съ пылью и мелочью въ душѣ и на душѣ, стоя въ уголку церкви и улыбаясь и утирая слезы, скажу и весело и грустно:

— Ори, батюшка, сколько утробушки хватитъ. И «безъ сумленія» кушай придя домой, уставъ, гречневую кашу и щи, и все что̀ полагается, со своей матушкой-дьяконицей, и съ дѣтушками, и съ внуками. Вы на прочномъ мѣстѣ стоите и строите въ жизни вѣчную правду.

(7 декабря 1912 г.).

***

Автономія университетовъ, за которую когда-то я такъ (въ душѣ) стоялъ, теперь мнѣ представляется совершенно невозможной и ненужной, и позорной для русскаго государства (которое, какъ хотите, господа—*есть:* признаемся въ этомъ, хоть и «со стыдомъ за Россію»). Она вовсе не знаменуетъ свободу университетскаго преподаванія, независимость профессорской корпораціи, и

вообще отмѣну «цензуры на науку». Вовсе нѣтъ. Эти наивности можно было думать, т. е. даже это *было-бы истиною*, если-бы профессора in corpore (кромѣ рѣдчайшихъ исключеній, въ родѣ черныхъ лебедей) не обнаружили позорнаго нравственнаго ничтожества, полной робости передъ студентами, страха передъ учащимися и полной отъ нихъ зависимости.

Ни своего «credo», ни своего «amo».

При такомъ положеніи «автономія университетовъ» была-бы собственно автономіею студенчества.

Мнѣ Володя (эсъ-декъ «въ странствіяхъ») и говоритъ: «—*Конечно*, университетъ принадлежитъ студенчеству, ибо ихъ *больше*, чѣмъ профессоровъ, да и онъ существуетъ *для студенчества*».

Дѣйствительно: causa materialis и causa finalis (цѣль и матерія учрежденія). И вообще это также аксіоматично *для русскихъ*, какъ — «земля Божія». «Университетъ — студенческая собственность, студенческое *подвластье*», и «земля—*Божія*» и, значитъ,—«*ничья*». Аксіома да пѣсенка—неодолимы. Тутъ поздно разсуждать.

Итакъ, «автономія университетовъ» значила-бы «автономія студенчества», и прекращеніе дѣйствія какихъ-либо граждан-

скихъ и общихъ законовъ «въ ихъ ученыхъ учрежденіяхъ». «Потому что тамъ наука». Причемъ «наука» или «я—наука», объ этомъ судитъ не третій кто-либо, а собственникъ, т. е. студенчество-же. «Сюда не показывай носу»—въ этомъ суть *всѣми представимой* автономіи.

«Мы экстерриторіальны», какъ папа въ Ватиканѣ.

Въ цѣляхъ науки и свободы научнаго преподаванія это, однако, можно было допустить по абсолютной, такъ сказать, безвредности и безкровности науки. Но если «наука» безбойна, то учащіеся могутъ быть и не безбойны. Какъ-когда. Явно, однако (и такъ-то, именно, я и думалъ), что если-бы профессора у насъ были съ «ато» и «credo», то все-таки и среди «бо́йныхъ» студентовъ автономію-бы можно допустить: ибо произошла-бы борьба между профессурой и наукой, и—студенчествомъ и политикой. Жажда этой борьбы—безкопечная! Отъ нея въ значительной степени зависитъ счастье Россіи, возможный «смыслъ» ея.

Но профессора вдругъ побѣжали, даже, кажется, еще не битые. Побѣжали за «хлопанецъ». Вообще профессора все и всѣхъ продали, предали и убѣжали или соотвѣтственнѣе даже картинѣ—улизнули. «Вотъ и Иванъ

Ивановичъ» и прозекторша «Катерина Семеновна». И въ тотъ моментъ, какъ они «улизнули»—опустилась, и на-вѣки опустилась, занавѣсь надъ «автономіей университетовъ».

Единственный ея мотивъ — воспитанье неучившихся и невоспитанныхъ, вообще незрѣлыхъ, черезъ воздѣйствіе и борьбу (вѣковую) зрѣлыхъ, воспитанныхъ и ученыхъ людей—этотъ ея мотивъ пропалъ.

Но и студенчество въ свою очередь несамостоятельно: оно дергается нитками евреевъ и заграничныхъ эмигрантовъ. Нитками «моего Володеньки», котораго тоже «дергаютъ». Сейчасъ по всей Россіи «автономія университетовъ» перевелась-бы «на русскія событія»:—какъ возникновеніе во всякомъ городѣ, гдѣ есть высшее заведеніе, «неприступныхъ цитаделей» для борьбы съ «невозможнымъ старымъ порядкомъ», который, т. е. этотъ «порядокъ», туда не можетъ *по статуту* вступить. «Невступаемая крѣпость», какъ Ватиканъ, естественно непобѣдима, какъ Ватикана не можетъ взять вся Италія. У насъ-же было бы (*всѣ* учебныя высшія заведенія) около *сорока* «Ватикановъ», съ правомъ вылазки и вообще войны.

Ибо «стѣны»-то университета непри-

ступны, а студенчество—вовсе не въ стѣнахъ университета, университетъ—вовсе не пансіонъ, какъ Ватиканъ для папы: а оно бродитъ, странствуетъ. Бродитъ по всей Москвѣ, по всему Петербургу, ѣздитъ «на уроки» по всей Россіи. Ихъ «младшіе»—это уже гимназисты, ихъ «старые»—это общество. Словомъ, университетъ—клубокъ, а нити его протягиваются во всю Россію.

«Автономія университетовъ» поэтому вовсе не обозначала-бы и не обѣщала «свободу научнаго преподаванія», а совсѣмъ новое и поразительное: отведеніе сорока неприступныхъ ни для кого мѣстъ, «не воюемыхъ мѣстъ» (и это—главное),—людямъ, объявившимъ «войну современному обществу и современному строю».

Вотъ изъ-за чего велась война, идетъ борьба. Все прочее — соусы. «Сдай намъ крѣпости, врагъ»! Во-первыхъ, странно выпрашивать у «врага»,—ссылаясь на «просвѣщеніе» и «дружбу» и всеобщую «симпатичность молодежи». Дѣло тутъ было не только военное, но въ высшей степени вѣроломное. На русскую государственность, «кой-какую», шли Батый, фельдфебель и Талейранъ.

Фельдфебель—воинъ, «именуемый врагъ».

Батый—наша первобытная дикость.

Талейранъ—это луканство всякихъ Бурцевыхъ и Бакаевъ.

Фельдфебель не страшенъ Россіи; но въ высшей степени могли повредить Батый и Талейранъ. Да еще которыхъ «нельзя достать» и вытащить изъ самаго «сердца Россіи»: ибо ихъ оберегаютъ «священныя стѣны научнаго зданія».

...какъ какіе-то храмы-обсерваторіи Вавилона и древнихъ Ѳивъ,—съ Тимирязевымъ и Милюковымъ, одинъ въ смокингѣ и другой въ сюртукѣ, но въ парикахъ сѣдыхъ «верховныхъ жрецовъ» и «съ жезлами».

Тѣнь Герцена меня усыновила
И въ революцію торжественно ввела,
Вокругъ меня рабочихъ возмутила
И всѣ мнѣ троны въ жертву обрекла.

Пуфъ, опера и обманъ. «Ложно-классическая трагедія Княжнина»—не удалась. Запахло водочкой, дѣвочкой, пришелъ полицейскій и всѣхъ побилъ. «Такъ кончаются русскія исторіи».

И денегъ суешь, и просишь, и все-таки русская свинья сдѣлаетъ тебѣ свинство.

(какая-то «Катюша» или «Мареуша» сорвала съ изголовья чудотворный образокъ у мамы, «мѣняя бѣлье на кровати», и разбила. Клинический институтъ).

О чемъ она думала? О любовникѣ или о съѣденномъ пирогѣ?

«— И ужъ извините, барыня. Ахъ, какая бѣда. Совсѣмъ не замѣтила».

Когда Онъ прямо такъ и смотритъ даже на входящаго въ комнату.

(8 декабря 1912 г.).

Больше всего приходитъ мыслей въ конкѣ. Конку трясетъ, меня трясетъ, мозгъ трясется и изъ мозга вытрясаются мысли.

(въ конкѣ).

Революціонеры берутъ тѣмъ, что они откровенны. «Хочу стрѣлять въ брюхо»,— и стрѣляетъ.

До этого ни у кого духа не хватаетъ. И они побѣждаютъ.

Но если-бы «черносотенникъ» (положимъ генер. М., бывшій на разбирательствѣ Гершуни) пристрѣлилъ на самомъ судѣ голову Гершуни, не дожидаясь «вынесенія приговора» суда,—если-бы публика на разбира-

тельствѣ первомартовцевъ, перескочивъ черезъ барьеръ, перестрѣляла хвастунишекъ отъ Желябова до Кибальчича («такой ученый»), то революціонеры, конечно, всѣ до одного и давно были-бы просто истреблены.

Карповичъ выстрѣлилъ въ горло Боголѣпову—«ничто-же сумняся», не спросивъ себя, нѣтъ-ли у него дѣтей, жены. «Въ Шлиссельбургъ онъ явился такой радостный и насъ всѣхъ оживилъ»,—пишетъ въ воспоминаніяхъ Фигнеръ. Но если-бы этой Фигнеръ тамошняя стража «откровенно и физіологически радостно» сказала, что вы теперь, барышня, какъ человѣкъ—уже кончены, но остаетесь еще какъ женщина, а наши солдаты въ этомъ нуждаются, ну и т. д., со всѣми послѣдствіями,—то, во-первыхъ, что̀ сказала-бы объ этомъ вся печать, радовавшаяся выстрѣлу Карповича? во-вторыхъ, какъ-бы почувствовала себя въ революціонной роли Фигнеръ, да и вообще продолжали-ли бы революціонеры быть такъ же храбры, какъ теперь, встрѣтя такую «откровенность» въ отвѣтъ на «откровенность».

Едва-ли.

И побѣда революціонеровъ, или ихъ 50-лѣтній успѣхъ, основывается на томъ, что они—безчеловѣчны, а «старый строй»,

котораго-«мерзавца» они истребляютъ, помнитъ «крестъ на себѣ» и не рѣшается совлечь съ себя образъ человѣческій.

Они—голые. Старый строй—въ одеждѣ. И они настолько и «дышатъ», насколько старый строй не допускаетъ себя тоже «разоблачиться».

(9 декабря, день).

Фонвизинъ *пытался* быть западникомъ въ «Недорослѣ» и славянофиломъ въ «Бригадирѣ». Но не вышло ни того, ни другого. Побывавъ въ Парижѣ и «само собою русскій дворянинъ»,—онъ не былъ очень образованъ. Дитя Екатерининскихъ временъ, еще очень грубыхъ. Безъ утонченія.

Комедіи его, конечно, остроумны, и, для своего времени, геніальны. Погодинъ вѣрно сказалъ, что «Недоросля» надо цѣликомъ перепечатывать въ курсы русской исторіи XVIII-го вѣка. Безъ «Недоросля» она непонятна, не красочна. Безымянна. Но въ глубинѣ вещей весь вообще Фонвизинъ поверхностенъ, грубъ, и, въ сущности, не понимаетъ ни того, что̀ любитъ, ни того, что отрицаетъ. Вліяніе его было разительно,

прекрасно для современниковъ, и губительно потомъ. Поверхностные умы схватились за его формулы, славянофилы за «Вральмана», западники и очень скоро нигилисты за «Часословъ», и подъ симъ благовиднымъ предлогомъ русская лѣнь не хотѣла западныхъ наукъ и пересмѣяла свою церковь (богослуженіе, молитвы). Отъ «—ну, почитаемъ изъ Часослова, Митрофанушка!» (Кутейкинъ) и идетъ дикое «жезаны» и «жеможаху» Щедрина, и все лакейское оголтѣніе русскаго духа, который побороть былъ безсиленъ образованнѣйшій Рачинскій (С. А.), Одоевскій, Кирѣевскіе.

(*10 декабря; за статьей Цвѣткова*).

10 декабря. Едва-ли онъ знаетъ географію въ предѣлѣ второго класса гимназіи, но подаетъ въ печати государственные совѣты, какъ управлять Россіей. Удивительно талантлива русская натура.

Но можетъ всяческихъ Невтоновъ
И скорыхъ разумомъ Платоновъ
Россійская земля рождать.

И прочее. Можно-бы въ этомъ усомниться, но вотъ есть-же Гофштетеръ.

Какъ Еруслановa мертвая голова, Хрущевъ разѣвалъ губы и шлепалъ въ воздухъ:

— Педагогическіе методы, педагогическіе методы.

Мнѣ тогда хотѣлось ему всунуть колъ въ ротъ.

(харьковскій попечитель у Берга въ 1894—5 г.г.) (10 декабря 1912 г.,—читая статью Цвѣткова о школахъ).

Когда говорятъ о «демоническомъ» и «бѣсовскомъ» началѣ въ мірѣ, то мнѣ это такъ же, какъ черные тараканы у насъ въ ваннѣ (всегда бываетъ и ихъ люблю): ни страха, ни заботы. «Есть»—и Господь съ ними, «нѣтъ»—и дѣла нѣтъ.

Это не моя сторона, не мое дѣло, не моя душа, ни—мой интересъ.

Посему я думаю, что сродства съ «демонизмомъ» (если онъ *есть*) у меня вовсе нѣтъ. «Бла-а-ду-шнѣйшій человѣкъ». Петръ

Петровичъ Пѣтухъ «въ отхожихъ промыслахъ».

И такъ-какъ *въ то же время* у меня есть безспорный *фаллизмъ*, и я люблю «все это» не только въ идеяхъ, но и въ натурѣ, то отсюда я заключаю, что въ фаллизмѣ ничего демоническаго и бѣсовскаго не содержится; и выраженія «Темная сила», «Нечистая сила» (по самымъ эпитетамъ, явно относимыя къ фаллической области) суть мнѣніе апокрифовъ, а не Священнаго Писанія.

Ей-ей, запахъ розъ не отдаетъ козломъ, въ каковомъ видѣ изображаютъ бѣсовъ. Запахъ розъ отдаетъ розами, и имъ умащаютъ Св. Плащаницу.

И ароматъ розоваго масла наполняетъ храмы, а въ *свѣтскихъ* дворцахъ онъ показался-бы страннымъ.

Будемъ, господа, обонять розы.

Кое-что важное о дѣвушкахъ «безъ судьбы» въ письмѣ ко мнѣ одной много лѣтъ болѣющей, прекрасной собою и жизнью своею, дѣвушки (лѣтъ 32):

«Очень, очень благодарна вамъ за присланную мнѣ вашу книгу *Опавшіе листья*. Простите, что нѣсколько запоздала я съ благодарностью, но мнѣ хотѣлось написать вамъ послѣ того, какъ я ее прочту. Прочитала я ее съ большимъ интересомъ, и, конечно, критиковать я не могу, но мнѣ хочется сказать вамъ, что въ одномъ только мѣстѣ у меня «горѣло сердце», а именно—гдѣ говорится объ «Утѣшителѣ». Я знаю сердцемъ, что вы Его хоть почти всегда гоните, но все-таки любите,—любите можетъ быть даже больше тѣхъ, кто не гонитъ Его. Зная, какъ вамъ бываетъ иногда тяжело, я всей душой желаю вамъ какъ можно чаще чувствовать Его такъ, какъ тогда ночью, и Иго Его будетъ для васъ тогда Благо и бремя легко, и смерть не такъ страшна. Вотъ нынче, дорогой Василій Васильевичъ, вы выразили надежду, что въ другой половинѣ моей жизни меня ждетъ что-то свѣтлое. Только Его свѣта я и желаю, и думается мнѣ, что осталась меньшая половина жизни.

«Еще одно слово скажу вамъ: за что вы, такой добрый, а такъ обижаете бѣдныхъ дѣвушекъ, не имѣющихъ дѣтей, или вообще незамужнихъ? Развѣ многія изъ нихъ виноваты въ этомъ?

«Вы вѣдь не знаете ихъ души: ни одна изъ нихъ не откроетъ вамъ по цѣломудрію своей души до конца, а какъ часто ихъ жизнь бываетъ сплошнымъ самопожертвованіемъ, никѣмъ неоцѣненнымъ. По-моему, непремѣнное выдаваніе замужъ очень молоденькихъ дѣвушекъ, которыя даже себя не сознаютъ—это убиваніе въ нихъ Бога. Мнѣ всегда бываетъ

тяжело, когда я у васъ читаю объ этомъ, и потому я даже стараюсь пропускать эти мѣста, они мѣшаютъ мнѣ любить васъ какъ человѣка, а я этого не хочу [1]. Простите, глубокоуважаемый Василій Васильевичъ, если сказала что-нибудь непріятное вамъ, но что дѣлать,— въ этомъ главные вопросы моей жизни. Прошу передать сердечный привѣтъ и наилучшія пожеланія В. Д., А. М. и всей вашей семьѣ. Уважающая васъ и душевно преданная ваша М. П И—ва.

Ну, что-же дѣлать, если женщина «подъ», а chevalier «надъ»: всякое иное положеніе неудобно, неловко и замѣняется опять нормальнымъ. И женщины, поволновшись съ Аспазіей и Цебриковой, возвращаются опять въ «подчиненное положеніе».

Но какъ не признать въ «томъ» величайшей метафизики, если уже такіе пустяки, какъ situatio in actu, продиктовало планъ всемірной исторіи, — точнѣе, эту основную въ немъ линію, что «римлянки были вѣрны мужу», «гречанки тупо родили дѣтей» имъ

[1] Какъ все глубоко и важно. Какъ все прекрасно. Тысячи дѣвушекъ поблагодарятъ благородную ихъ «сестру» за эту исповѣдь-защиту. *В. Р.*

въ логовѣ, и христіанки не могутъ войти въ алтарь, а я читалъ въ гимназіи (книжку): «Контъ, Милль (и еще кто-то) о *подчиненности женщинъ*».

(*на извозчикѣ въ дождь*).

Растяжимая матерія объемлетъ нерастяжимый предметъ, какъ-бы онъ ни *казался* огромнѣе. Она—всегда «больше»...

Удавъ толщиною въ руку, ну самое большее въ ногу у колѣна, поглощаетъ козленка.

На этомъ основаны многія странныя явленія. И аппетитъ удавовъ и козы.

— Да, немного больно, тѣсно, но—обошлось...

Невѣроятно надѣть на-руку лайковую перчатку, какъ она лежитъ такая узенькая и «невинная» въ коробкѣ магазина. А одѣвается и образуетъ крѣпкій обхватъ.

Есть метафизическое тяготѣніе міра къ «крѣпкому обхвату».

Въ «крѣпкомъ обхватѣ» держитъ Богъ міръ...

И все стремится не только къ свободѣ и «хлябанью», но есть и совершенно противоположный аппетитъ—войти въ «узкій путь», сжимающій путь.

(*въ трамвай*).

Крѣпкое, именно крѣпкое пщетъ узкаго пути. А «хлябанье»—у старухъ, старпковъ и въ старческомъ возрастѣ планеты.

Міръ женился на старухѣ: вотъ фран-. пузская революція и всѣ ея три принципа.

Церковь поетъ: «Святый Боже! Святый крѣпкій...»

. . . . . .

Что-то брезжится въ умѣ, что это тайно пѣли уже, погребая фараоновъ въ пирамидахъ.

. . . . . .

Да и другія имена какъ *однотонны*: «Сильный», «Господинъ», «Отецъ всего», «Податель жизни» («Жизнодавче»)...

Какая древность.

Мнѣ представляется исторія русскаго *общества* за XIX в. сплошнымъ безуміемъ.

(*18 декабря,—Корниловъ о Бакунинихъ, судьба Варенькн Бакуниной-Дьяковой. Исторія ея брака — въ матерьялъ о «Людяхъ лунпаго свѣта»*).

Одѣли *мундиръ*.

Этотъ мундиръ—черная блуза, ремешокъ-поясъ и стальная цѣпочка для часовъ, толщиной почти въ собачью («на цѣпи» собака).

Такъ одѣтый сидѣлъ онъ за чаемъ. Онъ былъ старъ, слабъ, обѣдъ. При бездѣтномъ,—въ дому хозяйничала племянница съ несвѣжими зубами, тоже радикалка, но носившая золотое пенснэ. Въ передней долго-долго стоитъ, поправляя свои немощи.

Онъ долго служилъ въ департаментѣ либеральнаго министерства и, прослуживъ 35 лѣтъ, получилъ пенсію въ 2.000 рублей.

Онъ говорилъ и слова его были ясны, отчетливы и убѣжденны:

— Чѣмъ-же я могу выразить свое отвращеніе къ правительству? Я безсиленъ къ реальному протесту, который оказалъ-бы, еслибъ былъ моложе... еслибъ былъ сильнѣе. Между тѣмъ, какъ гражданинъ, и честный гражданинъ, я бы былъ виновенъ, если бы допустилъ думать, что спокоенъ, что доволенъ, что у меня не кипитъ негодованіе. И сдѣлалъ, что было въ моихъ силахъ: перешелъ въ протестантскую церковь. Я пошелъ къ ихъ пастору, сказалъ все. Онъ далъ мнѣ катехизисъ, по которому я могъ-бы ознакомиться съ принимаемымъ вѣроисповѣданіемъ. И,—я вамъ скажу,—этотъ катехизисъ при чтеніи показался мнѣ очень замѣчательнымъ и разумнымъ... Все ясно, здраво,—и многое здравомысленнѣе, чѣмъ въ нашемъ... Ну, когда это кончилось, я и перешелъ.

Помолчалъ. И мы всѣ молчали.

— Этимъ я совершилъ разрывъ съ правительствомъ, котораго я не могу нравственно и всячески уважать.

Отчетливою, мотивированною рѣчью. Онъ самъ себя слушалъ и, видно, любовался собою,—умомъ и справедливою общественною ситуаціей.

Мы всѣ молчали, потупивъ глаза.

«А пенсія»? Но можно-ли было это сказать въ глаза.

(на скамьѣ подсудимыхъ, 21 декабря. объ «Уед.»). (люди съ цѣпями, не читавъ книги и не понимая вообще существа книги, присудили вырѣзать страницы и меня къ аресту на 2 недѣли).

Я ничего такъ не цѣню у духовенства, какъ хорошіе ...

(придя изъ суда).

Плодите священное сѣмя, а то весь народъ задичалъ.

(къ многоплодію у духовенства).

Матушкамъ-же я далъ-бы «на адресъ писемъ» титулъ: «ея высокоблагословенію»; по мужу,—какъ и вообще у насъ жены титулуются по мужьямъ.

Надо матушекъ высоко поставить, онѣ много хранятъ вѣры.

(придя изъ суда).

Вотъ то-то и оно-то, Димитрій Сергѣевичъ, что васъ **никогда, никогда, никогда** не поймутъ тѣ, **съ кѣмъ** вы...

Слово «царь»—вы почувствовали, они—не чувствуютъ... Но оставимъ жгущійся въ обѣ стороны жупелъ...

Вы *когда-то* любили Пушкина: ну—и довольно...

И никогда, никогда, никогда вы не обнимите свиное, тупое рыло революціи... Иначе чѣмъ ради сложностей «тактики», въ которой я не понимаю.

Другъ мой: обнимите и поцѣлуйте Владиміра Набокова? Тошнитъ?—Ну, Григорія Петрова? Нельзя? Ну, а вѣдь—это конкретно, осязательно, это не обманывающій термометръ кожнаго ощущенія. «Идейно» тамъ вы можете говорить что угодно, а какъ васъ положить въ одну постель съ «курсисткой»—вы пхнете ее ногой. Все этимъ и рѣшается. А съ «попадьею» если *также*, то вы вцѣпитесь ей въ косу и станете съ ней кричать о своихъ любимыхъ темахъ, и, прокричавъ до 4-хъ утра, все-таки въ концѣ концовъ совокупитесь съ нею въ 4 часа, если только вообще можете совокупляться (въ чемъ я сомнѣваюсь).

Въ этомъ все и дѣло, мой милый,—«съ кѣмъ можешь совокупляться». А разговоры—просто глупости, «туда», «сюда», «и то, и сё»...

Вы *образованный*, *просвѣщенный* человѣкъ, и не внѣшнимъ, а внутреннимъ просвѣщеніемъ. Пусть—дурной, холодный (какъ и я); пусть любите деньги (какъ и я); пусть мы оба въ вони, въ грязи, въ грѣхѣ, въ смрадѣ.

Но у насъ есть *вздохъ*.

А у тѣхъ, которые тоже «выучены въ университетѣ» и «сочиняютъ книжки», и повидимому похожи на насъ, ибо даже насъ чище, безкорыстны, безъ любовницъ, «платятъ долги во-время», «не должаютъ въ лавочкѣ», и прочія, и прочія добродѣтели...

У нихъ нѣтъ вздоха.

И только: но—небеса разверзлись и раздѣлилась земля, и на одномъ краю бездны они, и на другомъ краю бездны—мы.

Мы—святые.

Они—ничто.

Воры и святые, блудники и святые, мошенники и святые. Они «совершенно корректные люди» и ничто.

Струве спитъ только съ женою, а я—со всѣми (положимъ): и, между тѣмъ, онъ

даже не мужъ жены своей, и не мужчина даже, а—транспарантъ, напр., «по которому хорошо писать», или гиря на вѣсахъ, «по которой можно хорошо свѣсить». А я—все-таки мужъ, и «при всѣхъ» — вѣрнѣйшій одной.

Онъ «никому не долженъ», я только и думаю, чтобы «утянуть» (положимъ): и завтра-послѣзавтра я могу открыть всемірный банкъ съ безукоризненными счетами.

Все это лежитъ во «вздохѣ»... Въ «дуновеніи», «душѣ». «Корректные люди» суть просто неодушевленныя существа, — «линейка» и «транспарантъ», «редакторъ» и «контора»: и изъ этого не выведешь, ни Царства Небеснаго, ни даже Всемірнаго банка или сколько нибудь сноснаго—мужа.

Но въ моемъ «вздохѣ» все лежитъ. «Вздохъ» богаче царства, богаче Ротшильда *даже деньгами:* изъ «вздоха» потекутъ золотыя рѣки, и тронъ, и царство, и все.

Вздохъ—всемірная исторія, начало ея. А «корректный человѣкъ» и есть корректный человѣкъ, которымъ все кончится, и самъ онъ есть уже Смерть и Гробъ.

«Земля есть и въ землю отыдеши»...

«Вздохъ»-же—Вѣчная Жизнь. Неугасающая.

Къ «вздоху» Богъ придетъ: но скажите, пожалуйста, неужели-же Богъ придетъ къ

корректному человѣку? Его можно только послать къ тѣмъ двумъ буквамъ, за которыя запретили «Уединенное», и поэтому я не вправѣ ихъ напечатать; но вообще послать «по-непечатному».

Ну, Богъ съ вами—прощайте. Да вы это и понимаете. Сами уже вздыхаете въ душѣ, я знаю.

(прочелъ о рефератѣ Философова и полемикѣ со Струве, 22 декабря).

Океанъ—женщина. Материкъ—мужчина. 24 декабря.
И бури и тишина, и влага и опасность.
И крѣпость и первобытность и потопленіе...

(ѣду въ клинику).

Жена входитъ запахомъ въ мужа и всего его дѣлаетъ пахучимъ собою; какъ и весь домъ.

И Бисмаркъ, сказавшій, что «тевтоны—мужъ, а славяне—жена» (и якобы «удобреніе для германской культуры») ничего

другого не сказалъ, какъ что нѣкогда Германія зальется русской вонью, русскимъ болотомъ, русской мутью, русскимъ кабакомъ. И пойдутъ вездѣ «русскія женщины» и «русскіе студенты», съ анархіей, «коллективными» кроватями и кулаками.

И отлично.

Розановъ съ удовольствіемъ поставитъ калоши на тронъ Гогенцоллерновъ, и, сплюнувъ на сторону горностаеву мантію, все покроетъ своимъ халатомъ.

Видѣлъ одного германца, изъ Саксоніи, очень ученаго, женатаго на «русской (приблизительно) курсихѣ» (курсисткѣ). Какимъ онъ цыпленочкомъ ходилъ по комнатамъ, и едва она, вставъ, сказала:

— Фрицъ!—пора домой!

какъ онъ, прервавъ ученые разговоры по химіи, пошелъ въ переднюю и одѣлъ ей калоши. Она очень хорошо ему «держала ножку» (подставила для одѣванія).

Она была пожалуй нехороша, но что-то дразнящее. И какъ онъ побѣжалъ за этимъ «дразнящимъ»...

Потомъ я слышалъ, что она пудрится и румянится. Вообще—полное свинство. При-

няла его иностранное (по мужу) подданство: но онъ самъ остался въ Россіи и даже переѣхалъ въ Москву.

Еще я зналъ 2-хъ нѣмцевъ, съ большимъ положеніемъ, женатыхъ на русскихъ: они — съ достоинствомъ, дѣятельностью, деньгами. Русскія—ничего не дѣлали (очень «талантливы»): и опять какая глубокая покорность нѣмцевъ русскимъ бабамъ!

А все запахъ.

Какъ Шперкъ любилъ свою Анну Лавровну. Какая покорность. Она бывало ни слова не скажетъ, все что-то шьетъ или вяжетъ чулокъ. Худенькая въ лицѣ, высокая, очень большой бюстъ.

«Ничего особеннаго».

Онъ сталъ славянофиломъ. Перемѣнилъ вѣру. Восхищался, когда какой-то мужикъ сшибъ шляпу и сломалъ зонтикъ у барыни на Невскомъ при проѣздѣ Царя, выкрикнувъ: «ты мнѣ застишь Царя».

О женѣ онъ говорилъ:

«Аня—незамѣтная и милая».

Она кончила 4 класса гимназіи. И кажется не очень запомнила «курсъ».

Все шила. И «пришила» къ себѣ тѣло мужа, душу его, біографію его, «все» его.

«Нѣтъ Шперка, а есть Анна Лавровна».

Я безумно его любилъ за это («отреченіе отъ себя», «отъ эгоизма», отъ гордости и самолюбія).

25 декабря.

Стиль есть то, куда поцѣловалъ Богъ вещь.

(день Рождества. У мамы въ клиникѣ)

Какими-то затуманенными глазами гляжу я на міръ. И ничего не вижу.

И параллельно внутри вѣчная игра. Огни. Блестки. Говоры.

Шумъ народовъ. Шумъ бала.

И какъ росинки откуда-то падаютъ слезы.

Это душа моя плачетъ о себѣ.

(у постели больной мамы).

»

Стильныя вещи суть оконченныя вещи.

И посему онѣ уже мертвы. И посему онѣ уже вѣчны.

Потому-что онѣ не станутъ измѣняться. Но всегда останутся.

»»

Съ тѣмъ вмѣстѣ стиль есть нѣчто внѣшнее. Это наружность вещей. Кожа вещей. Но вѣдь у человѣка мы цѣлуемъ-же священныя *уста* и никто не вздумаетъ поцѣловать столь важное и нужное ему *сердце*.

(*въ Клиническ. институтѣ. У мамы*).

Струве осторожно, шажками въ вершокъ,—и я думаю въ осторожности этой неискренне,—подходитъ къ тезису, который надвигается какъ туча-ли, какъ день-ли, на всѣхъ насъ:

Нужно признать правительство.

Заботы о югѣ, о балканскихъ народностяхъ, «интересы на Черномъ морѣ»... Въ концѣ концовъ — возрожденная Россіею, т. е., in concreto, **Русскимъ правительствомъ,** жизнь народностей Балканскаго полуострова: скажите, пожалуйста, какую роль во всемъ этомъ играли «Письма Бѣлинскаго» «Michel» (Бакунинъ), Герценъ и его «Natalie», Чернышевскій, писавшій съ прописной буквы «Ты» своей супругѣ, и вся эта чехарда, и вся эта по-истинѣ житейская пошлость, вся эта мелочь до того дробная, что ее въ микроскопъ не разсмотришь,—вся эта наша литературная «обывательщина», не выступающая изъ рамокъ—«какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Даже зычныя рѣчи Ив. Аксакова и Славянскіе комитеты—чехарда и чехарда, исчезающая въ малости предъ фактомъ: «этотъ батальонъ, наконецъ, отлично стрѣляетъ».

«Этотъ батальонъ отлично стрѣляетъ»— вотъ *дѣло*, вотъ гиря на міровыхъ вѣсахъ, передъ которой «письма Бѣлинскаго къ Герцену» не важнѣе «писемъ къ тетенькѣ его Шпоньки» (у Гоголя). Но посмотрите, въ какой позѣ стоитъ Бѣлинскій съ его «письмами» передъ этимъ батальономъ, да и не одинъ Бѣлинскій, а и благоразум-

ный (теперь) Струве съ его статейками, и всѣ «мы», «мы»,—впрочемъ «они», «они»,—такъ какъ я рѣшительно къ этимъ знаменитымъ «письмамъ» не принадлежу.

Мнѣ давно становится глубоко противною эта хвастливая и подлая поза, въ которой общество корежится передъ «низкимъ» **правительствомъ**, «низость» коего заключается въ томъ одномъ, что оно одно было занято **дѣломъ**, и дѣломъ такихъ размѣровъ, на какіе свиное общество рѣшительно не въ силахъ было поднять свой хрюкающій «пятачекъ» (конецъ морды). Общество наше именно имѣло не *лицо*, а морду, и въ немъ была не душа, а свиной хрящикъ, и ни въ чемъ это такъ не выразилось, какъ въ подлѣйшемъ, въ подломъ изъ подлыхъ, отношеніи къ **своему правительству**, которое оно било цѣлый вѣкъ по лицу за то, что оно не читало «писемъ Бѣлинскаго» и не забросило батальоны ради «писемъ Бѣлинскаго».

Но съ **«письмами Бѣлинскаго»** и супругой Чернышевскаго, если бы подобно намъ и правительство сыропилось въ нихъ, повторяя

Ахъ, супруга ты супруга,
Ахъ, Небесная моя,

то Балканы и остались-бы конечно Балка-

нами, Сербія была-бы деревенькой у ногъ Австріи, болгарскія дѣвушки шли-бы въ гаремы турокъ, болгарскіе мужчины утирали-бы слезы, и т. д. и т. д., и прочее и прочее. Но самъ Струве, **САМЪ**, цѣлуетъ пятки и колѣнки подлому Желябову, считаетъ его «политическимъ геніемъ», а не хвастунишкой-мужиченкомъ, котораго бы по субботамъ слѣдовало пороть въ гимназіи, а при неисправленіи просто повѣсить, какъ чумную крысу съ корабля... Что-же это такое, что-же это за помѣсь **Безумія** и **Подлости**, что когда убили Александра II, который положилъ же свой **Трудъ** и **Потъ** за Балканы, тотъ-же Струве не выдавитъ изъ себя ни одной слезинки за Государя, ни одного добраго слова на его могилу, а льстиво и лакейски присюсюкиваетъ у Желябова, снимаетъ съ него носки и чешетъ ему пятки, какъ крѣпостная дѣвченка растопыренному барину...

Да, съ декабристовъ и даже съ Радищева еще начиная, наше **Общество** ничего рѣшительно не дѣлало, какъ писало «письма Шпоньки къ своей тетушкѣ», и всѣ эти «Герцены и Бѣлинскіе» упражнялись въ чистописаніи, гораздо безполезнѣйшемъ и глупѣйшемъ, чѣмъ Акакій Акакіевичъ...

Сею рукопись писалъ
И содержаніе онной не одобрилъ
Петръ Зудотѣшинъ.
Петръ Зудотѣшинъ.
Петръ Зудотѣшинъ.

Вотъ и всѣ «полныя собранія сочиненій» Герцена, Бѣлинскаго и «шестидесятниковъ».

Батальонъ и Элеваторъ.

Но кто его строилъ? Александръ II и Клейнмихель. Да, этотъ колбасникъ, котораго пришлось взять царямъ въ черный часъ исторіи,—потому-что собственное общество, потому-что **сами**-то русскіе всѣ скрылись въ «письмо тетеньки къ Шпонькѣ», въ обаятельную Natalie, и во весь литературный онанизмъ. Онанисты—вотъ настоящее имя для этого общества и этой литературы; онанисты подъ ватнымъ уѣзднымъ одѣяломъ, изъ «угольничковъ» сшитымъ, которые потѣютъ и занимаются своими гнусностями, предаваясь фантазіямъ надъ раздѣтой попадьей.

О, какія уѣздныя чухломскія чумички они, эти наши **соціалъ-демократы**, всѣ эти знаменитые **Марксисты**, всѣ эти **«Письма Бакунина»** и вѣчно топырящійся **ГЕРЦЕНЪ**. Чухлома, Ветлуга, пошлая попадья—и не болѣе, не далѣе. Никому они не нужны. Просто, они—**ничего**.

Эта потная Чухлома проглядѣла передъ своимъ носомъ

Александра II и **Клейнмихеля**, которые создали **Эрмитажъ**, создали **Публичную библіотеку**, создали **Академію Художествъ**, создали какъ-ни-какъ 8 **университетовъ**, которые если г...нные, то ужъ никакъ не по винѣ Клейнмихеля и Александра II, которые виновны лишь въ томъ, что не пороли на съѣзжей профессоришекъ, какъ слѣдовало-бы.

— **Во фрунтъ, потное отродье**, слѣдовало-бы имъ скомандовать.

— Вылѣзайте изъ подъ одѣяла, окачивайтесь студеной водой и пошлите дѣлать **СЪ НАМИ историческое дѣло** и освобожденія славянъ и постройки элеваторовъ.

Тутъ объясняется и какая-то жестокая расправа съ славянофилами:

— Эхъ, все это — **болтовня**, все это — «Птичка Божія не знаетъ», когда у насъ

Ничего нѣтъ.

Элеваторовъ нѣтъ.

Хлѣбъ гніетъ на корню.

Когда нѣмецъ или японецъ завтра насъ сотретъ съ лица земли.

— Въ солдаты профессоровъ!

Да, вотъ команда, которую, хоть ретроспективно, ждешь какъ манны небесной...

Боже мой: цѣлый вѣкъ тунеядства и такого хвастливаго.

Въ «Быломъ» о чумныхъ крысахъ разсказано «20 томовъ», сколько не было о *всей* борьбѣ Россіи съ Наполеономъ, сколько конечно нѣтъ о «всѣхъ элеваторахъ» на Руси, ни о Сусанинѣ, ни о всѣхъ Іоаннахъ, которые строили Русь и освободили ее отъ татаръ.

По-истинѣ, цари наши XIX вѣка повторяли работу московскихъ первыхъ царей—въ невозможныхъ условіяхъ хоть построить что-нибудь, хоть сохранить и сберечь что-нибудь. Въ «невозможныхъ условіяхъ»: т. к. когда общество ничего не дѣлаетъ и находитъ въ томъ свою гордость.

Безуміе, безуміе и безуміе; безумное общество.

Какъ объясняется и Аракчеевъ; какъ объясняются вспышки лютости въ нашемъ правительствѣ:

— **Да что-же вы ничего не дѣлаете?**

Объ Аракчеевѣ только и кричатъ, что онъ откусилъ кому-то носъ. Ну, положимъ, откусилъ, но вѣдь не осталась отъ этого «безносой» Россія. Подлецы: да шляясь по публичнымъ домамъ, вы не одинъ «носъ» потеряли, а 100 носовъ, 1000 носовъ, говорятъ даже у самого «финансиста» не до-

стлетъ носа, и если бы во-время **Звѣрь — Аракчеевъ** послалъ къ чорту эти бар...., то онъ—**Звѣрь**—сохранилъ-бы 1000 носовъ, и за 1000 носовъ можно обмѣнить одинъ откушенный. Нужно

ЖЕЛѢЗО.

Этимъ желѣзомъ и былъ «Сила Андреевичъ», къ которому придираются еще за «Наталью», хотя самъ придирающійся профессоръ лѣзетъ къ ночи къ своей «Парасковьѣ» на кухнѣ тоже подъ ватное одѣяло. И вообще это (любовницы) міровое и общее, а не «свойство Аракчеева».

Да **ОДИНЪ** Аракчеевъ есть гораздо болѣе значущая и болѣе **ТВОРЧЕСКАЯ**, а слѣдовательно даже и болѣе **ЛИБЕРАЛЬНАЯ** («движеніе **ВПЕРЕДЪ**») личность, чѣмъ всѣ ничтожества изъ 20-ти томовъ «Былого», съ Михайловымъ — «дворникомъ» и Тригони и всѣми романами и сказками «взрыва въ Зимнемъ дворцѣ». «Колоколъ» Гауптмана — въ него звонитъ Аракчеевъ, а не Тригони; Шиллеръ и Шекспиръ — писали объ Аракчеевѣ, а вовсе не о Желябовѣ. Поэзія-то, философія-то русской исторіи, ея святое мѣсто — и находится подъ ногами...

...страшно и слезно сказать, но какъ не выговорить, взирая на цѣлый Балканскій

полуостровъ, на **ВОЗРОЖДЕНІЕ** 18-ти милліоновъ народа, что

...эта святая земля нашей Россіи—подъ ногами, скажемъ ужасное слово, просто

КЛЕЙНМИХЕЛЯ.

Да. Лютеранина и нѣмца. Чиновника, чинодрала. Узкой душонки, которая умѣла только повиноваться.

Но она повиновалась, безропотно и идіотично, безропотно какъ летящій въ небесахъ ангелъ—

ЦАРЮ

который одинъ и сдѣлалъ все. Вотъ вамъ отвѣтъ на «Исторію русской литературы».

(за статьей Струве о Балканахъ, декабрь).

Благодари каждый мигъ бытія и каждый мигъ бытія увѣковѣчивай.

(почему пишу «Уедин.»).

Смыслъ — не въ Вѣчномъ; смыслъ въ Мгновеніяхъ.

Мгновенія-то и вѣчны, а Вѣчное—только «обстановка» для нихъ. Квартира для

жильца. Мгновеніе—жилецъ, мгновеніе—«я», Солнце.

Міръ живетъ великими завороженіями.
Міръ вообще есть ворожба.
И «круги» исторіи, и эпициклы планетъ.

Богъ охочъ къ міру. А міръ охочъ къ Богу.

Вотъ религія и молитвы. Міръ «причесывается» передъ Богомъ, а Богъ говоритъ («Бытіе», 1) «какъ это—хорошо». И каждая вещь, и каждый день.

Немножко и міръ «ворожитъ» Бога: и отдалъ Сына своего Единороднаго за міръ.

Вотъ тайна.

Ахъ, не холодѣетъ, не холодѣетъ еще міръ. Это — только кажется. Горячность — сущность его, любовь есть сущность его.

И смуглый цвѣтъ. И пышущія щеки. И перси міра. И тайны лона его.

И маленькій Розановъ, гдѣ-то закутавшійся въ его персяхъ. И вѣчно сосущій изъ нихъ молоко. И люблю я этотъ сосокъ міра, смуглый и благовонный, съ чуть-чуть волосами вкругъ. И держатъ мои ладони упругія груди, и далекимъ знаніемъ знаетъ Главизна міра обо мнѣ и бережетъ меня.

И даетъ мнѣ молоко и въ немъ мудрость и огонь.

Потому-то я люблю Бога.

(24-го декабря 1912, у мамы въ клиникѣ).

ОПЕЧАТКИ.

стран.:	*напечатано:*	*нужно читать:*
39	извѣстны	извѣчны
40	намъ заплакать	какъ заплакать
170	договора	заговора
178	«. . . .»	мама
212	мужскія изобрѣтенія	мужскія изображенія
185	обнялъ ли	обнялъ бы
269	ц. бьетъ	церковь бьетъ
316	меня за	меня за бракъ
316	не осуждаетъ	не осуждаетъ мою Варю
316	меня съ	съ дѣтьми
386	она сказала	церковь сказала

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

понятій, фактовъ, лицъ въ «УЕДИНЕННОМЪ», «ОПАВШИХЪ ЛИСТЬЯХЪ» и въ КОРОБѢ 2-МЪ «Оп. Л.»

АВРААМЪ и его завѣтъ съ Богомъ. Уед., 129, 138. Оп. л., 201. Коробъ 2, 41.

АВТОНОМІЯ университетовъ. Оп. л., 465. Коробъ 2, 403—408.

АДАМЪ. Оп. л., 165.

АДЪ. Оп. л., 141.

АПИСЪ. Оп. л., 454.

АРАКЧЕЕВЪ. Коробъ 2, 435—436.

АРМЯНЕ. Коробъ 2, 165.

АРХІЕРЕИ. Оп. л., 231.

АСКЕТИЗМЪ. Оп. л., 68, 69—70, 71—72, 358. Коробъ 2, 66.

БАКСТЪ (художникъ). Коробъ 2, 189.

БАШКИРЦЕВА (художница) Уед., 52.

БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ. Оп. л., 26—27, 242—245, 449. Коробъ 2, 254—256, 358.

БИБЛІЯ. Оп. л., 16.

БЛАГОРОДНОЕ. Оп. л., 245.

БОГАТСТВО. Коробъ 2, 50.
БОГОРОДИЦЫ ХЛЫСТОВСКІЯ. Оп. л., 121.
БОГОСЛОВСКІЯ РАЗСУЖДЕНІЯ. Коробъ 2, 72.
БОГЪ. Уед., 62, 116—119, 124, 129, 138, 139, 147, 148, 149, 220. Оп. л., 8, 13, 14; 74, 78, 105, 114—115, 172, 229, 282, 305, 351, 364, 368, 430, 522. Коробъ 2, 23, 158, 273, 292, 319, 342, 417, 418, 438—439.
«БОЖЬІІ ЛЮДИ». Коробъ 2, 172.
БОЛТУНЪ РУССКІЙ. Оп. л., 463.
БОЛЬ ДУШЕВНАЯ. Уед., 76, 251. Оп. л., 30, 90, 254, 471. Коробъ 2, 268, 332.
БОЛЬ ЖИЗНИ. Уед., 32.
БОЛЬ МІРОВАЯ. Оп. л., 342.
БРАКЪ. Уед., 261. Оп. л., 56—66, 68, 287—293, 316, 350, 358, 499—505. Коробъ 2, 173, 188—190, 190 *bis*, 191, 202—204, 372—375, 376—378, 378—379, 383, 393.
БРАТСТВО людей. Коробъ 2, 363.
БУНТЪ. Уед., 123, 284.
БУРЖУА и БУРЖУАЗІЯ. Уед., 102—103. Оп. л. 480, 487—488.
БЫТЪ, БЫТОВЫЯ МЕЛОЧИ. Уед., 24—25, 37—38, 211. Оп. л., 46—47, 79, 125—128. Коробъ 2, 209.
БЮРОКРАТІЯ. Оп. л., 409, 410, 411.
БѢДНОСТЬ. Коробъ 2, 50.
БѢСОВСКОЕ начало въ мірѣ. Коробъ 2, 413.

ВДОХНОВЕНІЕ. Уед., 6, 27. Оп. л., 1.
ВЕЛИКІЕ ЛЮДИ. Коробъ 2, 271—272.
ВЕЛИКОЕ. Оп. л., 321.
ВЕЧЕРЪ КОСМИЧЕСКІЙ. Оп. л., 140. Коробъ 2, 342.

ВЗДОХЪ, вздохи, самораскаяніе. Коробъ 2, 422—425.
ВИЗАНТІЯ. Оп. л., 335.
ВИНА, чувство вины. Уед., 77.
ВИНАВЕРЪ. Оп. л., 469, 475—476.
ВЛІЯНІЕ. Коробъ 2, 158.
ВНИМАНІЕ. Оп. л., 15.
ВНУКИ, внучата. Коробъ 2, 209—210.
ВОЗРАСТЪ совокупленія какъ опредѣляется. Коробъ 2, 376—378.
ВОРОВСКОЙ ЯЗЫКЪ. Коробъ 2, 22.
ВОРОЖБА МІРОВАЯ. Коробъ 2, 438, 438—439.
ВОСПИТАНІЕ. Оп. л., 221, 392, 400, 450.
ВОСТОРГЪ. Оп. л., 107.
ВСЕЛЕННАЯ (см. еще МІРЪ). Коробъ 2, 342.
ВЫБОРНАЯ СИСТЕМА, выборы въ Госуд. Думу. Оп. л., 468—469.
ВЫРОСТАНІЕ, ростъ. Оп. л., 356—357.
ВѢДѢНІЕ. Оп. л., 338.
ВѢРА ВЪ СЕБЯ. Коробъ 2, 379.
ВѢРНОСТЬ. Оп. л., 351.
ВѢЧНОСТЬ, вѣчное. Оп. л., 320. Коробъ 2, 437—438.

ГАЗЕТЫ. Уед., 7—8, 10—13, 79. Оп. л., 465.
ГЕРОИЗМЪ. Коробъ 2, 358.
ГѲѲСИМАНІЯ. Оп. л., 447—449.
ГИМНАЗИСТЫ. Коробъ 2, 205, 206—207.
ГЛАВИЗНА МІРА. Коробъ 2, 439.
ГОЛОДНЫЕ, ГОЛОДЪ. Уед., 104—106. Коробъ 2, 48—51.
ГОРЕ. Оп. л., 321.
ГОРЯЧНОСТЬ МІРОВАЯ. Коробъ 2, 439.
ГОСУДАРСТВО. Оп. л., 16, 391, 411.
ГРЕКИ. Коробъ 2, 193.

ГРИБНАЯ ЛАВКА. Оп. л., 46.
ГРИБЫ. Коробъ 2, 195—198.
ГРУБОСТЬ. Оп. л., 408, 470.
ГРУДИ ЖЕНСКІЯ. Оп. л., 287—288, 358.
ГРУДИ КОСМИЧЕСКІЯ. Коробъ 2, 438—439.
ГРУСТЬ. Оп. л., 164—165, 303, 407, 474. Коробъ 2, 39.
ГРѢХЪ. Уед. 84, 204. Оп. л., 105, 175, 261, 333, 407, 417.
ГУМАННОСТЬ. Оп. л., 370.
ГУТТЕНБЕРГЪ. Уед., 9, 107, 163. Оп. л., 223, 262. Коробъ 2, 179, 334—336.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. Коробъ 2, 5, 6—7, 18—21, 23.
ДЕКАБРИСТЫ, 14-ое декабря. Уед., 68—69. Оп. л., 123. Коробъ 2, 28, 340.
ДЕКАДЕНТЫ. Уед., 4, 286.
ДЕМОКРАТІЯ,—краты. Уед., 39. Оп. л., 94—97, 432—433. Коробъ 2, 48—51, 76—77, 222, 223.
ДЕМОНИЧЕСКОЕ начало въ мірѣ, см. БѢСОВСКОЕ н. въ м.
ДІАЛЕКТИЧЕСКІЯ вещи и процессы. Уед., 62.
ДІОНИСЪ. Оп. л., 59.
ДОБРОДѢТЕЛЬ. Уед., 295. Коробъ 2, 192, 193, 362—363.
ДОБРОТА. Коробъ 2, 363.
ДОБЧИНСКІЙ,—нскіе. Уед., 96—97, 99, 100—101. Оп. л., 78.
ДОКТОРА. Уед., 244—245. Оп. л., 371, 383—388, 406, 496—498.
ДОЛГЪ. Уед., 184, 198.
«ДРУГЪ». Уед., 110, 133, 177, 179, 244—245, 249, 252, 253, 254, 256, 257, 259, 260, 261, 274, 286, 294. Оп. л., 11, 22—23, 73, 176, 177, 186, 190,

240 (*портретъ*), 276, 297, 301, 306—307, 314, 323, 324, 353—354, 354 (*портретъ*), 360, 361, 364, 377, 380, 383—388, 404, 405, 406, 454, 455, 456—457, 458—460, 496—498, 521, 523. **Коробъ** 2, 13—14, 16—17, 38—39, 43, 51, 103—105, 107, 107—110, 179, 182, 183, 185, 185 *bis*, 240, 242—248, 250—251, 252—254, 254—256, 256—258, 284, 286, 286 *bis*, 291, 305—307, 312—313, 313—314, 316, 317, 320, 341, 358, 359—360, 386, 386 *bis*, 388, 393, 394, 395.

ДРУЖБА. **Оп. л.**, 5, 351, 434.

ДРУЗЬЯ МОИ. **Уед.**, 4—5, 22—23, 37—38, 227—233. **Оп. л.**, 26, 53, 63, 82, 219—221, 225—227, 228, 232—233, 435—436.

ДУМА ГОСУДАРСТВЕННАЯ. **Оп. л.** 413, 463, 468—469.

ДУМАНЬЕ. **Оп. л.**, 334.

ДУХОВЕНСТВО НАШЕ. **Уед.** 266—267. **Оп. л.**, 56—66, 67, 110, 125—128, 154, 169, 231, 325, 326, 358, 403, 414. **Коробъ 2**, 292, 293, 310, 324, 325, 326—327, 400—402, 421, 421 *bis*.

ДУХЪ. **Уед.**, 114, 115. **Оп. л.**, 287, 347, 434.

ДУША. **Уед.**, 152. **Оп. л.**, 102, 105, 163, 282, 315, 339, 368, 465. **Коробъ 2**, 400.

ДУША МІРА. **Оп. л.**, 282.

ДУЭЛЬ. **Оп. л.**, 47.

ДѢВСТВЕННОСТЬ. **Коробъ 2**, 207—208.

ДѢВСТВО. **Оп. л.**, 69—70, 289—290, 333. **Коробъ 2**, 83—89.

ДѢВУШКИ. **Уед.** 198. **Оп. л.**, 55, 68, 69—70, 267, 289—290, 316, 333, 392, 393. **Коробъ 2**, 68, 87, 100, 207—208, 414—416.

ДѢДЫ, — инстинктъ «стать дѣдомъ, бабушкою»,—влеченіе къ оплодотворенію дѣтей. **Коробъ 2**, 372—375.

ДѢТИ. Уед., 256. Оп. л. 269, 333, 356—357, 358, 389. Коробъ 2, 398.

ЕВАНГЕЛІЕ. Оп. л., 167, 255—256, 494—495. Коробъ 2, 53—54, 394, 403.
ЕВРЕИ. Уед., 83—93, 174. Оп л., 52, 84—85, 114—115, 166, 171, 193, 283, 320, 343, 408, 418, 428, 477, 519. Коробъ 2, 63—64, 80, 105, 175, 176, 176 *bis*, 176 *trit.*, 186—187, 200, 210.
ЕГИПЕТЪ. Оп. л., 454.
ЕЖЕДНЕВНОЕ. Уед., 28.

ЖАЛОСТЬ. Оп. л., 33, 34.
ЖЕЛЯБОВЪ. Оп. л., 121—123. Коробъ 2, 344—345.
ЖЕНА. Оп. л., 179. Коробъ 2, 173, 203, 425—428.
ЖЕНСКІЙ МІРЪ. Коробъ 2, 41.
ЖЕНСКІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ. Оп. л., 179.
ЖЕНЩИНА,—НЩИНЫ. Оп. л., 287. Коробъ 2, 381, 393, 416—417, 425.
ЖИВОТЪ БЕРЕМЕННЫЙ. Оп. л., 287—288, 290.
ЖИЗНЬ. Уед., 28, 145, 152, 154, 195—196, 207, 237. Оп. л., 6, 15, 76, 154, 235—237, 250, 254, 268, 281, 320, 321, 324, 327, 332, 355, 367, 368. Коробъ 2, 5, 154, 198—200, 204—205, 287, 317, 317 *bis*, 318, 328—329, 397—398.
ЖРЕБІЙ. Оп. л., 469.
ЖУРНАЛЫ. Оп. л., 467. Коробъ 2, 165, 185.

ЗАБАСТОВКИ. Уед., 165—166.
ЗАББЕПЕ. Коробъ 2, 52.
ЗАВѢТЪ ВЕТХІЙ. Уед., 129. Оп. л., 253, 255—256, 448, 478.
ЗАВѢТЪ НОВЫЙ. Оп. л., 448, 475.
ЗАГРОБНАЯ ЖИЗНЬ. Уед., 265, 287, 288. Оп. л., 13.

ЗАМУЖЕСТВО. Оп. л., 267, 289—293, 499—505.
ЗАНАВѢСЪ ВЪ СКИНІИ МОИСЕЕВОЙ. Оп. л., 253.
ЗАПАДНИЧЕСТВО. Оп. л., 444—445.
ЗАПУТАННОСТЬ МІРА. Коробъ 2, 42.
ЗАЧАТІЕ ДѢТЕЙ. Оп. л., 56—66, 426.
ЗДОРОВЬЕ. Оп. л., 454.
ЗНАНІЕ. Коробъ 2, 7.

ИЗДАВАНІЕ классическихъ авторовъ. Оп. л. 98—101, Коробъ 2, 75.
ИЗМѢНЫ СУПРУЖЕСКІЯ. Оп. л., 212—213.
ИЗМѢНЧИВОСТЬ ВЕЩЕЙ (см. еще слова: КРИВИЗНА, ЛИНЮЧЕСТЬ и ПРОХОДИМОСТЬ). Коробъ 2, 34—37, 262—263.
ИМУЩЕСТВО. Уед., 255.
ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ. Уед., 116—119.
ИНОСТРАНЦЫ въ Россіи. Оп. л., 149—150.
ИНТЕЛЛИГЕНТЫ,—НЦІЯ. Оп. л., 283.
ИНТИМНОСТЬ. Уед., 116—119.
ИСКРЕННОСТЬ. Коробъ 2, 192, 194.
ИСТОРІЯ. Оп. л., 32, 140.

ІЕГОВА. Оп. л., 201.
ІЕЗЕКІИЛЬ. Коробъ 2, 10.
ІОВЪ. Коробъ 2, 49—50.

КАБАКЪ. Оп. л., 259, Коробъ 2, 23.
КАЗНА, КАЗЕННОЕ. Оп. л., 412.
КАНОНИЧНОСТЬ въ церкви. Оп. л., 183, 298, 299.
КАНОНЫ ЦЕРКВИ. Оп. л., 183, 335. Коробъ 2, 67—68, 269—270.
КАРПОВИЧЪ, убійца Боголѣпова. Коробъ 2, 410.
КЛЕЙНМИХЕЛЬ. Коробъ 2, 437.

КНИГА. Оп. л., 25, 337, 520. Коробъ 2, 270—271.
КНИГОПЕЧАТАНІЕ. Уед., 9. Оп. л., 25, 262—263.
КОНСЕРВАТИЗМЪ,—АТОРЫ. Уед., 272.
КРЕСТЪ. Оп. л., 447—449.
КРИВИЗНА міра. Оп. л., 425. Коробъ 2, 34—37, 191.
КУРСИСТКИ. Коробъ 2, 224—225, 225—226.
КУХОННАЯ КНИЖКА моя. Оп. л., 182.

ЛИБЕРАЛИЗМЪ, 464—467.
ЛИНЮЧЕСТЬ, ЛИНЯНІЕ МІРА (см. также: слова ИЗМѢНЧИВОСТЬ, КРИВИЗНА МІРА). Оп. л., 425, 319.
ЛИТЕРАТУРА вообще. Уед., 107, 134. Оп. л., 19—21, 43, 91. 98—101, 148, 215—216, 248, 249. 261, 262—266. 373. Коробъ 2, 184, 336—337.
ЛИТЕРАТУРА русская. Уед., 19—21, 41—42, 64—69, 94—95. Оп. л., 20—21, 43, 120, 214, 222—223, 258, 260, 285, 294—296, 441—443, 451—453. Коробъ 2, 334—336, 336—337, 429—437.
ЛИТЕРАТУРА современная. Уед., 19—21, 41—42, 64—69, 73, 81, 82, 99, 101. Оп. л., 259, 441—443. Коробъ 2, 168—170, 171, 221—222, 334—336, 386.
ЛИТЕРАТУРА французская. Оп. л., 206—209.
ЛИТЕРАТУРНОСТЬ. Оп. л., 19.
ЛИТЕРАТУРНОСТЬ души. Коробъ 2, 305.
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФОНДЪ. Коробъ 2, 65.
ЛОЖЕСНА разверстыя. Оп. л., 256.
ЛОЖЬ. Уед., 185—186.
ЛОНО МІРОВОЕ. Коробъ 2, 438.
ЛЮБОВАНІЕ. Оп. л., 282, 287.
ЛЮБОВЬ. Уед., 58—61, 133, 205. Оп. л., 2, 11, 25, 90, 172, 177—178, 181, 211—213, 292, 322, 334, 344, 351. Коробъ 2, 18, 43—44, 202—204, 310.

ЛЮДИ. Уед., 42, 113, 133, 137. Оп. л., 1, 2, 5, 6, 15, 32, 33, 34, 76, 78—79, 80, 104, 105, 106, 107, 141, 167—168, 169, 170, 174, 203, 367, 470. Коробъ 2, 287, 317, 317 *bis*, 385.

МАРКСИСТЫ. Оп. л., 493.
МАТЬ, МАТЕРИНСТВО. Оп. л., 33, 269, 333.
МАТЬ «ДРУГА». Уед., 263. Оп. л., 9—11, 238 (*портретъ ея*), 239—241, 306—307, 329.
МАТЬ МОЯ. Уед., 264. Оп. л., 133, 236—238, 271—274, 403. Коробъ 2, 279.
МГНОВЕНІЕ,—НІЯ. Коробъ 2, 437—438.
МЕЛОЧИ дня и быта. Коробъ 2, 220.
МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ возрастъ человѣка. Коробъ 2, 397—398.
МЕЧТА. Уед., 243. Коробъ 2, 164, 318.
МЕЧТАТЕЛЬ. Оп. л., 113.
МІКВА у евреевъ. Уед., 83—93.
МІЛОСЕРДІЕ. Коробъ 2, 391.
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВѢЩЕНІЯ. Оп. л., 452.
МИСТИКА,—ИКИ,—ИЦИЗМЪ. Оп. л., 41.
МИТРОПОЛИТЪ петербургскій. Коробъ 2, 292.
МІРОВАЯ ЗАСТѢНЧИВОСТЬ. Уед., 84.
МІРЪ, ВСЕЛЕННАЯ. Оп. л., 13, 32, 33, 111, 140, 201, 303—305, 338, 425. Коробъ 2, 438, 438—439.
МЛАДЕНЕЦЪ,—ЕНЦЫ. Оп. л., 68.
МОГИЛА. Уед., 278, 282. Оп. л., 281, 344, 382.
МОЛИТВА. Уед., 108—109, 221, 269. Оп. л., 4. Коробъ 2, 256—258, 287, 337, 340.
МОЛОДАЯ ЛУНА, новолуніе. Коробъ 2, 337.
МОЛОДЕЖЬ. Оп. л., 106, 389, 392, 393. Коробъ 2, 288—289, 307, 343—344.
МОЛОДОЕ ПОКОЛѢНІЕ. Оп. л., 89, 389.
МОЛОКО МІРОВОЕ. Коробъ 2, 439.
МОЛЧАНІЕ. Коробъ 2, 342.

МОНАШЕСТВО. Оп. л., 68, 69—70, 71—72.
МОРАЛЬ. Уед., 152, 155, 175.
МУЖЧИНА. Оп. л., 55. Коробъ 2, 425.
МУЖЪ. Оп. л., 289, 316. Коробъ 2, 173, 203, 425—428.
МЫСЛЬ. Коробъ 2, 408.

НАКАЗАНІЕ. Оп. л., 141, 417.
НАРОДЪ РУССКІЙ. Оп. л., 180.
НАШЕ ВРЕМЯ. Оп. л., 167—168. Коробъ 2, 5, 6—7.
НАЦІОНАЛЬНОСТЬ. Оп. л., 224.
НЕВѢСТИТЬСЯ. Оп. л., 201.
НЕПОСТОЯНСТВО МІРА. Оп. л., 425.
НЕПРАВДИВОСТЬ. Коробъ 2, 27.
НЕСВОЕВРЕМЕННЫЯ СЛОВА въ литературѣ. Оп. л., 222—223.
НИГИЛИЗМЪ,—ЛИСТЫ. Уед., 123. Коробъ 2, 165, 230, 232—236, 325.
НОВОБРАЧІЕ. Коробъ 2, 337.
НРАВСТВЕННОСТЬ. Уед., 152, 155, 172, 247. Оп. л., 124, 189—191, 437—439.
НУМИЗМАТИКА. Оп. л., 431.
НѢЖЕНЬЕ. Оп. л., 304.
НѢЖНОСТЬ, НѢЖНЫЯ ИДЕИ. Оп. л., 244, 281, 303. Коробъ 2, 158.
НѢМЕЦЪ. Коробъ 2, 165, 425—428.
НЯНЯ,—ЯНИ. Оп. л., 450.

ОБРАЗЪ МЫСЛЕЙ. Оп. л., 279.
ОБРѢЗАНІЕ у евреевъ. Уед., 138. Оп. л., 448. Коробъ 2, 337.
ОБЩЕСТВЕННОСТЬ. Уед., 111, 140, 141—142, 292—293. Коробъ 2, 18—21.
ОБЩЕСТВО. Оп. л., 5, 6, 349, 373.

ОБЩЕСТВО и ЕГО РОЛЬ ВЪ ПОЛИТИКѢ. Коробъ 2, 244, 429—437.
ОГОНЬ МІРОВОЙ. Коробъ 2, 439.
ОЗНОБЪ ДУШИ. Оп. л., 102, 110, 181. Коробъ 2, 285, 291.
ОПЛОДОТВОРЕНІЕ (см. еще СОВОКУПЛЕНІЕ). Коробъ 2, 372—375.
ОППОЗИЦІЯ, — ЦІОННОСТЬ. Оп. л., 120—121, 284. Коробъ 2, 200—202.
ОРАТОРСТВО. Оп. л., 399.
ОРГАНЫ ОЩУЩЕНІЯ. Коробъ 2, 62.
ОСЕНЬ КОСМИЧЕСКАЯ. Оп. л., 106.
ОТВРАЩЕНІЕ. Коробъ 2, 154.
ОФФИЦІАЛЬНОСТЬ. Коробъ 2, 233—236.

ПАМЯТНИКИ. Оп. л., 251—252. Коробъ 2, 220, 388.
ПАРЛАМЕНТЪ (нашъ). Коробъ 2, 353—355.
ПАРТІИ политическія, —РТІЙНОСТЬ. Оп. л., 413.
ПАТРІАРХЪ, —ршество. Коробъ 2, 318.
ПЕДАГОГИКА. Оп. л., 494—495.
ПЕРОВСКАЯ Софья. Коробъ 2, 165.
ПЕТЕРБУРГЪ. Коробъ 2, 314—315.
ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ. Коробъ 2, 399.
ПЕЧАЛЬ. Оп. л. 303, 349, 480. Коробъ 2, 337.
ПЕЧАТЬ. Уед., 7—8, 9, 107, 291. Оп. л., 91, 103, 159, 163. Коробъ 2, 55 — 56, 57, 69 — 71, 74, 328, 334—336, 387, 387 *bis*.
ПИСАТЕЛИ вообще. Уед., 35. Оп. л., 35, 48—49, 154, 214, 215—216, 249, 267, 331, 462. Коробъ 2, 13, 179, 309, 327.
ПИСАТЕЛИ.
Аксаковъ И. С. Коробъ 2, 103.
Амфитеатровъ. Коробъ 2, 335.
Андреевъ Леонидъ. Коробъ 2, 20, 21.
Анненскій (соц.-дем.). Коробъ 2, 105, 201.

ПИСАТЕЛИ.

Бакунинъ. Уед., 46.
Бальмонтъ. Оп. л., 161—162.
Башкирцева. Уед., 52.
Благосвѣтловъ. Оп. л., 120. Коробъ 2, 223, 229.
Блокъ Ал. Оп. л., 276.
Боборыкинъ. Уед., 167. Оп. л., 146, 147. Коробъ 2, 335.
Бокль. Коробъ 2, 350.
Брихничевъ Іона. Коробъ 2, 73.
Булгаковъ С. Н. Уед., 166. Коробъ 2, 330.
Буслаевъ. Уед., 209. Оп. л., 397, 452.
Бѣлинскій. Уед., 102—103. Коробъ 2, 432, 433.

Вейнингеръ. Оп. л., 50—52.
Венгеровъ. Оп. л., 99. Коробъ 2, 27, 28.
Виноградовъ, проф. Оп. л., 453.
Вольтеръ. Коробъ 2, 401.

Гаррисъ. Оп. л., 158.
Герценъ. Уед., 5, 46, 102—103. Оп. л., 95, 149—150, 260. Коробъ 2, 21—22, 193—194, 343, 400—401.
Герье, проф. Оп. л., 452.
Говоруха-Отрокъ. Коробъ 2, 19.
Гоголь. Оп. л., 134—139, 295—296, 336, 376, 483. Коробъ 2, 46, 47, 155, 157, 183, 242—248, 303.
Горнфельдъ. Уед., 49. Коробъ 2, 221.
Горькій Максимъ. Уед., 225, 226, 229, 230. Коробъ 2, 19, 30, 172.
Грибоѣдовъ. Оп. л., 260.
Гофштетеръ. Коробъ 2, 412.
Гуревичъ Любовь. Коробъ 2, 201.

ПИСАТЕЛИ.

Даль Влад. Коробъ 2, 22.
Данте. Коробъ 2, 192.
Дарвинъ. Коробъ 2, 59—60, 350.
Достоевскій. Уед., 21. Оп. л., 362. Коробъ 2, 19, 21, 103, 219, 228, 387.

Изгоевъ. Уед., 165—166. Коробъ 2, 175.
Измайловъ А. А. Коробъ 2, 24.
Ивановъ Евг. П. Коробъ 2, 58.
Иванчинъ-Писаревъ. Уед., 49-50.

Карѣевъ, проф. Коробъ 2, 27.
Катковъ. Коробъ 2, 47—48.
Кожевниковъ Вл. А. Коробъ 2, 282.
Коноплянцевъ А. М. Оп. л., 309.
Корецкій (стихотворецъ). Оп. л., 48—49.
Короленко. Уед., 50—51. Коробъ 2, 201, 221, 226.
Купринъ. Коробъ 2, 103.
Кускова Елизавета. Оп. л., 187. Коробъ 2, 232, 350.
Кусковъ Пл. А. Коробъ 2.

Левинъ. Оп. л., 44.
Ледневъ см. Свѣчинъ.
Леонтьевъ К. Н. Оп. л., 199—200, 437—439, 478—480, 481—492. Коробъ 2, 19, 26.
Лермонтовъ. Оп. л., 294.

Майковъ Ап. Н. Коробъ 2, 56.
Мельшинъ. Коробъ 2, 105.
Мережковскій. Уед., 156—157. Оп. л., 275—277, 472—474. Коробъ 2, 247, 422—425.
Метерлинкъ. Уед., 95. Коробъ 2, 26.
Милль Д. С. Оп. л., 258.
Мильтонъ. Коробъ 2, 193.

ПИСАТЕЛИ.
Минскій. Уед., 74.
Михайловскій Н. К. Уед., 102—103. Коробъ 2, 55, 73, 229.
Морозовъ Н. Уед., 62—63.
Мякотинъ. Уед., 49.

Незлобинъ-Дьяковъ. Оп. л., 120.
Некрасовъ. Уед., 19, 29—31, 102—103, 193. Коробъ 2, 14, 28, 209, 288.
Ницше. Уед., 121. Оп. л., 217—218.
Новиковъ. Оп. л., 222—223.
Новоселовъ М. А. Коробъ 2, 281—282, 330.

Оль-Д'Оръ. Оп. л., 462.

Пантелѣевъ. Коробъ 2, 228.
Паскаль. Оп. л., 42.
Перцовъ П. П. Коробъ 2, 43, 231, 304.
Петрищевъ. Уед., 49. Коробъ 2, 221.
Петровъ Григорій, ех-свящ. Уед., 33, 80, 290. Оп. л., 108—109, 335—336, 356, 399.
Пиндаръ. Коробъ 2, 193.
Писаревъ (критикъ). Коробъ 2, 291, 384—385.
Пиѳагоръ. Коробъ 2, 324.
Платонъ, греч. фил. Оп. л., 78. Коробъ 2, 255, 322—323, 324.
Побѣдоносцевъ. Уед., 33, 233.
Погодинъ. Оп. л., 258.
Прудонъ. Оп. л., 149.
Пушкинъ А. С. Оп. л., 191, 247, 285, 294—295, 310—314. Коробъ 2, 26—27, 291, 384—385.
Пѣшехоновъ. Уед., 48. Коробъ 2, 102, 226.

Радищевъ. Оп. л., 222—223.
Рачинскій С. А. Уед., 233. Оп. л., 28—30 358. Коробъ 2, 24.
Ренанъ. Коробъ 2, 350.

ПИСАТЕЛИ.

Романовъ И. Ѳ. см. Рцы.
Руссо Ж. Ж. Коробъ 2, 401.
Рцы. Уед., 227. Оп. л., 30—31, 63, 219—221, 435. Коробъ 2, 24, 44—46, 64—65, 186—187, 229, 304, 311—312, 336.
Рѣпинъ И. Е. Уед., 39—40. Оп. л., 135—136.

Свѣчинъ. Оп. л., 226—227.
Сервантесъ. Коробъ 2, 96.
Скворцовъ В. М. Уед., 11—13.
Соловьевъ Влад. Уед., 228, 232. Оп. л., 28. Коробъ 2, 330, 488.
Соловьевъ Мих. Петр. Коробъ 2, 15.
Сологубъ Ѳ. К. Оп. л., 288, 291—292.
Спенсеръ (позитивистъ-философъ). Оп. л., 42, 129—133. Коробъ 2, 321, 350.
Спиноза. Оп. л., 114.
Стасюлевичъ. Коробъ 2, 228.
Страховъ Н. Н. Коробъ 2, 5, 17, 18, 24.
Струве П. Б. Оп. л., 121—122. Коробъ 2, 35, 90, 399.
Суворинъ А. С. Оп. л, 142—145, 419—420. Коробъ 2, 174, 174—175.

Тернавцевъ В. А. 198—200.
Тиграновъ. Уед., 228.
Толстая С. А. Оп. л., 290.
Толстой Л. Н., графъ. Уед., 29, 68—69, 96—98, 122—123, 150, 151, 231—232. Оп. л.. 28—29, 40, 155, 197, 294, 296, 376, 517. Коробъ 2, 20, 21, 219—220, 278—279, 399.
Тургеневъ. Уед., 159. Коробъ 2, 43, 54.

Успенскій Гл. Ив. Уед., 102—103. Коробъ 2, 13, 43.
Устьинскій Ал. П., свящ. Уед., 22—23. Коробъ 2, 13, 43.

ПИСАТЕЛИ.
Фаресовъ. Коробъ 2, 169.
Фигнеръ Вѣра. Коробъ 2, 410.
Философовъ Д. В. Оп. л., 111—112. Коробъ 2, 43.
Флоренскій П. А., свящ. Уед., 227. Оп. л., 151, 178, 451. Коробъ 2, 24, 52, 269—270, 282, 292, 330—331, 336.
Фонвизинъ. Коробъ 2, 60—61, 411—412.
Храповицкій Антоній. Оп. л., 61.
Хрущовъ. Коробъ 2, 413.
Цвѣтковъ С. А. Оп. л., 451. Коробъ 2, 285, 330, 336.
Чернышевскій Н. Гр. Уед., 43—47. Коробъ 2, 223, 350, 352.
Чуковскій. Уед., 194.
Шараповъ С. Ѳ. Уед., 218—219. Оп. л., 232—233.
Шперкъ Ѳ. Э. Уед., 227, 230—231. Оп. л., 26—27, 225—227, 228. Коробъ 2, 427—428.
Штраусъ. Коробъ 2, 350.
Щедринъ. Уед., 20—21, 197. Коробъ 2, 24, 47, 164—165, 209.
Щербова Над. Ром. Оп. л., 250—254. Коробъ 2, 79, 282.

ПИСАТЕЛЬСТВО. Уед., 35. Оп. л., 35, 48—49, 154, 214, 215—216, 249, 267, 331, 462. Коробъ 2, 13, 179, 334—336.

ПИСЬМА писателей и частныхъ людей. Оп. л., 215—216.

ПЛАНЪ изданія моихъ сочиненій,—въ случаѣ «†». Коробъ 2, 295—299.

ПЛАТОНЪ КАРАТАЕВЪ. Уед., 122—123.

ПЛОДОРОДІЕ. **Оп. л.**, 56—66. **Коробъ 2**, 421.
ПОБІЕНІЕ КАМНЯМИ въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ *привилегія* однѣхъ только *евреекъ*-прелюбодѣицъ. **Коробъ 2**, 334.
ПОГРОМЪ,—ОМЫ евреевъ. **Коробъ 2**, 176—177.
ПОДОЛЪ юбки. **Оп. л.**, 253.
ПОДЧИНЕННОСТЬ женщины. **Коробъ 2**, 416—417.
ПОЗИТИВИЗМЪ,—ИСТЫ. **Уед.**, 108—109, 268. **Оп. л.**, 103, 326.
ПОЛЕМИКА. **Оп. л.**, 421.
ПОЛИТИКА. **Оп. л.**, 413. **Коробъ 2**, 29—34, 400.
ПОЛИЦІЯ. **Коробъ 2**, 198—200.
ПОЛІАНДРІЯ въ инстинктахъ человѣчества. **Коробъ 2**, 275—276, 278—279.
ПОЛОВОЕ соединеніе. **Оп. л.**, 56—66, 74—75.
ПОЛОВЫЕ ОРГАНЫ (см. также еще ОБРѢЗАНІЕ). **Оп. л.**, 74—75. **Коробъ 2**, 248, 332—334, 378—379, 421.
ПОЛЪ человѣка и вообще живыхъ существъ и вообще въ космогоніи. **Уед.**, 138. 169—170, 195—196, 198. **Оп. л.**, 50—52, 55, 56—66, 74—75, 192—193, 290—291, 293, 499—505. **Коробъ 2**, 264—265. (см. еще слова: БРАКЪ, ДѢДЫ, РОДСТВО, СОВОКУПЛЕНІЕ).
ПОПЫ. **Уед.**, 35. **Оп. л.**, 110, 325. **Коробъ 2**, 10, 242, 310.
ПОРОКИ,—ОЧНОСТЬ **Уед.**, 115. **Коробъ 2**, 192, 192 *bis*, 302.
ПОТОМСТВО. **Коробъ 2**, 325.
ПОХОДКА (ея психологія) **Коробъ 2**, 14.
ПОХОРОНЫ. **Уед.**, 280—281, 287, 297. **Оп. л.**, 402.
ПОШЛОСТЬ. **Коробъ 2**, 72—73.
ПРАВДА. **Уед.**, 137.
ПРАВИТЕЛЬСТВО. **Оп. л.**, 349. **Коробъ 2**, 55—56, 202, 429—437.

ПРАВОСЛАВІЕ. Уед., 208—210, 221. Оп. л., 73. Коробъ 2, 398.
ПРЕДКИ. Коробъ 2, 325.
ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО народное. Оп. л., 468—469.
ПРЕСТУПЛЕНІЕ,—ЛЕНІЯ. Оп. л., 141. Коробъ 2, 99—100.
ПРЕСТУПНИКЪ,—ЦКИ. Оп. л., 417.
ПРЕХОДИМОСТЬ МІРА. Оп. л., 344.
ПРОВИДѢНІЕ. Уед., 124.
ПРОГРЕССЪ. Коробъ 2, 61, 209.
ПРОСТИТУЦІОННОСТЬ какъ обратное «фаллическому культу». Коробъ 2, 332—333.
ПРОСТИТУЦІЯ. Уед., 34—36. Оп. л., 206—207. Коробъ 2, 82—83, 367—371, 374—375.
ПРОФЕССОРЪ,—ССОРА. Уед., 35. Коробъ 2, 158, 171, 403—406.
ПСИХОЛОГИЧНОСТЬ. Оп. л., 279.
ПѢСНИ. Оп. л., 346.
«ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ». Коробъ 2, 210.
РАБОТА см. ТРУДЪ.
РАВНОВѢСІЕ. Оп. л., 76.
РАДИКАЛЫ,—КАЛІЗМЪ. Уед., 272. Оп. л., 348—349. Коробъ 2, 223, 227—233, 236, 274, 325, 419—420.
РАДОСТЬ. Оп. л., 92—93.
РАЗВАЛЪ СЕМЬИ. Коробъ 2, 278.
РАЗВЕРСТЫЯ ЛОЖЕСНА. Оп. л., 256.
РАЗВОДЪ. Коробъ 2, 191, 277, 383.
РАЗМНОЖЕНІЕ. Коробъ 2, 372—375.
РАЗМЫШЛЕНІЕ. Оп. л., 153.
РАЗНОЧИНЕЦЪ,—ЧИНЦЫ. Оп. л., 285.
РАЗУМЪ. Оп. л., 41.
РАЗУМЪ МІРОВОЙ. Оп. л., 282.
РАЗСѢЯННОСТЬ,—ЗСѢЯННЫЕ ЛЮДИ. Оп. л. 80.

РАЙ. Оп. л., 141.
РАСТЕНІЯ. Оп. л., 229.
РЕВНОСТЬ. Коробъ 2, 274—279.
РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ. Уед., 62—63, 99. Оп. л., 92—93, 94—97, 119—123, 137. Коробъ 2, 227—236, 241, 349, 387, 409—411.
РЕВОЛЮЦІЯ. Уед., 99, 104—106, 122—123, 199. Оп. л., 92—93, 94—97, 119—123, 198, 392, 393, 463. Коробъ 2, 48—51, 59, 76, 77—78, 105, 153, 170, 204, 227—236, 258—262, 340, 343—353, 387, 400—403.
РЕЛИГІЯ. Уед., 32, 108—109, 168, 250, 268. Оп. л., 7. Коробъ 2, 29—34, 39—42, 48, 52—54.
РЕСПУБЛИКА. Оп. л., 440, 466.
РЕФОРМАЦІЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ. Уед., 14—15. Оп. л., 300. Коробъ 2, 237—238, 238 *bis*, 390.
РОДИНА. Оп. л. 83. Коробъ 2, 164.
РОДИТЕЛИ. Оп. л., 356—357.
РОДЫ. Уед., 198. Оп. л. 56—66, 68.
РОЖДАЕМОСТЬ. Оп. л., 269. Коробъ 2, 42,
РОЖДЕНІЕ. Оп. л., 68, 289 — 290, 499—505. Коробъ 2, 107,
РОКЪ. Оп. л., 35, 305, 327, 368, 400.
РОССІЯ. Оп. л., 54, 83, 86, 149—150, 259, 413, 424, 518. Коробъ 2, 194—195, 224, 233 — 236, 380, 398, 399, 419.
РУССКАЯ ЖИЗНЬ. Оп. л., 173, 259. Коробъ 2, 380, 425—428.
РУССКАЯ ИСТОРІЯ. Коробъ 2, 380.
РУССКАЯ КУЛЬТУРА. Оп. л., 451—453. Коробъ 2, 380.
РУССКАЯ ПРАВДА. Коробъ 2, 389.
РУССКІЕ. Уед., 16, 71, 72, 119, 200, 201. Оп. л., 113, 149—150, 180, 214, 259, 283, 284, 390, 416, 424, 428, 461, 463. Коробъ 2, 26, 106, 164—165, 175, 176, 325, 380, 408—409, 425—428.

РУССКІЕ ЖУРНАЛЫ. Коробъ 2, 101—103
САМОЛЮБІЕ. Оп. л., 91.
САМОУБІЙСТВА,—СТВО. Оп. л., 97, 195, Коробъ 2, 294, 295.
САТИРА, сатиричность въ литературѣ. Уед., 19. Коробъ 2, 247—248.
СВОБОДА. Оп. л., 49, 373, 429. Коробъ 2, 289—290, 357, 358, 417,
СВОДНИЧЕСТВО матерями дочерей. Кор. 2, 81.
СВЯТОЕ. Оп. л., 321.
СВЯТОСТЬ. Коробъ 2, 358.
СЕМЬЯ вообще. Уед., 67—68, 175—176. Коробъ 2, 203, 283—284, 330—331.
СЕМЬЯ НАША. Уед., 4, 176, 263—264. Оп. л., 17—18, 22—23, 38 (портреты), 36—39, 76, 240 (три портрета), 308—314, 317—319, 352, 374, 380, 398, 455, 456, 458—460, 494—495, 496—498, 509—510. Коробъ 2, 107—110, 177, 180—182, 183, 195—198, 250—251, 341, 370—371.
СЕРДЦЕ. Оп. л., 254, 334, 338, 427.
СКИНІЯ ВЕТХАГО ЗАВѢТА (Моисеева). Оп. л., 253.
СЛАБОХАРАКТЕРНОСТЬ. Коробъ 2, 27.
СЛАВА. Уед., 33, 76—78, 206, 223. Оп. л., 155, 156. Коробъ 2, 155.
СЛАВЯНОФИЛЫ,—ЛЬСТВО. Оп. л., 444—445. Коробъ 2, 103.
СЛЕЗЫ. Коробъ 2, 41, 268.
СЛОГЪ. Оп. л., 246—248.
СЛУЖБА въ государствѣ. Оп. л., 440.
СМЕРТЬ ВООБЩЕ. Уед., 184. Оп. л., 7, 88, 104, 184, 196, 250, 281, 320, 326, 340, 344, 419—420, 449. Коробъ 2, 154, 177—178, 237—238, 251, 287, 342, 358, 385, 392.
СМЕРТЬ БЛИЗКИХЪ. Оп. л., 9—10. Кор. 2, 251.

СМЕРТЬ ЛЮБВИ. Оп. л., 212—213.
СМЕРТЬ МОЯ СОБСТВЕННАЯ. Уед., 131, 180, 280—281, 287, 297. Оп. л., 3, 382, 414, 424. Коробъ 2, 285, 292, 294.
СМИРЕНІЕ. Коробъ 2, 319.
СМѢХЪ. Оп. л., 160, Коробъ 2, 247.
СОБСТВЕННОСТЬ У РУССКИХЪ. Уед., 7, 71.
СОВОКУПЛЕНІЕ. Оп. л., 74—75. Кор. 2, 218, 370—371, 372, 376—378, 378—379, 382, 383, 417, 418.
СОВРЕМЕННІІКИ,—ЕННОЕ ПОКОЛѢНІЕ. Уед., 141—142. Оп. л., 167—168.
СОВРЕМЕННОСТЬ. Оп. л., 174.
СОВѢСТЬ. Коробъ 2, 359—360.
СОДОМИТЪ. Оп. л., 50—52.
СОДОМІЯ,—HOMINES utriusque sexus. Оп. л., 75. Коробъ 2, 264—265.
СОНЪ. Оп. л., 416.
СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ ума и души. Оп. л., 81.
СОЦІАЛИЗМЪ,—ЛИСТЫ,—ЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІЯ. СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ. Уед., 49—50. Оп. л., 77, 141, 157. Коробъ 2, 101—103, 210, 248. 288, 327, 328, 380—381.
СРЕДНІЕ ВѢКА. Оп. л., 154.
СТАДО. Коробъ 2, 188—190.
СТАРИКЪ,—РИКІІ. Коробъ 2, 392, 398.
СТАРОСТЬ. Уед., 184, 246—247, 273, 295, 389. Коробъ 2, 312.
СТАРЫЙ СТРОЙ. Коробъ 2, 410—411.
СТИЛЬ. Коробъ 2, 241, 428, 429, 429 bis.
СТРАДАНІЕ. Уед., 75, 135—136. Оп. л., 287. Коробъ 2, 311—312.
СТРАСТЬ. Уед., 139.
СТРАШНЫЙ СУДЪ. Уед., 287.
СТУДЕНТЫ, Уед., 65—66, 165—166. Коробъ 2, 213—214, 406—407.

СТѢНА МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ, ДУШЕВНАЯ. Коробъ 2, 16—17.
СУЛАМИѲЬ. Коробъ 2, 210.
СУПРУЖЕСТВО, СУПРУГИ. Коробъ 2, 173, 173 bis.
СУБЪЕКТИВНОСТЬ. Уед., 185.
СУДЪ. Оп. л., 35. Коробъ 2, 100.
СУДЬБА. Уед., 164. Оп. л., 15, 305, 327, 368, 389, 400.
СУПРУЖЕСТВО см. БРАКЪ.
СФОРМИРОВАНІЕ дѣвушки. Коробъ 2, 100.
СѢДАЛИЩЕ МОИСЕЕВО. Оп. л., 110.
СѢМЯ МУЖСКОЕ. Оп. л., 426, 475.

ТАЛАНТЪ. Уед., 115, 139. Оп. л., 75, 331, 399.
ТАЛМУДЪ. Коробъ 2, 26.
ТЕМЫ мон. Оп. л., 11, 14. Коробъ 2, 363.
ТЕМЫ русской литературы. Уед., 64—69.
ТЕПЛОТА МІРОВАЯ, — отъ міра, сердца. Коробъ 2, 282—283.
ТЕРПѢНІЕ. Оп. л., 160. Коробъ 2, 258—259.
ТЕРРОРЪ,—РРОРІІСТЫ. Оп. л., 62—63.
ТЕТРАГРАММА (тайное «Имя Божіе»). Уед., 148—149.
ТЕХНИКА. Оп. л., 163.
ТИШИНА. Коробъ 2, 341—342.
ТОВАРИЩИ дѣтства. Коробъ 2, 111—153.
ТОЛПА. Оп. л., 5.
ТОМЛЕНІЕ ДУШЕВНОЕ. Коробъ 2, 320.
ТОРГОВЛЯ. Оп. л., 283.
«ТОТЪ СВѢТЪ». Оп. л., 13, 14, 27, 107, 322, 420. Коробъ 2, 220.
ТРУДОВИКИ (Государ. Думы). Коробъ 2, 328.
ТРУДЪ. Уед., 67—68, 70, 72.
ТѢЛО. Оп. л., 434.

УБѢЖДЕНІЯ. Оп. л., 112. Коробъ 2, 31—33, 158.
УДЪ, уды (половые). Коробъ 2, 421.

УЕДИНЕНІЕ. Оп. л., 347.
УЖАСЪ.—ЖАСЫ. Оп. л., 338.
УКЛОНЧІІВОСТЬ вещей отъ своего опредѣленія. Коробъ 2, 301—302.
УМЪ, разумъ. Оп. л., 41—42, 282, 339.
УНІІВЕРСІІТЕТЪ,—теты. Оп. л., 450, 452—453. Коробъ 2, 403—408.
УНІІЖЕНІЕ. Уед., 130, 135—136.
УСЛУГА,—ЛУГІІ,—ЛУЖЛІІВОСТЬ. Оп. л., 408, 428.
УСПѢХЪ. Оп. л., 408.
УСПѢХЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ. Уед., 41—42. Коробъ 2, 175.
УТОПІІ СОЦІАЛЬНЫЯ. Оп. л., 76.
УТРО КОСМІЧЕСКОЕ. Оп. л., 140.
УТѢШЕНІЕ. Коробъ 2, 356, 391.
УТѢШІІТЕЛЬ. Оп. л.. 448.
УЧЕНІЧЕСТВО. (см. еще слова: ШКОЛА, ОБРАЗОВАНІЕ). Коробъ 2, 383—384.
УЧЕНЫЕ. Коробъ 2, 90.
УЧІІТЕЛЬСТВО. Коробъ 2, 383—384.

ФАЛЛІІЧЕСКІЙ КУЛЬТЪ. Уед., 138, 232. Коробъ 2, 187, 249, 332—333, 382, 414, 416, 417, 418, 418 *bis*, 421, 421 *bis*.
ФАРІСЕЙ. Оп. л., 110.
ФАСАДЪ,—сады,—садность. Оп. л., 412.
ФІЛОСОФІЯ. Уед., 32.
ФРАНЦІЯ. Оп. л., 206. Коробъ 2, 357—358.
ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ. Коробъ 2, 357—358, 418.
ФРАНЦУЗЫ. Оп. л., 205, 487—488

ХАНЖЕСТВО. Коробъ 2, 24—25.
ХЛЫСТЫ,—СТОВСТВО. Оп. л., 121.

ХОХЛЫ,—МАЛОРОССЫ. Коробъ 2, 165.
ХРИСТІАНИНЪ. Коробъ 2, 39.
ХРИСТІАНСТВО. Уед., 84, 284. Оп. л., 110, 140, 192, 230, 342, 443, 475—476, 478, 484, 489, 494—495. Коробъ 2, 39—42, 388—389, 400—403.
ХРИСТОСЪ. Уед., 135—136. Оп. л., 84—85, 110, 255, 325, 447—449. Коробъ 2, 40, 41, 52—54 319, 337, 350—353, 356, 358, 388—389, 391.
ХУДОЖЕСТВО ВЪ ПРИРОДѢ. Оп. л., 229.

ЦАРСТВА ВООБЩЕ. Коробъ 2, 400.
ЦАРСТВОВАНІЕ. Оп. л., 440, 466. Коробъ 2, 258—262.
ЦАРЬ. Оп. л., 116—123, 452. Коробъ 2, 344—349, 429—437.
ЦВѢТЫ. Оп. л., 346.
ЦЕНЗОРЪ,—ЗОРА,—ЗУРА. Коробъ 2, 14—15 337.
ЦЕРКОВЬ вообще. Оп. л., 185. Коробъ 2, 52—54, 178, 184—185, 237—238, 238 *bis*, 287, 291, 293—294, 310, 315—316, 322, 322—323, 324, 324—325, 350—353, 358, 369, 388—389, 390, 390 *bis*, 391, 392, 393, 400—403, 418.
ЦЕРКОВЬ РУССКАЯ. Уед., 222, 238, 248, 283, 284, 285. Оп. л., 183, 298, 299, 300, 350, 367, 414, 451—453. Коробъ 2, 237, 238, 238 *bis*, 254—256, 281—283, 292, 293, 310, 315—316, 318, 324, 324—325, 325—326, 326—327, 330—331, 353—354, 355—356, 356, 371, 396.
ЦИВИЛИЗАЦІЯ вообще. Оп. л., 427.
ЦИВИЛИЗАЦІЯ XIX-го вѣка. Коробъ 2, 23, 237—238, 238 *bis*.
ЦИВИЛИЗАЦІЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ. Оп. л., 369—370.
ЦИНИЗМЪ. Уед., 75, 159. Коробъ 2, 400.

ЧЕЛОВѢКЪ. Уед., 159, 195, 298. Оп. л., 43, 104, 105, 106, 268, 281, 320, 327, 332, 344, 368, 391, 425. Коробъ 2, 192, 287, 317, 317 *bis*, 379 — 380, 385, 388, 397—398.
ЧЕЛОВѢЧЕСТВО. Оп. л., 106.
ЧЕРТОГЪ БРАЧНЫЙ. Оп. л., 62—63.
ЧИНОВНИЧЕСТВО, — НИКИ. Оп. л., 409, 410, 411. Коробъ 2, 354—355.
ЧИТАТЕЛЬ,—АТЕЛИ. Уед., 202. Коробъ 2, 179 191—192.
ЧТЕНІЕ, ЧИТАНЬЕ КНИГЪ. Коробъ 2, 26—27.

ШКОЛЫ. Оп. л., 221. Коробъ 2, 74, 166—168, 195—198, 204—205, 205 *bis*, 205—206.
ШЛИССЕЛЬБУРГЪ. Коробъ 2, 410.
ШТАМПЪ, заштампованные люди. Коробъ 2, 194—195.
ШТУНДА. Коробъ 2, 398, 399.

ЭГОИЗМЪ. Оп. л., 15, 16, 170, 413.
ЭГОТИЗМЪ. Коробъ 2, 16—18.
ЭЛЕВЗИНСКІЯ ТАИНСТВА. Коробъ 2, 101.

ЮБКА. Оп. л., 253.
ЮДАИЗМЪ. Уед., 83 — 93. Оп. л., 84—85, 230, 253, 475—476. Коробъ 2, 356.
ЮНОСТЬ. Оп. л., 257.
ЮНОШЕСТВО. Уед. 192—194.

ЯЗЫЧЕСТВО. Уед., 17—18. Оп. л., 140, 230, 342, 436. Коробъ 2. 39—42, 332, 356.
Я САМЪ. Уед., 2, 26, 27, 53 — 57, 70, 76 — 77, 78, 107, 116 — 118, 119, 124, 125, 126 — 127, 128, 129, 130, 131, 132, 143 — 145, 153, 158, 159 — 164, 171, 173, 177, 178, 181 — 183, 184 — 187. 188 — 189, 190 — 191, 200, 202, 203, 204, 212, 213, 215, 216 — 217, 220, 224, 234, 235,

236, 239—240, 243, 244 — 245, 246—247, 257, 258, 261, 262, 273, 274, 275 — 277, 278 — 279, 280 — 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 295, 296, 297. **Оп. л.**, 1, 11, 12, 13, 14, 24, 43, 44, 45, 87, 132 — 133, 148, 152, 153, 158, 164 — 165, 175, 177, 181, 182, 184, 185 — 186, 188, 189—191, 194, 195, 199 — 200, 201, 204, 234, 235—238, 246 — 248, 254, 255 — 256, 257, 260, 262—266, 270, 271 — 274, 275 — 277, 278, 279, 280 — 281, 282, 286, 287 — 293, 302—305, 307, 308 — 309, 314, 315, 323, 324, 328, 331, 333, 337, 340, 341, 344, 345, 353 — 354, 359, 360, 361, 363, 364, 365—366, 371, 372, 374, 375, 377, 378, 379, 381, 382, 383 — 388, 389, 395 — 396, 397 — 398, 400, 401, 407, 414, 415, 422 — 423, 424, 429, 430, 431, 446, 447 — 449, 452, 454, 455, 471, 506, 507, 508, 509 — 510, 521, 523. **Коробъ** 2, 7, 8, 8 — 10, 10 — 11, 11, 12, 13 — 14, 15—16, 16 — 18, 37—38, 43, 62, 66 — 67, 71, 72, 89, 90 — 95, 106, 107, 154, 155, 158, 158 *bis*, 159 — 164, 171, 172, 241, 247, 249, 250 — 251, 251—252, 252 — 254, 254 — 256, 256 — 258, 262—263, 263 — 264, 265—268, 269, 270, 273, 279, 280 — 281, 281—283, 284, 285, 285 *bis*, 285 *trit*, 289—290, 291, 292, 293—294, 294, 294 *bis*, 300, 301, 302, 305 — 307, 307 *bis*, 308, 310, 312 — 313, 313 — 314, 314—316, 316 *bis*, 317, 319, 320, 321, 321 *bis*, 321 *trit*, 322, 325, 325—326, 328—329, 329—330, 330—331, 332, 345, 358, 359, 359 — 360, 360 — 362, 363—364, 364—365, 365 — 367, 381, 386, 396—397, 408—409, 409, 428, 439.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ

КЪ

„Уединенному“, „Опавшимъ листьямъ“ и коробу 2-му „Опавшихъ листьевъ“.

АВРААМА призвалъ Богъ, а я самъ призвалъ Бога. **Уед.**, 129.

А ВСЕ-ТАКИ мелочной лавочки изъ души не вытрешь. **Оп. л.**, 401.

А ВСЕ-ТАКИ тоскуешь по извѣстности. **Оп. л.**, 82.

АВТОНОМІЯ университетовъ. **Коробъ 2**, 403.

А ВѢДЬ по существу-то,—Боже! Боже! — въ душѣ моей всегда стоялъ монастырь. **Уед.**, 234.

А ГОЛОДНЫЕ—такъ голодны, и революція—все-таки права. **Уед.**, 104.

А ДЛЯ ЧЕГО имѣть друга-читателя? **Уед.**, 202.

АЛЕКСАНДРЪ Македонскій (о декабристахъ). **Коробъ 2**, 28.

АНКЕТА: «Кто самый благородный писатель въ современной русской литературѣ?» **Оп. л.**, 462.

«АНУНЦІАТА была высока ростомъ»...(половая загадка Гоголя). **Коробъ 2, 155.**

А ПО МОЕМУ—только и нужно писать «Уедин.». **Оп. л., 372.**

А ТО́ ВАСЪ съ дѣтства дѣлаютъ старичками (дѣти и школа). **Коробъ 2, 205.**

АХЪ, БЕХТЕРЕВЪ, Бехтеревъ,—всѣ мои слезы отъ васъ, черезъ васъ. **Коробъ 2, 284.**

АХЪ, ГОСПОДА, господа,—если бы мы знали всѣ, какъ мы бѣдны. **Коробъ 2, 317.**

АХЪ, ЛЮДИ,—пользуйтесь каждымъ-то вечеркомъ... **Уед., 237.**

«БАЙРОНЪ былъ свободенъ», кричитъ Арцыбашевъ. **Коробъ 2, 74.**

«БАРИНЪ, какой вы жестокій» (о Шперкѣ). **Оп. л., 228.**

«БЕЗПРОСВѢТНЫЙ мракъ». **Коробъ 2, 185.**

БЕЗЪ ВѢРЫ въ себя нельзя быть сильнымъ. **Оп. л., 345.**

БЕЗЪ ВѢРЫ въ себя нельзя быть сильнымъ. Уладить это противорѣчіе. **Коробъ 2, 379.**

БЕЗЪ ТѢЛЕСНОЙ пріятности нѣтъ и духовной дружбы. **Оп. л., 434.**

БЛАГОДАРИ каждый мигъ бытія. **Коробъ 2, 437.**

БЛАГОРОДНОЕ, что́ есть въ моихъ сочиненіяхъ, вышло не изъ меня. **Уед., 173.**

БЛАГОРОДНЫЙ-ЛИ я писатель? **Коробъ 2, 159.**

БОГЪ мой, Вѣчность моя! **Оп. л., 430.**

БОГЪ мой, Вѣчность моя. (другая мысль). **Уед., 124.**

БОГЪ ОХОЧЪ къ міру... **Коробъ 2, 438.**

БОГЪ послалъ меня съ даромъ слова и ничего еще другого не далъ. **Коробъ 2, 307.**

БОДРО, КРѢПКО:—«Ну, Варя, сажусь писать». **Коробъ 2, 38.**

БОЖЕ, БОЖЕ,—зачѣмъ Ты забылъ меня? **Уед., 146.**

БОЖЕ ВѢЧНЫЙ. **Коробъ 2, 158.**

БОЛИТЪ душа. Болитъ душа. Болитъ душа. **Уед., 251.**

БОЛИТЪ душа о себѣ, болитъ о мірѣ. **Оп. л., 471.**

БОЛИТЪ-ли Богъ о насъ? **Оп. л., 522.**

БОЛЬ жизни гораздо могущественнѣе интереса къ жизни. **Уед., 32.**

БОЛЬ міра побѣдила радость міра—вотъ христіанство. **Оп. л. 342.**

БОЛЬНАЯ ракомъ, она сидѣла вся кокетливая. **Коробъ 2, 272.**

БОЛЬШЕ всего приходитъ мыслей въ конкѣ. **Коробъ 2, 421.**

БОЛЬШЕ любви! Больше любви! **Оп. л., 181.**

«БРАНДЕЛЯСЪ»—это хорошо... **Уед., 81.**

БУДЕМЪ цѣловать другъ друга, пока текутъ дни. **Оп. л., 355.**

БУДЕТЪ больше научности, больше филологіи (о русской реформаціи). **Оп. л., 300.**

БУДЕТЪ-ли хорошо, если я получу вліяніе? **Оп. л., 280.**

«БУДУ въ гробу лежать и все-таки буду работать»... **Оп. л., 404.**

БУДЬ вѣренъ человѣку, и Богъ ничто тебѣ не поставитъ въ невѣрность. **Оп. л., 351.**

БЫВАЛО:—«Варя! Опять дырявыя перчатки». **Коробъ 2, 51.**

ВАЛЯТЪ хлопья снѣга на моего друга, заваливаютъ. **Оп. л., 521.**

ВАСЯ стоялъ надъ мамой. Сегодня ее отвезутъ въ больницу. **Коробъ 2, 341.**

«ВАСЯ, ты уйди, я постонаю». **Коробъ 2, 291.**

ВАША мама. (Дѣтямъ). И мы прожили тихо, день за днемъ... **Уед., 179.**

ВАША мама. (Дѣтямъ). «И я отрѣзала косу». **Уед., 253.**

ВЕЛИКЪ горбъ человѣчества, великъ горбъ человѣчества. **Оп. л., 106.**

ВЕЛИЧЕСТВЕННЫЙ шарлатанъ. **Оп. л., 496.**

ВЕСЬ парламентъ есть бодливость безрогихъ коровъ. **Коробъ 2, 253.**

ВЕСЬ торопясь, я натягивалъ сапоги:—«Въ церковь!». **Коробъ 2, 254.**

ВЗГЛЯНИТЕ на растеніе (о Богѣ въ природѣ). **Оп. л., 229.**

ВИДАЛИ-ли вы вождя Команчей? (каноническое право). **Коробъ 2, 67.**

ВОВСЕ не университеты выростили настоящаго русскаго человѣка. **Оп. л., 450.**

ВОЗМОЖНО-ли, чтобы позитивистъ заплакалъ? **Оп. л., 103.**

ВО МНѢ ужасно много *жида*. **Оп. л., 446.**

ВООБРАЖАТЬ легче, чѣмъ работать (соціализмъ). **Коробъ 2, 327.**

ВООБРАЖАЮТЪ, что я поддѣлывался къ начальству. **Уед., 215.**

ВООБЩЕ—драть за волосы писателей... **Оп. л., 154.**

ВООБЩЕ когда меня порицаютъ—то это справедливо. **Оп. л., 204.**

ВООБЩЕ литература, конечно, дрянь. **Оп. л., 511.**

ВОПРОСЪ объ евреѣ—безконеченъ. **Оп. л., 166.**

ВОСЬМИ лѣтъ... (воспоминаніе). **Коробъ 2, 37.**

ВОТЪ и совсѣмъ прошла жизнь... **Уед., 246.**

ВОТЪ и я кончаю тѣмъ, что все русское начинаю ненавидѣть. **Уед.**, 200.

ВОТЪ на остающіяся 10 лѣтъ жизни я несчастенъ. **Коробъ 2**, 360.

ВОТЪ то-то и оно-то, Димитрій Сергѣевичъ. **Коробъ 2**, 422.

ВОТЪ чего я совершенно и окончательно не знаю,—«что̀-нибудь» *я*, или—«*ничто*». **Уед.**, 235.

ВОТЪ что̀ значитъ рвануться къ неудачной темѣ («liberté» французской революціи). **Коробъ 2**, 357.

ВОТЪ эта-то «важная попытка реформаціи»—съ пустымъ сердцемъ и ничтожнымъ умомъ **Коробъ 2**, 238.

ВПОЛНѢ-ли искренне, что я не желаю славы? **Коробъ 2**, 155.

ВСЕ больше и больше думаю о церкви. **Коробъ 2**, 325.

ВСЕ воображаютъ, что душа есть *существо*. Но почему она не есть *музыка*? **Оп. л.**, 339.

ВСЕ глуше голоса земли. **Оп. л.**, 523.

ВСЕ жду, когда Григорій Спиридоновичъ напишетъ свою автобіографію. **Оп. л.**, 108.

ВСЕ-же именно любовь меня не обманула. **Оп. л.**, 177.

ВСЕ-же у нея *другомъ* былъ дѣйствительно только я. **Уед.**, 256.

ВСЕ казенное только формально существуетъ. **Оп. л.**, 412.

ВСЕ наше—и русское, и европейское—образованіе выразилось въ лошадиномъ: «Господа, предлагаю умершаго почтить вставаніемъ». **Коробъ 2**, 237.

ВСЕ очерчено и окончено въ человѣкѣ, кромѣ половыхъ органовъ, которые кажутся многоточіемъ. **Оп. л.**, 74.

ВСЕ погибло, все погибло. **Коробъ 2**, 316.

«ВСЕ произошло черезъ плаценту». **Уед.**, 254.

ВСЕ хотѣлъ сдѣлать бархатное платье. **Коробъ 2**, 179.

ВСЕ что-то гдѣ-то ловитъ,—въ какой-то мутной водицѣ (Гофштетеръ). **Коробъ 2**, 240.

ВСЕ это тянется, какъ резина,—и никакого индивидуальнаго интереса (о проституткахъ). **Коробъ 2**, 82.

ВСЕЛЕННАЯ есть шествованіе. **Коробъ 2**, 342.

ВСЕГДА въ мірѣ былъ наблюдателемъ, а не участникомъ. **Оп. л.**, 328.

ВСЕ-ТАКИ бытовая Русь мнѣ больше всего дорога. **Коробъ 2**, 209.

ВСЕ-ТАКИ есть что-то такое Темное, что̀ одолѣваетъ и Бога. **Оп. л.**, 368.

ВСЕ-ТАКИ я умру въ полномъ недоумѣніи. Въ религіозномъ недоумѣніи. **Коробъ 2**, 292.

«ВСТАНЬ спящій» (Іона Брихничевъ и его журналъ). **Коробъ 2**, 73.

ВСТРѢТИЛСЯ съ Мережковскимъ и Философовымъ въ Рел.-фил. собраніи. **Коробъ 2**, 300.

ВСѢ женскія учебныя заведенія готовятъ или монахинь или проститутокъ. **Оп. л.**, 179.

ВСѢ критики, признавая умъ. **Коробъ 2**, 66.

ВСѢ люди утруждены своимъ необразованіемъ, одинъ Гофштетеръ... **Коробъ 2**, 226.

ВСѢ мои пороки были или мелкимъ любопытствомъ ума, или—«такъ», «распустился». **Коробъ 2**, 302.

ВСѢ мои пороки—мокрые. Огненнаго—ни одного. **Коробъ 2**, 270.

ВСѢ мы выражаемъ въ сочиненіяхъ субъективную увѣренность (о дарвинизмѣ). **Коробъ 2**, 59.

ВСѢ писатели—рабы. **Коробъ 2**, 173.

ВСѢМЪ великимъ людямъ я-бы откусилъ голову. **Коробъ 2**, 271.

ВСЯКАЯ любовь прекрасна. И только она одна и прекрасна. **Уед.**, 205.

ВСЯ жизнь моя была тяжела. **Коробъ 2**, 321.

ВСЯ литература (теперь) «захватана» евреями. **Коробъ 2**, 176.

ВСЯ моя жизнь, въ особенности вся моя *личность*, была гораздо грубѣе. **Оп. л.**, 361.

ВСЯ натура его ползучая (о Флоренскомъ). **Оп. л.**, 151.

ВСЯ помертвѣвшая, съ оловянными тусклыми глазами... **Оп. л.**, 455.

ВСЯ русская оппозиція есть оппозиція лакейской комнаты. **Коробъ 2**, 200.

ВСЯ цивилизація XIX-го вѣка есть медленное просачиваніе всюду кабака. **Коробъ 2**, 23.

ВСЯКІЙ оплодотворяющій дѣвушку совершаетъ то, что надо. **Коробъ 2**, 382.

ВСЯКІЙ разъ какъ къ канонамъ присоединяется горячность. **Оп. л.**, 183.

ВСЯКОЕ движеніе души у меня сопровождается выговариваніемъ. **Уед.**, 107.

ВЫБЕРИТЕ молитвенника за Землю Русскую (о патріаршествѣ) **Коробъ 2**, 318.

ВЫВОРОЧЕННЫЯ шпалы. Шашки. Песокъ. Рытвины (о своихъ сочин.). **Оп. л.**, 45.

ВЫНЬТЕ изъ самаго существа міра молитву. **Уед.**, 108.

ВЫПИСАЛЪ статуэтку Аписа. **Оп. л.**, 454.

ВѢЧНОЕ дѣтство брака. **Коробъ 2**, 173.

ВѢЧНО мечтаетъ (о русскихъ). **Уед.**, 72.

ВЪ вѣчной тревогѣ о какомъ-то неблагополучіи. **Коробъ 2**, 182.

ВЪ газетахъ и журналахъ интересны не передовики. **Коробъ 2**, 57.

ВЪ грусти человѣкъ—естественный христіанинъ. **Коробъ 2**, 39.

ВЪ «другѣ» Богъ далъ мнѣ встрѣтить человѣка, въ которомъ я никогда не усомнился. **Уед.**, 249.

ВЪ «другѣ» дана мнѣ была путеводная звѣзда. **Уед.**, 110.

ВЪ каждомъ органѣ ощущенія кромѣ его «я *знаю*» есть еще его «я *хочу*». **Коробъ 2**, 62.

ВЪ концѣ всѣхъ вещей—Богъ. **Коробъ 2**, 342.

ВЪ либерализмѣ есть нѣкоторыя *удобства*. **Оп. л.**, 464.

ВЪ мое время создались нѣкоторыя новыя слова. **Уед.**, 94.

ВЪ мысль проституціи входитъ: «я принадлежу *всѣмъ*». **Уед.**, 34.

ВЪ мышленіи моемъ всегда былъ какой-то столбнякъ. **Оп. л.**, 302.

ВЪ невыразимыхъ слезахъ хочется передать все просто и грубо, унижая милый предметъ. **Оп. л.**, 69.

ВЪ одинъ день консиліумъ изъ 4-хъ докторовъ. **Оп. л.**, 406.

ВЪ полѣ—*сила*, полъ есть *сила*. **Оп. л.**, 192.

ВЪ пятьдесятъ семь лѣтъ Богъ благословилъ меня дружбою Цвѣткова. **Коробъ 2**, 285.

ВЪ Россіи вся собственность вытекла изъ «выпросилъ» или «обобралъ». **Уед.**, 71.

ВЪ рубашонкѣ, запахнвая сѣрый халатъ, Таня. **Оп. л.**, 308.

ВЪ случаѣ, «если-бы» (†) [какъ издавать мои сочиненія]. **Коробъ 2**, 295.

ВЪ соціальномъ строѣ одинъ везетъ, а девятеро лодырничаютъ. **Оп. л.**, 210.

ВЪ терроръ можно и влюбиться, и возненавидѣть. **Уед.**, 62.

ВЪ 1895-6 годахъ у меня не было *тем*. **Коробъ 2**, 363.

ВЪ 1904-5 году я хотѣлъ написать что-то въ родѣ «гимна свободѣ». **Коробъ 2**, 289.

ВЪ энтузіазмѣ: «Если бросить бомбу»... **Оп. л.**, 393.

ГАЗЕТЫ, я думаю, также пройдутъ. **Уед.**, 10.

ГДѢ, однако, погибло русское дѣло, русскій духъ? **Коробъ 2**, 233.

ГЕ объ Евгеніи Павловичѣ (Ивановѣ). **Коробъ 2**, 58.

ГЕРЦЕНЪ напустилъ цѣлую рѣку фразъ въ Россію. **Коробъ 2**, 193.

ГЛАВНАЯ забота — откуда-бы получить денежекъ (о Гоголѣ). **Коробъ 2**, 183.

ГЛАВНЫЙ лозунгъ печати: «проклинай!» и «клевещи!» **Коробъ 2**, 387.

ГЛУБОКОЕ недоумѣніе, какъ-же «меня» издавать. **Оп. л.**, 375.

[illegible]ПА-ЛИ моя жизнь? **Оп. л.**, 506.

[illegible]НУСНОСТЬ печати, м. б., имѣетъ великую и святую *нужную* сторону. **Коробъ 2**, 334.

ГОВОРЯТЪ, «дорого назначаете цѣну книгамъ» **Оп. л.**, 337.

ГОВОРЯТЪ, «слава желаема». **Уед.**, 33.

ГОВОРЯТЪ этотъ господинъ, прочитавшій столько публичныхъ лекцій... **Уед.**, 80.

ГОДЪ прошелъ,—и какъ многія страницы «Уед.» мнѣ стали чужды. **Коробъ 2**, 362.

ГОЛОВА моя качается подъ облаками. Но какъ слабы ноги. **Уед.**, 239.

ГОЛОСОКЪ у нея былъ тоненькій, тоненькій. **Оп. л.**, 301.

ГОЛУБАЯ любовь (первая любовь). **Уед.**, 58.

— «ГОРЕ задавило!.. Да!!!» **Коробъ 2**, 183.

ГОСПОДИ!—прости ей грѣхъ, прости ей грѣхъ, прости ей грѣхъ (о церкви). **Коробъ 2**, 355.

ГОСУДАРСТВО ломаетъ кости тому. **Оп. л.**, 391.

ГРУБОСТЬ и насиліе приносятъ 2% успѣха (объ евреяхъ). **Оп. л.**, 408.

ГРУБЫ люди, ужасающе грубы... **Оп. л.**, 470.

ГРУСТЬ—моя вѣчная гостья. **Оп. л.**, 164.

ГРѢХУ и преступнику заготовлена такая казнь. **Оп. л.**, 417.

ДА, вотъ когда минуетъ 300-лѣтняя давность. **Коробъ 2**, 72.

ДА, все такъ,—и просвѣщеніе, и связь съ идеями времени. **Уед.**, 112.

ДА, вся наша исторія—немножечко трущоба. **Оп. л.**, 86.

ДА, вѣдь, совершенно-же ясно, что соціалъ-демократія никому кромѣ департамента полиціи не нужна. **Коробъ 2**, 101.

ДА,—вѣрно Христово, что «не отъ плоти и крови родиться нужно». **Коробъ 2**, 252.

ДА, если сѣмя—грязь, то, конечно, «онъ запачкалъ ее». **Оп. л.**, 426.

ДА, есть политическій цинизмъ (о себѣ). **Коробъ 2**, 400.

ДА жидовъ оттого и колотятъ, что они—бабы. **Коробъ 2**, 80.

ДА какъ-же бы безъ amor utriusque sexus обошлось-бы дѣло? **Коробъ 2, 264.**

ДА мимо меня идетъ литература. **Коробъ 2, 336.**

ДА,—можетъ быть и не вѣренъ планъ зданія (о Церкви). **Уед., 238.**

ДА,—можетъ быть мы всю жизнь живемъ, чтобы заслужить могилу. **Уед., 282.**

ДА не воображайте, что вы нравственнѣе меня. **Оп. л., 124.**

ДА, но вѣдь дѣло въ томъ, что къ нашимъ дѣтямъ внимательнѣе товарищъ или другъ. **Оп. л., 356.**

ДА,—они славные, но все лежатъ (русскіе). **Оп. л., 390.**

ДА Писаревъ и «Современникъ» и есть Натъ-Пинкертонъ. **Коробъ 2, 384.**

«ДА потому, что *ея*—это принадлежитъ *мнѣ*». **Коробъ 2, 248.**

ДА,—смерть это тоже религія. Другая религія. **Оп. л., 7.**

ДА, хорошо, я понимаю (Гр. Пет.). **Коробъ 2, 68.**

ДА что́-же и дорогого-то въ Россіи, какъ не старыя церкви. **Уед., 248.**

ДА,—шулеръ «ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силой»... **Коробъ 2, 288.**

ДА, эготизмъ,—но чего это стоило. **Коробъ 2, 16.**

ДА элевзинскія таинства совершаются и теперь. **Коробъ 2, 101.**

ДА, этотъ странный занавѣсъ въ Скиніи Моисеевой. **Оп. л., 253.**

ДА я нахожу лучше стоять полицейскимъ на углу 2-хъ улицъ. **Коробъ 2, 174.**

ДА, я пріобрѣлъ знаменитость... О, какъ хотѣлъ-бы я изодрать... **Уед., 258.**

ДА, я тоже думаю, что русскій прогрессъ, рожденый полицейскимъ и шулеромъ. **Коробъ 2**, 209.

ДАЖЕ если будетъ все это мѣсто полно червями и тлѣніемъ. **Коробъ 2**, 293.

ДАЖЕ не знаю, черезъ «ѣ» или «е» пишется нравственность. **Уед.**, 155.

ДАЛЕКО, далеко мерцаетъ опредѣленіе (Михайловскій—Судейкинъ). **Коробъ 2**, 73.

ДВА ангела сидятъ у меня на плечахъ. **Уед.**, 78.

ДВАДЦАТИ-пятилѣтній юбилей Корецкаго. **Оп. л.**, 48.

ДВАДЦАТЬ лѣтъ какъ «журчащій свѣжій ручеекъ» я бѣжалъ около гроба. **Уед.** 257.

ДВАДЦАТЬ лѣтъ я живу въ непрерывной поэзіи. **Уед.**, 177.

ДВАДЦАТЬ седьмого ноября скончалась наша «бабушка». **Уед.**, 263.

ДВАДЦАТЬ шестого августа 1910 года я сразу состарѣлся. **Уед.**, 273.

ДВИГАТЬСЯ хорошо съ запасомъ большой тишины въ душѣ. **Уед.**, 153.

ДВѢ курсистки и 4 гимназиста, во имя «правды въ душѣ своей», рѣшили совершить переворотъ. **Коробъ 2**, 225.

ДЕМОКРАТІЯ имѣетъ подъ собою одно право. **Коробъ 2**, 48.

ДЕМОНЪ, хватающійся боязливо за крестъ (Гоголь). **Оп. л.**, 336.

ДЕШЕВЫЯ книги—это некультурность. **Оп. л.**, 520.

ДОБЧИНСКАГО, еслибъ онъ жилъ въ болѣе развитую гражданскі эпоху... **Уед.**, 99.

ДО ВСТРѢЧИ съ домомъ «бабушки», я вообще не видѣлъ въ жизни гармоніи. **Оп. л.**, 239.

ДОПИВАЮ 1—1½ стакана кофе. **Коробъ 2, 395.**

ДОРОГОЕ, дорогое для меня письмо. **Коробъ 2, 338.**

ДОРОГО назначаете цѣну книгамъ. **Коробъ 2, 89.**

ДО СЕМНАДЦАТИ лѣтъ она проходила Крестовые походы (наше ученье и потомъ жизнь). **Оп. л., 392.**

ДОСТОЕВСКІЙ какъ нервная пьяная баба вцѣпился... **Оп. л., 362.**

ДОСТОЕВСКІЙ, который терся плечомъ около плеча революціонеровъ... **Коробъ 2, 387.**

«ДО тѣхъ поръ, пока вы не подчинитесь школѣ» (наше ученье). **Коробъ 2, 74.**

ДОЧЬ курсистка. У нея подруги. **Коробъ 2, 224.**

ДУРАКИ этакіе,—всѣ мои сочиненія замѣшаны на сѣмени человѣческомъ. **Коробъ 2, 241.**

ДУША есть страсть. **Уед., 139.**

«ДУША еще живъ. Тѣло умерло». **Оп. л., 405.**

ДУША озябла. **Оп., л., 102.**

ДУША моя—какъ расплетающаяся нить. **Коробъ 2, 308.**

ДУША православія—въ дарѣ молитвы. **Уед., 221.**

ДУШИ въ васъ нѣтъ, господа, и—не выходитъ литературы. **Оп. л., 373.**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНО, я чудовищно лѣнивъ читать. **Уед., 275.**

ДѢЛО въ томъ, что таланты наши какъ-то связаны съ пороками. **Уед., 115.**

ДѢТИ, вамъ вредно читать Шерлока-Холмса. **Оп. л., 341.**

ЕВРЕИ «дѣлаютъ успѣхъ» въ литературѣ. И черезъ это стали ея шефами. **Коробъ 2, 175.**

ЕВРЕИ подлежатъ, а не надлежатъ. Отъ этого они и «подлежащее» исторіи. **Оп. л., 343.**

ЕВРЕЙ слишкомъ стары, слишкомъ культурны. **Коробъ 2, 63.**

ЕВРЕЙ всегда начинаетъ съ услугъ и услужливости и кончаетъ господствомъ. **Оп. л., 418.**

ЕВРОПЕЙСКАЯ цивилизація погибнетъ отъ сострадательности. **Оп. л., 369.**

ЕДВА-ЛИ онъ знаетъ географію въ предѣлахъ 2-го класса гимназіи (Гофшт.). **Коробъ 2, 412.**

ЕСЛИ-БЫ Бехтеревъ увидѣлъ нашу мамочку. **Коробъ 2, 286.**

ЕСЛИ-БЫ не любовь «друга» и вся исторія этой любви. **Оп. л., 11.**

ЕСЛИ-БЫ предложили въ Тамбовѣ и Пензѣ выбрать «излюбленнаго человѣка» въ законодатели. **Оп. л., 468.**

ЕСЛИ государство «все разваливается», если церковь «не свята», то... (о чиновникѣ и чиновничествѣ). **Оп. л., 411.**

ЕСЛИ кто будетъ говорить мнѣ похвальное слово надъ раскрытою могилой... **Уед., 297.**

ЕСЛИ мужъ плачетъ объ умершей женѣ. **Оп. л., 158.**

ЕСЛИ Философову случится пройти по мокрому тротуару безъ калошъ... **Оп. л., 111.**

ЕСТЬ ВѢДЬ и маленькіе писатели, но совершенно чистые. **Оп. л., 249.**

ЕСТЬ ДАРЪ слушанья голосовъ и даръ вйдѣнья лицъ при чтеніи. **Оп. л., 198.**

ЕСТЬ-ЛИ жалость въ мірѣ? Красота—да... Но жалость? **Оп. л., 33.**

ЕСТЬ ЛЮДИ до того робкіе (Н. Михайловскій). **Коробъ 2, 55.**

ЕСТЬ ЛЮДИ, которые—какъ мостикъ, по которому пробѣгаютъ другіе люди. **Оп. л.**, 329.
ЕСТЬ ЛЮДИ, которые рождаются «ладно», и [другіе]—«не ладно». **Коробъ 2**, 10.
ЕСТЬ НЕСВОЕВРЕМЕННЫЯ слова (о Новиковѣ и Радищевѣ). **Оп. л.**, 222.

ЖАЛОСТЬ — въ маленькомъ. Вотъ почему... **Оп. л.**, 34.
ЖЕЛАНІЕ мое умереть—уйти въ лѣсъ, далеко, далеко. **Коробъ 2**, 285.
ЖЕНА входитъ запахомъ въ мужа. **Коробъ 2**, 425.
«ЖЕНЩИНА—исподнее существо», говорятъ. Нѣтъ, она... **Коробъ 2**, 381.
ЖИВИ каждый день такъ, какъ если-бы... **Уед.**, 28.
ЖИЗНЬ—раба мечты. **Коробъ 2**, 318.
ЖИЗНЬ требуетъ вѣрнаго глаза и твердой руки. **Оп. л.**, 324.

ЗАБЫТЬ землю великимъ забвеніемъ... **Коробъ 2**, 52.
ЗАВТРА консиліумъ изъ 4-хъ докторовъ. **Коробъ 2**, 328.
ЗАДАВИЛО женщину и пятерыхъ дѣтей. **Коробъ 2**, 258.
ЗАКАТЫВАЕТСЯ, закатывается жизнь. **Уед.**, 295.
ЗАПУТАЛСЯ мой умъ, совершенно запутался. **Уед.**, 213.
ЗАРАНѢЕ рѣшено, что человѣкъ—не геній (о чиновникахъ и чиновничествѣ). **Оп. л.**, 410.

ЗАСТУПЪ—желѣзный. И только имъ можно соскрести сорную траву. **Оп. л.**, 141.

ЗАШТАМПОВАННЫЙ человѣкъ. **Коробъ 2**, 194.

ЗАЧѢМЪ я пойду къ хорошему воздуху? **Оп. л.**, 194.

ЗВѢЗДОЧКА тусклая... **Коробъ 2**, 388.

ЗЛАЯ разлучница, злая разлучница. **Оп. л.**, 350.

ЗНАЕТЕ-ЛИ вы, что религія есть самое важное. **Уед.**, 168.

ЗНАЮ, физика: лѣвая холоднѣе правой. **Коробъ 2**, 286.

ЗОНТЪ у меня Философова. **Коробъ 2**, 301.

И БРЕДЕТЪ, бредетъ моя бродулька. **Уед.** 259.

И БѢГУТЪ, бѣгутъ всѣ. Куда? Зачѣмъ? **Оп. л.**, 6.

И ВЕЗДѢ лукавство (русскіе). **Уед.**, 201.

И ВОВСЕ не *я* былъ постоянно-то съ Богомъ, а она... **Оп. л.**, 364.

И ВОТЪ развертываешь эту простыню (газеты). **Уед.**, 79.

И ВСЕГДА она волновалась волненіемъ другого. **Коробъ 2**, 392.

И ВСЕ-ТАКИ, при всей искренности, есть доля хитрости. **Коробъ 2**, 194.

И ВСЯ радость ея была въ радости другихъ. **Оп. л.**, 297.

И ДЕНЕГЪ суешь. И просишь. **Коробъ 2**, 408.

ИДУ. Иду. Иду. И гдѣ кончится путь мой—не знаю. **Оп. л.**, 24.

ИЗДАЛИ:—«Мама! Мама!» **Оп. л.**, 374.

ИЗМАЙЛОВЪ не вѣритъ (о Щедринѣ). **Коробъ 2**, 24.

ИЗЪ безвѣстности приходятъ наши мысли, и уходятъ въ безвѣстность. **Уед.**, 6.
ИЗЪ всего «духовнаго» ему нравилась больше всего кожаная мебель. **Коробъ 2**, 21.
ИЗЪ всѣхъ роскошествъ міра она любила одну чистоплотность. **Коробъ 2**, 359.
ИЗЪ каждой страницы Вейнингера слышится крикъ... **Оп. л.**, 50.
ИЗЪ этихъ словъ Христа, что «нельзя разводиться»... **Коробъ 2**, 206.
ИМѢЙ всегда сосредоточенное устремленіе. **Оп. л.**, 81.
ИНОГДА и «на законномъ основаніи»,—а трясутся ноги... **Оп. л.**, 332.
ИНОГДА кажется, что во мнѣ происходитъ разложеніе литературы. **Коробъ 2**, 8.
ИНОГДА кажется, что я преодолѣю всю литературу. **Коробъ 2**, 273.
ИНОГДА чувствую что-то чудовищное въ себѣ. **Оп. л.**, 407.
И ОНА меня пожалѣла, и я ее. **Коробъ 2**, 386.
«И ПУСТЬ у гробового входа»... (Пушкинъ и Писаревъ). **Коробъ 2**, 384.
ИСТИННОЕ отношеніе каждаго—только къ самому себѣ. **Оп. л.**, 170.
ИСТОРІЯ не есть-ли чудовищное другое лицо?.. **Оп. л.**, 32.
И ТИЛИНГЪ, директоръ Евангелической больницы... **Коробъ 2**, 294.
И ТОЛЬКО одно хвастовство (печать). **Уед.**, 111.
И Я ВОШЕЛЪ въ этотъ проклятый домъ. **Уед.**, 74.

КАЖДЫЙ въ жизни переживаетъ Страстную Пятницу. **Оп. л.**, 268.
КАЖЕТСЯ, что *существо* литературы есть ложное. **Оп. л.**, 261.
КАКАЯ ложная, противная жизнь Р—на. **Уед.**, 39.
КАКИМИ-то затуманенными глазами гляжу я на міръ. **Коробъ 2**, 428.
«КАКІЯ событія! Какія событія!» (17-ое октября). **Уед.**, 141.
КАКОГО-бы вліянія я хотѣлъ? **Коробъ 2**, 158.
КАКОЕ безобразіе ваши сочиненія. **Коробъ 2**, 290.
КАКОЙ вы хотѣли-бы, чтобы вамъ поставили памятникъ? **Коробъ 2**, 220.
КАКОЙ это ужасъ, что человѣкъ, «вѣчный филологъ» (о *смерти*). **Оп. л.**, 88.
КАКЪ Богъ меня любитъ, что далъ «ее» мнѣ. **Уед.**, 294.
КАКЪ-бы Богъ на вѣки вѣчные указалъ человѣку, гдѣ онъ можетъ съ Нимъ встрѣтиться (обрѣзаніе). **Уед.**, 138.
КАКЪ будто этотъ проклятый Гуттенбергъ. **Уед.**, 9.
КАКЪ вешній цвѣтъ проходитъ жизнь. **Оп. л.**, 320.
КАКЪ Еруслановa мертвая голова... **Коробъ 2**, 413.
КАКЪ-же бы я могъ умереть не *тамъ* и не *тамъ*, гдѣ наша мамочка. **Оп. л.**, 73.
КАКЪ матерой волкъ (Щедринъ). **Уед.**, 197.
КАКЪ мелкій воръ я выходилъ отъ Буре. **Коробъ 2**, 249.
КАКЪ могъ я говорить о своемъ величіи около больного? **Оп. л.**, 286.
КАКЪ не цѣловать руку у Церкви? **Коробъ 2**, 287.

КАКЪ ни страшно сказать, вся наша «великолѣпная литература»—недостаточна и не глубока. **Уед.**, 64.
КАКЪ поршень дѣйствуетъ въ цилиндрѣ насоса. **Коробъ 2**, 372.
КАКЪ пустъ мой бунтъ противъ христіанства. **Уед.**, 284.
КАКЪ раковая опухоль растетъ и все прорываетъ, все разрушаетъ... **Коробъ 2**, 288.
КАКЪ самыя счастливыя минуты въ жизни—я помню... **Оп. л.**, 12.
КАКЪ съ головной болью по утру... **Оп. л.**, 371.
КАКЪ-то везутъ гробъ съ позументами. **Уед.**, 280.
КАКЪ увядающіе цвѣты—люди. **Оп. л.**, 104.
КАКЪ я отношусь къ молодому поколѣнію? **Оп. л.**, 89.
КАКЪ я смотрю на свое почти революціонерство въ 1905—1906 г.г.? **Оп. л.**, 198.
КАТКОВЪ произнесъ извозчичье «тпрру»... **Коробъ 2**, 147.
КНИГА должна быть дорога. **Коробъ 2**, 270.
«КНУТЪ» Флоренскаго мѣсяцы жжетъ мнѣ душу. **Коробъ 2**, 269.
КОГДА болитъ душа, тогда не до язычества. **Коробъ 2**, 382.
КОГДА бывало меня посѣщали декаденты. **Уед.**, 4.
КОГДА говорятъ о демоническомъ и бѣсовскомъ началѣ въ мірѣ... **Коробъ 2**, 413.
КОГДА жизнь перестаетъ быть милою. **Оп. л.**, 195.
КОГДА Надежда Романовна уже умирала. **Коробъ 2**, 79.
КОГДА рвалось желѣзо и люди при Цусимѣ,—то литературочка... **Коробъ 2**, 171.

КОГДА Церковь устранвала полъ (о бракѣ). Коробъ 2, 190.
КОГДА человѣкъ спитъ, то онъ, конечно, не совершаетъ грѣха. Оп. л., 416.
КОГДА я сижу у доктора... Уед., 244.
КОЕ-ЧТО важное о дѣвушкахъ «безъ судьбы» (письмо М. П. Н.). Коробъ 2, 414.
КОНЕЦЪ вѣнчаетъ дѣло, показываетъ его силу. Уед., 14.
КОНЕЧНО, не использовать такую энергію, какъ у Чернышевскаго. Уед., 43.
КОНЕЧНО, я умру все-таки съ Церковью. Оп. л., 414.
КОНЕЧНО, я цѣнилъ умъ... Оп. л., 282.
КОНЧИЛЪ рождественскую статью. Уед., 296.
КРОМѢ воровской сейчасъ и нѣтъ другой печати. Коробъ 2, 387.
КРѢПКОЕ, именно крѣпкое, ищетъ узкаго пути. Коробъ 2, 418.
КРѢПЧЕ затворяй двери дома. Коробъ 2, 221.
КТО догадался подойти со словомъ къ умирающему. Коробъ 2, 324.
КТО-же была Суламиѳь? Коробъ 2, 210.
КТО любитъ народъ русскій—не можетъ не любить и его церкви. Уед., 222.
КТО не зналъ горя, не знаетъ и религіи. Коробъ 2, 48.
КТО не любитъ человѣка въ радости его—не любитъ и ни въ чемъ. Коробъ 2, 66.
КТО съ чистою душою сходитъ въ землю? Уед., 214.
КУЗНЕЦОВЪ, трудовикъ 2-ой Думы, пойманъ во главѣ воровской шайки. Коробъ 2, 328.
КЪ Богу меня нѣчего было приводить. Коробъ 2, 319.

КЪ пятидесяти семи годамъ я достигъ свободы книгопечатанія. **Оп. л.**, 429.

КЪ пятидесяти шести годамъ у меня 35.000 руб. **Уед.**, 255.

КЪ *силѣ*—все пристаетъ. **Коробъ 2**, 227.

ЛЕВИНЪ вѣрно упрекаетъ меня въ эготизмѣ. **Оп. л.**, 44.

ЛЕГКО Шерлоку Холмсу разыскивать убійцъ. **Коробъ 2**, 63.

ЛЕЖАТЬ въ тепломъ пескѣ послѣ купанья. **Уед.**, 207.

ЛИНЯЕТЪ, линяетъ человѣкъ... **Оп. л.**, 425.

ЛИТЕРАТУРА—вся празднословіе. **Уед.**, 73.

ЛИТЕРАТУРА есть самый отвратительный видъ торга. **Уед.**, 134.

ЛИТЕРАТУРА какъ орелъ взлетѣла въ небеса. И теперь... **Уед.**, 82.

ЛИТЕРАТУРА прищемила у человѣка самолюбіе. **Оп. л.**, 91.

ЛИТЕРАТУРНАЯ память—самая холодная. **Коробъ 2**, 284.

ЛИТЕРАТУРУ я чувствую какъ... **Оп. л.**, 395.

ЛУЧШЕЕ въ моей литературной дѣятельности, что около нея кормятся... **Коробъ 2**, 171.

«ЛЮБИТЕ враговъ вашихъ, благословляйте клянущихъ васъ».—Не могу. **Коробъ 2**, 394.

ЛЮБИТЬ—значитъ «не могу безъ тебя быть». **Коробъ 2**, 18.

ЛЮБОВЬ есть боль. **Оп. л.**, 90.

ЛЮБОВЬ подобна погодѣ. **Оп. л.**, 211.

ЛЮБОВЬ продажная кажется очень удобною (о проституціи). **Коробъ 2**, 367.

ЛЮБЯЩЕМУ мужу въ женѣ сладокъ каждый кусочекъ. **Коробъ 2**, 173.

ЛЮДИ, которые никуда не торопятся—суть «Божіи люди». Коробъ 2, 172.

ЛѢВЫЕ печатники и не догадываются... Коробъ 2, 274.

МАЛО солнышка — вотъ объясненіе русской исторіи. Коробъ 2, 380.

МАЛУЮ травку родить труднѣе, чѣмъ разрушить каменный домъ. Уед., 41.

МАМАША всегда брала меня «за пенсіей». Оп. л., 271.

МАМАША томилась.—«Сбѣгай, Вася, къ отцу Александру»... Оп. л., 403.

МАМОЧКА всегда воображала, что я безъ рукъ, безъ ногъ... Оп. л., 353.

МАМОЧКА не выносила Гоголя. Коробъ 2, 242.

МАМОЧКА никогда не умѣла различить клубовъ пара отъ клубовъ дыма. Коробъ 2, 107.

МАМОЧКА—нравственный геній. Коробъ 2, 394.

«МАРКСИСТЫ», «экономическая борьба», «положеніе рабочихъ»... Оп. л., 493.

МЕДЪ И РОЗЫ. И въ розѣ младенецъ. Оп. л., 68.

МЕЖДУ прочимъ ни въ комъ я не видалъ такого равнодушнаго отношенія къ смерти, какъ у поповъ. Оп. л., 326.

МЕЖДУ эсъ-ерами есть недурненькіе jeunes premiers. Оп. л., 137.

МЕНЯ даже глупый человѣкъ можетъ водить за-носъ. Уед., 126.

МЕРЕЖКОВСКІЙ всегда строитъ изъ чужого матерьяла. Уед., 156.

МЕРТВАЯ СТРАНА. Мертвая страна. Мертвая страна. Оп. л., 54.

МИЛЫЕ, милые люди... Уед., 133.

МІРЪ живетъ великими завороженіями. **Коробъ 2**, 438.

МНОГО есть прекраснаго въ Россіи—17-ое октября, конституція, какъ спитъ Иванъ Павлычъ... **Оп. л.**, 46.

МНѢ и одному хорошо, и со всѣми. **Оп. л.**, 116.

МНѢ кажется, Толстого мало любили. **Уед.**, 151.

МНѢ не было-бы такъ страшно, ни такъ печально... **Коробъ 2**, 305.

МНѢ печально и страшно при мысли, что будутъ говорить обо мнѣ хорошо. **Уед.**, 180.

МНѢ собственно противны тѣ недостатки, какихъ я не имѣю... **Уед.**, 172.

МОГИЛА... знаете-ли вы, что смыслъ ея побѣдитъ. **Уед.**, 278.

МОЖЕТЪ БЫТЬ, даже и нѣтъ *идеи* безсмертія души, но есть *безсмертіе всего*. **Оп. л.**, 242.

МОЖЕТЪ БЫТЬ, другіе не имѣютъ права умереть сами... **Коробъ 2**, 294.

МОЖЕТЪ БЫТЬ, мы сядемъ въ трамвай (проститутки на улицахъ). **Коробъ 2**, 79.

МОЖЕТЪ БЫТЬ, народъ нашъ и плохъ. **Оп. л.**, 180.

МОЖЕТЪ БЫТЬ, я всю жизнь прожилъ безъ Руси, но хочу умереть съ Русью. **Оп. л.**, 421.

МОЖЕТЪ БЫТЬ, я расхожусь не съ человѣкомъ, а только съ литературой? **Оп. л.**, 43.

МОЙ переиспугъ и погубилъ все. **Коробъ 2**, 329.

«МОЛИТЕСЬ!»—говорилъ К. Леонтьевъ. **Оп. л.**, 478.

МОЯ душа сплетена изъ грязи, нѣжности и грусти. **Уед.**, 181.

МОЯ кухонная книжка стоитъ «писемъ Тургенева къ Віардо». **Оп. л.**, 182.

МУЧИТЕЛЬНОЕ въ положеніи Церкви, что она не знаетъ средняго пути. **Коробъ 2, 356.**
МЫ не по думанью любимъ, а по любви думаемъ. **Оп. л., 334.**
МЫ проходимъ не зоологическую, а каменную фазу существованія. **Оп. л., 461.**
МЫ прощались съ Рцы («все по чину»). **Коробъ 2, 64.**
МЫ рождаемся для любви. **Оп. л., 322.**
МѢСТО это чудно (Іезекіиль о дѣвушкахъ). **Коробъ 2, 211.**

НАГИМИ рождаемся, нагими сходимъ въ землю. **Коробъ 2, 287.**
НА мнѣ и грязь хороша... **Оп. л., 270.**
НА полемикѣ съ П. С. **Уед., 120.**
НАПРАСНО я обижалъ Кускову... Какъ все напрасно... **Оп. л., 187.**
НАРОДЫ, хотите-ли я вамъ скажу громовую истину? **Уед., 145.**
НАСТОЯЩЕЙ серьезности человѣкъ достигаетъ... **Оп. л., 250.**
НА ТОМЪ СВѢТѢ, если попадешь въ рай, будешь... **Коробъ 2, 220.**
НА ТОМЪ СВѢТѢ мы будемъ нѣмыми. **Оп. л., 107.**
НА ТОМЪ СВѢТѢ я спрошу:—«Ну, что-же, Вѣра»... **Коробъ 2, 364.**
НА ЦЫПОЧКАХЪ, съ довольнымъ лицомъ (студенческое воспоминаніе). **Уед., 37.**
НАЦІОНАЛЬНОСТЬ для каждой націи есть *рокъ* ея, *судьба* ея. **Оп. л., 224.**
НАША литература началась съ сатиры (ходъ ея исторіи). **Уед., 19.**

НАШЪ вьюнъ все около кого-то вьется... Оп. л., 432.
НАШЪ Иванъ Павлычъ есть врожденный священникъ. Оп. л., 53.
НЕ всякую мысль можно записать. Коробъ 2, 62.
НЕ выходите, дѣвушки, замужъ ни за писателей, ни за... Оп. л., 267.
НЕ вѣрьте, дѣвушки, навѣваніямъ вокругъ. Коробъ 2, 68.
НЕ даромъ еще въ гимназіи... Оп. л., 152.
НЕ додашь чего—и въ душѣ тоска. Уед., 211.
НЕ дотягивалъ я многаго въ церкви. Коробъ 2, 324.
НЕ иллюзія-ли это, что я считаю своими читателями... Коробъ 2, 191.
НЕ литература, а литературность ужасна. Оп. л., 19.
НЕ сходи съ лѣстницы своего дома. Коробъ 2, 221.
НЕДОСТАТОКЪ Перцова заключается... Коробъ 2, 304.
НЕЛЬЗЯ помѣщать коня въ коровникъ (бракъ, разводъ). Коробъ 2, 191.
НЕ НАДО забывать, что Фонвизинъ бывалъ при дворѣ. Коробъ 2, 60.
НЕОБЫКНОВЕННАЯ *сила* церкви вытекла изъ того, что... Оп. л., 367.
НЕОБЫКНОВЕННОЙ глубины и тревожности слова Тернавцева (о полиціи). Коробъ 2, 198.
НЕ ПОЛОНЪ-ЛИ міръ ужасовъ? Оп. л., 338.
НЕ ПОНІМАЮ, почему меня такъ ненавидятъ въ литературѣ. Оп. л., 365.

НЕ ПОНІМАЮ, почему я особенно не люблю Толстого, Соловьева и Рачинскаго. **Оп. л.**, 28.

НЕСИТЕ, несите, братцы: что дѣлать — померъ... **Уед.**, 287.

НЕСМОТРЯ на важность проституціи... **Коробъ 2**, 83.

НЕСОМНѢННО, однако, что западники лучше славянофиловъ шьютъ сапоги... **Оп. л.**, 444.

НЕ СПАСЪ я мамочку отъ страшной болѣзни. **Оп. л.**, 323.

НЕ СТОРОЖИТЪ мужъ... **Оп. л.**, 316.

НЕСУ литературу какъ гробъ мой. **Оп. л.**, 148.

НЕСУТЪ газеты, письма... **Оп. л.**, 380.

НЕСУТЪ письма, какіе-то теософическіе журналы... **Коробъ 2**, 7.

НЕУЖЕЛИ всѣ, что идутъ по улицамъ, тоже умрутъ?! **Коробъ 2**, 385.

«НЕУЖЕЛИ-же такъ и кончатся его дни?» **Коробъ 2**, 95.

НЕУЖЕЛИ повѣрить, что ея постоянная молитва... **Коробъ 2**, 256.

НЕУЖЕЛИ Пушкинъ виноватъ, что Писаревъ его «не читалъ»? **Коробъ 2**, 291.

НЕУМОЛЧНЫЙ шумъ въ душѣ,—днемъ, ночью. **Оп. л.**, 315.

НИКАКОГО желанія спорить со Спенсеромъ. **Оп. л.**, 129.

НИКАКОГО интереса къ будущему. **Уед.**, 274.

НИКАКОГО интереса къ реализаціи себя. **Уед.**, 224.

НИКАКОЙ трагедіи въ душѣ (о Герценѣ). **Оп. л.**, 149.

НИКАКОЙ человѣкъ не достоинъ похвалы. **Уед.**, 298.

НИКОГДА не видалъ старушку (*письмо читательницы*). **Коробъ 2**, 398.

НИКОГДА, никогда не порадуется священникъ плоду чрева. **Оп. л.**, 56.

НИНА РУДНЕВА сказала обо мнѣ... **Уед.**, 26.

НИ НОВОСЕЛОВЪ, ни Флоренскій, ни Цвѣтковъ... не сказали и, главное, не скажутъ ничего о бракѣ. **Коробъ 2**, 330.

НИ ОДИНЪ политикъ *въ мірѣ* не произвелъ такъ много... (о Гоголѣ). **Коробъ 2**, 47.

НИ О ЧЕМЪ я не тосковалъ такъ, какъ объ униженіи... **Уед.**, 130.

НИЧЕГО такъ красиво не лежитъ на молодости, какъ бѣдность. **Коробъ 2**, 307.

НИЧТО такъ не обижало во мнѣ «человѣка» въ дѣтствѣ (воспоминаніе). **Коробъ 2**, 269.

НРАВИЛИСЬ-ЛИ мнѣ женщины какъ *тѣла*, тѣломъ? **Оп. л.**, 287.

— «НУ, а дѣвченокъ не хочешь?».. **Уед.**, 288.

НУ вотъ,—и онъ дачку себѣ въ Крыму купилъ. **Уед.**, 290.

НУ вотъ,—ты всѣхъ пересудилъ... **Уед.**, 70.

НУЖНО разрушить политику. **Коробъ 2**, 29.

НУЖНО хорошо «вязать чулокъ своей жизни»— и не помышлять объ остальномъ. **Оп. л.**, 15.

НУЖНО, чтобы о комъ-нибудь болѣло сердце. **Оп. л.**, 254.

НУ, что-же дѣлать, если женщина «подъ», а chevalier «надъ»... **Коробъ 2**, 216.

НУ, что-же, придетъ и вамъ старость (къ молодежи). **Оп. л.**, 389.

НѢКОТОРЫЯ изъ написанныхъ обо мнѣ статей... **Коробъ 2**, 265.

НѢСКОЛЬКО прекрасныхъ писемъ отъ Горькаго. **Уед.**, 225.

НѢТЪ, не противъ церкви и не противъ Бога мой грѣхъ. Оп. л., 175.

НѢТЪ, папа, ты ошибаешься (разсказъ Тани). Коробъ 2, 223.

НѢТЪ хорошаго лица... Коробъ 2, 75.

НѢТЪ, чувствую я, предвижу, что — не приставъ *здѣсь*—не пристану и *туда*. Коробъ 2, 281.

ОБРѢЗАНІЕ—конечно новобрачіе. Коробъ 2, 337.

«ОБЩЕСТВЕННОСТЬ»,кричатъ вездѣ. Уед., 292.

ОБЩЕСТВО, окружающіе—убавляютъ душу, а не прибавляютъ Оп. л., 5.

ОБЪЯСНЕНІЕ особой ревности стариковъ. Коробъ 2, 274.

ОДНА изъ удивительныхъ мыслей Рцы (центръ лица и біографіи). Коробъ 2, 44.

ОДНА лошадь, да еще старая и не умная, везетъ телѣгу (о русскихъ). Оп. л., 518.

ОДНИ молоды и имъ нужно веселье, другіе стары и имъ нуженъ покой. Оп. л., 76.

О ДОБРОТѢ нашего духовенства. Уед., 266.

О ДѢВСТВѢ глубокое слово я услышалъ отъ Суворина и Карташова. Коробъ 2, 83.

ОДѢЛИ мундиръ (радикалы)... Коробъ 2, 419.

ОЖИДАЕМЫЯ и желаемыя и высматриваемыя качества митрополита петербургскаго. Коробъ 2, 292.

ОКЕАНЪ—женщина. Материкъ—мужчина. Коробъ 2, 425.

ОКУРОЧКИ-то все-таки вытряхиваю... «Сіе творю въ воспоминаніе» дѣтства. Коробъ 2, 106.

О ЛѢНОСТЬ мою разбивался всякій наскокъ. Коробъ 2, 332.

О МОЕ «не хочется» разбивался всякій наскокъ. **Оп. л.**, 234.

О, МОИ грустные «опыты» (съ прост.)... **Уед.**, 158.

ОНА *родила* и слѣд. *имѣла право* родить. **Уед.**, 198.

ОНЪ былъ не уменъ и не образованъ (Шараповъ С. Ѳ.). **Уед.**, 218.

ОНЪ былъ самоотверженный человѣкъ и не жилъ со своей женой (Ш). **Оп. л.**, 232.

ОНЪ довольно литературенъ... **Оп. л.**, 159.

ОНЪ точно кисточкой рисуетъ свои добродѣтели. **Коробъ 2**, 362.

ОПЛОДОТВОРЕНІЕ дѣтей входитъ неописуемымъ чувствомъ въ родителей. **Коробъ 2**, 372.

О РЫЛѢЕВѢ,—который, какая-бы ни была погода, шелъ поклониться на гробъ императора Александра II-го... **Оп. л.**, 116.

О СВОЕЙ СМЕРТИ. **Уед.**, 131.

ОСЕНИ поздней цвѣты запоздалые. **Коробъ 2**, 195.

ОСЛОЖНИТЬ вдохновеніе хитростью — вотъ Византія. **Оп. л.**, 335.

ОСНОВАНІЕ моей привязанности—нравственное. **Коробъ 2**, 313.

ОТВРАТИТЕЛЬНАЯ гнойная муха (нашъ радикализмъ). **Коробъ 2**, 223.

ОТВРАЩЕНІЕ, отвращеніе отъ людей. **Коробъ 2**, 154.

ОТКУДА эта безпредѣльная злоба? (о Гоголѣ). **Оп. л.**, 336.

ОТСТАИВАЙ любовь свою ногтями. **Оп. л.**, 172.

ОТТУДА и пошелъ этотъ тонъ самодовольства (о Герценѣ). **Коробъ 2**, 343.

ОТЧЕГО нумизматика пробуждаетъ столько мыслей? **Оп. л.**, 431.
ОТЧЕГО такъ много чугуна въ людяхъ? **Оп. л.**, 169.
ОТЪ всего ушелъ (мое «я»). **Коробъ 2**, 359.
ОТРОДУ я никогда не любилъ читать Евангеліе. **Оп. л.**, 255.
ОЧЕНЬ около меня много пуху летитъ. **Оп. л.**, 397.
ОЧЕНЬ хорошо расположеніе образованія въ странѣ. **Коробъ 2**, 204.
ОШИБОЧНЫЙ діагнозъ Бехтерева. **Оп. л.**, 383.

ПАМЯТНИКИ не удаются у русскихъ (Гоголю и др.). **Оп. л.**, 251.
ПАПИРОСКА послѣ купанья... **Оп. л.**, 363.
«ПАРОХОДЪ идетъ» писательства... **Коробъ 2**, 220.
ПАУКЪ одинъ, а десять мухъ у него въ паутинѣ (евреи). **Коробъ 2**, 176.
«ПЕРЕМѢНА! Перемѣна!»—жалуются «столпообразныя руины»... **Коробъ 2**, 34.
ПЕРЕСМАТРИВАЮ академическое изданіе Лермонтова... **Коробъ 2**, 280.
ПЕРЕСТАЕШЬ вѣрить дѣйствительности, читая Гоголя. **Коробъ 2**, 46.
ПЕРЕЧИТАЛЪ свою статью о Леонтьевѣ. Не нравится... **Оп. л.**, 199.
ПЕРИПЕТІИ отношеній моихъ къ Мережковскому... **Оп. л.**, 275.
ПЕЧАЛЬНЫ и запутаны наши общественныя дѣла. **Коробъ 2**, 18.
ПЕЧАТЬ—это пулеметъ, изъ котораго стрѣляетъ идіотическій унтеръ... **Уед.**, 291.

ПИСАТЕЛЮ необходимо подавить въ себѣ писателя. Оп. л., 202.
ПИСАТЕЛЬСТВО есть Рокъ. Оп. л., 35.
ПЛАНЪ «Мертвыхъ душъ»—въ сущности анекдотъ. Коробъ 2, 303.
ПЛОДИТЕ, попы, священное сѣмя. Коробъ 2, 421.
ПОБѢДА Платона Каратаева. Уед., 122.
ПОВИДИМОМУ (въ планету? въ исторію?) влитъ опредѣленный % пошлости. Коробъ 2, 72.
ПОГРОМЪ—это конвульсія въ отвѣтъ на муку. Коробъ 2, 176.
«— ПОДАВАЙТЕ, В. В., за октябристовъ.» Уед., 140.
ПОКА еще «цвѣточки» (наша печать). Коробъ 2, 168.
ПОКАЗЫВАЛЪ дачу... Проходя спальней... Оп. л., 125.
ПОКОРИТЬ бракъ закону любви... Покорить любовь закону брака. Коробъ 2, 202.
ПОЛЕВЫЯ и лѣсныя частицы въ человѣкѣ... Коробъ 2, 379.
ПОЛТОРА ГОДА полу-живу. Тяжело. Печально. Страшно. Уед., 289.
ПОЛУ-ИСКРЕННОСТЬ—она сопутствуетъ теперь всѣмъ дѣламъ Церкви. Коробъ 2, 293.
ПОЛУЧИЛЪ два характерныя письма (студента и рабочаго). Коробъ 2, 213.
ПОНОШЕННЫЯ, хищныя (женщины въ театрѣ). Коробъ 2, 293.
ПОПЫ—мѣдное войско около Христа. Оп. л., 325
ПОРАЗИТЕЛЬНОЕ сужденіе я услышалъ отъ Флоренскаго («Христа нѣтъ внѣ Церкви»). Коробъ 2, 52.
ПОРАЗИТЕЛЬНО, что иногда я гляжу во всѣ глаза на событіе—и не вижу его. Уед., 143.

ПОРАЗИТЕЛЬНО, что къ гробу Толстого сбѣжались всѣ Добчинскіе. **Уед.**, 96.

«ПОРА», сказала мамаша (2-ой бракъ). **Коробъ 2**, 103.

ПОРОКЪ живописенъ, а добродѣтель такъ тускла. **Коробъ 2**, 193.

«ПОСИДИТЕ, Ѳедоръ Эдуардовичъ!» (о Шперкѣ). **Оп. л.**, 225.

ПОСЛѢДНІЙ моментъ—смятеніе души... «Онъ—въ бурѣ». (О совокупленіи). **Коробъ 2**, 383.

ПОСЛѢ книгопечатанія—любовь стала невозможной. **Оп. л.**, 25.

ПОСЛѢ хиротоніи онъ оглядится по сторонамъ и начнетъ соображать доходы (объ архіеряхъ). **Оп. л.** 231.

ПОСМОТРИШЬ на русскаго человѣка острымъ глазкомъ... **Уед.**, 16.

«ПОСПѢШНО» — прочелъ я надъ адресомъ (наша Надя). **Оп. л.**, 317.

ПОСТОЯННО что-то дѣлаетъ, что-то предпринимаетъ (еврей). **Уед.**, 174.

ПО фону жизни проходили всякіе лоботрясы (о Боборыкинѣ). **Уед.**, 167.

ПОЧЕМУ я издалъ «Уедин»?. **Коробъ 2**, 15.

ПОЧЕМУ я не могу перенести смерти? **Коробъ 2**, 177.

ПОЧЕМУ я сержусь на радикаловъ? **Уед.**, 272.

ПОЧЕМУ я такъ не желаю извѣстности? **Уед.**, 216.

ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, заглядывавшій въ частныя письма... **Оп. л.**, 215.

ПОЧТИ не встрѣчалъ еврея, который не обладалъ-бы какимъ-нибудь талантомъ. Но не ищите среди ихъ генія. **Оп. л.**, 104.

ПОЭТЪ Майковъ смиренно ѣздилъ на конкѣ. **Коробъ 2**, 56.

ПРАВДА выше солнца. **Уед.**, 137.

ПРАВДУ предсказалъ мнѣ Горькій. **Коробъ 2**, 172.

ПРАВИТЕЛЬСТВУ нужно-бы утилизировать благородныя чувства печати. **Коробъ 2**, 55.

ПРАВО, русскіе представляютъ какихъ-то странствующихъ арабовъ въ родной своей землѣ. **Оп. л.**, 214.

ПРИШЕЛЪ вонючій разночинецъ... **Оп. л.**, 285.

ПРЕДСТАВИТЬ-БЫ, что Главное Управленіе заготовленья пороху для арміи. **Коробъ 2**, 393.

ПРИ устроеніи брака въ странѣ нужно имѣть въ виду «стада человѣческія»... **Коробъ 2**, 188.

ПРІЯТНО стоять выше морали (о Ницше). **Оп. л.**, 217.

ПРОГРЕССЪ технически необходимъ, для души онъ вовсе не необходимъ. **Коробъ 2**, 61.

ПРОЙДЕТЪ все, пройдемъ мы, пройдутъ дѣла наши. Любовь?.. **Оп. л.**, 344.

ПРОСНУЛСЯ... Какіе-то звуки (Вася). **Оп. л.**, 17.

ПРОТОІЕРЕЙ Ш. хоронилъ свою мать. **Оп. л.**, 402.

ПРОЧЕЛЪ въ *Русск. Вѣдом.* радостную статью по поводу гибели нашей миноноски. **Оп. л.**, 348.

ПУСТЬ Богъ продлитъ мнѣ 3—4—5 лѣтъ жизни. **Уед.**, 286.

ПУСТЬ объяснитъ духовенство, для чего растутъ у дѣвушки груди? **Оп. л.**, 358.

ПУШКИНЪ и Лермонтовъ кончили собою всю старую Россію отъ Петра и до себя. **Оп. л.** 294.

ПѢСНИ оттуда-же, откуда и цвѣты. Оп. л., 346.
ПѢШЕХОНКА — послѣдняя значущая фигура въ соціалъ-демократіи. Уед., 48.
ПИТАГО августа узналъ о болѣзни Ш. Коробъ 2, 177.

РАБОТА и страданіе—вотъ вся жизнь моя. Коробъ 2, 12.
РАЗА три въ жизни я наблюдалъ матерей, сводничающихъ своихъ дочерей. Коробъ 2, 81.
РАЗВРАТЪ есть слово, которому нѣтъ соотвѣтствующаго предмета. Коробъ 2, 80.
РАЗНИЦА между мамочкою и ея матерью. Оп. л., 306.
РАЗСКАЗЪ Кускова (Пл. А.) объ уличныхъ нравахъ. Коробъ 2, 239.
РАЗСѢЯННЫЙ человѣкъ и есть сосредоточенный человѣкъ. Оп. л., 80.
РАСТОПЫРИВЪ ноги и смотря нахально на учительницу (Вася). Оп. л., 494
РАСТЯЖИМАЯ матерія объемлетъ нерастяжимый предметъ (совокупл.). Коробъ 2, 417.
РЕБЕНОКЪ плачетъ.—«Да встань-же ты»! Коробъ 2, 283.
РЕВОЛЮЦИИ основаны на энтузіазмѣ, царства—на терпѣніи. Коробъ 2, 258.
РЕВОЛЮЦИИ происходятъ не тогда, когда народу тяжело... Коробъ 2, 340.
РЕВОЛЮЦІОНЕРЫ берутъ тѣмъ, что они откровенны. Коробъ 2, 409.
РЕВОЛЮЦІЯ имѣетъ два измѣренія: длину и ширину; но не имѣетъ третьяго—глубины. Оп. л., 92.

РЕВОЛЮЦІЯ русская вся свернулась въ типъ заговора. **Коробъ 2, 170.**

РЕВОЛЮЦІЯ сложена изъ двухъ пластинокъ. **Оп. л., 94.**

РЕЛИГІЯ Толстого не есть-ли *«туда и сюда»* тульскаго барина... **Оп. л., 97.**

РОДИЛА червяшка червяшку... **Коробъ 2, 317.**

РОЖДАЕМОСТЬ не есть-ли тоже «выговариваемость себя міру»? **Оп. л., 269.**

РОКЪ Горькаго—что онъ попалъ въ *славу*, въ *верхнее положеніе*. **Уед., 226.**

РОССІЯ иногда представляется буйволомъ, съѣвшимъ съ травою ядовитое насѣкомое. **Коробъ 2, 224.**

РУССКАЯ жизнь и грязна, и слаба, но какъ-то мила. **Оп. л., 173.**

РУССКАЯ церковь представляетъ замѣчательное явленіе... **Уед., 208.**

РУССКІЕ, какъ извѣстно, во все умѣютъ воплотиться (о Боборыкинѣ). **Оп. л., 146.**

РУССКІЙ болтунъ вездѣ болтается. **Оп. л., 463.**

РУССКІЙ лѣнивецъ нюхаетъ воздухъ, не пахнетъ-ли гдѣ «оппозиціей». **Оп. л., 284.**

РУССКІЙ мечтатель и существуетъ для разговоровъ. **Оп. л., 113.**

РУССКОЕ хвастовство (революція). **Коробъ 2, 153.**

РЦЫ точно безъ рукъ и безъ ногъ. **Оп. л., 219.**

РѢДКО, рѣдко у меня мелькаетъ мысль. **Коробъ 2, 386.**

РѢЖЕТЪ Темное, рѣжетъ Черное. **Оп. л., 327.**

РЯДЪ попиковъ, кушающихъ севрюжину. **Оп. л., 110.**

САЙКУСЬ до-редакціи. Былъ въ хорошемъ настроеніи. **Уед.**, 24.
САМАЯ почва «нашего времени» испорчена, отравлена. **Коробъ 2**, 5.
САМОЕ важное въ Боборыкинѣ... **Оп. л.**, 147.
САМОЕ существенное — просто *дѣйствительность*. **Оп. л.**, 379.
САМОЛЮБІЕ и злоба—изъ этого смѣшана вся революція. **Коробъ 2.**, 105.
САМЫЙ смыслъ мой осмыслился черезъ «друга». **Оп. л.**, 377.
САМЪ я постоянно ругаю русскихъ. **Уед.**, 119.
САТАНА соблазнилъ папу властью, а литературу—славою. **Уед.**, 100.
СВЯЗЬ пола съ Богомъ. **Уед.**, 169.
СВЯЩЕННОЕ слово. **Коробъ 2**, 312.
СЕКРЕТЪ ея страданій—въ томъ... (о Башкирцевой). **Уед.**, 52.
СЕКРЕТЪ писательства заключается... **Уед.**, 27.
СЕМЬ милліоновъ желудковъ (евреи и русскіе). **Оп. л.**, 477.
СЕМЬ старцевъ (дѣвушки и аскетизмъ). **Оп. л.**, 71.
СЕМЬЯ — самая аристократическая форма жизни. **Уед.**, 175.
СЕРДЦЕ и идеалъ были во мнѣ моногамичны. **Коробъ 2**, 381.
СЕСТРА Вѣрочка умирала въ чахоткѣ. **Коробъ 2**, 180.
СИЖУ у Рцы (о евреяхъ). **Коробъ 2**, 186.
СИЛА евреевъ—въ ихъ липкости. **Коробъ 2**, 105.
СИЛА еврейства—въ ихъ старой крови. **Оп. л.**, 171.
CULTUS PHALLI непонятенъ внѣ родства. **Коробъ 2**, 382.
СИЛЬНАЯ любовь кого-нибудь одного дѣлаетъ ненужнымъ любовь многихъ. **Оп. л.**, 2.

СИМПАТИЧНЫЙ шалопай (русскіе). **Коробъ 2,** 106.

СКАЗАТЬ, что Шперка *теперь* совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ (о загробномъ мірѣ). **Оп. л.,** 26.

СКОЛЬКО изнурительнаго труда... (въ «Сем. вопросѣ въ Россіи»). **Оп. л.,** 87.

СКОЛЬКО праздношатающихся интеллигентовъ... **Оп. л.,** 283.

СКОЛЬКО прекраснаго встрѣтишь въ человѣкѣ... **Уед.,** 113.

СКОЛЬКО у насъ репутацій, омоченныхъ въ юношеской крови... **Уед.,** 192.

СКОРО кончатся мои дни. **Коробъ 2,** 325.

СЛАБОХАРАКТЕРНОСТЬ—главнѣйшій источникъ неправдивости. **Коробъ 2,** 27.

СЛАВА—змѣя. **Уед.,** 206.

СЛАВА—не только не величіе... **Оп. л.,** 156.

СЛІЯНІЕ своей жизни и особенно писаній съ Божескимъ «хочу»... **Уед.,** 188.

СМАЗАЛИ хвастунишку по мордѣ... **Коробъ 2,** 248.

СМЕРТИ я совершенно не могу перенести. **Оп. л.,** 184.

СМЕРТЬ бабушки... **Оп. л.,** 9.

СМЕРТЬ есть то, послѣ чего ничто не интересно. **Оп. л.,** 196.

СМЕРТЬ не страшна тому, кто вѣритъ въ безсмертіе. **Коробъ 2,** 358.

СМОТРИТЕ, злодѣянія льются какъ свободная пѣснь. **Коробъ 2,** 192.

СМЫСЛЪ Литературнаго Фонда... **Коробъ 2,** 65.

СМЫСЛЪ ХРІСТА не заключается-ли въ Гефсиманіи и крестѣ? **Оп. л.,** 447.

СМѢХЪ не можетъ ничего убить. **Оп. л.,** 1[illegible]0.

СОБСТВЕННО, мы *хорошо знаемъ*—только *себя*. **Оп. л.**, 378.

СОБСТВЕННО,—непосредственно слить съ церковью я никогда не былъ. **Оп. л.**, 185.

СОБСТВЕННО, нравственность есть такая вещь, о которой не спорятъ. **Оп. л.**, 437.

СОВЕРШЕННО не замѣтили, что есть новаго въ *Уед.* **Оп. л.**, 262.

СОВЕРШЕНСТВА нѣтъ на землѣ... **Оп. л.**, 67.

СОВОКУПЛЕНІЕ, каждое единичное, имѣетъ опредѣленный возрастъ. **Коробъ 2**, 376.

СО ВРЕМЕНИ «Уед.» окончательно утвердилась обо мнѣ мысль въ печати... **Оп. л.**, 359.

СОВРЕМЕННОСТЬ рѣжетъ только пустого человѣка. **Оп. л.**, 174.

СОВСѢМЪ подбираюсь къ могилѣ. **Оп. л.**, 382

СОЗИДАЙТЕ духъ! Созидайте духъ! (проститутки на Загородномъ) **Уед.**, 114.

СОЦІАЛИЗМЪ пройдетъ какъ дисгармонія. **Оп. л.**, 77.

СОЧЕТАНІЕ хитрости съ дикостью—мое удивительное свойство. **Оп. л.**, 188.

«СПОРЪ выясняетъ истину»... **Оп. л.**, 421.

СПРАШИВАЛЪ Гершензона о «Пути» Морозовой. **Оп. л.**, 441.

СРАВНИВАЛЪ портретъ Д. С. Милля и Погодина. **Оп. л.**, 258.

СРЕДНІЙ возрастъ человѣка. **Коробъ 2**, 397.

СТАРОСТЬ есть развязываніе привязанностей. **Уед.**, 184.

СТАРЫЯ, милыя бабушки... **Коробъ 2**, 389.

СТИЛЬ есть душа вещей. **Коробъ 2**, 241.

СТИЛЬ есть то, куда поцѣловалъ Богъ вещь. **Коробъ 2**, 428.

СТИЛЬНЫЯ ВЕЩИ суть оконченныя вещи. **Коробъ 2**, 499.
СТОЯТЪ два народа сосѣдніе (вотяки, язычество). **Уед.**, 17.
СТРАННІКЪ, вѣчный странникъ... **Уед.**, 203.
СТРАШНАЯ пустота жизни... **Коробъ 2**, 5.
СТРАШНОЕ одиночество за всю жизнь. **Уед.**, 262.
СТРАШНО, когда наступаетъ озноб души. **Коробъ 2**, 291.
СТРУВЕ осторожно... подходитъ къ необходимости: «признать правительство». **Коробъ 2**, 429.
СУДЬБА бережетъ тѣхъ, кого она лишаетъ славы. **Уед.**, 223.
СУПРУЖЕСТВО — какъ замокъ и дужка къ нему... **Коробъ 2**, 383.
СУТЬ нашего времени, что оно все обращаетъ въ шаблонъ, схему и фразу. **Оп. л.**, 167.
СУЩНОСТЬ молитвы заключается... **Оп. л.**, 4.
СЧАСТЛИВУЮ и великую родину любить—не велика вещь. **Оп., л.**, 83.
«СЧАСТЬЕ—въ усиліи», говоритъ молодость. **Уед.**, 154.
СѢВЪ задомъ на ворохъ корректуръ. **Уед.**, 7.
СЪ бороденочкой, съ нѣжнымъ дѣвичьимъ лицомъ (А. П. Устьинскій). **Уед.**, 22.
СЪ выпученными глазами и облизывающійся. **Коробъ 2**, 8.
СЪ дѣтьми—и горькое сладко. **Оп. л.**, 333.
СЪ какой печалью читалъ статьи Изгоева объ университетѣ. **Уед.**, 165.
СЪ основанія міра было двѣ философіи. **Уед.**, 121.
СЪ прессой надо справляться... **Коробъ 2**, 69.

СЪ тѣмъ вмѣстѣ стиль есть нѣчто внѣшнее. **Коробъ 2, 429.**

СЪ четырьмя милліонами состоянія, онъ сидѣлъ съ прорѣзаннымъ горломъ (А. С. Суворинъ). **Оп. л., 142.**

ТАЙНА писательства—въ кончикахъ пальцевъ. **Оп. л., 399.**

ТАЙНЫЙ ПАѲОСЪ еврея—быть элегантнымъ. **Оп. л., 330.**

ТАКИХЪ, какъ эти двѣ строки Некрасова. **Уед., 29.**

— «ТАКОЙ книгѣ нельзя быть» (объ «Уед.»). **Коробъ 2, 71.**

ТАКЪ любилъ ее, что никакъ не могъ... **Коробъ 2, 317.**

ТАКЪ моя жизнь загибается къ ужасному страданію совѣсти. **Коробъ 2, 359.**

ТАКЪ мы съ мамочкой и останемся вдвоемъ. **Оп. л., 360.**

ТАКЪ одинъ око со одного болтается. **Коробъ 2, 221.**

ТАЛАНТЪ у писателя невольно съѣдаетъ жизнь его. **Оп. л., 331.**

ТАМЪ — башмачки, куклы, тамъ — мадонна. **Оп. л., 352.**

ТАМЪ можетъ быть я и дуракъ... **Уед., 212.**

ТАНЯ вернулась изъ классовъ. **Оп. л., 458.**

«ТЕКУЩЕЕ ПОКОЛѢНІЕ» не имѣетъ... никакого значенія. **Уед., 241.**

ТЕПЕРЬ въ новыхъ печкахъ повернулъ ручку. **Коробъ 2, 6.**

ТЕПЕРЬ вы поищите Магнитскихъ да Руничей въ своемъ лагерѣ. **Коробъ 2, 236.**

ТЕПЕРЬ все кончилось... **Коробъ 2, 321.**

ТЕПЕРЬ всѣ дѣла русскія осложнились «евреемъ». **Оп. л.**, 519.
ТЕРЯЯ дѣвственность, дѣвушка теряетъ свое *опредѣленіе*. **Коробъ 2**, 207.
ТЕХНИКА, присоединившись къ душѣ, дала ей всемогущество. **Оп. л.**, 163.
ТИХІЯ темныя ночи. **Уед.**, 250.
ТИШИНА лечитъ душу. **Коробъ 2**, 341.
ТО́ ЗНАНІЕ цѣнно, которое... **Коробъ 2**, 7.
ТОЛСТОЙ былъ геніаленъ, но не уменъ. **Оп. л.**, 40.
ТОЛСТОЙ искалъ мученичества и просился въ Шлиссельбургъ... **Оп. л.**, 517.
ТОЛСТОЙ не былъ вовсе религіознымъ лицомъ, религіозною душою. **Оп. л.**, 376.
ТОЛСТОЙ прожилъ собственно глубоко пошлую жизнь. **Уед.**, 150.
ТОЛСТОЙ удивляетъ, Достоевскій трогаетъ. **Коробъ 2**, 219.
ТОЛЬКО горе открываетъ намъ *великое* и *святое*. **Оп. л.**, 321.
ТОЛЬКО оканчивая жизнь—видишь, что вся она была поученіемъ. **Оп. л.**, 400.
ТОЛЬКО русская свободушка и подышала до прихода евреевъ. **Коробъ 2**, 200.
ТОЛЬКО такая любовь къ человѣку есть настоящая... **Коробъ 2**, 43.
ТОЛЬКО то́ чтеніе удовлетворительно... **Коробъ 2**, 26.
ТОЛЬКО у человѣка: цвѣтетъ, а завязаться плоду не даютъ (дѣвушки). **Коробъ 2**, 100.
ТОМИТЕЛЬНО, но не грубо свиститъ вентиляторъ. **Уед.**, 269.
ТОМИТСЯ душа... **Коробъ 2**, 320.
ТОРГЪ, вездѣ торгъ,—въ литературѣ, въ политикѣ. **Уед.**, 271.

ТОРЧИТЪ ПЕНЬ; а была такая чудная литанія. **Коробъ 2, 154.**

ТРЕХЪ ЛЮДЕЙ я встрѣтилъ умнѣе себя. **Уед., 227.**

ТО, чему я никогда бы не повѣрилъ (о *плати* жизни). **Оп. л., 235.**

ТО, что *есть* — мнѣ кажется невѣроятнымъ. **Оп. л., 415.**

ТЫ-бы, демократъ, лучше не подслушивалъ у дверей (Г—ръ). **Коробъ 2, 222.**

«ТЫ ТРОНЬ кожу его», искушалъ Сатана Господа объ Іовѣ. **Коробъ 2, 12.**

— «ТЫ ужъ теперь не испытываешь счастья». **Коробъ 2, 394.**

ТЯЖЕЛЫМЪ утюгомъ гладитъ человѣка Богъ. **Оп. л., 105.**

УВАЖЕНІЕ къ старому должно быть благочестиво... **Оп. л., 298.**

УДИВИТЕЛЬНА, все-таки, непроницательность нашей критики. **Коробъ 2, 190.**

УДИВИТЕЛЬНО противна мнѣ моя фамилія. **Уед., 58.**

УДИВИТЕЛЬНЫЙ разсказъ Варвары Андреевны. **Оп. л., 499.**

УЖАСНО много гнѣва прошло въ моей литературной дѣятельности. **Коробъ 2, 28.**

УЖЕ года за три до 1911 г. мой «другъ» говорилъ мнѣ... **Уед., 252.**

УЖЕ дотрагиваніе доставляетъ удовольствіе, даже—одна мысль... **Коробъ 2, 378.**

УЖЪ хвалили ихъ, хвалили (революціонеры). **Коробъ 2, 241.**

УКЛОНЧИВОСТЬ всѣхъ вещей отъ опредѣленія своего. **Коробъ, 2, 301.**

У КОСТИ КУДРЯВЦЕВА директоръ спросилъ на переэкзаменовкѣ... **Коробъ 2**, 111.
У МЕНЯ было религіозное высокомѣріе. **Коробъ 2**, 322.
У МЕНЯ есть какой-то фетишизмъ мелочей. **Оп. л.**, 508.
У МЕНЯ есть какой-то фетишизмъ мелочей (съ другимъ добавленіемъ). **Коробъ 2**, 220.
У МЕНЯ чесотка пороковъ. **Коробъ 2**, 321.
У МЕРЕЖКОВСКАГО есть замѣчательный афоризмъ. **Оп. л.**, 472.
«УМЕРЪ! Онъ умеръ!»—воетъ звѣрь-человѣкъ. **Коробъ 2**, 391.
УМЕРЪ Суворинъ: но кругомъ—дѣла его, духъ его. **Оп. л.**, 419.
УМЪ, положимъ, мѣщанинишко. **Оп. л.**, 41.
УМѢЙ искать уединенія. **Оп. л.**, 347.
У НАСЪ нѣтъ совсѣмъ мечты своей родины. **Коробъ 2**, 164.
У НАСЪ Polizien-Revoluzion. **Коробъ 2**, 76.
УНИЖЕНІЕ всегда переходитъ потомъ въ душевное сіяніе. **Уед.**, 135.
У НИНЫ РУДНЕВОЙ—подруга... **Оп. л.**, 55.
У РОДЗЕВИЧА была горничная... **Коробъ 2**, 365.
У РУССКИХЪ нѣтъ сознанія своихъ предковъ и нѣтъ сознанія своего потомства. **Коробъ 2**, 325.
У РЦЫ «Богъ прибралъ» троихъ дѣтей. **Коробъ 2**, 311.
У РЦЫ въ желудкѣ аріи изъ «Фигаро». **Оп. л.**, 435.
УСЛУГИ еврейскія какъ гвозди въ руки мои. **Оп. л.**, 428.
У СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТА одна тоска: кому-бы угвоздиться на содержаніе. **Коробъ 2**, 380.

УСПѢХЪ въ добротѣ и доброта въ успѣхѣ (Суворинъ). **Коробъ 2, 174.**

УЧЕНИЧЕСТВО—тонкая музыка. **Коробъ 2, 383.**

УЧЕНЫХЪ надо драть за уши. **Коробъ 2, 90.**

ФАЛЛОСЪ всегда долженъ быть насыщенъ. **Коробъ 2, 249.**

ФИЛОСОФЫ, да и то не всѣ, говорили о Богѣ. **Коробъ 2, 322.**

ФОНВИЗИНЪ пытался быть западникомъ. **Коробъ 2, 411.**

ФРАНЦУЗЫ неспособны... ни къ республикѣ, ни къ монархіи. **Оп. л., 205.**

ХОЛОДОКЪ на сердцѣ... **Коробъ 2, 285.**

ХОРОША малина, но лучше былъ окурокъ. **Коробъ 2, 263.**

ХОРОШЕЕ—и у чужого хорошо. **Коробъ 2, 110.**

ХОРОШО дѣлаютъ чемоданы англичане. **Коробъ 2, 26.**

ХОТѢЛЪ-ли бы я посмертной славы? **Уед., 76.**

ХОЧУ-ли я дѣйствовать на жизнь, имѣть вліяніе? **Уед., 178.**

ХОЧУ-ли я играть роль? **Оп. л., 507.**

ХОЧУ-ли я, чтобы очень распространилось мое ученіе? **Уед., 171.**

— «ХРИСТІАНСТВО—не *за* полъ, и—не *противъ* пола». **Коробъ 2, 290.**

ХРИСТІАНСТВО также выразило собою и открыло міру внутреннее содержаніе безсѣменности, какъ Ветхій завѣтъ—содержаніе сѣмени.

ЦЕНЗОРЪ только тогда начинаетъ «понимать». **Коробъ 2, 14.**

ЦЕРКОВЬ есть душа общества и народа. **Коробъ 2, 390.**

ЦЕРКОВЬ есть единственное поэтическое, единственно глубокое на землѣ. **Уед., 285.**

ЦЕРКОВЬ есть не только *корень* русской культуры... **Оп. л., 451.**

ЦЕРКОВЬ научила всѣхъ людей молиться. **Коробъ 2, 310.**

ЦЕРКОВЬ объ умершемъ произнесла такія удивительныя слова. **Коробъ 2, 178.**

ЦЕРКОВЬ основывается на «нужно». **Коробъ 2, 326.**

ЦЕРКОВЬ поетъ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій». **Коробъ 2, 418.**

ЦИВИЛИЗАЦІЯ не на улицахъ, цивилизація—въ сердцѣ. **Оп. л., 427.**

ЦИНИЗМЪ отъ страданія... **Уед., 75.**

ЧАСЪ отъ часу не легче (о миквѣ у евреевъ). **Уед., 83.**

ЧЕГО хотѣлъ—тѣмъ и захлебнулся (о Толстомъ). **Оп. л., 155.**

ЧЕГО я жадничаю, что мало обо мнѣ пишутъ. **Коробъ 2, 43.**

ЧЕГО я совершенно не умѣю представить себѣ—это чтобы онъ запѣлъ пѣсню (о Герценѣ). **Коробъ 2, 21.**

ЧЕЛОВѢКА достойный памятникъ — только одинъ. **Коробъ 2, 388.**

ЧЕЛОВѢКЪ живетъ какъ соръ... **Оп. л., 394.**

ЧЕЛОВѢКЪ искренен въ порокѣ и неискренен въ добродѣтели. **Коробъ 2, 192.**

«ЧЕЛОВѢКЪ» многомъ говоритъ интересно, но съ аппетитомъ—только о себѣ». **Уед.**, 159.

ЧЕЛОВѢКЪ стоитъ на двухъ якоряхъ. **Уед.**, 195.

ЧЕМУ я, собственно, враждебенъ въ литературѣ? **Оп. л.**, 260.

ЧЕРВИ изгрызли все (о Церкви). **Коробъ 2**, 390.

ЧЕРЕЗЪ 1900 лѣтъ (о Церкви и революціи). **Коробъ 2**, 400.

ЧИНОВНИЧЕСТВО оттого ничего не задумываетъ... **Оп. л.**, 409.

ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЙ кабакъ остается все-таки кабакомъ. **Оп. л.**, 259.

ЧИТАЛЪ о страдальческой, ужасной жизни Гл. Успенскаго. **Уед.**, 102.

ЧТОБЫ пронизалъ душу Христосъ... **Коробъ 2**, 388.

ЧТО́ выше,—любовь или исторія любви? **Коробъ 2**, 310.

ЧТО-ЖЕ была та стрѣла, которую постоянно чувствовалъ въ моемъ сердцѣ? **Уед.**, 204.

ЧТО-ЖЕ именно каноничнo? **Оп. л.**, 299.

ЧТО-ЖЕ такое Леонтьевъ (К. Н)?—Ничего. **Оп. л.**, 481.

ЧТО-ЖЕ ты любишь, чудакъ?.. **Уед.**, 243.

ЧТО-ЖЕ я скажу на томъ свѣтѣ Богу? **Оп. л.**, 13.

ЧТО значилъ-бы Христосъ безъ милосердія? ...Есть-ли милосердіе въ Церкви? — Нѣтъ. **Коробъ 2**, 391.

ЧТО значитъ, когда я «умру»? **Оп. л.**, 3.

ЧТО однако для себя я хотѣлъ-бы во вліяніи? **Оп. л.**, 279.

ЧТО такое литературная душа? **Коробъ 2**, 305.

ЧТО такое пафосъ *egalite*? **Уед.**, 199.

ЧТО такое писатель? **Коробъ 2**, 309.

ЧТО-ТО было глухое, слѣпое, что даже безъ имени (Россія до 1905 г.). **Коробъ 2**, 59.

ЧТО-ТО такое противное есть въ моемъ слогѣ. Оп. л., 246.
— «ЧТО ты все думаешь о себѣ?»... Уед., 236.
ЧТО это было-бы за государство? Коробъ 2, 77.
ЧТО это было у меня въ юности:—предчувствіе или желаніе? Оп. л., 257.
ЧТО это, неужели я буду читаемъ? Оп. л., 278.
ЧТО я все надавилъ на Добчинскихъ? Оп. л., 78.
ЧТО я все нападаю на Венгерова и Карѣева? Коробъ 2, 27.
ЧУВСТВА преступности, какъ у Достоевскаго, у меня никогда не было. Уед., 190.
ЧУКОВСКІЙ все-таки очень хорошій писатель. Уед., 194.
ЧѢМЪ я болѣе всего пораженъ въ жизни? Оп. л., 203.

ШАТАЕТСЯ, изъ рукъ моихъ выпадаетъ. Оп. л., 456.
ШЕСТЬДЕСЯТЪ только разъ я могъ простоять въ Великій Четвергъ «со свѣчечками». Уед., 283.
ШТУНДА—не одно евангельско-церковное ученіе. Коробъ 2, 399.
ШТУНДА—это мечта «переработавшись въ нѣмца» стать, наконецъ... Коробъ 2, 398.
ШУМИТЪ вѣтеръ въ полночь и несетъ листы. Уед., 1.
ШУРА находу:—«Когда она лечилась»? Коробъ 2, 185.
ШУТОЧКИ Тургенева надъ религіей... Коробъ 2, 43.

ЩЕДРИНЪ около Гоголя—какъ конюхъ около Александра Македонскаго. **Коробъ 2, 47.**

ЭГОИЗМЪ—не худъ; это—кристаллъ около «я». **Оп. л., 16.**

ЭГОИЗМЪ партій, выросшій надъ нуждою и страданіемъ Россіи... **Оп. л. 413.**

ЭТО во второй разъ въ моей жизни: корабль тонетъ, а пушки стрѣляютъ. **Оп. л., 422.**

«ЭТОГО мнѣ уже теперь ничего не нужно». **Уед., 260.**

ЭТО здоровая реакція «на глупости», что гимназисты не учатся. **Коробъ 2, 205.**

ЭТО какой-то впечатлительный Боборыкинъ стихотворчества (о Бальмонтѣ). **Оп. л., 161.**

«ЭТО просто—*пошлость*», сказалъ Толстой о «Женитьбѣ» Гоголя. **Оп. л., 134.**

ЭТОТЪ попъ на пропагандѣ христіанскихъ рабочихъ идей... **Коробъ 2, 76.**

Я-БЫ МОГЪ наполнить багровыми клубами дыма міръ. **Коробъ 2, 11.**

Я ВЕСЬ въ корняхъ, между корнями. **Оп. л., 509.**

Я ВОВСЕ не «боролся» (Мер.), а «схватилъ Побѣду»... **Оп. л., 340.**

Я ВОЗВРАЩАЮСЬ къ тому идеализму... **Коробъ 2, 314.**

Я ВЫШЕЛЪ изъ мерзости запустѣнія... **Коробъ 2, 308.**

Я ГОВОРИЛЪ о бракѣ, бракѣ, бракѣ, а ко мнѣ шла смерть, смерть, смерть. **Уед., 261.**

«Я ДО ВРЕМЕНИ не безпокоилъ ваше благородіе». **Коробъ 2, 22.**

Я ДУМАЛЪ, что все безсмертно. И пѣлъ пѣсни. Оп. л., 1.

Я ЕЩЕ не такой подлецъ, чтобы думать о морали. Уед., 152.

Я ЖМУ *руку* всѣмъ... (проституціонность всѣхъ органовъ, *кромѣ* половыхъ). Коробъ 2, 332.

Я ЗАДЫХАЮСЬ въ мысли. Уед. 125.

Я ЗНАЮ, что изображаю того гнуса. Коробъ 2, 252.

ЯЗЫЧЕСТВО есть младенчество человѣчества. Оп. л., 436.

ЯЗЫЧЕСТВО, «спрессованное до невозможности»—это юдаизмъ. Оп. л., 230.

ЯЗЫЧЕСТВО—утро, христіанство—вечеръ. Оп. л., 140.

Я НЕ ВРАЖДЕБЕНЪ нравственности. Оп. л., 189.

Я НЕВѢСТЮСЬ передъ всѣмъ міромъ. Оп. л., 201.

Я НЕ ДУМАЮ о царствахъ... Коробъ 2, 400.

Я НЕ НУЖЕНЪ... Уед., 132.

Я НЕ СПОРЩИКЪ съ Богомъ... Уед., 220.

Я НЕ ХОЧУ истины... Оп. л., 381.

Я НИЧЕГО такъ не цѣню у духовенства, какъ хорошіе уды. Коробъ 2, 421.

Я НУЖДАЮСЬ только въ утѣшеніи. Коробъ 2, 356.

Я ПОХОЖЪ на младенца въ утробѣ матери. Уед. 128.

Я ПРОЛЕТАЛЪ около темъ... Оп. л., 14.

Я РАЗГАДАЛЪ тетраграмму... Уед., 148.

Я САМЪ прошелъ въ гимназіи путь ненависти къ правительству и даже ненавидѣнія Государя,—какъ лица и принципа. Коробъ 2, 345.

«Я СЕЙЧАСЪ! «Я сейчасъ!» **Оп. л., 176.**
Я СМОТРѢЛЪ на Леву съ такою завистью къ его росту, къ его красивости, къ его достоинству. **Коробъ 2, 279.**
«Я ТЕБѢ, дѣточка, переложу подушку къ ногамъ». **Оп. л., 36.**
Я ТОЛЬКО смѣюсь или плачу... **Оп. л., 153.**
Я ЧУВСТВУЮ, что метафизически не связанъ съ дѣтьми. **Коробъ 2, 107.**

стр.

Портретъ Надежды Романовны Щербовой. 80
Портретъ нашей семьи (мамы, Шуры, Тани, Вѣры, Вари, Васи) 195

СОЧИНЕНІЯ В. В. РОЗАНОВА:

Уединенное. Почти на правахъ рукописи. Спб. 1912 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Опавшіе листья. Спб. 1913 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Опавшіе листья. Коробъ 2. 1915 г. Цѣна 2 р.

Среди художниковъ. Съ портретами. 1914 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Литературные изгнанники. Томъ первый. Съ портретомъ. 1913 г. Цѣна 3 р. 50 к.

Итальянскія впечатлѣнія. Римъ.—Неаполитанскій заливъ.—Флоренція.—Венеція.—Съ рисунками Л. С. Бакста и тремя видами Пестума. Спб. 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Письма А. С. Суворина къ В. В. Розанову. Съ портретомъ. Цѣна 2 р.

Темный ликъ. Метафизика христіанства. 1911 г. Ц. 2 р. 50 к.

Люди луннаго свѣта. Метафизика христіанства. Изд. 2-е (увеличенное на 95 страницъ). Спб. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Когда начальство ушло. Очеркъ русскихъ событій 1905—1906 гг. Спб. 1909 г. Ц. 2 р.

О подразумѣваемомъ смыслѣ нашей монархіи. Спб. 1912 г. Цѣна 80 к.

Война 1914 г. и русское возрожденіе. Цѣна 1 р.

Русская церковь. Духъ. Судьба. Ничтожество и очарованіе. Главный вопросъ. Спб. 1909 г. Цѣна 40 к.

Тоже. Перев. на нѣмецкій языкъ. (Въ сборникѣ «Russen ueber Russland). Франкфуртъ на / М.

Тоже. Переводъ на итальянскій языкъ. Миланъ.

Vassili Rosanov. **L'Eglise Russe.** Traduit avec l'autorisation de l'auteur par N. Limont Saint-Jean & Denis Roche. Paris. 1912.

Около церковныхъ стѣнъ. 2 т. Цѣна каждаго тома 2 р.

Апокалипсическая секта. Хлысты и скопцы. 1914 г. Ц. 1 р. 50 к.

Л. Н. Толстой и русская церковь. Спб. 1912 г. Цѣна 30 к.

Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Семейный вопросъ въ Россіи. Два тома. Съ египетскими рисунками. Спб. 1903 г. Цѣна 4 р. 50 к.

Мѣсто христіанства въ исторіи. Изд. 3-е. Спб. 1906 г. Ц. 20 к.

Мѣстото на хрістіанството въ историята. Отъ В. В. Розановъ. Прѣводъ на болгарскій языкъ отъ Русски подъ редакцията на Д. Божковъ. Библіотека «Духовна Пробуда». Пловдинъ. 1906 г.

Легенда о Великомъ Инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго коментарія. Съ приложеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 3-е. Спб. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Библейская поэзія. Спб. 1912 г. Цѣна 50 к.

Обонятельное и осязательное отношеніе евреевъ къ крови. 1914 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ сосѣдствѣ Содома (истоки Израиля). 1914 г. Цѣна 30 к.

«Ангелъ Іеговы» у евреевъ (истоки Израиля). 1914 г. Цѣна 30 к.

Европа и Евреи. 1914 г. Цѣна 40 к.

Литературные очерки. Цѣна 1 р. (распродано).

Сумерки просвѣщенія. Сборникъ статей по вопросамъ образованія. Изданіе П. П. Перцова. Ц. 1 р. (распродано).

Природа и исторія. Сборникъ статей. Изд. 2-е. П. П. Перцова. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. (распродано).

Религія и культура. Сборникъ статей. Изд. 2-е. П. П. Перцова. Спб. 1902 г. Цѣна 1 р. 20 к. (распродано).

О пониманіи. Опытъ изслѣдованія природы, границъ и внутренняго строенія науки какъ цѣльнаго знанія. Москва. 1886 г. Цѣна 5 р. (распродано).

Складъ изданій въ книжномъ магазинѣ Т-ва А. С. Суворина, «Новое Время» Невскій д. 40. Иногороднымъ, выписывающимъ наложеннымъ платежомъ, складъ высылаетъ книги В. В. Розанова съ первою почтою.

20070417720